

Патерик Печерский, или Отечник Е. Поселянин

Аудио

Киево-Печерский Патерик. Полное собрание житий святых в Киево-Печерской Лавре подвизавшихся. Составлен тремя Печерскими святыми: Нестором, летописцем Печерским, Симоном, епископом Владимирским и Суздальским, и Поликарпом, архимандритом Печерским. Издание 7-е (2008 г.), Киево-Печерской Лавры, на основе перевода со старославянского Е. Поселянина (1900 г.).

Разделы «От переводчика» и «Предисловие» добавлены из второго издания Патерика, в переводе Е. Поселянина, Москва, 1900 г.

Во славу Святой, Единосущной, Животворящей и Нераздельной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа, в похвалу святым угодникам Божиим, напечатана книга сия «Патерик Печерский».

Собор святых угодников Киево-Печерских.

От переводчика

«Радуйтесь и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесех» (Мф. 5:12)

От переводчика

(к первому изданию)

Первоначальные подвижники Киево-Печерской лавры будут всегда дороги всему русскому народу.

Православная вера, посеянная на благодарной русской почве, возшла на ней сразу богатыми всходами, и среди этих всходов лучшими были преп. Антоний и Феодосий Киево-Печерские, с целою дружиной взрослых в их монастыре духовных богатырей. Эта духовная рать – первые пышные цветы в весне русского православия, первые великие свечи, зажженные пред всемирным ликом Спасовым от лица Русской земли.

Как преподобный позднейших тяжких времен, изнурительной государственной работы и подневолья преп.

Сергий Радонежский, так и эти, жившие во времена русского раздолья, Киево-Печерские преподобные останутся навсегда заветными драгоценностями в отечественной сокровищнице. По их жизни и делам будут поверять себя русские люди; они же, как мера той духовной высоты, до которой способен возвыситься русский человек, – стоят пред нами немерцающими руководящими светочами и идеалами.

При таком значении Киево-Печерских святых, понятно то глубокое почитание, какое издревле окружало места их подвигов, осенено дивными памятми, ознаменованное великими чудесами. Сказание о подвижниках Киево-Печерского монастыря всегда представляли излюбленное чтение для русских верующих людей. Эти повествования, составляющие так называемый «Киево-Печерский Патерик» (т. е. «Отечник»), кроме своего содержания, привлекали русских людей еще именами своих составителей – преп. Нестора Летописца, св. Симона, епископа Владимирского, преп. Поликарпа, архимандрита Печерского. Святость составителей возвышала силу повествований, придавая им несомненную правдивость и особое достоинство.

Настоящий перевод представляет собою попытку дать на русском языке читателю Патерик в его полном составе, без малейших пропусков.

В почтенном, широко и заслуженно известном труде г-жи Викторовой нет жития преп. Феодосия, составляющего непременно часть древних списков Патерика, также нет и некоторых других частей, включенных в Патерик впоследствии.

Настоящее издание не преследует никаких ученых целей. Переводчик старался лишь возможно близко к тексту перевести на русский язык славянское повествование, по последнему изданию Киево-Печерской лавры.

Цель перевода – дать общедоступное по цене и понятное духовное чтение, драгоценное по содержанию и по личности составителей.

Е. Поселянин.

Царское Село, 27 января 1897 г.

Предисловие

К православному читателю, опровергающее хуления на святых Печерских.

Действом Самого Святейшего всех Подателя жизни и помощью Пресвятой Матери Его отпечатали мы жития святых, преподобных и богоносных отцов наших Печерских на пользу жития твоего, православный читатель. *«Бог не есть Бог мертвых, но живых»* (Мф. 22:32), – говорит Писание.

Все на земле и в жизни человеческой полно борьбы и приводит к смерти – и потому отрадны для тебя будут жития людей, которых не одолела смерть, ибо жили они не земною жизнью, а небесною, так что могли они сказать с апостолом: *«наше житительство на небесах»* (Флп. 3:20).

Наша небесная жизнь – Сам Христос Бог. Когда Он явился на земле в пещере Вифлеемской, – то явился на небе, ибо Церковь называет небом ту пещеру; и жизнь преподобных отцов наших, протекая в киевских пещерах, поистине протекла на небесах, потому что небесное было им свойственно, так что каждый из преподобных мог сказать: *«для меня жизнь Христос»* (Флп. 1:21), – и еще: – *«уже не я живу, но живет во мне Христос»* (Гал. 2:20). Преподобные отцы наши просияли в песках пещерных своею небесною жизнью, как прекрасные звезды. И здесь в самом деле соединились песок и звезды, которые некогда Бог сочетал Своим словом, говоря: *«умножу семя твое, яко звезды небесныя и как песок на берегу моря»* (Быт. 22:17). И на самом деле исполнилось здесь благословение, обещанное Аврааму.

Но так как есть некоторые иноверные, которые покушаются своею хулою помрачить наши добродетельные звезды, не признавая за ними ни святости, ни православия, то здесь должно представить наш православный ответ на богопротивные их возражения.

Прежде всего утверждают, что нетление тел, лежащих в пещерах (сообразное нетленным небесным телам), – не служит достаточным свидетельством святости наших преподобн. отцов.

Могли (говорят они) эти тела не сгнить доселе и естественным образом, без всякого чуда: вследствие двух причин – или из-за условий места, которое по свойствам своим сохраняет тела нетленными, каковы киевские пещеры, подобные египетским пещерам, в которых тоже находятся, по свидетельству истории, нетленные тела, – или вследствие помазания ароматами, сохраняющего от гниения.

На это ответим так: естественным образом тела не гниют, когда их внутренняя мокрота содержит в себе внутреннюю теплоту, и внутренний жар не допускает жидкости разложиться и разлиться от внешней воздушной теплоты. Но когда жидкости лишатся внутренней теплоты, то, не имея этого внутреннего ограждения, вскоре разрушаются, разливаются под действием внешней теплоты, и таким путем всегда происходит гниение. Гниение, по учению знающих людей, есть не что иное, как прекращение внутренней теплоты в жидкостях, и порча этих жидкостей от внешнего тепла. Опросим противников наших: как они думают, – есть ли в телах, лежащих в пещерах, естественная, свойственная телу внутренняя теплота, которая ограждала бы влажность их внутренним жаром, чтобы жидкости не портились и не разливались от внешнего тепла, или в них нет этой теплоты? Если имеют ее, то они живы, а не мертвы, ибо на внутренней влажности и тепле основана телесная жизнь; если же – как оно и есть – не имеют, то по общему порядку вещей вскоре по смерти их влажность, не имея внутренней сдерживающей силы, должна бы была разложиться от внешнего тепла и разлиться, образовать червей, и, наконец, высохнув, – оставить прах и землю, по изречению Божию, сказанному согрешившему человеку: *«прах ты, и в прах возвратишься»* (Быт. 3:10). Но так как этого гниения не было, то ясно, что сверхъестественным образом от этого наречения, данного для грешников, изъяты тела, лежащие в пещерах, как тела воистину святых, а не грешных; и потому не обратились в землю и не сгнили, что влажность их вместо естественного внутреннего тепла сверхъестественным действием Божиим и теплотою живущего в них Святого Духа сохранена от

тления и разлития и доселе чудотворно удержана и утаена на своем месте.

Кроме того, если бы пещеры киевские, по составу своему были местом, сохраняющим тела в нетлении, то они не имели бы действия противоположного своим свойствам, т. е. не производили бы гниения, потому что постоянно противоположным действиям не может быть одна причина, но должны быть причины противоположные. Но пещеры киевские заключают в себе не только нетленные и негниющие тела святых, но и много костей от сгнивших тел людей грешных, там же некогда погребенных, – как всякий может видеть. Такое различие в судьбе тел явно происходит от жизни этих лиц, так как от места должно было быть сходство.

Не идет сюда и сравнение с египетскими пещерами, потому что и они вовсе по особым свойствам своим не представляют мест: сохраняющих тела в нетлении. Правильно говорит Аристотель, «если бы человек был выше круга лунного и умер там, то если не от внешнего тепла, которого там нет, то уже по самому естеству своему он должен бы сгнить».

Что же говорят о помазании ароматами, – то такие тела должны издавать из себя благоухание ароматов; когда же перестанет благоухание, тогда перестанет действовать и сила ароматов. Но от тел, лежащих нетленно в пещерах, не слышно никакого запаха земных ароматов, кроме их особого благоухания, данного им от Бога; нет на них и никаких вмазанных в них ароматов, но если бы и были прежде (чего поистине не было никогда), – то теперь, когда благоухание и действие их прекратились, не могли бы они доселе быть нетленными.

Итак, ясно, что тьма первых хулений богопротивных не победит добродетельного света наших мысленных звезд, но нетление тел, почивающих в пещерах, является достаточным свидетельством их святости, – потому что оно сверхъестественно и является ради места, должного им на небе, где не тлеют тела, также и ради помазания благодати Христа, имя Которого есть *«миро изливанное, издающее благоухание жизни для жизни»* (Песн. 1:2).

Второе хуление, старающееся помрачить в преподобных отцах наших свет православия, – противники наносят таким образом: «Те, – говорят они, – которых в Печерской лавре почитают за святых, – если воистину святые, то сохранили веру и послушание к римскому архиепископу, и потому суть святые римские, а не нынешней российской Церкви, не имеющей послушания к Риму».

На это ответим так: Господь наш, изливший крещение кровью Своею из пяти ран, – пять раз благоволил приводить Русь святым крещением к вере в Себя и, как Восток, посетивший нас свыше, крестил ее всегда от Востока, и дал в послушание Церкви греческой, а не римской.

Прежде всего обратимся к первородному крещению Руси. Русь приняла его еще во времена апостольские, от первого архиепископа константинопольского – или еще византийского – а не римского, именно от св. Первозванного апостола Андрея, который был апостолом Европы, и прибыл по Днепру от востока, из греческого города Корсуня, водрузил на горах киевских крест, крестил там некоторых, а потом пошел крестить к Великому Новгороду. К этому первородному российскому крещению летописец наш преп. Нестор причисляет и дело святого Павла, потому что и он был в Мизии и Илирике с учением. Затем славянская земля одного с Русью языка – Болгары, Босняки, Морава, куда потом тоже св. Павел послал вместо себя св. Андроника, одного из семидесяти апостолов, который был апостол славян в Паннонии. Но и сам святой Павел хотя пострадал в Риме, но был апостолом всех народов, а не римский; и в особенности был апостолом Востока и славян в то время, когда учил славян. Итак, уже первая, посеянная на Руси, вера не была в послушании у римского архиепископа.

Второй раз крестилась наша Русская земля в 863 году при Михаиле, царе греческом и патриархе константинопольском Фотии, которые, по просьбе славянских князей Святополка, Ростислава и Кацела, послали славянам и Россам учителей веры, Мефодия и Кирилла, сыновей мужа Льва, из Солуни. Они первые составили славянские письмена и перевели на славянский язык греческие святые книги. Но так как при

патриархе Фотии было уже отделение Церкви римской от греческой вследствие того, что римляне прибавили к Символу веры слово «и от Сына», – поэтому и в то время вера, посеянная на Руси Фотием, не была в послушании Риму.

В третий раз крестилась Русь в 886 году при Василии Македоняnine, царе греческом, и том же патриархе Фотии, которыми послан был для крещения Россов при князе Олеге митрополит Михаил, тот, который для уверения их бросил свое евангелие в огонь, и Россы, видя, что оно не сгорело, крестились. Но и в это третье крещение, так как оно было совершено при Фотии, русская Церковь не была в послушании Риму.

Четвертый раз крестилась Россия в 955 году при святой Ольге, княгине российской, жене Игоря, бабке Владимира, которая ходила за верою в Константинополь, где крестил ее патриарх Полиевкт, а сам греческий царь Константин VIII был преемником ее при крещении; она же, возвратившись, крестила многих на Руси. Но так как римская Церковь отделилась уже от греков, – то и тогда русская вера не была в послушании Риму. Все эти четырехкратные крещения на Руси не оставили глубоких следов вследствие часто происходивших войн, о чем и свидетельствует древний римский учитель Тертуллиан: «давно была насаждена в стране сарматов вера Христова, но помрачена войнами». Кроме того, в этом была вина нечестивых владевших ею князей; так и Ольга не могла обратить к вере сына своего Святослава.

В пятый же раз совершенно и окончательно просвещена была Русь святым крещением от того же Константинополя, при святом равноапостольном князе Владимире, самодержце всей Руси, во время царей греческих Василия и Константина, при патриархе константинопольском Николае Хрисоверхе, в год от Рождества Христова 988, как свидетельствует наш российский летописец, св. Нестор. Но Бароний пишет, что в это время, в 980 г., иноки «в Италии, в Кассинском монастыре святого Венедикта просили святого Нила, чтобы в их латинской церкви служили литургию по-гречески, – так как тогда существовало

уже разделение между греками и латинянами, – чтобы вспомнить прежнюю любовь и единение церковное».

Если же обратимся к словам и самих римских летописцев об этом окончательно преподанном нам крещении, то первый из них, вышеупомянутый Бароний, свидетельствует, что то было в год от Рождества Христова 1008. Но если это было так, в то время патриархом константинопольским, преподавшим через митрополита (того же имени) Михаила, который первый занимал в Киеве митрополичий престол, – должен был быть (по словам же Барония) родственник Фотия, Сергей, «который, взойдя на престол тот в 999 году и пробыв на нем двадцать лет в том же разделении с Римом, как и сродник его Фотий, был ярким противником соединения и написал против латинян осуждающее их послание». Отсюда ясно, что и то последнее крещение Россов, было от Востока, после разделения римлян от греков, и что и тогда русская Церковь не была в послушании Риму. Это, кроме того, можно видеть из следующего свидетельства самих римских летописцев. Прежде крещения ко Владимиру приходили как и от других народов, так и от папы, из Рима, посланные, предлагая ему исповедание своей веры и советуя принять ее, но он не пожелал, «потому что нашел чин латинский мало богоугодным и церкви их не вполне благолепными». Когда же из Царьграда пришел посланный философ со свитком, на котором изображен страшный суд, тогда, услышав от него объяснение греческой веры и умилясь, Владимир пожелал принять ее (об этом, кроме других, пишет и Стриковий). И опять сам Владимир посылал как к другим народам, так и к римлянам и грекам узнать о вере, и тогда послам также римская вера показалась мало умилительною, греческую же они полюбили и говорили, что греческая литургия, которую они выслушали, имеет такую сладость, что они находились в изумлении и думали, что предстоят скорее небесной, чем земной святыне (как, кроме других, свидетельствует Длугош). Какое же здесь было единение Церкви греческой и римской?

Теперь обратимся к препод. отцам нашим Печерским, о которых известно, что они подвизались уже после этого

последнего крещения и потому соблюдали ту веру, которая не только во время их, но еще и прежде Владимира, во всех крещениях Руси, не содержала послушания к римскому архиепископу, а только к восточному константинопольскому.

Пусть не произносят хулы, говоря так: если бы Печерские святые и не были в единении с римскою Церковью, существовавшем некогда прежде разделения от Церкви греческой, то они были в единении, устроенном уже после разделения, и таким образом сохранили веру с послушанием римскому архиепископу. На это ответ ясен. Это соединение, противное древнему Символу веры и несогласное с исповеданием святейших восточных патриархов, устроено, во-первых, в Италии на соборе Флорентийском, где изменил вере митр. киевский Исидор Болгарин, во-вторых, позже у нас на соборе Брестском, где согрешил митрополит киевский Михаил Рагоза. Но Печерские святые подвизались много время раньше этих обоих, далеких от истины, соединений. Ибо преп. Антоний начал основывать лавру свою еще в 1013 г. от Рождества Христова, собор же Флорентийский был в 1439 году, а Брестский – в 1596 г. Но и на тех соборах очень мало из истинных Россов прельстились и изменили вере. Святая же чудотворная Печерская лавра Приснодевы Богородицы и сама пребывает в восточном православии присно непорочною девою.

Кроме того, среди самих Печерских святых есть преп. Нифонт, достоверный свидетель того, что они были в послушании к святейшему патриарху константинопольскому, а не к папе римскому, ибо преп. епископ Нифонт за то главным образом получил спасение, – о чем прежде своей смерти получил извещение от преп. Феодосия, – что не согласился, чтобы митр. киевский Клим был посвящен главою св. Климента, папы римского, без благословения природного пастыря Руси, святейшего патриарха константинопольского, как свидетельствует его житие.

Но между противниками нашими находятся люди, утверждающие свой спор на следующем разсуждении: будто бы Печерские святые научились церковному и келейному уставу от индийских иноков, пришедших на Русь, но те иноки были в

единомыслии и послушании римской церкви, так как были из числа тех, которые противились виновнику разделения – Фотию, патриарху константинопольскому, держась святого Игнатия, патриарха того же престола, и помня хорошо то, что было сказано на похвалу римской Церкви св. Феодором Студитом и Стефаном юным. Из этих иноков одни, из-за нестроения у греков, пришли в Рим, в монастырь святого Вонифатия, – по свидетельству Барония, в 990 году, другие же – в Киев и были наставниками Печерских святых, и потому Печерские святые, как бывшие одинакового исповедания со своими учителями, были тоже в единении и послушания римской Церкви. На это ответим: правда, что Печерские святые научились уставу от иноков студийских, правда и то, что Феодор Студит и Стефан хвалили римскую Церковь, но Церковь, певшую еще Символ веры без приложения *«и от Сына»*. Но вовсе неправда то, чтобы студийские иноки были когда в единении и послушании римской Церкви, уже внесшей это приложение, и чтоб они когда-нибудь противились в вере блаж. Фотию, обличившему это приложение, как и сам святой Игнатий хотя гневом царским и был низведен с того престола, который занял Фотий, но нисколько не противился ему в этой истине: ибо святые восточные отцы хорошо помнили и теперь помнят, что страшно такое приложение, по изречению святого Павла: *«если кто благовестит вам не то, что вы приняли, да будет анафема»* (Гал. 1:9), также и св. Иоанн написал в своем Апокалипсисе: *«кто приложит к этим словам, на того наложит Бог язвы»* (Откр. 22:18). А относительно научения или передачи в Печерский монастырь студийского устава из рассказов этого Патерика должно знать следующее: что тогда из Печерского монастыря в Студийский пришло не много иноков, и не самовольно, против желания старшего настоятеля, и не передали туда свой устав, а пришел один только искусный в вере и добродетелях честный иннок студийский Михаил, получив благословение от святейшего патриарха константинопольского, Иоанна Ксифилина, равного в православии Фотию, пришел с православным митрополитом киевским Георгием и лишь одному преп. Феодосию, игумену

Печерскому, рассказал он о своем уставе, а не передал его; и когда преп. Феодосий пожелал, тогда по совету всей братии и по благословению святого первоначального старца Антония, он сам послал в святой Студийский монастырь, где один из Печерских святых отцов, преп. Ефрем евнух, достоверно списал и принес в Печерский монастырь чин иноческий, ни в чем не противный святой восточной православной Церкви, свободный от влияния римской, прибавившей слова «и от Сына», и засвидетельствованный самим святейшим константинопольским патриаршим престолом. Преп. же Феодосий все правила того устава приказал прочесть пред всею братиею, и когда все удостоверились, что они православны и душеполезны, передал их для соблюдения. Что же касается упоминания о греках, будто бы враждебных Фотию и пришедших в Рим в монастырь св. Вонифатия, о них Бароний не говорит, из какого они были восточного монастыря или места и ради какого нестроения, происшедшего из-за веры или в гражданской жизни, вышли из своей земли; вспоминает же он, что это было в 990 г. от Рождества Христова, много раньше основания Печерского монастыря, в котором возможно ли было кому из противников Фотия искать убежища, так как вера насаждена была там Фотием.

Но внимательный читатель в хулениях, еще недавно изданных латинами против православия, найдет, что противники наши не постыдились взводить на преп. отцов наших Печерских послушание римской церкви через то, что, по их словам, св. Антоний почивает в Риме, куда будто бы он пришел незадолго до смерти своей и там преставился. Утверждают это они на том основании, что св. Нестор не написал в летописании своем года, месяца и дня его преставления. И если бы, говорят они, его тело было положено в пещере, кто-нибудь видел бы его и его перенесли бы, как тело Феодосиево. Нельзя (так утверждают в хулах своих наши противники) говорить, что тело этого преподобного неприступно по некоторому свету, исходящему из его гроба, потому что святая великомученица Варвара, как святая, больше его, а тело ее видимо всем в

Киеве. Хотя это поругание есть только голое мнение, не подтвержденное свидетельством, но, чтоб они не ликовали этим поруганием, возразим на их утверждение. Если бы тело преп. отца нашего Антония потому не находилось у нас в пещере, что св. Нестор не написал о том в своем летописании, то и тела св. верховных апостолов Петра и Павла не были бы в Риме, так как о том не написано в Деяниях апостольских. Но что не написано в одной книге, то обыкновенно пополняется другою, и св. Нестор, кроме летописи, означил подробнее в другой особой книге – «Житие преподобного отца нашего Антония», и книга эта, содержащая его подробное житие, упоминается часто в заглавиях древне-писанных Печерских Патериков, но утрачена нами во время войн. Но известный писатель св. Симон, епископ Владимирский и Суздальский, прочел ее и указал нам и на год и на месяц и день преставления этого преп. первоначальника и на погребение его у нас в пещере, а не в Риме.

Различными дарованиями почтил Бог святых Своих. Он дал нам видеть здесь и прославлять нетление тела св. великомученицы Варвары и прочих святых. А всю славу других отлагает на небо, по молитве о том самих многих святых. Так Он заповедал Своему ангелу скрыть тело великого законодателя израильского Моисея, так что не могли видеть его не только евреи, легко впадавшие в идолопоклонство, но и теперь христиане. Также повелел Он ангелам похоронить на Синайской горе тело св. великомученицы Екатерины, и безчисленны святые, мощей которых мы не видим. К ним Вседаровитый Бог причисляет и тело преп. отца нашего Антония, возлюбившего всегда тайно пребывать в земле. Но что это тело находится у нас в пещере, тому, кроме записи Симона, доказательством служит то, что при гробе его бывают различные чудотворения, особенно же изгнания бесов, и известно, что те, которые из любознательности хотели раскопать гроб его, были наказаны не только ярким светом, но и палящим огнем и смертью. И ложно утверждают, что тело его находится в Риме, что не подтверждается ни записями, ни чудесами. И потому напрасно взводится на все мысленное тело

преп. Антония, то есть на всех прочих Печерских святых послушание в вере Риму.

Потом от первоначальника жития пещерного противники нации переходят к начальнику устава монастырского и к прочим нашим Печерским святым, измышляя на православие их следующую хулу.

«Св. Феодосий Печерский, – говорят они, – в самой смерти своей показал, что гнушается исповедания греков, разномыслящих с Римом и учащих, что никто прежде дня суда не наслаждается небесных радостей, ибо, умирая, в разрез с их учением, он воскликнул: „Отхожу ко Владыке моему Иисусу Христу!“ Также Дамиан Целебник, Пимен Многоболезненный, Никола Святоша и прочие Печерские святые сами открыли о своем отшествии к Богу. Написано также о св. Феодоре и Василии, что они приняли мученический венец, об Евстратии же, что душа его видимо была взята на небо огненною колесницею; а дух таких откровений и писаний есть дух римской Церкви, а не греческой, разномыслящей с Римом».

Ответим им, что истинное учение Церкви греческой и нашей русской, православной, непринимающей Символа веры, измененного римлянами, есть следующее: никто прежде дня суда не наслаждается вполне небесными радостями, но только частью их, хотя и большою: «ибо насыщусь я вполне не только душою, но даже и телом, когда явится слава Того, Кто придет во славе Своей воздать вполне каждому по делам его». Так верует наша Церковь, толкуя слова псалма, и этому не противоречат свидетельства, почерпнутые из жизни этих святых. Воистину говорим и теперь, что души преп. отцов наших Печерских, как и души всех прочих святых, взошли на небо не для принятия сразу полной награды, взошли же для того, чтоб получить награду только отчасти. Впоследствии же, соединясь с телом своим, они получают награду полную. В учении этом наша Православная церковь следует не Риму, но св. Писанию, так как Сирах говорит: *«легко для Господа в день смерти воздать человеку по делам его»* (Сир. 11:26). Еще яснее дополняет это Екклезиаст, говоря: *«возвратится прах в землю, чем он был, а дух возвратится к Богу, Который дал его»* (Еккл. 12:7).

Но и сам Господь это известнее всего сказал о Лазаре нищем: *«Умер нищий, и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово»* (Лук. 16:22), также и разбойнику на кресте: *«Ныне будешь со мною в раю»* (Лук. 23:43), то есть в небе, как толкует св. Феофилакт. Потом и апостол говорит тоже: *«Знаем, что когда земный наш дом разрушится, мы имеем от Бога жилище на небесах, дом нерукотворенный, вечный»* (2Кор. 1:5); и еще сам о себе: *«Желание имею разрешиться и быть со Христом»* (Флп. 1:23). Все это наша православная Церковь пояснила ярче солнца в тропарях и кондаках, стихирах и канонах, свидетельствуя в песнях, что святые предстоят Богу, и просят их молитв. Но есть у нас свидетельство и тому, что угодники Божии не получили еще от Него совершенной награды. Сам Господь показал в притче, что, по возвращении Своем или по Втором пришествии на суд, Он воздаст рабам Своим, добросовестно употребившим данные им пять талантов, то есть пять телесных чувств. Также и св. Павел говорит о себе: *«Готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия»*. Не иначе можно понимать и то, что написал св. Иоанн в Откровении: *«Я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыко святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтоб они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число»* (Откр. 6:9–11). Напоследок же мы скажем, что особенно относится и к нашим святым, подвизавшимся в пещерах, это апостольское слово: *«скитаясь по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли – не получили обещанного, (то есть окончательно), чтоб не без нас достигли совершенства»* (Евр. 11:40).

Итак, уже пора исчезнуть и этой тьме богомерзкого хуления на православие святых и преподобных отцов наших Печерских, которая покушается помрачить мраком Запада те восточные светила наши, те утренние, прославляющие Бога звезды. И опять мы обращаемся к тебе, православный читатель, со

словами псалма: «не ревнуй злодеям, не завидуй делающим беззаконие» (Пс. 36:1).

Ведь сам Господь узаконил, чтобы мы почитали своих преставившихся святых, то Сам устраивая так, что мощи их скрыты, как говорили мы о мощах Моисея пророка и Екатерины мученицы, и храня их нетленно, как говорит Давид: «хранит Господь все кости его, ни одна из них не сокрушится», – то вменяя их мощи за самые уста свои, подающие не только исцеления, но и дыхание жизни, как сделал Он чрез мощи Елисея пророка, воскресив ими мертвеца, так что псалмопевец возгласил о том: «честна пред Господом смерть преподобных Его». Как же ты не будешь вместе с прочими угодниками Божиими особенно почитать преподобных отцов наших Печерских, как поистине святых православных, равных тем, которые до принесения закона и после закона угодили Господу; не будешь поклоняться с несомненною верою и нелицемерною любовью честным мощам их, хранимым нетленно Самим Господом и имеющим через Него дар исцеления, – и, лобзая их, не похвалишься иногда пред Господом, с пророком: «мне же зело честны быша друзи твои, Боже!» Особенно же подражай их житиям, описанным в этой книге, чтобы не сказали и они о лобзателях своих: «приближаются к нам людие сии устами своими, и языком чтут нас, сердце же их далече отстоит от нас, но тщетно чтут нас». Если премудрый Соломон посылает людей поучиться к земле, изрытой муравьями, говоря: поди к муравью, ленивец, посмотри на дела его и будь мудрым (Притч. Солом. 6:6), тем больше должны мы посылать тебя, православный читатель, для подражания, к земле пещерной, ископанной преподобными отцами нашими, говоря в книге этой:

«Иди, православный, к пещерам, иди, переходя сердечным восхождением из силы в силу, и возревнуй, увидав пути угодивших там Господу преподобных отцов – как прошли они жестокие степени добродетели, в каких пребывали трудах, какие возлагали на себя подвиги. Иди к пещерам, православный, и исполнись рвением, видя пути тех, которые в ископанной земле не пищу гибнущую с муравьями, но пребывающее для вечной жизни исполнение воли Божией

собирали в летнее время этой жизни на зиму страшного суда, когда едва ли кто устоит пред лютым холодом его. Иди, православный, к пещерам и исполнись рвением, увидев пути таких первоначальников, ревнуя и следуя которым, никто не заблудился».

«Благодарение Богу за неисповедимый Его дар, что сподобил Он нас, недостойных жителей Русской земли, не лишиться той же благодати, которую Он, будучи во плоти, излил на землю, освященную стопами ног Его. Ибо, как мы там, во свете православной веры, увидели свет дел добрых, которым просияли святые первоначальники постнического жития, Антоний Великий Египетский и Феодосий, архимандрит иерусалимский, так же и здесь, в нашей Российской земле, вскоре по просвещении православною верою, тезоименитые первоначальники того же постнического по уставу жития, Антоний и Феодосий, просияли во тьме пещеры светом добрых дел своих, и свойственно им то, что написал в Откровении св. Иоанн: „это суть две маслины и два светильника, стоящая пред Богом земли“ (Откр. 11:4), потому что в доме Божией Матери они были плодовиты, как масличными ветвями, сынами своими, усыновленными им через Бога, и также горели и светили делами и учением. На похвалу их должно сказать нам еще: они суть два великие светила, просиявшие на небе пещерном и просветившие светом добрых дел своих безчисленное множество добродетельных звезд. Они, – приведшие нового Израиля к обетованной небесной земле, – два столпа, из которых один горел всегда рвением к Богу в ночи затворничества в пещере, другой же осенял смирением во дни устроения монастырского. Они – две скрижали Бога живого, которые изобразили закон Божий новому Израилю не изяществом писания, но красотою дел своих. Они – два херувима, покрывающие истинный кивот, храм Успения Пресвятой Богородицы, содержащий в себе не произведение из бездушного золота и дерева, но живую любовь к Богу и братии, и вразумившие многих жить по-ангельски. Они – два неусыпно хранящие ока Господни, и через них исполнились на русской нашей Церкви слова Господни: „вразумлю тебя,

наставлю тебя на путь, по которому тебе идти; буду руководить тебя, око мое над тобою“ (Пс. 31:8). Они – два крыла голубиные, посеребренные чистотою и незлобием, вознесшие многих туда, где почивает Святый Дух, являющийся в образе голубином. Они же – и два крыла орлиных, данные Невесте Христовой – Церкви, на которых многие возлетели ко зрению Солнца правды. Они же, наконец, – и два мысленные сосца той же матери нашей, Церкви Христовой, сладостью, добродетелью которых, как истинным словесным молоком, многие возросли ко спасению и, наставленные их светозарностью, вошли в Царствие Божие воистину как бы путем млечным, который в небе, по объяснению ученых, образуется через соединение множества звезд. Ревновавшие путям этой достохвальной двоицы, во-первых, игумены святой чудотворной лавры Печерской, Стефан и Никон, и подвизавшийся еще до существования лавры Варлаам научат тебя, православный читатель, через эту книгу (кроме других, не столь удобных для тебя подвигов) терпению в напастях, потом Ефрем научит ревности ко святым местам, Исаия – умножению веры, Дамиан и также Прохор, Марк и Пимен – посту, Иеремия наставит пребыванию в монастыре, Матфий – стоянию в церкви, Исaiй и Никита научат покаянию после искушения, Лаврентий – рвению к затворничеству, Алимпий – подвигу в рукоделиях, Агапит – служению больным, Григорий – обращению к покаянию, Моисей и Иоанн – страданиям за чистоту, Феофил – слезам, другой Пимен – терпению в болезни, Феодор и Василий – терпению в оклеветании, Спиридон и Никодим – псалмопению, Евстратий и Кукша – страданию за Христа, Никон Сухий – терпению в плену, Афанасий – послушанию, покаянию и вере к святому Печерскому монастырю, Святоша – пренебрежению славою, Эразм – украшению храмов, Арефа – благодарению за похищение имущества, Тит – любви, Нифонт – ревности о православии, наконец, Нестор, Симон и Поликарп научат тебя здесь, православный читатель, не только читать жития святых, преподобных и богоносных отцов наших Печерских, но также изображать их и на самом себе добрыми делами.

Усердно желаем, чтобы ты исполнил это и был вписан в книгу жизни вечной».

Желающие твоему благочестию благой временной и вечной жизни, твои богомольцы иноки святой великой чудотворной лавры Печерской Киевской.

Часть первая

В ней помещены жития святых преподобных и богоносных отцов наших Печерских, написанные преподобным отцом нашим Нестором, летописцем Русским, а также Сказание о святой чудотворной Великой церкви Печерской, написанное блаженным Симоном, епископом Владимирским и Суздальским, которому принадлежит и прочее, здесь помещенное. К сему приложены и похвальные слова преподобным и богоносным отцам нашим первоначальникам Печерским Антонию и Феодосию.

Житие преподобного и богоносного отца нашего Антония, первоначальника Русских иноков, начавших подвизаться в пещерах

23 (10 – ст.ст) июля

Посланный Промыслом Божиим, он принес на Русь благословение святой Афонской горы, и положил в ней начало совершенному иноческому житию и основал при дивных чудесах святую Печерскую Лавру.

Благословен Бог, сотворивший все премудростью, Который хочет спасения и просвещения разумом истины всем людям. Благословен Он за то, что не оставил Русской нашей земли и не попустил ей помрачиться тьмой неведения, вдали от путей спасения.

Подобно тому, как в начале мира, когда вся земля была покрыта тьмой, находившейся над бездной, и Дух Святой носился над водами – прежде всего сотворил Бог свет для новосозданной земли, потом повелел Он солнцу воссиять над землей и дал солнцу во власть день, а луне и звездам назначил освещать ночью так, когда пришел конец назначенным годам, а наша Русская земля была помрачена адской тьмой, неведением спасения, тогда Дух Святой, носясь над крещением,

преподанным нам через благоверного князя Владимира, просветил нас впервые светом веры. Потом открыл нам Солнце мысленное, светящее добрыми делами, чтоб сияло оно нам в дни спасения, давало свой свет также и мысленным луне и звездам, осеняющим помощью своей наш путь во тьме нерадения.

И избрал Он на то преподобного и богоносного отца нашего Антония, который вскоре по крещении русских, как второй Моисей после перехода израильтян через море, повинувшись призыванию Божию, взшел на святую гору не Синайскую, дымящуюся огнем гнева Божия, но Афонскую, сияющую благодатью Богородицы, где принял благодатный закон, переданный с ангельской помощью святому иноческому чину. И, когда он пришел с Афона, посланный Богом на Русь, передать ей совершенный закон – явился он во всем подражателем израильского законодателя. Как тот, придя с заповедями к Израилю, явил на себе солнечные лучи и потому возложил на лицо свое покрывало, так и этот преподобный, наш русский законодатель, просветился добрыми делами, подобно светозарному солнцу, как и называет его Церковь, почему и поселился он в пещере, как бы возлагая на лицо свое покров. Но, как облако, покрывшее солнце, не может утаить его лучей и затмить дня, так и пещера не могла утаить принесенного преподобным отцом нашим Антонием закона, о котором говорит он, вместе с пророком, как о путеводном луче своем: «Закон твой светильник ногам моим и свет стезям моим!»

Подобно солнцу просветил преподобный законодатель нашу Русскую землю совершенным иноческим законом, сияющим в пещере добрыми делами, как светом, светящим и во тьме, и устроил ей благоприятный день спасения, в котором стали ходить те сыны Руси, принявшие благочинный иноческий образ, вопия с апостолом: «Се ныне время благоприятно, се ныне день спасения!» И, как весь круг земной, закрыв лицо солнцу, не может препятствовать ему бросать свет на властвующие в ночи светила – луну и звезды, так и преподобный отец наш Антоний, покрытый пещерной

землей, как мысленное солнце, – невозбранно озарил на Руси своим светом мысленным светила, помогающие нам в ночи нашего нерадения о спасении.

Из них сияющего ярче всех – преподобного Феодосия Печерского называет Церковь Русской звездой, не простой, но такой, что она является вождем прочим звездам, то есть луной. (Подобно тому, семь первых светил небесных, имеющие собственное движение и называемые планетами, – в числе их не только луна, но и солнце, – называются у учителей церковных семью звездами, содержимыми в деснице Господней.) Прочие же бесчисленные Печерские святые, которые в законе, принесенном от преподобного Антония, последовали уставу преподобного Феодосия, просияли, как чистые звезды, умноженные на тверди небесной. И вот почему неложно святая чудотворная Печерская Лавра явилась небесам подобной.

Итак, вместе с преподобным Нестором, летописцем русским, просиявшим в то же время, начнем сказывать повесть о первом великом светильнике сего Русского неба.

В княжении благоверного великого князя Владимира Святославича, самодержца Русской земли, благоволил Бог явить светильника Церкви Своей и наставника иночествующим, приснопамятного мужа, преподобного и богоносного отца нашего Антония.

Он родился в городе Любече, с детства имел в душе страх Божий и желал облечься в иноческий образ. Человеколюбивый Господь положил ему на сердце идти в страну Греческую и там постричься. И он отправился в путь, странствуя ради странствовавшего и потрудившегося для нашего спасения Господа, достиг Царьграда, а за ним и Афонской горы. Там обошел он святые монастыри и видел быт святых отцов, выше человеческого естества, во плоти подражающих ангельскому житию. И еще более воспламенившись любовью ко Христу, желая поревновать житию тех отцов, пришел он в один из находящихся там монастырей и молил игумена возложить на него образ иноческого чина. Игумен, провидя будущие его добродетели, исполнил просьбу, постриг его и научил

совершенному иноческому житию. Антоний же, угождая во всем Богу, подвизался и в прочих добродетелях, преуспевая в покорности и послушании, так что все радовались за него.

Когда уже не мало времени провел он на Святой горе, будучи праведен во всех делах своих, так что многие от него духовно пользовались, было извещение от Бога игумену, отпустить преподобного на Русь. Игумен пригласил его и сказал: «Антоний, иди назад на Русь, чтоб и там быть на пользу и утверждение других, и да будет на тебе благословение Святой горы». Преподобный Антоний, приняв благословение, как бы из Божьих уст, отправился на Русь и пришел в Киев. Войдя в город, он думал, где бы ему жить, и ходил по монастырям (которые начинали тогда строиться иноками из греков, пришедшими для крещения Руси с митрополитом Михаилом, но не имели совершенного чина и устава общежительного). И не захотел он жить ни в одном из этих монастырей, так как неугодно было то и Богу. И начал он ходить по дебрям и горам и окрестностям, и пришел в Берестово, открыл пещеру, которую некогда ископали варяги, сотворил молитву, поселился там и пребывал в великом воздержании.

Когда преставился благоверный князь Владимир, власть перешла к безбожному и окаянному Святополку, он сел княжить в Киеве и, начав убивать братию свою, умертвил святых мучеников Бориса и Глеба. Видя такое кровопролитие, преподобный Антоний снова ушел на Святую гору.

Святополк победил и сел княжить в Киеве благоверный князь Ярослав. Он любил село Берестово и Берестовскую церковь во имя святых апостолов, и собирал около себя пресвитеров. Был там пресвитер именем Иларион, муж благочестивый, разумевший Божественное писание, и постник. (Он через много лет собором русских епископов и по желанию князя Ярослава, изволением Божиим, поставлен был во святой Софийской церкви митрополитом, но прежде того был пострижен в иноческий чин преподобным Антонием). Этот пресвитер ходил от Берестова к Днепру, на холм, где теперь место первоначального Печерского монастыря; тогда был там густой лес. Иларион ископал себе малую пещеру, сажени в

две, и в ней совершал псалмопение с поклонами, молясь тайно Богу, а преподобный Антоний находился в то время на Святой горе, в монастыре, где постригся. И было снова игумену извещение от Бога: «Пошли снова Антония на Русь: он Мне нужен там». Игумен, позвав к себе преподобного, сказал ему: «Антоний, есть Божья воля, чтоб ты шел опять на Русь, и да будет над тобой благословение от Святой горы» и предрек игумен, что много от него произойдет черноризцев и, благословив его, отпустил его со словами: «Иди с миром».

Преподобный Антоний, приняв благословение, прибыл снова в Киев и взошел на холм, где Иларион ископал малую двухсаженную пещеру, и, возлюбив то место, так помолился со слезами: «Господи, да будет на месте этом благословение святой Афонской горы и молитва моего старца, который меня постриг, и утверди, Господи, жительство мое здесь».

Преп. Антоній молится на мѣстѣ будущей лавры.

После этой молитвы поселился Антоний там и начал жить, постоянно молясь Богу, ел он сухой хлеб и пил воду в меру – и то через день, а иногда через два; иногда же не вкушал целую неделю, пребывал в бодрствовании день и ночь и копал своими руками бóльшую против прежней пещеру.

О нем стали узнавать люди, и некоторые приходили, принося ему нужные припасы и прося благословения от него;

другие же желали и жить с ним; в числе их был и блаженный Никон.

Тогда же пришел к преподобному Антонию в пещеру и преподобный Феодосий, двадцати трех лет возрастом; и преподобный Антоний приказал постричь его блаженному Никону, так как тот был иерей и искусный инок.

По долгом княжении преставился благоверный князь Ярослав, и власть принял старший его сын Изяслав и сел княжить в Киеве. А преподобный Антоний был уже тогда известен по Русской земле великими добродетелями своими, как в древности в Египте великий Антоний. Слышав о житии его, христоролюбивый князь Изяслав пришел к нему с дружиной своей, прося у него благословения и молитвы, – и с тех пор все уже узнали о преподобном Антонии и стали почитать его, и некоторые христоробцы стали приходить к нему для пострижения, и он принимал их и постригал.

В то время пришел к преподобному Антонию блаженный Варлаам, сын знатного боярина Иоанна, потом Ефрем, слуга княжеский, которых, по их желанию, преподобный велел постричь Никону. Много смущения потерпел преподобный Антоний с братией за пострижение этих двух иноков. Знатный боярин Иоанн, с множеством слуг, в ярости пришел в пещеру и, разогнав Богоизбранное стадо преподобного Антония, вывел сына своего, блаженного Варлаама, из пещеры, снял с него святые монашеские одежды, облек в светлое боярское платье и насильно повлек его в свои палаты. Но, кроме того, еще и сам князь Изяслав, узнав о пострижении и сына боярина, и своего любимого слуги, разгневался на братию Христову, собранную преподобным Антонием, и, приказав привести к себе постригавшего их блаженного Никона, излил на него гнев свой за пострижение их, требуя, чтоб Никон уговорил их опять жить в миру, и угрожал послать его наставника Антония со всеми пещерными иноками в заточение и раскопать их пещеру.

Преподобный же отец Антоний, понуждаемый таким гневом, внушенным князем тьмы, ушел тогда из пещер с оставшейся братией в другие места.

Но, узнав о том, жена князя усиленно просила супруга не изгонять из своей области рабов Божиих, чтоб не навлечь такого же гнева Божия, какой был в ее отечестве, земле польской, по изгнании черноризцев. (Княгиня эта была полька, дочь Болеслава Храброго, и она вспомнила о том гневе Божиим, который разразился, когда изгнаны были черноризцы, в виде мести за пострижение преподобного Моисея Угрина; тогда отец ее, Болеслав, изгнавший тех рабов Божиих, умер внезапной смертью, и, во время междоусобной брани, народ убил епископов и бояр.)

Едва умолила княгиня князя Изяслава, но, опомнясь и устрашась Бога, он послал к преподобному просьбу, чтоб возвратился старец на свое место. Лишь на третий день нашли его и упросили вернуться.

Так возвратился преподобный отец наш Антоний в пещеру и непрестанно молился Богу, да подаст ему силу терпеть доблестно все напасти, наносимые врагом, ненавистником добра, и да не предаст зверям духовным душ, исповедующихся ему, и да не забудет до конца убогих своих. И, по молитвам его, не только рассеянные овцы возвратились с миром к своему пастырю, но и множество других, ищущих спасения, приходило к нему в пещеру и умоляло, избавить их от тьмы пути скользкого и наставить к свету пути спасения. И он всех принимал с любовью, и, научив, как следовать Христу, приказывал постригать их блаженному Никону. И собралась к нему братия числом двенадцать. И выкопали они большую пещеру, где устроили церковь и кельи, ¹ существующие поныне в пещерах под первоначальным Печерским монастырем; там прожил преподобный Антоний 40 лет.

Когда братия была собрана, преподобный отец Антоний сказал: «Вот, братие, Господь избрал вас, и на вас благодать Святой горы, игумен которой постриг меня, а я – вас; да будет на вас благословение первое от Бога и Пресвятой Богородицы, второе же – от Святой горы». Затем он сказал им: «Живите сами, без меня; я поставлю вам игумена, а сам хочу жить один, как привык к тому прежде». И он поставил им игуменом блаженного Варлаама, а сам, избегая молвы и суеты житейской,

затворился в одной из келий той же пещеры. Потом переселился он оттуда на другой холм и начал копать другую пещеру, находящуюся под нынешним Печерским великим монастырем.

Игумен, же блаженный Варлаам, и братия, приняв от преподобного Антония благословение, остались жить в первой пещере. При умножении братии, так как уже нельзя было им во время соборного служения вместиться в пещерах, задумали они поставить малую церковь вне пещеры. Тогда пришел игумен с братией к преподобному Антонию в другую пещеру и сказали ему: «Отче, братия умножается, и не можем мы более вместиться во время соборной молитвы в пещере; итак, повелением Господним и Пресвятой Богородицы и святой твоей молитвой благослови поставить нам малую церковь вне пещеры». И благословил их на это дело преподобный; они, поклонясь ему в ноги, ушли и начали строить над пещерой малую церковь Успения Пресвятой Богородицы.

Когда эта малая церковь над пещерой была устроена и игуменом в пещерах был блаженный Варлаам, князь Изяслав, который был наречен в святом крещении Димитрием, воздвиг каменную церковь во имя того святого, устроил при ней монастырь и взял туда на игуменство блаженного Варлаама, ибо хотел возвысить свой монастырь выше Печерского, надеясь на силу богатства. Но много бывает монастырей, поставленных богатством через князей и бояр, но не таков удел их, как удел монастырей, поставленных молитвами и слезами, постом и бдением святых. Так и преподобный Антоний не имел ни злата, ни серебра, но, поливая слезами, взрастил несравненный монастырь.

Когда игумен Варлаам отошел в монастырь святого великомученика Димитрия из начального Печерского монастыря, братия, подвизавшаяся в пещерах, пришли к преподобному Антонию и сказали ему: «Отче, поставь нам игумена!» «Кого хотите вы?», – спросил он их. «Кого хочет Бог и Пресвятая Богородица и ты, честный отче!» И сказал им преподобный: «Кто из вас послушлив, кроток и смирен, тот да будет вам игуменом». Тогда просили у него во игумена преподобного

Феодосия как единомысленного ему и во всем опытного. И благословил его преподобный на игуменство. Вся же братия, коей числом было двадцать, поклонились преподобному Антонию до земли, радуясь о таком наставнике.

Когда же преподобный Феодосий принял игуменство над пещерами и в великом тщании, с постом и слезными молитвами исполнял свое дело, много тогда споспешествовало благословение и молитва начальника его, преподобного отца нашего Антония, безмолвствовавшего в уединении. Бог начал еще больше умножать число черноризцев, так что вскоре собралось их сто. И преподобный Феодосий игумен, видя великое умножение братии, порешил с ними поставить монастырь, и снова пошли они к преподобному Антонию и сказали ему: «Отче, умножается братия, и мы бы хотели поставить монастырь». Радостью исполнился преподобный Антоний и сказал: «Благословен Бог за все. Молитва Пресвятой Богородицы и угодников Святой горы да будет с вами и да поможет вам!» Он послал тогда одного из иноков к князю Изяславу с такими словами: «Христолюбивый князь, Бог умножает братию, место же наше тесно. Просим тебя – дай нам ту гору, что над пещерой!»

Услышав это, князь обрадовался и послал боярина своего отвести им находящуюся над пещерой гору. На ней преподобный игумен Феодосий и братия построили большую деревянную церковь и, построив, украсили ее иконами и поставили много келий и окружили монастырь, куда переселились из пещер, оградой, – и с тех пор монастырь этот, возникший по благословию Святой горы, начал зваться Печерским, потому что прежде черноризцы жили в пещерах.

Затем преподобный Феодосий пожелал укрепить монастырь свой, кроме видимой стены, еще мысленным ограждением, то есть уставом для иночествующих не в затворе, а в монастыре. И начал он искать монастырского правила (как пишется о том в житии его) – и помощью ему было благословение и молитва преподобного Антония. Ибо, по его благословию и молитве, и по Божию Промыслу, нашелся тогда честный Михаил, инок святого Студийского монастыря, с

митрополитом Георгием пришедший из Греции. Его много вопрошал преподобный игумен Феодосий об уставе отцов Студийских, как у них поют, и как ведется чтение, и как содержать поклоны, и стояние в церкви, и трапезу, и какая в какие дни пища. Подробно узнав все это от Михаила, а также от блаженного Ефрема, бывшего в святых местах, он собрал вместе и списанные там и принесенные изустно в Киев правила и передал своему монастырю, и от этого монастыря все русские монастыри получили устав. И оттого почтен монастырь Печерский первенством предо всеми и честью выше всех.

Так помогли Феодосию, игумену Печерскому, благословение и молитва преподобного отца нашего Антония. В это время жизни преподобного Феодосия и управления его по уставу добродетельным житием иноков пришел к нему принимавшему всех приходящих, преподобный отец Нестор, летописец русский, составитель и этого, и других житий; в то время преподобному Нестору было семнадцать лет, как он сам пишет о себе. Его с любовью принял преподобный Феодосий, по благословению и молитве преподобного Антония. Он первый засвидетельствовал, почему монастырь прозвался Печерским, и в летописи своей вкратце написал на пользу о первых подвигах первоначальника монастыря, преподобного отца Антония. Но о чудесах, хотя и не всех, например, о честной кончине преподобного, мы будем повествовать со слов блаженного епископа Симона и сотрудника его Поликарпа; свидетельство же подвигов и скорбей, которые претерпел преподобный Антоний, предоставим Нестору летописцу.

Преподобный отец наш Антоний, уединенный в другой пещере, видя умножение и благочиние своего избранного Богом стада, прославлял Бога в добродетелях внешних и духовных, и восходил от силы в силу. Поэтому Бог прославил его так, что он просиял в Русской земле различными чудесами, особенно же даром исцеления и пророчества. Преподобный отец Антоний явился чудесным врачом и русским пророком. Чудотворное же врачевание его происходило так: преподобный старец сам служил болящим и исцелял их своей

молитвой; но, покрывая смиренномудрием дар исцелений, заключающийся в его молитве, он то зелье, которым питался, благословлял и подавал как лекарство, и больные, приняв его, каким бы недугом одержимы ни были, становились здоровы. Подражателем такого чудотворного врачевания он оставил блаженного Агапита. О даре же прозорливости, кроме других случаев, свидетельствует следующий.

Однажды трое князей Ярославичей, Изяслав, князь Киевский, Святослав Черниговский и Всеволод Переяславский, отправляясь в поход против половцев, пришли за благословением к преподобному Антонию. Он же, провидя духом над ними гнев Божий, прослезился и сказал им: «Из-за ваших грехов вы будете побеждены и обращены в бегство неверными; многие из воинов ваших потонут в реке, другие будут взяты в плен, некоторые падут от меча». Это и сбылось на реке Альте, так что едва сами князья спасли свою жизнь и бежали, – Изяслав и Всеволод в Киев, а Святослав в Чернигов; половцы же рассеялись по всей Русской земле, грабили и уводили в плен жителей.

В то же время преподобный предсказал Шимону, сыну африканского князя, что он не только уцелеет в битве от смерти, уже лежа среди трупов, но и через много лет будет первый положен в каменной Печерской церкви, о чудесном создании которой преподобный тоже предсказал, – и все это воистину сбылось, и Шимон, возвратясь из похода, поведал преподобному: «Я лежал раненый среди многих убитых, но некая Божия сила вынесла меня из их среды и исцелила мои раны, и я нашел свое имущество и воинов невредимыми».

Потом рассказал Шимон, что подобие Печерской церкви, которая будет создана и в которой он будет положен, видел он в воздухе дважды: лежа на поле битвы у реки Альты и, находясь на море, когда изгнанный дядей своим Якуном, от варяжского княжения, бежал на Русь к князю Ярославу. Поведав все это, Шимон засвидетельствовал на деле благословение Божие, явленное ему в откровении о церкви, о которой пророчествовал преподобный Антоний. Он вынес золотой пояс и венец и дал преподобному Антонию со словами «Это снял я с образа

Иисуса, распятого на кресте, когда покидал мое отечество, этим поясом, как повелел мне глас Господень, пусть измерится основание церкви, в которой я буду положен; венец же пусть будет повешен над жертвенником». И потом, через много лет, явно оказалось, что предсказание преподобного отца Антония, которое и сбылось, – согласовалось с Божиим благословением, когда по созданию Печерской церкви первым положен в ней был Симон.

Но прежде вспомним, по летописцу, о немалой напасти, которую претерпел преподобный. Князь тьмы, диавол, ненавидящий света дел добрых, снова покусился через князя Изяслава удалить из стольного города Киева такого великого светильника, преподобного отца нашего Антония, светящего добродетелями и чудесами в темной пещере, как под спудом, и устроил такое смущение.

Когда половцы победили в упомянутой битве, киевские граждане понуждали своего князя Изяслава выйти с ними снова на этих врагов, рассеявшихся по всей земле Русской. Когда же Изяслав не согласился, они произвели возмущение, освободили из темницы находившегося в Киеве в плену полоцкого князя Всеслава и поставили его себе князем, а князь Изяслав бежал в Польшу. Семь месяцев сидел Всеслав в Киеве, когда пришел на него из Польши Изяслав, с королем Болеславом Смелым. Всеслав же, выйдя из города с другой стороны, тайно бежал к Полоцку. Тогда Изяслав вошел в Киев и, по научению диавола, начал жестоко гневаться на преподобного Антония: кто-то оклеветал его пред Изяславом, будто он любил Всеслава, и был его советником, а потому был виновником всей этой смуты.

А преподобный Антоний служил в то время в пещере болящему Исаакию затворнику, которого диавол прельстил, явившись ему в образе Христа, и оставил едва живым, изнулив его плясанием. Враг особенно завидовал этому служению святого и старался, чтоб Исаакий затворник не был быстро исцелен душевно и телесно попечением преподобного. И потому он всячески побуждал Изяслава изгнать гневом своим преподобного Антония из пределов Киевских. И на некоторое

время враг получил желаемое. Князь Черниговский Святослав, извещенный, что брат его Изяслав жестоко гневается на преподобного Антония, прислал за святым ночью и увез его в Чернигов. Там понравилось преподобному место близ города на горе Болдыни, и, ископав там пещеру, он жил в ней. Впоследствии на этом месте был создан монастырь.

Но недолго ликовал ненавистник добра. Ибо вскоре князь Изяслав, спокойно рассмотрев дела, познал незлобие святого, увидел козни искушителя и, жалея о соделанном, послал в удел Святослава, область Черниговскую, к преподобному Антонию, с просьбой возвратиться назад в Киев, к Богоизбранному его стаду. И преподобный Антоний, кроткий и смиренный сердцем, преклонился к мольбе и возвратился к своей братии, которая находилась в смятении и отвержении, как овцы не имеющие пастыря. Так не восхотел Бог, чтобы этот всесветлый светильник, русское светозарное солнце, преподобный отец наш Антоний, положил начало благочинному иноческому житию в ином городе, кроме богоспасаемого стольного города Киева, чтобы оттуда воссиял свет православной веры через благоверного князя Владимира на всю Русь, оттуда же воссияли и лучи совершенного постнического закона через преподобного отца нашего Антония.

И после этой напасти не изнемог преподобный отец наш Антоний, но, проходя степени больших подвигов, трудился в пещере, доколе не победил до конца некрепкую силу диавола. Изгоняя, по евангельскому речению, молитвой и постом нечистый род этот также и другими добродетельными трудами, бдением, стоянием, коленопреклонением бесчисленным, — никогда, кроме того, не оставлял он своей пещеры, хотя вся жизнь его в этом темном месте была непрестанная брань с миродержцем тьмы века сего.

И снова потекли от преподобного прежние его чудотворения, но с большей силой. Он начал заботиться о создании каменной Печерской церкви, о которой предсказал и о которой принял через Шимона свидетельство Божия благословения. И, по совещании с преподобным игуменом Феодосием, он молился прилежно небесному Зодчему, чтоб Он

Сам непорочными Своими руками благословил и помог создать Дом Непорочной Матери Своей, Владычице нашей Богородице; и говорил он, подражая Давиду: *«Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его»* (Пс. 126:1).

И вот, когда, не отлучаясь никуда из Печерского монастыря, святой подвизался в такой молитве, как некогда преславный чудотворец Николай Мирликийский, явился он с единомравным другом своим преподобным Феодосием, в Константинополе, предстоя Царице Небесной Пресвятой Богородице, и получив от Нее золото, вручил его художникам каменноточим, чтоб шли они на Русь, для построения Печерской церкви, по повелению Небесной Царицы.

И каменноточители пришли из Греции и поведали то великое чудо, а преподобный отец наш Антоний сотворил новые великие чудеса, свойственные древним пророкам Гедеону и Илии. Когда мастера стали спрашивать, на каком месте воздвигать по повелению Царицы Небесной церковь, преподобный отец наш Антоний молился три дня, чтобы Сам Троиединый Бог указал небесным знамением место, достойное для жилища Царицы Небесной. И, так как места не было достаточно, приехал, как бы по внушению Божию, князь Святослав к инокам, собравшимся для избрания места, и даровал на то свое поле.

В первую ночь молитвы преподобного Антония явился ему Царь Славы Иисус Христос и сказал: «Антоний, ты обрел предо Мною благодать». И, услышав то, преподобный Антоний испросил в ту ночь, чтоб по всей земле поутру была роса, а на месте церкви – в виде знамения – было сухо. В другую же ночь испросил повсюду сухость, а на месте церкви – росу. В третий же день благословил то место и повелел измерить его золотым поясом, данным Шимоном, – на тридцать поясов в длину и двадцать в ширину, как было повелено Симону свыше, и свел молитвой своей огонь с неба. Так что через сожжение стоявших на том месте деревьев и через углубление грунта достаточно приготовил то место, где ныне сияет святая чудотворная небесам подобная Печерская церковь, – о чем и написано в сказании о той святой церкви.

Благословив таким чудотворением и выбор места, и начало работ церковных во святой Печерской обители, преподобный Антоний стал приготовляться сам к отшествию в Церковь нерукотворенную, вечную, в небесных обителях, о которой святой Иоанн написал в Откровении: *«Господь Бог Вседержитель – храм его»* (Откр. 21:22). Так назначила Небесная Царица при явлении Своем во Влахерне, говоря мастерам: *«Сей Антоний только благословит вас на дело, ибо отходит в вечный покой, Феодосий же последует за ним на второй год»*. Но в каком приготовлении имел нужду для честной смерти в Господе преподобный отец наш Антоний, который, проводя добродетельную жизнь в пещере, как в вечном гробе, мог сказать с апостолом: *«Я каждый день умираю»* (1Кор. 15:31)? Также каждый день, неложными устами, он говорил с пророком: *«Уготовавшись и не смутился сохранить заповеди Твоя»* (Пс. 118:60).

Уже готовый в сердце своем к смерти и не смущаясь уже о делах своих, был только смущен он тем, чтоб не оставить в унынии Богоизбранное свое стадо, так что над преподобным исполнилось слово апостольское: *«Влечет меня то и другое: имею желание разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше; а оставаться во плоти нужнее для вас»* (Флп. 1:24).

Последнее поучение преп. Антонія братіи.

Но видя, что время разрешения и отделения души от тела уже пришло, он утешал чад своих, обещая им, что и по отшествии своем не оставит того святого места, на котором подвизался; но будет всегда надзирать за ним и посещать, заботясь о нем и помогая живущим в нем и притекающим к нему с верой. И вот какое благонадежное обещание, высшее всякого наследия, оставил он на святом месте своем. Он обещал молитвами своими ходатайствовать, чтоб, как он сам, умирая на этом месте, расстаётся с жизнью полный чувств покаяния, с несомненной верой о помиловании чтоб так же сподобились и все, упокоивающиеся тут, имеющие к нему любовь – отходить в покаянии и получить помилование.

Пробыв во второй пещере своей 16 лет, он окончил в ней свое временное житие и отошел к бесконечному, в десятый день месяца июля, в год от создания мира 6581, от Рождества Христова 1073, на 90-м году своего рождения, в княжение Святослава Ярославича князя Киевского и в царствование Романа Диогена царя Греческого. Честные мощи этого преподобного первоначальника были тогда же положены в той же пещере под великим монастырем, в которой он скончался. И подобно тому, как при жизни своей сам преподобный удалялся от глаз человеческих, молясь Богу в тайне и в уединении, так и мощам своим испросил то же дарование, чтоб были удалены от глаз человеческих. Ибо подобало нашему Русскому законодателю сподобиться равного дарования с Израильским. Некогда еще при жизни Моисея, когда он принес с горы Синайской закон Израилю, во свете великого сияния, народ не мог смотреть на него при жизни его; так не могли видеть и преподобного отца нашего Антония, еще живущего в пещере, во свете добрых дел его, когда принес он закон Русской земле с горы Афонской. Сокрыты от зрения мощи почившего Моисея, Израильского законодателя, – так же скрыты от зрения и мощи преподобного отца нашего Антония, Русского законодателя, и видеть их нам доселе чудесно возбраняет Бог, дивный во святых Своих: многие дерзнувшие раскопать место, на котором положено честное тело преподобного отца нашего Антония, были наказаны огненным попалением и болезнями

телесными, пока не покаяться в своем дерзновении. Но если мощи преподобного отца нашего Антония удалены от нашего зрения, то помощь его всегда с нами и близка ко всем призывающим его. Мощи его творят неиссякающие чудеса, помогая всем с верой притекающим к честному гробу преподобного. Особенно же отгоняют от людей тьму бесовскую, и во истину свет светится и во тьме темной гробницы преподобного, и этого света никогда не погасит тьма, но исчезает от блистания его.

Честные мощи преподобного отца нашего Антония избавляют и от различных недугов, поражающих не только тело, но и самую душу, как то испытал на себе святой Иоанн Многострадальный.

Три года борясь с бездной нечистоты, много пострадав, томимый поползновением ко греху, пришел он ко гробу преподобного Антония, молился пред ним день и ночь, и он услышал голос преподобного: «Иоанн, Иоанн, тебе надо затвориться здесь, в пещере, чтоб молчанием и невидением людей утихла брань, и Господь поможет тебе». Иоанн сделал так, и благодатью Божией и молитвами преподобного Антония был спасен, и не победили его нечистые телесные страсти, хотя и вооружались на него вместе с нечистыми духами почти в продолжение тридцати лет, как пишется в житии его.

Не оставил, по обещанию своему, преподобный Антоний своего святого места. И, заботясь о нем, он, по кончине своей, явился с преподобным Феодосием (как явился при жизни) в Константинополе, где уговорился с греческими иконописцами о написании святых икон для церкви Печерской, и дал им довольно золота, как и в начале строителям – с тем же преподобным Феодосием; и послал он их в Киев, в свой Печерский монастырь, к блаженному Никону, который был тогда игуменом, как и описано в сказании об украшении святой Печерской церкви.

Верен преподобный отец наш Антоний и в том надежном обещании своем, по которому помогает почитающим его, упокоеваясь на этом святом месте, кончаться в покаянии и сподобляться помилования.

Чудесно на деле сбылось слово обещания его на блаженном Эразме, черноризце Печерском. Этот инок отдал золото свое на украшение церкви Печерской и скорбел о том. Когда же он впал в лютую болезнь и был при кончине, то лежал семь дней без чувств, не мог скончаться без покаяния и быть погребенным на том святом месте. И вот, на восьмой день, явился ему преподобный Антоний с Феодосием и сказал: «Я молился о тебе Богу, и Бог даровал тебе время покаяния». И Эразм выздоровел и принес совершенное покаяние, так что, скончавшись через три дня, был помилован и сподобился быть причтенным ко святым (о чем написано в житии его).

Прославим и мы Вседарователя Человеколюбца, за дарование столь великого чудотворца, первоначальника иночествующих в земле нашей Русской, преподобного Антония. Других многочисленных его дел, особенно же бывших до преставления его, ни один человек не может описать или поведать, и известны они только Сердцеведцу, ведающему все безвестное и тайное. Его язык есть трость книжника скорописца, и Он пространнее всех написал житие преподобного отца нашего Антония в книгах жизни вечной.

Мы не нашли прочих книг о преподобном Антонии, утерянных во многих бранях, а могли собрать о нем только немного. Надо нам прилежно молить чудотворца сего первоначальника, чтоб и мы, принятые в благонадежное его обещание, по его ходатайству о нас, сподобились скончать в покаянии жизнь нашу и быть помилованными, если и случится нам быть виновными в каком-нибудь грехопадении, сделанном по немощи человеческой, и не совершить полного покаяния, чтоб найти имена наши написанными в книгах жизни вечной, вместе с преподобным первоначальником Антонием, как дети с отцом, благодатью и человеколюбием первенствующего во всем Начальника спасения нашего, Господа Иисуса Христа, Которому со Безначальным Его Отцем и единосущным Его Духом подобает честь, слава, хвала и держава, ныне и присно, и в бесконечные веки, аминь.

Похвала преподобному и богоносному отцу нашему Антонию Печерскому, первоначальному иноческому жития в Руси

Преподобен во всех делах своих.

Такое слово предлагает нам царственный пророк на похвалу преподобного и богоносного отца нашего Антония Печерского, великого и богатого во всех добродетелях.

Но, казалось бы, недостаточно здесь наших уст и нашего голоса. Обыкновенно, при похвалах выдающегося человека спрашивают, какого сана человек хвалящий, какого ума, какой жизни. Тот же обычай был еще в древности у язычников; так, царь Александр Македонский завещал никому не писать своего изображения, кроме Апеллеса. Также и Кесарь великий Август запретил, чтоб никто, кроме людей, одаренных умом и искусных, не смел говорить или писать о нем. Ясно, что похвала, выходящая из уст людей грешных и неразумных, имеет мало достоинств, по словам Сираха: *«Неприятна похвала в устах грешника»* (Сир. 15:9). Как же мы, будучи грешны, грешными устами похвалим того, как прославим того, о котором можем сказать, что не было лести в устах его!? Как грешным гласом достойно воспоем того, кто достоин быть воспетым голосами преподобных? Но знаем, что похвала каждого святого бывает похвалою Богу (как в похвале святому Афанасию написал святой Григорий Назианзин: «Афанасия хваля, восхваляю добродетели; хваля же добродетели, восхваляю Бога, от Которого истекают все добродетели. *Ибо нет лицепрятия у Бога»* (Рим. 2:11)). Поэтому мы, грешные и неразумные, дерзаем восхвалить своего преподобного, вспоминая его великие добродетели. Ибо Сирах говорит: *«Восхвалим славных мужей и отцов нашего рода»* (Сир. 44:1).

Если люди восхваляют того святого, кто прославил жизнь свою одной какою-нибудь добродетелью, выделявшейся над прочими, по слову: *«память праведника пребудет благословенна»* (Притч. 10:7), то, тем более, особой похвалы от

нас достоин преподобный отец наш Антоний Печерский, который прославил себя на земле не единой, но всеми добродетелями, украшающими инок.

Прежде всего прославил он себя любовью к Богу. От юности отвергся мира, богатства и славы и всего, что обещал мир, и посвятил себя на служение Богу иноческим житием, говоря: *«Сердце мое говорит от Тебя: „ищите лица моего“, и я буду искать лица Твоего, Господи»* (Пс. 20:8). И знал он тогда, что иноческое житие есть жизнь подвижническая, мирская же жизнь суетна, иноческая жизнь – преподобна, мирская же полна клевет; иноческая жизнь – духовна, мирская же – плотская. Иноческая жизнь – небесная, мирская – земная, как говорят учителя.

Иной в юности старается угодить миру; старание же преподобного отца нашего Антония Печерского было в том, чтоб угодить единой Божией любви, которую избрал себе в невесты, говоря: *«Ее возлюбил, ее возжелал я от юности моей, и искал ее, как невесту себе, и чтил я красоту ее»*.

И кому было ему в юности своей уневестить себя, как не любви Божией, так как и самое имя города Любеча, в котором он родился и был воспитан, возбуждало к любви. И где ему было искать невесты, как не на небе, так как самое имя его Антоний не земное, а небесное, и значит «свыше данный». Если же преподобный отец наш Антоний по имени и житию был не из земных, но из небесных, то как же не сказать нам, что преподобен он есть в любви Божией?

Учителя святых Божиих уподобляют жемчужинам по удалению их от мира, но мы уподобим преподобного отца нашего Антония жемчужине не только за отвержение мира, но и по имени его. Жемчуг рождается в море, но имеет много общего с небом, и служит подобием его по белизне, светлости и красоте состава своего, так что кажется совершенно небесным. Так и преподобный отец наш Антоний, хотя родился в мире, сердцем всегда пребывал на небе и больше связан был с небом, чем с землей, так как, оставив все земное, мыслил только о небесном, по словам: *«Размыслил я о днях древних, о летах веков минувших, и многому научился»* (Пс. 76:6). Как

девица простого происхождения, за красоту лица и добрые нравы избранная в невесты царские, забывает о простых сельских нравах, так и преподобный отец наш Антоний, будучи избран от утробы матерней в рабы Небесного Царя, возлюбив в юности небесное, начал забывать земное, говоря так: *«Бог дал мне забыть все несчастья мои и весь дом отца моего»* (Быт. 41:51).

Что же такое расположило его к презрению мира и сластей? – Любовь Божия, по изречению псаломскому: *«Милость Твоя, Господи, сопровождает меня»* (Пс. 22:6). И не чудо это! Как излишняя теплота понуждает нас снять одежду и обнажить тело, чтоб с большей силой и удобством совершить предложенное дело, так и горящий огонь любви Божией сделал в преподобном отце нашем Антонии то, что он лишил себя всех благ мира, чтоб с большей крепостью и удобством положить начало монашеству. Знал он хорошо, что не может он быть учеником Христовым, если не отречется от всего имения своего.

Он бы мог воскликнуть со святым Григорием Богословом: *«Умертвил я тело мое, в юности противящееся духу, трудами и подвигами, и пресыщение, и вместе с ним гнездящегося тирана, нечистоту, победил; очи мои смирил и утопил их в веждах моих, удержал ярость гнева моего, владел поступками своими, смех обратил в плач, и со всем, что было у меня, положил себя к стопам Божиим; земля была ложем мне, власяница – одеждой, бдение было мне сном, и слезы – успокоением; днем обременял я плечи мои работой, всю же ночь, как крепкий столп, проводил в пении псалмов, а утехи мирской не допустил и до мысли моей. Отверг я и великую тяготу богатства, чтоб без всякого препятствия приблизиться к Богу; такова была в юности жизнь моя».*

Воистину велика была приязнь между Давидом и Ионафаном, снявшим с себя одежду, в которую был одет, оружие, лук и пояс и давшим Давиду, как сказано в Писании: *«Снял Ионафан верхнюю одежду свою, которая была на нем, и отдал ее Давиду, также и прочие одежды свои, и меч свой, и лук свой, и пояс свой»* (1Цар. 18:4). Но еще большую

любовь к Богу показал преподобный отец наш Антоний, который не только мирскую одежду свою, богатство и славу, но, что еще больше – сердце свое принес в жертву Богу, исполняя писание: *«Сын мой, отдай сердце твое мне»* (Притч. 23:26). Если бы мы хотели очертить образ преподобного отца нашего Антония, то, вспомнив о самом имени его, нужно бы нам сказать: так как он был с неба, то и есть он человек небесный. И каковы могли быть его помышления, его дела, и упражнения – не небесные ли, как у человека, посланного свыше?

Всегда помышлял он о небесных вещах, зная, что нет совершенства в благах мира, и что они оставляют всегда чувство неудовлетворенности. Есть у тебя богатство – нет почестей, есть почести – нет здоровья, есть здоровье – нет мудрости, есть мудрость – нет красноречия и благодати. А на небе праведники изобильно наслаждаются разом всеми благами, ибо у них есть богатство Божие, мудрость Божия, сладость Божия, сила Божия, утешение от ангелов и всех святых. Все это имеют они зараз и иметь будут всегда, на всю вечность.

Еще прославил себя преподобный отец наш Антоний иноческим богоугодным житием, которое состоит в рукоделии, послушании, поучении, безмолвии и прочих добродетелях, как пишется о том в отеческих книгах. Монашеское житие – рукоделие, безмолвие, неосуждение, неоклеветание, нероптание, ибо писано: *«Любящие Господа ненавидят зло!»* (Пс. 96:10). А авва Моисей указывал братии своей, что для инока четыре необходимейшие добродетели: молчание, соблюдение заповедей Божиих, смирение и нищета, и все то исполнил преподобный отец наш Антоний, так что мог сказать о себе евангельским словом: «Все это сохранил я от юности моей». Он одновременно привлекал взоры и людей, и ангелов и удивлял природу, будучи в земном теле и живя нечеловечески, а по-ангельски был зрелищем ангелам и людям; когда же, приняв иноческий образ на Афоне, был первым в церковном стоянии, первым в послушании, первым в бодрствовании, первым в посте, тогда был удивлением естеству нашему.

И за это такую получил он от Бога благодать, что Бог сравнил его как равного по подвигам и по славе с древними преподобными, с Антонием Великим, Пахомием, Иларионом и прочими, по сказанному: *«Он сравнивал его в славе со святыми и возвеличил его делами на страх врагам; его словом прекращал чудесные знамения, прославил его пред лицом царей...»* (Сир. 45:2, 3). Такой своей богоугодной жизнью преподобный Антоний стал столь угодным Пресвятой Богородице, что Она взяла его с горы Афонской и даровала в поучение и пример иноческой жизни русским инокам, так что сбылось над ним пророческое слово: *«Сделаю тебя заветом народа, чтоб восстановить землю, чтоб возвратить наследникам наследия опустошенные»* (Ис. 49:8). Зерцалом был преподобный отец Антоний, непорочным зерцалом подвигов для Бога. Как смотрящие в зеркало украшают себя, так и преподобные отцы Печерские, взирая на житие первоначальника своего Антония, украшали житие и нравы свои, ибо он смолоду обучил их бояться Бога и воздерживаться от всякого греха. Был он и живым примером, потому что чему научал других, то сперва старался явить сам на деле, во всем показывая в себе образец добрых дел, как говорит апостол.

Скажите сами, братие, чьей помощью и наставлением обрели у Бога столь великую славу прочие чудотворцы Печерские, если не помощью и наставлением преподобного отца нашего Антония. Ибо все поучились от совершенства его. Чьим попечением и помощью Печерская обитель похваляется и чтится по всей Руси если не попечением и помощью преподобного отца нашего Антония Печерского, по изречению: *«Слава детей – родители их»* (Притч. 17:6).

Историки повествуют, что (в древности) на одном корабле были полотна с разными рисунками с изображениями битв. Пришел туда один афинянин и смотрел пристально на изображение битвы, бывшей некогда между Лакедемоном и афинянами; обернувшись, он увидел лакедемонянина, ходящего по этому помещению, которому указал пальцем на изображение и сказал: «Посмотри, как

сильны Афиняне». Лакедемонянин же кратко ответил: «сильны, только на полотне». Мало ли людей есть, братие, в миру, которые украшают дома различными картинами и изображениями прадедов, дедов и родителей своих и, смотря, так хвалят их: «святой то был человек». А кто-нибудь ответит им: «Святой, но на изображении», то есть на словах, а не на самом деле, так же как афинская крепость и мужество, изображенная на полотне.

Приблизимся же и мы к преподобному отцу нашему Антонию Печерскому, запечатлеем в уме богоугодное его житие, вспоминая, как боролся он с миром, с телом и диаволом: с миром – через отвержение его, с телом – через умерщвление, с диаволом – через пост и молитву. И видя победу его, исповедуем, что на самом деле явилась крепость и сила его. Что привлекло тебя, преподобный отче Антоний, к таким подвигам? Христос, слава вечная: *«Я сораспялся Христу, – говорит он с Божественным апостолом, – чтоб жить для Бога»* (Гал. 2:19).

В истории повествуется, как Кир, царь Персидский, следующим ухищрением возбуждал граждан к ратным подвигам. Он велел идти им в лес и там трудиться над рубкой дров; а на другой день устроил им хорошее, как подобает царям, угощение. Затем, собрав всех их, он спросил: какой день, по-вашему, лучше вчерашний или нынешний, и повторения которого дня хотите вы? Они все ответили: «Нынешнего, потому что он был днем радости и наслаждения, а вчерашний – днем труда и усталости». Кир же сказал им: «Если вы хотите навсегда иметь такой день, то нужно вам немного потрудиться и побороть врага; одолевши его, вы будете почивать в богатстве и наслаждении».

Воистину мудра эта уловка Кира, и труд нужен, чтоб обладать радостью и счастьем. И Сам Христос, желая поселить нас с Собой на небесах и напоить обилием дома Своего, предлагает не другой какой способ, как труд, говоря: *«Куплю дейте, дóндеже прииду»* (Лк. 19:13).

Если б вы спросили здесь, братие, каково житие наше, нужно бы отвечать, что вчерашний день исполнен трудов и скорбей, как сказано: *«Тысяча лет пред очами Твоими, Господи, что день вчерашний, истекший»* (Пс. 89:5).

Как Кир, царь Персидский, не сразу почтил пиром своих подданных, но после труда их, так и Христос, после трудов наших обещает нам пир, которым несомненно насладится всякий подвижающийся в трудах, по неложному слову Христову: *«Как завещал Мне Отец Царство, Я завещаю вам пить и есть на трапезе Моей в Царствии Моем»* (Лк. 22:29–30). Поэтому, если хотим мы, братие, принять динарий небесной славы, должны мы прежде потрудиться за него. И, еще хотим ли мы наследовать богатство наших духовных врагов, веселиться там, откуда они ниспали, и наслаждаться вечного пира на трапезе Христовой: должно прежде победить нам страсти и похоти плотские, ибо Христос сказал: *«Побеждающему дам сесть со Мной на престоле, как победил Я и воссел с Отцом Моим на престоле Его»* (Откр. 3:21).

Знал это хорошо преподобный отец наш Антоний Печерский, когда, придя со Святой горы, предался труду копания пещеры, не желая взять даром динарий вечной славы, пока трудолюбиво не претерпел за него, в уверенности, что воздаст Господь праведным мзду за труды их. Копая пещеры, он подвизался в том намерении, чтоб в надежде воспринять мзду равную с апостолом Павлом, похвалиться пред Господом: *«Господи, больше всех сих я потрудился»!*

А не иное он дело избрал в труд, как копание пещеры, потому что помнил слова, сказанные инокам преподобным Иоанном Лествичником: *«Пусть удаляемся мы в страны смиреннейшие, мало славные, и далекие от всякой мирской отрады»!* А какие места могут быть смиреннейшие для иноческого жития, малославнейшими и более далекими от мирской отрады, как не пещеры? Какое может быть веселье или отрада там, где предстоит уму понять о смерти, и никогда не отходит от мысли ответ грешному естеству нашему: *«земля ты, и пойдешь в землю»*. И преподобный отец наш Антоний, чтоб удобнее соблюсти молчание, смирение,

благогование и наставить прочих к тем же добродетелям, первый явился вдохновителем копания пещер и жизни в них.

Тут явственно показал он совершенное свое отречение от мира, когда поселился в земле, чтоб не видели его. Тут он изобразил разом житие Марфы и Марии: одной – подвизаясь в копании пещер, другой – упражняясь в Богомыслии и всегдашней молитве. Он был наставником преподобному отцу нашему Феодосию и прочим преподобным в труде копания пещер и жития в них, и знал, что находящимся в тьме явится Божественный свет благодати и укрепит их в подвигах. Смотря на пещеры, где упокоилось столько преподобных, всякий скажет, что царские дворцы, хоромы вельмож, украшенные разной лепотой и роскошью, пред пещерами преподобных отец наших Антония и Феодосия – вертепы и хлевы.

О, святые пещеры, как назвать вас? Несомненно, назовем вас небом. Потому, о, святые пещеры, вы – небо, что, как небесную твердь украшают солнце, луна и звезды, так и вас украшают преподобные отцы наши Антоний и Феодосий с прочими преподобными, и из них: кто как солнце, кто как луна, а кто как звезды. Но что называю вас небом! Вы много прекраснее небес, потому что на светилах небесных случается быть тьме, как сказано в Евангелии: *«Солнце померкнет, и луна не даст света своего...»* (Мф. 24:29). На ваших же светилах никогда не было тьмы, но *«Свет во тьме светит, и тьма не объяла его»* (Ин. 1:5). Солнце же ваше – это преподобный Антоний, потому что, как солнце объединяет и соразмеряет течение планет, и примиряет противные стихии, так и святой отец наш Антоний соединил братию во едино союзом любви, как планеты, совершающие течение на Печерском небе, так что у всех них было одно сердце и душа, как и во дни апостолов, по писанию: *«У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа»* (Деян. 4:32).

Но здесь, может быть, братие, кто-нибудь спросит: почему возлюбил преподобный отец наш Антоний жить в пещерах, и в чем тут тайна. На это можно ответить. Во-первых, гробы приличны мертвецам, как сказано Давидом: *«Гробы их –*

жилища их в род и род» (Пс. 48:12). Святой Антоний, умерши однажды для мира, всегда умирал умерщвлением плоти, так что мог сказать с Божественным Апостолом: «Я каждый день умираю» (1Кор. 15:31), – и потому любил он жить в пещерном гробе. Кроме того, в Писании преподобный отец наш Антоний прочел, что царство Небесное подобно сокровищу, скрытому на поле (Мф. 13:44), а ведь в горах много находят сокровищ, бывает в них и золото. А что иное есть Спаситель Христос, как не золото: «Глава Его – золото, и руки Его золото» (Песн. 5:11)? И так, как отложив все мирское, святой Антоний обнищал ради Христа, то, чтоб обогатиться, копал пещеры и искал Христа, как сокровища, скрытого в поле и золота, находящегося в недрах гор, побуждаемый к тому словами Христа: «Ищите и найдете» (Мф. 7:7).

Пещеры – убежище для боящихся; в древесные и каменные расселины укрываются птицы, голуби и горлицы, боящиеся орла и ястреба, и так говорит невесте Дух Святой: «Голубица моя в ущелье скалы, под кровом утеса» (Песн. 2:14). И зайцы, слышав лай собак, укрываются в каменных пещерах, как говорит псалмопевец: «каменные утесы – убежище зайцам» (Пс. 103:18). И Соломон вещает в притчах: «горные мыши – народ слабый, но ставят дома свои на скале» (Притч. 30:26). Так и преподобный отец наш Антоний Печерский, чтоб сохранить себя от гордыни, которая является царицей грехов, как орел – царь птицам, от любостяжания, которое похищает и присваивает себе чужое, от нечистоты и всякого невоздержания плотского, – страстей, которые уподобляются псам, устремился в пещеры, как в надежное и тихое место, о чем в древности предвозвестил Бог через пророка Исаию: «В тот день человек бросит кротам и летучим мышам серебряных своих идолов и золотых своих идолов, которых сделал себе для поклонения им, чтобы войти в ущелья скал и в расселины гор...» (Ис. 2:20–21). И так, что Исаия показал в пророчестве, то преподобный Антоний – на деле, избирая себе пещеры убежищем от всех грехов. Пещеры суть жилище тех, чья жизнь многоплодна, ибо в каменных пещерах и расселинах деревьев пчелы собирают мед, птицы выют гнезда, как говорит пророк:

«Даст знак Господь мухе, которая при устье реки Египетской, и пчеле, которая на земле ассирийской, и прилетят и усядутся все они по долинам опустелым и по расселинам скал...» (Ис. 7:18–19).

Чем же был святой отец наш Антоний Печерский, как не пчелой или не птицей? Пчелой он был по трудам смирения, чистоты и благодати. Птицей же он был по легкости к нестяжанию; множество добродетелей его были ему перья; скор был полет его к милостыне и высоко парил он в поучении и богомыслии. И потому подобало ему жить в пещерах, во исполнение добродетелей пчелы и птицы, образ которых он носил на себе. Между птицами некоторые превосходят других полетом, так что скрываются с глаз людских, достигая парением облаков, и первая из таких птиц – орел. И преподобный отец наш Антоний Печерский множеством добродетелей и богоугодным житием вознесся на такую высоту, что во время подвижнической жизни своей не виден был человеческим очам, и теперь, по смерти его, не могут быть видны святыя его мощи: скрывались при жизни от глаз человеческих, и по смерти подобает им быть скрытыми от нас.

Откуда же знаем мы, братия, когда приближаемся ко гробу святого отца нашего Антония, о честных мощах его? От знамения огня, который некогда изошел от его гроба, о чем и расскажем.

Святой Афанасий пишет о святом Антонии Великом, что он имел такую благодать от Бога, что лицо его светилось как солнце, и, когда ему однажды пришлось стоять между множеством братии, то все, кто стоял далеко, не почему так не узнавали святого Антония, как по свету, исходящему от лица его. Такую благодать имел преподобный отец наш Антоний Печерский, как равный в подвигах преподобному отцу Антонию Великому. Сам Бог явился ему и свидетельствовал: «Антоний, ты обрел благодать предо Мной» (о чем и пишется в житии). Потому, если нельзя нам видеть его святых мощей, то по светлому огню, исшедшему некогда из гроба его, познали мы, что это наш преподобный отец Антоний. Это знамение, отличающее Антония Печерского среди столь великого

множества бесчисленных преподобных, удостоверяет нас, отдаленных долгими годами от жизни преподобного, что именно там находились сокровенные честные мощи святого Антония, и может он сказать со псалмопевцем: *«Это покой Мой навеки»* (Пс. 131:14).

Напоследок же укажем еще на причину, по которой преподобный отец наш Антоний возлюбил жизнь в пещерах. Воины, приступая к крепкому и неодолимому городу, чтобы взять его, сперва, обыкновенно, устремляются на ворота, разбивают их разными орудиями, и так одолевают. Если же в этом будет неудача, тогда делают подкоп и берут город. А какой же город столь крепок и неодолим, как небо? Святой Иоанн Богослов видел небо, и было у него *«двенадцать ворот и на них двенадцать ангелов; ...с востока трое ворот, с севера трое ворот, с юга трое ворот, с запада трое ворот»* (Откр. 21:12–13). А число стен и оснований также двенадцать, по сказанному святым Иоанном Богословом: *«Стена города имеет двенадцать оснований...»* (Откр. 21:14).

О, Боже наш, сколь многие хотят достигнуть того небесного города, ударяя в ворота различными орудиями воинских подвигов своих; то есть биением в грудь свою, поклонами и метаниями, по сказанному: *«...стучите, и отворят вам»* (Мф. 7:7). Зная твердо, что царство небесное берется силой и употребляющие усилие восхищают его (Мф. 11:12); как добрый воин Христов, желая обладать тем городом, преподобный отец наш Антоний старался взять небесный город, не только ударяя себя в грудь и творя метания и поклоны, и ими как бы орудиями небесного воинствования ударяя в ворота города, но и подкопом. Он стал копать пещеры, как бы ведя настоящий подкоп к небесному городу, и не вотще трудился, так что исполнилось над ним слово Господне, сказанное пророком: *«Избранные Мои не будут трудиться напрасно»* (Ис. 65:23).

Господь свидетельствует, что мало людей, стремящихся к небу таким подкопом, и он говорит через Божественного Матфея: *«...тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их»* (Мф. 7:14). О, Господи, – мало

в другом месте, но здесь пещеры, обитель полна таких людей, которые идут узкими вратами и тесным путем, подкопом и жизнью в пещерах стремятся к жизни вечной.

Иные по смерти бывают забыты в мире, а преподобный отец наш Антоний Печерский трудами и подвигами, подъятыми в этих святых пещерах, исходатайствовал себе вечную память по всей Русской земле, по сказанному Давидом: *«...в вечной памяти будет праведник»* (Пс. 111:6). И если прекратятся летописцы, не будет народов, то самые пещеры, в которых до смерти подвизался святой Антоний, будут гласить, что он был преподобен во всех делах своих.

О, преподобный отец наш Антоний, видя в тебе сочетание тех иноческих добродетелей, которые в прочих находятся обыкновенно в неравных степенях, воскликнем тебе по псалму: *«Славим Тебя, Отче, потому что ты дивно устроен»* (Пс. 138). *«Если бы кто забыл твои подвиги и труды, то забудь его десница его, прильпни язык его к гортани его»* (Пс. 136:5–6). Если же кто не захотел бы славить тебя, то эти святые пещеры, эта святая обитель возвестит все хвалы твои, всюду возглашая: *«Таков и должен быть у нас первосвященник: святой, непричастный злу, непорочный, отделенный от грешников...»* (Евр. 7:26).

Удивляясь столь великим подвигам и добродетелям твоим и желая явственнее восхвалить праведность твою во всех делах, обращаемся к добродетели чистоты, которая есть сестра ангелов, одоление страстей, царица добродетелей и держава всех благ. От юности своей, среди других добродетелей иноческих, прилежал он и этой добродетели, зная, что чистота уподобляет человека не только ангелам, но и самому Богу, как говорит святой Василий: «Нечто великое и прекрасное есть девственная чистота, уподобляющая человека нетленному Богу; так что он являет в себе подобие Божие, как в чистейшем зеркале, исходящее от самого Бога и благодати Его, как благоприятное сияние». Знал достоинство чистоты преподобный Ефрем, говоря на похвалу ей такие слова: «О, чистота, обуздание очей, ведущая все тело от тьмы в свет; о, чистота, смирение тела, порабащующая

его и быстро стремящаяся к небесному; о, чистота, любящая мать и жилище ангелов; сделавшая людей достойными славословить с ангелами; чистота, колесница небесная, возводящая на высоту того, кто стяжал тебя!» Некогда Соломон вопрошал, кто может сказать: я очистил мое сердце, или я чист от греха моего (Притч. 20:9)? На этот вопрос, не обвиняясь, может отвечать преподобный отец наш Антоний: «Я чист сердцем». Как же не было стяжать чистого сердца тому, кто от юности своей принес чистоту жизни как жертву Богу, говоря псаломски: *«На Тебе утверждался от утробы»* (Пс. 70:6).

Как было не соблюсти чистого сердца тому, кто был ангелом во плоти, и может сказать вслед за апостолом: *«Как ангела Божия приняли вы меня!»* (Гал. 4:14).

На небе девять чинов ангельских, и следует спросить нам, которому из них подобен был преподобный отец наш Антоний Печерский: ангелам низших чинов или высших чинов. По послушанию подобен был ангелам низших чинов, по любви к Богу и прочим совершенствам иноческим подобен был серафимам, так что святая Печерская обитель может пророчески воскликнуть, в похвалу его: *«Прилетел ко мне один из серафимов, в руке его, горящий уголь»* (Ис. 6:6), то есть пришел ко мне, как бы один из серафимов с небес – со Святой Горы, из лика иночествующих, святой Антоний, и дела его благие горели как уголь, составленный из любви. Серафимы превосходят саном и славой все чины ангельские на небе, святой же отец наш Антоний богоугодным и чистым житием превосходит всех преподобных той святой обители. Кто из них был столь преподобен? Один превосходил прочих чистотой, кто нестяжанием, кто смирением, кто послушанием, кто рукоделием, кто безмолвием или постом, или молитвой, а святой отец наш Антоний был преподобен во всех делах своих, и потому подобен он серафимам.

Был некогда Исаия во исступлении и увидел серафимов, стоящих пред Богом, восседающим на престоле; они закрывали лица двумя крылами, ноги двумя крылами, а двумя крылами летали (Ис. 6:1–2). Что значит эта тайна, рассуждает божественный Златоуст. «Закрывали лица свои, чтоб оказать

великую честь Богу, потому что не могли быстросзоркими своими очами созерцать столь великий свет, исходящий от лица Его; ноги закрывали по стыдливости, чтоб никто не смотрел на несовершенную их любовь и движения сердечные, знаменуемые ногами. Летали же двумя крылами, чтоб показать себя готовыми и скорыми ко всякому повелению Господню». Но находим и еще толкование этих слов и причину: серафимы делают то, как бы чудясь, что Сын Божий смирится на земле и понесет крест. Поэтому, уподобляясь Господу Своему, каждый стоял пред Ним, как распятый, потому что крылья у главы были склонены, также и крылья у ног, а у рамен распростерты; об этом-то и говорит Исаия: «Двумя крылами закрывали лица свои, двумя – ноги, а двумя летали». И так, если б кто внимательно рассмотрел положение их, то нашел бы, что они знаменовали собой крест.

То, что Исаия видел тогда у престола Божия на небе, тому подобие видим мы во святой Печерской обители. Наши двое святых серафимов, Антоний и Феодосий, подражая тем небесным серафимам и предстоя всегда на молитве как престолу Божию Его распятию, – и казались распятыми: закрывали лица свои, скрываясь от мира в пещеры, ноги, умерщвляя страсти свои и самих себя, двумя крылами летали, когда в подвигах своих воздевали к высоте руки свои, как распростертые крылья. И как те небесные серафимы у небесного престола, так и наши земные у Господнего креста всегда изображали из себя крест, по слову святого апостола: *«Чтоб жить для Бога, мы сораспялись Христу»* (Гал. 2:19).

Оставив в стороне святого Феодосия и обративши слово наше к святому Антонию, спросим, откуда явился у нас этот серафим. Святой Иоанн Богослов свидетельствует: «С востока: видех много ангел восходяща от востока солнца». Добрым предзнаменованием, братие, тому, что святая сия обитель будет всегда неотторжимо держаться Восточного Пастыря, служит то, что первого Строителя своего получила она с востока.

Небо наполнено чинами ангельскими, по слову пророка: *«Тысячи тысяч служили Ему и тьмы тем предстояли пред ним»* (Дан. 7:10). Нескудна и святая обитель Печерская, которая

имеет столько ангелов, сколько преподобных. Божественный Златоуст написал: «Плохо будет городу, в котором нет святого», и говорил, что в заступление придет такой город: «Город, в котором нет праведника или где был праведник, да забыли его, приходит в заступление». Кто же не ублажит тебя, святая обитель Печерская, видя, что не только украшена ты святыми, но на святых Божиих и основана: *«Твое основание на горах святых»* (Пс. 86:9). Богогласный евангелист Матфей обещает, что здание, основанное человеком на камне, не падет ни от дождя, ни от рек, ни от ветра: *«Пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот, и он не упал, потому что основан был на камени»* (Мф. 7:25). Как же мы не будем дерзновенно обещать святой Печерской обители, что не только телесные, но и душевные враги не смогут повредить ей, потому что основана она на мощах святых Божиих мучеников. Еврейский историк Филон говорит: «Когда я вижу в доме или городе каком-нибудь святого и благого мужа, ублажаю я и дом тот и город». Если же такая похвала относится к дому или городу, в котором один только преподобный, какой похвалы достойна святая Печерская обитель, в которой не один, а бесчисленное множество преподобных. Воистину называем ее блаженной. Как не блаженна она, когда непрестанно молится о ней преподобный отец наш Антоний, по обещанию своему: *«Буду же стараться, чтобы вы и после моего отшествия всегда приводили это на память»* (2Пет. 1:15). Или как не услышит Бог молитвы ходатайствующего о ней святого Антония, которого он сам послал от Святой Горы и воздвигнул на основание монастырю, и так свидетельствует о нем через Исаию: *«Я воздвиг его к правде и уровню все пути его, он построит город мой»* (Ис. 5:13). Бог ясно показал при основании небесиподобной святой Печерской церкви, что приятны Ему молитвы преподобного Антония, когда по молению его низвел воду и росу с неба на место святой Печерской церкви, как о том подробнее описано в житии его. Какая же в том была тайна? Если рассмотрим некоторые свойства росы и огня, узнаем причину. Как от росы земля напояется влагой, так и от святой обители Печерской

Русская земля напоилась учением святым. *«Воды растили его, бездна поднимала его, реки ее окружали питомник его, и она протоки свои посылала ко всем деревьям полевым. Оттого высота его перевысила все деревья полевые, и сучьев на нем было много, и ветви его умножались, и сучья его становились длинными от множества вод, когда он разрастался»* (Иез. 31:4–5). Так и святая обитель Печерская, подавшая из себя начало иноческой жизни другим обителям, облекла их в труд, в подвиги, в праведность, как в зеленые листья.

И как роса есть родительница для маргаритов и рождает их в пучине морской, так и Бог через ту росу свидетельствовал, что святая обитель Печерская будет родительницей преподобных, которых она, как драгоценные Маргариты, родила в пещерах как в недрах морской, по сказанному Исаией: *«Рождался ли народ в один день, как Сион, – едва начал родами мучиться, родил сынов своих»* (Ис. 66:8). Но, так как Бог показал также и огнем, по молитвам преподобного, то же место святой Печерской церкви – в этом видим такую причину.

Огонь, по словам святого Дионисия, находится невидимо во всех вещах, если не действием, то силой. Посему Бог показал тем, что преподобные Печерские, которые будут жить на том месте, будут пребывать со всеми, если не телом, то духом и любовью, по слову апостола: *«Хотя я и отсутствую телом, но духом нахожусь с вами»* (Кол. 2:5). И как пламень огненный влечет в высоту всякую вещь, которую он охватил, так и Бог свидетельствовал тем, что преподобные привлекут от земных вещей к небесным живущих на месте том, предлагая им всегда слова апостолов: *«Ищите горнего, где Христос сидит одесную Бога; о горнем помышляйте, а не о земном»* (Кол. 3:1–2).

Наконец, огонь знаменует гнев и ярость Божию, а роса знаменует слезы на молитве, как говорит Моисей: *«Польется как роса речь моя»* (Втор. 32:2). И Бог показал, что как вода тушит палящий огонь, так и слезные молитвы преподобных угасят ярость гнева Божия, как говорит псалмопевец: *«Взывают праведники, и Господь слышит их»* (Пс. 33:18). Потому-

то и было отмечено, по молитвам преподобного Антония, – место для основания святой Печерской церкви росой и огнем.

Зная, братия, великую любовь преподобного отца нашего Антония ко святой обители, ублажая его, похвалим его словами, которыми некогда Маккавей восхвалил Иеремию: *«Это братолюбец, который много молится о народе и Святой горе»* (2Мак. 15:14).

Иные, при основании храмов, размеряют место веревками, а преподобный отец наш Антоний Печерский, получив указание о месте, измерил землю, назначенную для храма Богородицы, золотым поясом, который дан был ему на это Симоном, сыном Африкана, князя Варяжского, о чем подробно пишется в житии его. Здесь следует, братия, спросить, отчего не веревкой, но поясом было измерено место для создания храма Пресвятой Богородицы? Нужно бы спросить, что значит тайна эта, тебя, преподобный отец наш Антоний, так как ты сам сделал это измерение. Но так как ты скрыл это молчанием, как хранитель безмолвия, зная, что и за то будет хвалить тебя Печерская обитель, как сказано в Псалтири: *хваление его в церкви преподобных*, – мы по нашему разуму думаем, что причина этому такая. Пояс есть знамение славы, как вещает Сирах: *«Препоясал его поясом славы»* (Сир. 45:8). Преподобный отец наш Антоний показал, что Бог прославит эту святую обитель более других русских обителей, поэтому и измерил ее поясом, говоря с пророком Иеремией: *«Как пояс лежит близко к чреслам человека, так я приблизил к Себе весь дом Израилев и весь дом Иудин, чтобы они были моим народом и моей славой»* (Иер. 13:11). Кроме того, пояс знаменует мученичество, о котором сам Христос сказал святому Петру: *«Когда ты был молод, то препоясывался сам и ходил, куда хотел, когда же состаришься, другой препояшет тебя, и поведет, куда не хочешь»* (Ин. 21:10). Преподобный отец наш Антоний измерял поясом это место в знамение того, что в нем родятся мученики, умерщвляющие самих себя (по слову: *Тебе ради умерщвляеми есмы весь день*), и потому измерил не веревкой, а поясом. Или, наконец, предсказывал тем, что от того святого места как из училища мученичества

выйдут препоясанные страдальцы Христовы, о которых пророчествовал Исаия: *«Будет препоясанием чресл его правда»* (Ис. 11:5).

Не без причины и не напрасно преподобный отец наш Антоний вместе с золотым поясом, которым измерил место святой Печерской церкви, принял, по повелению Божию, от Симона и золотой венец, чтоб повесить над жертвенником, но указывал он тем, что та святая церковь и живущие при ней должны были стать златым венцом Христовым, как говорит Исаия: *«И будешь венцом славы в руке Господней»* (Ис. 62:3). То же вещает и Сам Христос через апостола каждому из преподобных: *«Возлюбленные и вожделенные братья мои, радость и венец мой!»* И для того получил он венец, чтоб возвестить, что здесь будут жить люди такой жизни, что в них будет пребывать Бог, по слову пророка: *«Вы мне будете царством священников»* (Исх. 19:6). Венцом предзнаменовал, что, как цари выделяются пред всеми царским венцом своим, так и святая Печерская обитель превзойдет, как царица, другие обители славой и богатством добродетелей. *«Многие дочери приобрели богатства, а ты преуспеешь и вознесешься над всеми»*.

И как венец золотой бывает богат драгоценными камнями, так и обители Печерской предстояло богатство добродетелей, как сказал Сирах: *Сам стоя при угле алтаря и окрест его венец братий*.

Наконец, пояс знаменует добродетели и благостыню, как говорит апостол: *«Станьте, препоясав чресла ваши истиной»* (Мф. 6:14), а венец изображает награду за подвиги.

Святой Антоний еще во время основания той церкви, желая привлечь учеников своих и тех, которые будут после них, к добродетелям и подвигам, в знамение воздаяния за добродетели получил венец и повесил его, сделав над ним надпись: *«Не увенчивается, если незаконно будет подвизаться»* (2Тим. 2:5).

Но так как и пояс, и венец были золотые, это было знаком, что все эти подвиги будут совершаться ради любви к Богу, который изображает золото, по слову Господню: *«Советую*

тебе купить золото, расплавленное огнем, чтобы тебе обогатиться» (Откр. 3:18). А под огнем истолкователи понимают любовь.

Кто, братие, живя во святой Печерской обители, не возрадуется тому, что она называется чудотворной не только от преподобных, но и от основания своего, сопровождавшегося чудесами! Кто не возвеселится, видя в ней такого предстателя и заступника, всегда молящего о том, чтоб не были мы лишены венца славы, прообразом которого был венец, дарованный во время основания той святой церкви. И мы радуемся, преподобный отче наш Антоний, и празднуем твою память, хвалим тебя как дети отца, как ученики учителя, как овцы пастыря и наставника, и, в воспоминание о тебе, сплетши тебе венец из твоих же добродетелей, украшая тебя им, взываем:

«Радуйся, носящий небесное имя, всегда мыслящий не о земном, но о небесном».

«Радуйся, зеркало воздержания, смирения, послушания и безмолвия».

«Радуйся, пример чистоты и целомудрия».

«Радуйся, вольный мученик».

«Радуйся, совершенный постник».

«Радуйся, пророк».

«Радуйся, врач душ и телес наших. Радуйся, изгоняющий бесов».

«Радуйся, серафим, принесший сюда с горы Афонской в устах, как клещами, горящий уголь подвигов иноческих».

«Радуйся, ангел, принесший на Русь со Святой Горы начало ангельского жития».

«Радуйся, солнце, воссиявшее нам от востока – от Святой Горы, на горах Киевских и до вечера собравшее на подвиги множество иночествующих по слову Давида: Восходит солнце, и они собираются (Пс. 103:22)».

«Радуйся, вертоградарь, украсивший преподобными, как цветами, это жилище Божие».

«Радуйся, принявший благословение от Святой Горы, чтоб умножилось на Руси потомство твое, как звезды

небесные и песок на берегу морском».

«Радуйся, второй Авраам, вменивший себя за землю и пепел, и потому неисходно живший в земле».

«Радуйся, что из тебя, как из корня, во святой обители Печерской вырос плод славы и богатства преподобных».

«Радуйся, второй Гедеон: как он, в знамение победы над Маделнитами, свел молитвами своими росу на руно, так и ты в знамение основания церкви своими молитвами низвел росу с неба на землю».

«Радуйся, второй Илия: как он свел с неба огонь для истребления слуг царя Охозии, так и ты свел огонь с неба для очищения места для церкви Богоматери».

«Радуйся, получивший извещение от Пресвятой Богородицы об отходе твоём от земли к небу».

«Радуйся, столп крепости пред лицом врага, на котором утверждена святая Печерская обитель. Радуйся, похвала наша».

«Радуйся, единственное прибежище наше по Боге и Пресвятой Богородице и теплое заступление наше».

«Радуйся, испустивший некогда пламень от святого твоего гроба, в знамение любви твоей к живущим в твоей святой обители».

«Радуйся, молитвами твоими даровавший Иоанну Многострадальному победу на страсти плотские и одоление на блудного беса».

«Радуйся, измеривший золотым поясом храм Богоматери, от Которой ты получил пояс бессмертия».

«Радуйся, получивший венец для украшения церкви Печерской, а потом принявший на главу свою неувядаемый венец на небе!»

Украсив тебя, преподобный отче наш Антоние, этим венцом радости, славы и чести, смиренно припадая к раке мощей твоих честных, молим тебя прилежно, поминай нас, отче наш, почитающих память твою. Кто ведь так предстательствует о нас пред Богом как ты, породивший нас духом. Знаем мы, преподобный отче наш Антоний, что твоими молитвами и благословением, когда жил ты здесь, не погиб ни

один из учеников твоих, но все, как победители страстей, увенчаны на небе венцом.

А мы, хотя настолько же далеки от подвигов и прежних учеников твоих, как небо от земли, но, чего не достигаем мы трудами, в том помогай ты нам молитвами своими, чтоб нам, представши на страшном суде с древними учениками твоими, услышать от тебя глас хвалы: *«Вот я и дети мои, которых дал мне Господь!»* (Ис. 8:18).

Тогда ученики твои, преподобный отец наш Антоний, имели от тебя великие благодеяния: кто – власть на духов темных, кто – силу на умерщвление похотей плотских, кто – дар исцелений. И мы наслаждаемся теперь великими твоими благодеяниями. Чьи молитвы делают то, что мы пребываем без вреда, между тем как люди многим лучшие нас – в эти лютые времена – умерли различными смертями: от голода, от бедствий, от меча, в плену? Это твои молитвы над нами.

И в знак благодарности за твои благодеяния мы над гробом твоим пишем те слова, которые написал некогда Аристотель учителю своему Платону, воздвигая ему алтарь: «Тот, которого поистине все должны величать и славить».

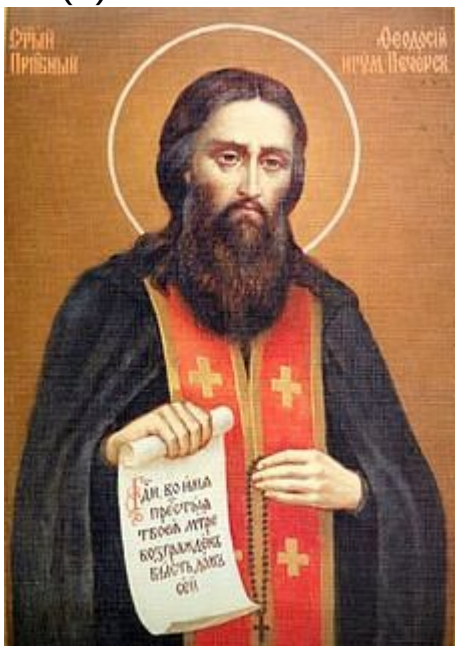
Как же мы не будем славить тебя, преподобный отче наш, когда славят тебя сами небеса, по слову псалма: *«Да торжествуют святые во славе»* (Пс. 149:5). Как не величать тебя, возвеличившего во всем людей твоих и прославившего их, и нигде, никогда не презревшего их при твоём предстоянии престолу Божию?

Преподобный отец наш Антоний, ты знаешь немощи наши. Не можем мы, как хвалить, величать, так и достойно наследовать тебе. Если бы и хотели мы усердно и достойно славить тебя, то труды и подвиги твои превосходят наш разум; если бы хотели явиться наследниками тебе по жизни – нет в нас той крепости. Потому молим тебя: молись о нас Владыке и Богу нашему, чтоб вразумил Он нас и чтоб мы могли славить, величать и достойными явиться тебе наследниками. Христос – наша сила, Бог и Господь. Потому, припадая усердно к раке честных мощей твоих, молим тебя: молись и о том, чтоб подал нам силу и крепость на врагов души нашей, удаляющих нас

всегда от путей преподобных учеников твоих, силу против похотей плотских, силу на умерщвление всех страстей. Чтоб явиться нам победителями их и воспринять в день Страшного суда, твоими молитвами победный венец с древними учениками твоими от Победителя врагов, Христа, Сына Божия, и получить вместе с ними в Царствии Божии наследие славы во Христе Иисусе Господе нашем, Которому подобает слава, честь и поклонение, со Безначальным Его Отцом и Пресвятым, и Благим, и Животворящим Его Духом, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного и богоносного отца нашего Феодосия, игумена Печерского, начальника иноков русских, которые стали подвизаться в монастырях по уставу

16 (3) мая

Он утвердил совершенное иноческое житие, насажденное на Руси преподобным Антонием, переселил иноков из пещер в монастырь и ввел чин святого Студийского монастыря, и упрочил Печерскую Лавру неисповедимыми подвигами и чудесами.

Теперь должно нам увидеть второе великое светило Русского неба, святой чудотворной Лавры Печерской – преподобного и богоносного отца нашего Феодосия. От преподобного Антония, как от светозарного солнца, приняв свет равноангельской жизни, он явился прекрасной луной со множеством звезд добрых дел своих и умножившихся учеников и просвещал ночь нерадения о добродетелях. Обратите взор к нему и просветитесь подражанием в делах добрых.

«Знайте, что Господь отделил для Себя святого Своего» (Пс. 4:4). О славном житии его, украшенном звездочисленными

подвигами и чудесами, свидетельствует в достаточном повествовании своем верный свидетель, находящийся уже на небе, преподобный отец наш Нестор. Но прежде предлагает обстоятельное предисловие, в котором содержится следующее:

«Благодарю Тебя, Владыко мой, Господи Иисусе Христе, что сподобил Ты меня недостойного быть свидетелем о святых Твоих угодниках. Я понудил себя поведать о них, хотя это выше моей силы и недостоин я, как человек грубый, неразумный и не наученный никакому искусству. Но вспомнил я слово Твое: *„Если вы будете иметь веру с горчичное зерно и скажете горе сей: перейди отсюда туда, и она перейдет; и ничего не будет невозможного для вас“* (Мф. 17:20). И я грешный Нестор принял в ум мой слова эти и оградил себя верой и упованием, что все возможно Тебе, – и начал писать слово о житии преподобного и богоносного отца нашего Феодосия, игумена Печерского монастыря Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, начального архимандрита всея Руси. Постоянно печалился я, вспоминая о жизни преподобного и о том, что никем не описана она, и молился я Богу, сподобить меня написать все как следует о делах угодника Своего, чтоб до тех черноризцев, которые будут после нас, дошло писание это и они, прочтя его и уразумев доблесть этого мужа, восхваляя Бога и прославляя угодника Его, стремились на те же подвиги. Особенно же пусть восхвалят его за то, что в стране этой явился такой угодник, о котором Господь сказал, что *„много последних будут первыми“* (Мф. 20:16). Ибо и этот последний (по годам) – явился равным первым отцам, подражая жизнью своей иноческому совершенству святого первоначальника Антония – не Печерского только, но и великого Египетского Антония, ближе же – тезоименитого ему Феодосия, архимандрита Иерусалимского. Эти праведники, проведя жизнь в равных подвигах, послужили Владычице Богоматери, и, приняв равную награду от родившегося через Нее Бога, непрестанно молятся о нас, чадах своих».

«Достойна удивления такая жизнь, ибо в отеческих книгах пишется, что последний род будет слабым, а преподобный Феодосий в этом последнем роде явил себя великим

трудником и пастырем овцам словесным, наставником и учителем инокам, который был украшен смолоду чистой жизнью и равноангельскими делами, просвещенными верой и разумом».

И вот, я начну описывать жизнь его от юных путей его. Только, братие, слушайте со всяким прилежанием, ибо исполнено это слово пользы для всех внимающих ему.

«Прошу вас еще: не осуждайте грубость мою, ибо любовь моя к преподобному понудила меня написать это слово о нем. Писал также потому, что опасался, чтоб и мне не было сказано: *„Лукавый раб и ленивый, надлежало тебе отдать серебро мое торгующим и, пришед, я получил бы свое с прибылью“* (Мф. 25:26 и 27); почему, братие, нехорошо утаивать чудеса Божии, в особенности помня слова Христовы: *„То, что говорю вам в темноте, говорите при свете, и что слышите на ухо, проповедуйте на кровлях“* (Мф. 10:27). И так, хочу я писать на пользу и поучение слушающим, чтоб и вы, славя за это Бога, получили воздаяние. Желая же положить начало слову и перейти к повествованию, прежде молюсь я Господу: Владыко мой Господи, Вседержителю, Податель блага, Отец Господа нашего Иисуса Христа, приди на помощь мне и просвети сердце мое к разумению заповедей Твоих и отверзи уста мои, чтоб исповедать чудеса Твои и похвалить угодника Твоего, на славу имени Твоего святого, потому что Ты защищаешь всех уповающих на Тебя».

Сделав такое вступление, блаженный летописец начинает складывать повествование о равночисленных звездам подвигах преподобного таким образом.

Есть город, близ стольного Русского города Киева, именем Васильев или Васильков. В нем пребывали родители преподобного Феодосия, живя в вере Христовой и украшаясь благочестием.

Когда родился у них сей святой – они на восьмой день принесли его к священнику, чтоб наречь ему имя. Священник же, увидев дитя и сердечными очами прозревая, что с детства отдаст он себя Богу, назвал его Феодосием. Когда прошло сорок

дней, младенца крестили, и он рос у родителей, и была на нем благодать Божия.

Вскоре родители его переселились далеко, в другой город, именем Курск, по повелению князя, но – скажу я – более по Божью усмотрению, чтоб и там просияло житие доброго отрока.

В том городе и рос отрок телом, возрастал и духом в премудрости и любви Божией. Он сам упросил родителей своих отдать его учиться Божественным книгам, что они и сделали. И скоро стал понимать он все Божественное Писание, так что все удивлялись премудрости и разуму его, и скорому его учению. Ежедневно ходил он в церковь Божию, слушая внимательно Божественное Писание. К играющим детям не приближался, как делают в детстве, но удалялся от игр их, не украшал себя великолепием богатых одежд, но был доволен худым рубищем.

Когда ему было тринадцать лет, умер его отец. И с тех пор еще более стал подвижничать преподобный, так что выходил с рабами своими на поле и работал смиренно. Мать его возбраняла ему в том, приказывала ему одеваться в хорошее платье и играть со сверстниками, и говорила: «Одеваясь так, ты делаешь укоризну себе и роду своему». Но он в этом не слушался ее, но предпочитал ходить, как нищий, так что часто гневалась она, приходила в ярость и била его.

Блаженный юноша думал о том, как и каким образом спастись. Слыша о святых местах, где Господь наш ходил во плоти и совершал дело спасения нашего, желал идти туда, поклониться им, и молился о том: Господи Иисусе Христе, услышь молитву мою и сподобь меня посетить святые места и поклониться им.

Пришли в Курск странники; встретив их, блаженный юноша обрадовался, подбежал к ним и, приветствуя их, расспрашивал, откуда они и куда идут. Они отвечали, что они из святого города Иерусалима, и, с Божьей помощью, хотят идти обратно. Тогда блаженный юноша стал просить их взять его с собой и довести до святых мест, и обещали они взять его с собой и довести, и с радостью пошел он тогда домой. Когда странники стали собираться, они известили юношу о своем уходе. И он ночью, так что никто не знал о том, встал, покинул дом в одной худой

одежде, и пошел вслед за странниками. Но не было в воле всеблагого Бога, чтоб тот, кому от чрева матери Он назначил быть пастырем словесных овец, постригаемых в чин ангельский, иноческий, ушел из земли нашей Русской.

Через три дня мать его узнала, что он ушел со странниками, и погналась за ним, взяв с собой младшего сына. После долгой погони, догнали их и остановили преподобного. И там, в великом гневе и ярости, мать схватила его за волосы, повалила на землю и топтала его ногами. Укорив странников, она возвратилась домой, ведя сына, как злодея, связанным. И такой гнев был в ней, что, приведя его домой, она била его, пока он не изнемог, затем связала его и заперла в особой горнице. Блаженный юноша принимал все это с радостью, и, молясь Богу, благодарил Его за все. Через два дня мать вошла к нему, развязала и дала есть. Но, будучи еще разгневана, она наложила на ноги его тяжелые железные оковы, опасаясь, что он опять убежит от нее, и так долго ходил он как узник. Потом мать смилостивилась и начала с мольбами увещевать его, чтоб он больше не бегал от нее; потому что она любила его больше других детей и тосковала без него. Когда он обещал ей, что не уйдет от нее (если это будет полезно), она сняла железо с ног его и просила его делать, что хочет. А блаженный Феодосий, вернувшись к прежнему подвигу своему, ходил всякий день в церковь Божию.

Видя, что часто не служат Божественную литургию из-за недостатка просфор, он много о том скорбел, и сам решился по смирению своему исправлять то дело, и сделал так. Стал он покупать пшеницу, молоть ее своими руками, печь просфоры и часть приносить в церковь, остальные же продавать; и сколько денег оставалось лишних, давал нищим, а на остальные покупал снова пшеницу и делал просфоры. Такова была воля Божия, чтоб от чистого отрока приносимы были в церковь чистые просфоры. В этой работе провел он года два или более.

Отроческіе труды преп. Феодосія въ иѣру.

Все его сверстники, по наущению врага, с укорами ругали его за такое дело; но с радостью и в молчании переносил то преподобный. Враг же, ненавистник добра, видя себя побеждаемым смирением трудолюбивого отрока, не мог успокоиться, желая помешать ему в таком труде, и стал вооружать против него его мать, чтоб воспрепятствовала она ему в его деле. И мать, страдавшая оттого, что сын ее выносил такие насмешки, стала с любовью говорить ему: «Умоляю тебя, сын мой, брось эту работу, потому что ты наносишь укоризну своему роду. Не могу я слышать, как все укоряют тебя за это дело, и не подобает тебе, еще малолетнему, заниматься таким делом». Со смирением отвечал ей блаженный Феодосий: «Послушай, прошу тебя, мать моя, Господь Бог наш принял на Себя вид убожества и смирился, подавая нам пример, чтоб и мы смирились ради Него. И был Он также поруган, оплеван и заушен, и все претерпел ради нашего спасения; тем более нужно терпеть нам, чтоб приобрести Христа. А о том, какое я делаю дело, выслушай следующее. Когда Господь наш Иисус Христос возлежал на Тайной Вечери с учениками Своими, тогда, взяв хлеб, Он благословил, преломил, дал ученикам и сказал: „*Приимите, ядите, сие есть тело Мое...*“ (Мф. 26:26; 1Кор. 11:24). И, если Господь наш хлеб, приготовленный для Тайной Вечери, назвал Своим телом,

радоваться нужно и мне, что сподобил Он меня делать такой хлеб, на котором совершается эта великая Тайна преложения в тело Христово».

Услыхав такой ответ, мать удивилась премудрости отрока и предоставила ему свободу. Но враг не отступился от матери, внушая ей препятствовать сыну в его смирении и его труде.

Через год, застав его опять пекущим просфоры и почерневшим от пламени, опять она пожалела его, и снова начала мешать ему, иногда лаской, иногда угрозами, иногда и побоями, чтоб он бросил это занятие. А блаженный юноша был повержен тем в великую скорбь и, недоумевая, что делать ему, встал ночью, тайно покинул свой дом и пришел в другой город, недалеко от Курска, где стал жить у пресвитера, продолжая заниматься своим делом. Мать же его, после поисков по своему городу не найдя его, очень жалела его. По прошествии многих дней услышала она, где он живет, и с великим гневом отправилась за ним. Достигнув того города, она нашла его в доме пресвитера, и, взяв его, повлекла в свой город, осыпая побоями, а когда привела домой, сказала: «Уже больше ты не отойдешь от меня, и, куда ты ни пойдешь, я найду тебя и приведу сюда».

А блаженный, как и прежде, целыми днями молился Богу и ходил в церковь.

Он был смирен сердцем, покорен пред всеми, так что начальник города Курска, узнав, что отрок этот с таким смирением и послушанием любит дело церковное, отличил его своим вниманием и поручил ему смотреть за своей церковью. Он подарил ему для ношения богатую одежду, но блаженный, походив в ней немного дней, как бы нося на себе какую-то тяжесть, снял ее и отдал нищим, сам же облекся в худую одежду. Начальник же, увидев это, дал ему снова другую, лучшую первой одежду, прося его чтоб он ходил в ней, но он и ее снял и отдал. И так делал он много раз. И, узнав о таких поступках, начальник стал еще больше любить его и удивлялся смирению его.

Через некоторое время блаженный Феодосий пошел в кузницу и попросил сковать ему вериги из железа, обвил их вокруг пояса и так ходил. Железо было узко и врезалось в тело, а он терпел, точно не чувствуя никакой боли. Через некоторое время мать его в праздничный день стала принуждать его одеться в хорошую одежду, главным образом потому, что все вельможи должны были в тот день собраться у начальника города, и блаженному Феодосию велено было там быть и служить. Когда он начал надевать праздничное платье, мать его пристально следила за одеванием, и не мог он от нее утаиться: она увидела на рубашке его кровь. Желая знать, откуда эта кровь, она нашла на нем железо и поняла, что кровь происходит оттого, что железо врезается в тело. И, разгорясь гневом, с яростью она разорвала на нем хитон и с побоями сняла с его пояса железо. А блаженный отрок, как будто никем не обиженный, оделся и пошел с кротостью прислуживать пирующим.

Через некоторое время услышал он слова Господни в Евангелии: *«Кто любит отца или мать более нежели Меня, недостойн Меня»* (Мф. 10:37). И еще: *«Матерь моя и братья мои суть слышащие Слово Божие и исполняющие его»* (Лк. 8:21) и, кроме того, слова: *«Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем и найдете покой душам вашим»* (Мф. 11:28–29). Эти слова разожгли душу Боговдохновенного Феодосия и, горя рвением Божиим, он помышлял всякий день и час о том, как бы и где скрыться от матери и постричься во святой иноческий образ. По Божию усмотрению, случилось матери его выехать в поместье, и долго оставаться там. В радости помолился блаженный и тайно вышел из дома своего, не имея у себя ничего, кроме одежды на теле и немного хлеба для немощи телесной. Итак, поспешил он в город Киев, так как слышал об иноках, там живущих. Он не знал дороги, и просил Бога послать ему в помощь спутника. И вот, по Божию усмотрению, приключилось идти тем путем купцам, везшим на возах тяжелую кладь. Когда блаженный узнал, что они идут в Киев, он

обрадовался и прославил Бога, исполнившего желание сердца его, и шел за ними, но вдалеке, не показываясь им. Когда же они останавливались на ночлег, блаженный ложился так спать, чтоб не терять их из виду. И единый Бог хранил его. Так совершая путь, он в три недели дошел из Курска до стольного города Киева.

Придя в Киев, он обходил все (еще не устроенные тогда по истинному уставу) монастыри и просил живущих в них принять его. Но они, видя убогого юношу, одетого в худое платье, не хотели принять его. На то была Божья воля, чтоб он шел на то место, куда от чрева матери призывал его руководивший им Бог.

Тогда-то услышал он о преподобном Антонии, проводившем жестокое житие в пещере. Как бы крылья выросли у его ума, он устремился туда и пришел к преподобному старцу. Увидав его, он поклонился ему, и со слезами просил его принять к себе в иночество.

Юный Феодосий приходит к преп. Антонию.

Преподобный Антоний сказал ему: «Чадó, видишь, что пещера эта скорбна и тесна, и не вынесешь ты всех трудностей этого места». Говорил же он так, не столько искушая его, сколько пророчески провидя, что он распространит место то и создаст славный монастырь, где соберется множество иноков. С умилением отвечал Боговдохновенный Феодосий:

«Узнай, честный отец, что Христос Бог, Промыслитель всего, привел меня к твоей святине, желая, чтоб спасся я через тебя. Потому я сделаю то, что ты мне велишь».

Тогда сказал ему преподобный Антоний: «Благословен Бог, укрепивший тебя, чадо, на такое старание, – вот тебе место, пребывай на нем». Блаженный Феодосий снова поклонился ему до земли, чтоб старец благословил его. И благословил его преподобный Антоний и повелел постричь его блаженному Никону, который был иереем и опытным черноризцем. И тот, взяв блаженного Феодосия, как незлобивого агнца, постриг по обычаю святых отцов и облек в иноческую одежду, на двадцать четвертом его году, при благоверном князе Ярославле Владимировиче.

И весь предался Богу преподобный отец наш Феодосий и своему богоносному старцу Антонию, и подъял с тех пор великие труды, как во истину принявший иго. Он все ночи проводил, бодрствуя в славословии Бога, побеждая тяжесть сна, и повседневно удручал себя воздержанием и постом, трудясь своими руками. Постоянно вспоминал он слово псалма: *«Призри на страдание мое и на изнеможение мое и прости все грехи мои»* (Пс. 24:18). И потому смирял он воздержанием и постом душу, бодрствованием же и рукоделием утруждал тело, так что преподобный Антоний и блаженный Никон дивились столь великому его в юности благонравию, смирению и покорности, бодрости и крепости, и много славили за то Бога.

Мать его долго искала его не только в своем городе, но и в окрестных, и, не найдя его, плакала по нем горько, как по мертвом, ударяя себя в грудь. И по всей той стране было указано, если где увидят похожего на него юношу, привести его и дать знать матери, и получают за это награду. И вот некоторые люди, пришедши из Киева, поведали ей, что четыре года назад видели его в их городе, где он хотел постричься в одном из монастырей. Услыхав это, мать Феодосия не побоялась долгого пути, не поленилась идти туда на поиски. Ни мало не медля, прибыла она в Киев и обходила все монастыри, ища его. Напоследок уведомили ее, что он находится в пещере

у преподобного Антония, и она пришла туда, чтоб найти его, и начала обманом вызывать старца, говоря: «Скажите преподобному Антонию, чтоб он вышел ко мне, я перенесла долгий путь, чтоб прийти поклониться святыне его и получить от него благословение». Об этом было доложено старцу, и он вышел к ней из пещеры. Она, при виде его, поклонилась ему до земли. Старец, сотворивши молитву, благословил ее, и, когда, после молитвы, они сели, женщина начала с ним долгую беседу, и, при конце ее, объяснила причину, ради которой пришла, и сказала: «Умоляю тебя, отче, поведай мне, здесь ли мой сын, ибо великую тугу и скорбь перенесла я, не зная, жив ли он». Старец, будучи незлобив и не предполагая ее обмана, ответил ей: «Сын твой здесь, не скорби, не беспокойся о нем, – он жив». Она сказала ему: «Почему же, отче, я не вижу его; много потрудилась я и пришла сюда только, чтоб видеть сына моего, а затем вернуться». Старец же сказал ей: «Если хочешь видеть его, отойди отсюда, я пойду, уговорю его, потому что он не хочет никого видеть. А ты приходи завтра и увидишь его». Услышав это, она поклонилась старцу и ушла, надеясь на другой день увидеть сына своего. А преподобный Антоний, войдя в пещеру, рассказал обо всем блаженному Феодосию, и тогда смутился блаженный, что не смог утаиться от матери своей. На следующий день женщина пришла опять, и старец много уговаривал блаженного выйти к матери, но тот не захотел. Тогда старец вышел к ней и сказал: «Много молил я сына твоего, чтоб вышел он к тебе, но он не хочет».

Не со смирением, а с великим гневом обратилась она тогда к старцу и кричала: «Досаждают мне старец этот, что скрыл в пещере моего сына и не хочет его показать мне. Выведи мне, старец, сына моего, чтоб видеть мне его, потому что и жизни не хочу, если не увижу его. Покажи мне сына моего, чтоб не умереть мне злой смертью, – ибо я наложу на себя руки пред дверями этой пещеры, если ты не покажешь мне его». Тогда преподобный Антоний, находясь в великой скорби, вошел в пещеру и молил блаженного, чтоб тот вышел к матери. Не желая оскорбить старца, Феодосий послушал его и вышел к ней.

Мать, видя сына в таком скорбном виде, с лицом, изменившимся от великого воздержания и труда, упала на шею его и долго плакала горькими слезами; и как только немного успокоилась, стала увещевать его: «Вернись, дитя мое, домой – ты будешь делать там по воле своей все на пользу и спасение души; только не разлучайся со мной; когда же я отойду от жизни, ты предашь тело мое гробу, и тогда сам возвратишься в пещеру, ибо не могу я жить, не видя тебя». Блаженный сказал ей: «Мать моя, если хочешь видеть меня, останься здесь в Киеве и постригись в женском монастыре, и, приходя сюда, можно тебе будет видеть меня, вместе же с тем ты получишь и спасение души. Если же не сделаешь так – правду говорю тебе – не увидишь больше лица моего». Такими и еще многими другими уговорами увещевал он свою мать в продолжение многих дней, когда она приходила к нему. Но она не хотела и слышать его. Когда она уходила, блаженный, войдя в пещеру, молился усердно Богу о спасении матери своей и о том, чтоб сердце ее обратилось к исполнению слов его. И Бог услышал молитву угодника своего, как сказал пророк: *«Близок Господь ко всем призывающим Его, ко всем призывающим Его в истине. Желание боящихся Его Он исполняет, вопль их слышит, и спасает их»* (Пс. 144:18–19).

Через несколько дней, придя к блаженному, мать его сказала: «Дитя мое, я исполню все сказанное тобой, и не возвращусь более в родной город. Но, по воле Божией, поступлю в женский монастырь и, постригшись в нем, проведу остающиеся мне дни, ибо из наставлений твоих я поняла, что этот маловременный мир – ничто». Услыхав это, блаженный возрадовался духом и, войдя в пещеру, поведал то преподобному Антонию. Преподобный же прославил Бога, обратившего ее сердце к такому покаянию, и, выйдя к ней, много учил ее о полезном для души. Потом рассказал о ней княгине и устроил ее в женском монастыре святого Николая, где она была пострижена и, прожив много лет, в добром исповедании с миром упокоилась в Господе.

А эту часть жития блаженного отца нашего Феодосия, с юности доселе, рассказала мать его одному из братии (который

был келарем при том же преподобном отце нашем Феодосии), именем Феодор; услышав все это от него, блаженный Нестор записал на память и пользу всем читающим, как и сам здесь о том говорит.

А о прочих подвигах святого, которым и сам был свидетель, так повествует тот же составитель жития его.

Вскоре святой отец наш Феодосий оказался в пещере победителем злых духов. По пострижении матери своей и удалении от всякой мирской заботы, он стал подвизаться большими трудами на Божье дело. И были видны трое святых, сияющих в пещере, молитвой и постом разгоняющих тьму бесовскую: преподобный Антоний, блаженный Феодосий и великий Никон. Они пребывали в пещере, молясь Богу, и Бог был с ними. *«Ибо, – сказал Он, – где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них»* (Мф. 18:20).

Когда блаженный Никон отошел от преподобного Антония с одним иноком-болгарином, монастыря святого Мины, преподобный отец наш Феодосий, изволением Божиим, по желанию преподобного Антония поставлен был иереем. И ежедневно, в великом смирении, совершал литургию. Был он иерей кроткий нравом, тихий мыслию, простой сердцем, исполненный всякой духовной мудрости, имел нелицемерную любовь к братии, которую (числом двенадцать) собрал преподобный Антоний. Когда же преподобный Антоний поставил братии в пещере вместо себя игуменом блаженного Варлаама, а сам переселился на другой холм и, ископав пещеру, начал жить в ней, тогда этот благоговейный иерей, преподобный отец наш Феодосий, с блаженным игуменом Варлаамом остался в первой пещере, и с ним вместе поставил над пещерой малую церковь Успения Пресвятой Богородицы, чтоб братия собиралась там на Божественное славословие.

Во время этой жизни с братией в пещере, сколько они приняли скорби и печали, по тесноте ее и подвигам своим, невозможно поведать человеческим языком, но известно только одному Богу. Пищей их там был только ржаной хлеб и вода; иногда лишь в субботу и воскресенье вкушали немного сочива,

но часто и в эти дни за неимением сочива, варили и ели одну зелень. Ежедневно работали они своими руками, плели волну и исполняли другие ручные работы, которые носили в город и продавали; купив на вырученные деньги жито, делили его между собой, и всякий ночью молот свою часть зерна для приготовления хлебов. Затем, собравшись в церковь, начинали утреннюю службу, и, совершив ее, трудились над работой, назначавшейся для продажи, иногда даже торговали в ограде, пока подходило время часов и божественной литургии, которые совершались со всяческим вниманием, причем все собирались в церковь. Потом вкушали немного хлеба, и каждый шел на свое дело, до времени вечерни и повечерия. И так, постоянно трудясь, пребывали они в любви Божией. Преподобный же отец наш Феодосий, почтенный саном священства, превосходил всех в посте, в бодрости, в ручных работах, больше же всего в смирении и послушании, он был помощником для всех, иногданося воду, иногда же дрова из леса. Иногда, во время сна братии, брал он их разделенное жито, молот часть каждого, и ставил на свое место; и сам целыми ночами бодрствовал в молитве.

Иногда, при множестве оводов и комаров, ночью выходил он на холм над пещерами и, обнажив тело до пояса, сидел, руками прядя волну, а устами воспевая Псалтирь Давидову, и от множества оводов и комаров все тело его бывало обагрено кровью; а он оставался неподвижен, не вставая с места, пока не приходило время утрени. И он оказывался прежде всех первым в церкви и, став на своем месте, не двигаясь, с умом собранным, совершал Божественное славословие, и уже после всех выходил из церкви. Потому все любили его и считали за отца, дивясь более всего смирению и покорности его.

Когда блаженный Варлаам, игумен Печерской братии, был переведен князем Изяславом в монастырь святого великомученика Димитрия и там поставлен игуменом, тогда Печерская братия, собравшись к преподобному Антонию по общему согласию, просила поставить им игуменом преподобного Феодосия, как искусного в иноческом

житии и близко знающего Божии заповеди. Преподобный же Антоний, призвав святого Феодосия, благословил его на игуменство. Братии тогда было числом двадцать.

Достохвальный же игумен, преподобный отец наш Феодосий, хотя и принял старейшинство, не изменил своего смирения и своих обычаев. Но он имел в памяти слова Господа: *«Кто хочет между вами быть первым, да будет вам рабом»* (Мф.20:27). И потому он смирялся, делая себя меньшим всех и служа всем, во всем подавая собой образец добрых дел, прежде всех выходя на дело и прежде всех приходя в церковь, а уходя последним. И молитвой этого праведника умножалось и процветало это место, по слову: *«Праведник цветет как пальма, и возвышается подобно кедру в Ливане»* (Пс. 31:13). При нем умножалась братия в пещере, как в земле доброй, потому что он во истину имел семя благодати, приносящее плоды во сто крат; за короткое время собрал он братии сто человек, и все они процветали добрыми нравами и молитвами.

Преподобный отец наш Феодосий, воистину земной ангел и небесный человек, видя, что при великом умножении братии место тесно и все не могут поместиться в пещере для безмолвной жизни, а в малой церкви над пещерой для соборной службы видя кроме того скудость – не впал в печаль. Он не скорбел о том, но ежедневно утешал братию, поучая ее не заботиться о внешнем, и напоминал слова Христа: *«В доме Отца Моего обителей много»* (Ин. 19:2), и еще: *«Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и это все приложится вам»* (Мф. 6:33). Преподобный помнил эти слова, и Бог щедро подавал ему все потребное.

Выбрав прекрасное место близ пещеры и рассудив, что его достаточно для устройства монастыря, он укрепил себя верой и упованием, и стал заботиться о том, как населить это место. И так, по благословению преподобного Антония, испросив это место у христоролюбивого князя Изяслава, вскоре, при помощи Божией, он соорудил там большую деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы, поставил много келий и обвел все оградой. И тогда он переселился из пещеры

на то место. И с тех пор, благодатью Божией, возросло то место, и прославился монастырь, который и доньше от прежнего жительства иноков в пещере называется Печерским.

По переселении из затворничества, преподобный Феодосий стал искать, как бы положить для братии устав твердого иноческого жития. И, по молитве и благословению преподобного Антония, дал ему Бог узнать студийский устав от честного Михаила, инока святой Студийской обители, пришедшего с митрополитом Георгием из Греции. Все то, что он рассказал о том богоугодном чине, понравилось преподобному Феодосию. И потому он послал одного из братии в Константинополь к блаженному евнуху Ефрему, который обходил святыя места, чтоб тот, дошедши до святого Студийского монастыря, в точности узнал все порядки его, и принес ему подробно списанный весь тамошний устав: как воспевают песнопения, и читают чтения, и кладут поклоны, как стоят в церкви и сидят в трапезе, и какая в какие дни пища. Блаженный Ефрем исполнил приказание преподобного отца, списал в порядке весь устав Студийского монастыря, которого был сам очевидцем, и принес к нему. Приняв это писание, преподобный Феодосий приказал прочесть его пред всей братией и с тех пор начал в своем Печерском монастыре устраивать все по уставу святой Студийской обители. Потом от Печерского монастыря все русские монастыри приняли тот же, переданный преподобным Феодосием, устав. И так начали содержать совершенный иноческий устав, какого прежде не было на Руси, и во всем смотрели на пример Печерского монастыря, и чтили его за верховный монастырь.

Преподобный отец наш Феодосий во время игуменства своего в применении устава имел следующий добродетельный обычай. Всякого, кто хотел быть иноком и шел к нему, он не отгонял, ни богатого, ни убогого, но принимал всех с полным усердием, вспоминая при этом, как скорбят те, которые хотят постричься и не встречают в том сочувствия: ведь и сам он претерпел это искушение, когда пришел из своего города в Киев, желая быть иноком, и обходил монастыри, а его не хотели принять. Но он не тотчас постригал того, кого принял, но

приказывал ему ходить в своей мирской одежде, пока не привыкнет ко всему монастырскому чину; тогда он облачал его в рясу. Затем, испытав во всех службах, постригал и облачал в мантию; наконец, когда видел, что инок установился в чистом житии, сподоблял его принятия великого ангельского образа и возлагал на него святую схиму.

Этот преподобный наставник наставлял учеников своих на истинное покаяние. Он имел обычай всякую ночь обходить келии всех, желая узнать образ жизни и усердие всякого. И когда он слышал, что инок творит молитву, тогда он в радости прославлял за него Бога. Когда же слышал, что двое или трое, сошедшись после вечерней молитвы, беседуют, тогда, ударив рукой в дверь и обозначив тем свой приход, отходил в смущении. Призвав их на следующий день, он обличал их не прямо, но заговаривал с ними издалека, притчами, чтоб узнать их усердие к Богу. И если брат был смиренный сердцем и с теплой любовью к Богу, то, вскоре поняв свою вину, он падал в ноги и, кланяясь, просил прощения. Если же чье сердце было покрыто бесовским помрачением, такой, считая себя невиновным, думал, что старец беседует о другом, пока преподобный не обличал его, и тогда, наложив епитимию, он отпускал его. Итак он учил всех прилежно молиться Богу, не беседовать после вечерней молитвы, не ходить из келии в келию, но молиться, кто как может, Богу в своей келии, ежедневно заниматься ручной работой, имея на устах псалмы Давида. Вот как он поучал их:

«Молю вас, братие, будем подвизаться в посте и молитве, позаботимся о спасении душ наших, отвратимся от злобы нашей и от лукавых путей, которые суть – любодеяние, кража, празднословие, ссоры, пьянства, объедение, братоненавистничество. Уклонимся, возгнушаемся всего этого, братие, но пойдем путем Господним, ведущим нас в небесную нашу отчизну. Будем искать Бога рыданием, слезами, постом, бдением, покорностью и послушанием, чтоб тем приобрести у Него милость. Еще же возненавидим мир сей, всегда поминая слова о том Господа: *„Кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей и братьев и сестер, а*

при том и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником“ (Лк. 14:26); и еще: „Сберегший душу свою, потеряет ее, а потерявший душу свою ради Меня, сбережет ее“ (Мф. 10:39). Потому и мы, братие, отрекшись от мира, отречемся и того, что в нем. Возненавидим всякую неправду, всякое мерзкое дело, не будем возвращаться к прежним грехам нашим, как пес на свою блевотину. Ибо как сказал Господь „никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия Божия“ (Лк. 9:62). Как избегнем бесконечной муки, кончая жизнь эту в лености, без покаяния? Надо нам, братие, назвавшись иноками, повседневно каяться в грехах своих. Ибо покаяние есть путь, приводящий к царству небесному. Покаяние есть ключ царства небесного, без которого нельзя туда войти никому. Покаяние есть путь, возвращающий нас в отечество. Будем держаться, братие, этого пути, прикрепим к нему ноги наши. К этому пути не приближается змий лукавый; шествие по этому пути трудно, а потом будет радостно. И так, братие, будем подвизаться прежде того последнего дня, чтоб получить благое, избежим злой участи, предстоящей нерадивым и живущим без покаяния». Так этот святой наставник, прежде всего сам исполнявший всякую добродетель, учил братию, а они, как добрая земля, принимали семя его слов и приносили плоды, достойные покаяния, – один сто, другой шестьдесят, третий же тридцать, как сказал Господь.

И можно было видеть тогда на земле людей, равных жизнью ангелам, и был монастырь Печерский подобен небу, в котором преподобный отец наш Феодосий ясно просиял светом дел добрых, как одно из великих светил небесных. И Бог прославил его так, что он явился источником света вещественного.

Игумен монастыря архистратига Михаила, Софроний, шел в свой монастырь. Была темная ночь. И вот, он увидел чудесный свет, стоявший только над монастырем преподобного Феодосия. Удивляясь тому, игумен прославил Бога, говоря: «О, сколь велика благодать Твоя, Господи, что показал Ты такого светильника в этом святом месте, который так просвещает монастырь свой». Также и многие другие многократно видели

это и поведали всем, так что и князь и бояре услышали об этом свете, осеняющем добрую жизнь преподобного Феодосия.

Тогда стали приходить к преподобному отцу нашему Феодосию многие, исповедуя грехи свои, и отходили, получив великую пользу. И, приходя к нему, приносили ему часть имущества своего на содержание братии и на устройство монастыря, другие же давали и земли.

Особенно же любил святого христолюбивый князь Изяслав, владевший в Киеве престолом отца своего, Ярослава. Часто он призывал к себе Феодосия, много раз приходил и сам, насыщаясь его Боговдохновенными словами.

Преподобным Феодосием сделан был наказ вратарю, по окончании обеда не отворять никому ворота, чтоб никто не входил в монастырь, пока не приблизится вечерняя, чтоб в полуденное время братия могла отдыхать, ради утомления от ночных молитв и утреннего пения. И в один день, в полдень, приехал христолюбивый князь Изяслав, по обычаю своему с одним небольшим отроком, потому что, когда он собирался к преподобному, тогда отпускал своих бояр по домам. Приехав, он сошел с коня, потому что никогда не въезжал в монастырь на коне. Подойдя к воротам, он постучал и приказал отворить, чтоб ему войти. Но вратарь отвечал ему, что есть приказание великого отца не отворять ворота никому до времени вечерни. Тогда христолюбивый князь, указывая ему голосом, чтоб вратарь знал, кто он такой, сказал: «Это я, мне одному отвори». Тот же, не зная, что это князь, отвечал ему так: «Игуменом мне приказано, если и князь придет, не отворять ворот. Поэтому, если хочешь, потерпи немного, как придет время вечерни». Но князь ответил: «Я князь, мне ли ты не отворишь». Вратарь же посмотрел в ворота, и узнал, что он князь. Но не отпер ворот, а пошел к преподобному, и возвестил ему, что князь стоит у ворот и ждет. Тогда преподобный вышел и, увидав князя, поклонился ему. Князь же стал говорить: «Каково, отче, запрещение твое, о котором говорит этот инок, что если и князь придет, не пускай его?» Преподобный отвечал: «Ради того, господин, сделано оно, чтоб в полуденное время братия, утрудившись от ночного славословия, могла спать. А твое

усердие к Пресвятой Владычице нашей Богородице, приведшее тебя сюда, – благо и на успех души твоей, и много радуемся мы о приходе твоём». Тогда пошли они в церковь, преподобный сотворил молитву, и они сели; так христоролюбивый князь наслаждался медоточных слов, исходивших из уст преподобного отца нашего Феодосия, и, получив от него великую пользу, возвратился в свой дом, славя Бога, и с того дня стал еще больше любить святого, почитая его за одного из древних святых отцов, и во всем слушался его.

Преподобный же отец наш Феодосий не величался тем, что князь и вельможи почитали его, но был по истине светилом, которое сияло тем ярче, что светило как в темноте, в смирении, в поучение всем ученикам. И тогда-то он еще больше смирялся, трудился целыми днями ручным трудом и повелевал делом, а не словом.

Часто он входил в пекарню и, будучи сам игуменом, работал с пекарями, месил тесто, делал хлебы, не зарывая таланта телесной крепости, утешая и ободряя других, не ослабевал в своем деле.

Однажды, накануне праздника Успения Богородицы, не было воды в поварне, и пришел к преподобному названный выше келарь именем Феодор, говоря, что некому носить воду. Тогда преподобный встал и начал сам носить воду из колодца, и один из братии, увидев его в таком труде, пошел немедленно рассказать это другим; они же поспешили с усердием наносить воды до избытка.

В другой раз не было заготовлено дров для варки пищи. Тот же келарь Феодор пришел к преподобному, говоря: «Повели, отче, одному из братии, который празден, приготовить нужные нам дрова». Преподобный отвечал ему: «Я празден, я пойду». Приближалось же время обеда. Блаженный повелел братии идти к трапезе, а сам взял топор и стал рубить дрова. И братия, вышедши после трапезы, увидела преподобного своего игумена секущим дрова; они тоже взяли топоры и нарубили столько дров, что их хватило на много дней.

Когда блаженный Никон (который постриг преподобного, а затем отошел от пещеры) возвратился в Печерский монастырь,

тогда преподобный отец наш Феодосий, хотя и был игуменом почитал его как отца. И часто, когда блаженный Никон сшивал и скреплял книги, будучи чрезвычайно искусен в этом деле, он пряд для него веревки. Таковы были смирение и простота этого боговдохновенного мужа, так трудился он во всяком послушании. И в этом подражал он Христу, истинному Богу, Который смирил Себя и был послушен.

К тому же и одежда его была смиренна и убога, несмотря на его сан; на теле его была колючая власяница, а сверху другая весьма худая одежда, которую он надевал на себя для того, чтоб не показывать своей власяницы. И многие непонимающие люди укоряли и поносили его за эту одежду. Но он с радостью принимал поношение их, вспоминая слова Господа: *«Блаженны вы, когда будут поносить вас»* (Мф. 5:11).

Однажды преподобный отправился к христоролюбивому князю Изяславу, находившемуся тогда далеко от города, и остался там до вечера. Когда же он хотел уходить, христоролюбивый князь велел отвезти его в монастырь на колеснице, чтоб не лишать его ночного сна. И во время дороги прислужник, везший его, видя его в худой одежде, и не думая, что он игумен, сказал ему: «Черноризец, ты всякий день празден, а я постоянно в трудах, и не могу держаться на коне; поэтому пусть я усну в колеснице, а ты, так как можешь ехать на коне, сядь на коня». Преподобный, смиренно встав, сел на коня и повез прислужника, разлегшегося в колеснице, радуясь и славя Бога. Когда же одолевала его дремота, тогда, сходя с коня, шел он около него, пока не уставал, и снова садился на коня. Когда уже стал заниматься день, вельможи, ехавшие к князю, издали узнавали преподобного, слезали с коней и кланялись ему. Тогда преподобный сказал прислужнику: «Чадо, вот уже день. Встань и сядь на коня». А тот, видя, что все кланяются преподобному, ужаснулся сердцем, в трепете встал, сел на коня, а преподобный сел в повозку. Встречных бояр, которые кланялись ему, было все больше, и оттого вознице становилось все страшнее. Когда подъехали к монастырю, вся братия вышла и поклонилась преподобному до земли. Прислужник же, в еще большем страхе, размышлял: кто

это, что все кланяются ему. А преподобный взял его за руку, ввел в трапезу, и велел дать ему есть и пить, потом, одарив, отпустил его.

Смирение преп. Феодосія.

Все это рассказал братии тот самый отрок, преподобный же не говорил никому, но постоянно он учил братию, что иноку не должно ничем возноситься, но быть смиренным и считать себя ниже всех. Он учил их иметь и внешний вид смирения, ходить со сложенными на груди руками и при встречах кланяться друг другу, как подобает инокам. Больше же всего поучал он их смирению в том, чтоб во всяком деле брали сперва благословение от старшего, ибо, говорил он, сеющий так дела свои в благословении, в благословении и пожнет от них сладкий плод. И таким образом показал он силу этого учения.

Когда приходили к нему благочестивые люди, ради пользы, тогда, по божественном поучении, он предлагал им трапезу из монастырских блюд, хлеб и сочиво. Часто и сам христоролюбивый князь Изяслав приходил и вкушал этих блюд. Однажды, когда он с удовольствием ел их, он сказал преподобному: «Ты знаешь, отче, дом мой полон всеми благами мира, но никогда не ел я в нем всласть, как теперь у тебя. Когда рабы мои готовят мне пищу, блюда разнообразны и многоценны, но не так сладки, как эти. Прошу тебя, скажи мне, откуда такая сладость ваших блюд». Боговдохновенный же отец Феодосий,

желая привлечь его к Божьей любви, отвечал: «Если, милостивый владыка, хочешь узнать это, послушай, я объясню тебе. Когда у нас братия собирается варить пищу и печь хлеба, на то у них положен такой устав. Прежде всего, брат, исполняющий это послушание, подходит к игумену и принимает от него благословение. Потом, поклонившись троекратно перед святым алтарем, зажигает свечу от святого алтаря и той свечей разводит огонь в поварне или пекарне. Когда же надо вливать воду в котел, послушник говорит старшему: „Благослови, отче“, и тот отвечает: „Бог да благословит тебя, брат!“. И так все дело совершается с благословением, потому и выходит в сладость. Твои же рабы, думаю я, работают, ссорясь, ропща и клеветая друг на друга; часто же приставники и бьют их, и так все дело совершается с грехом, и не бывает в сладость». Услыхав это, сказал христоролюбивый князь: «Воистину, отче, все так, как ты говоришь».

Когда случилось преподобному в монастыре своем услышать, что послушание совершено не с благословения, а с преслушанием, он называл его «вражьей участью», и не позволял, чтоб кто-нибудь из его благословенного стада вкусил от такой пищи, но приказывал выбрасывать иногда в речную глубину, иногда в горящую печь, чему примером является следующий случай.

В праздник святого великомученика Димитрия, преподобный отец наш Феодосий пошел с братией в монастырь этого святого. А перед тем от некоторых благочестивых людей ему принесли прекрасные хлеба, которые преподобный приказал келарю предложить на трапезу остававшейся дома братии. Но келарь, не послушавшись его, рассудил: «когда завтра вернется вся братия, предложу ей хлеба; а теперь оставшаяся братия пусть ест монастырские хлеба». Так он и сделал. Наутро, когда вся братия села за трапезу и были предложены те хлеба, разрезанные на куски, преподобный посмотрел, позвал келаря и спросил его: «Откуда хлеба эти?» Он же ответил: «Принесены они вчера, но потому не подал я их вчера, что было мало братии и рассудил предложить их сегодня всей братии». Преподобный же сказал ему: «Лучше бы не

заботиться тебе о наступающем дне, и сделать по моему приказанию, а сегодня Господь Бог, Который постоянно печется о нас, подал бы нам потребное, и позаботился бы еще и о большем». И тогда он приказал одному из братии собрать куски в корзину и высыпать в реку. На келаря же наложил епитимию, как на виновного в непослушании; так же поступал и в иных таких случаях.

Преподобный отец наш Феодосий, видя, что попечение о будущем и любостяжание не бывает у иноков без послушания, потому что противно их обетам, старался прилежно учить свою братию добродетели нестяжания, чтоб укреплялись они верой и надеждой на самого Бога, а не уповали на имения. Потому часто ходил он по келиям, и если что у кого находил – пищу или одежду, лишнюю против положенной по уставу, или иное имущество, – отбирал то и бросал в печь как «часть вражью» и предмет послушания и так увещевал их:

«Не хорошо, братия, нам, инокам, отвергшимся всего мирского, собирать что-нибудь снова в своей келии. Как можем приносить Богу чистую молитву, держа в келии своей сокровище, когда слышим слово Господа: *„Где сокровище ваше, там будет и сердце ваше“* (Мф. 6:21), и еще: *„Безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил“* (Лк. 12:20). И так, братие, будьте довольны одеждой, положенной по уставу, и пищей, предложенной на трапезе, а в келии не надо иметь ничего такого, и тогда всеусердно, всей мыслию будете приносить чистую молитву Богу». Вот какими и многими другими увещаниями поучал он их, со всяким смирением и слезами. Никогда не видали его придиричивым, гневливым, с сердитым взором, но был он милосерден, тих, сострадателен ко всем. Если кто из его нестяжательного стада, ослабев сердцем, покидал монастырь, тогда преподобный из-за этого бывал в великой печали и скорби, и до тех пор молился Богу со слезами, чтоб Он возвратил назад отставшую от его стада овцу, пока отошедший не возвращался. И, с радостью принимая его, преподобный поучал его никак не ослабляться вражьими кознями, и не допускать победы их над собой, но стоять крепко.

Был там нетерпеливый брат, который часто убегал из монастыря, и, когда возвращался, преподобный с радостью принимал его и говорил, что Бог не попустит, чтоб он скончался где-нибудь вне этого монастыря, и хотя часто уходит он, но примет кончину в монастыре, и со слезами молил Бога, чтоб Он подал брату этому терпение. После многократных уходов своих, вернулся он однажды снова в монастырь и просил преподобного принять его. Преподобный, будучи воистину милостив, с радостью принял его, как заблудшую и вернувшуюся овцу, и причислил к своему стаду. Тогда этот брат, который делал ризы на иконы, принес и положил перед преподобным то, что скопил, выручая за свою работу. Преподобный же сказал ему: «Если хочешь быть совершенным иноком, то возьми это и брось в горящую печь, потому что это плод послушания». Он же, как истинно кающийся, собрал все, по повелению преподобного, снес к печи и сжег, а сам с тех пор жил неисходно в монастыре, проводя остающиеся дни в покаянии, и здесь, по предсказанию преподобного, упокоился в мире. Итак, поучая нестяжанию, в котором показывал веру и надежду, показал преподобный и любовь, милосердуя, чтоб никто из стада его не был отвержен.

Явил он и любовь, милосердствующую о бедных. Если он видел какого-нибудь нищего и убогого, скорбного и в дурной одежде – он сожалел, печаловался о нем и со слезами помогал ему. И ради них устроил он двор у своего монастыря, с церковью святого первомученика Стефана, и там приказал пребывать нищим, слепым, хромым, прокаженным, которым он от монастыря подавал потребное, а от всего монастырского имения уделял на них десятую часть. Всякую субботу посылал он вновь хлебов сидящим в темницах и заключении.

Преподобный отец наш Феодосий, как Отец Небесный, был милосерд не только к бедным, но и к обижавшим его монастырь. К нему привели однажды связанных разбойников, пойманных на монастырской земле в покушении на кражу. Преподобный, видя их связанными и находящимися в такой скорби, сжалился над ними, и, прослезясь, приказал развязать

их, накормить и напоить. Затем долго поучал он их никому не делать зла, никого не обижать, дал он им в помощь достаточно имущества и с миром отпустил их. Они же пошли, славя Бога и преподобного Феодосия. Умиление согрело их душу, и с тех пор никому они не делали зла, но были довольны тем, что приобретали трудом. Таким милосердием преподобный утвердил учение свое о нестяжании, и так помиловал и утешил тех, которых для охранения имущества обыкновенно не щадят. Он уповал, что Сам Господь сохранит то, что нужно рабам его, от хищения разбойников. И Господь оправдал эту веру преподобного таким чудом.

При умножении братии нужно было преподобному отцу Феодосию расширить монастырь для устройства новых келий. И он начал сам трудиться с братией своими руками и расширять ограду. И когда монастырь таким образом остался без ограды, и не было сторожей, однажды ночью, в глубокую темноту, пришли разбойники, которые думали, что в палатах церковных скрыто имущество монахов, и потому они не пошли ни к кому в келью, но бросились к церкви. И там они услышали из церкви голоса поющих. Думая, что это братия Печерская творит молитвы, они отошли, и, обождав немного в чаще леса, полагая, что пение уже окончилось, снова приблизились к церкви и услышали те же голоса и увидали в церкви чудный свет, и оттуда лились благоухание (ангелы пели в церкви). Они же, думая, что это братия совершает полунощное пение, снова отошли и ожидали, пока окончится пение, чтоб тогда войти в церковь и ограбить ее. Так много раз приходили они, и слышали те же ангельские голоса. Потом подошло время утреннему пению. Пономарь по обычаю возгласил: «Благослови, отче» и, испросив благословение, стал ударять к утрени. Разбойники, услышав это, отошли в лес и говорили: «Что делать, кажется, в церкви было привидение; но теперь, когда все соберутся в церковь, тогда мы обступим двери, перебьем их всех и захватим все их добро». Так внушал им враг, желая похитить с этого места не столько имущество, сколько святое собрание спасающихся душ; но это не только оказалось невозможным, но он сам был побежден молитвами преподобного Феодосия. Злые

люди эти немного подождали, пока Богом собранное стадо с блаженным наставником и пастырем своим Феодосием сошлось в церковь, и, во время пения утренних псалмов, бросились на них как дикие звери; и вот, внезапно совершилось страшное чудо: церковь с находящимися в ней поднялась с земли и взошла на воздух, так что и стрелами они не могли попасть в нее. А находившиеся с преподобным в церкви не узнали и не слышали того. Разбойники, видя это чудо, пришли в страх и в трепете возвратились домой; и, умилившись душой, обещали никому не творить зла. А их предводитель, и еще трое из них, пришли к преподобному Феодосию, каясь, и поведали ему все бывшее. Преподобный же, услышав это, прославил Бога, не только сохранившего достояние церковное, но и спасшего их от такой смерти. Поучив их о спасении души, он отпустил их, и они славили и благодарили Бога и преподобного Его.

Такое же чудо случилось еще раз, показывая, что воистину Бог хранит в монастыре эту церковь преподобного. Однажды случилось одному из бояр христолюбивого князя Изяслава ехать ночью через поле, в пятнадцати поприщах от монастыря преподобного отца нашего Феодосия. И вот, издалека увидел он церковь, стоящую над облаками. В ужасе он поскакал с отроками, чтоб узнать, какая это церковь, и, когда доехал до монастыря преподобного Феодосия, то на его глазах церковь спустилась и стала в монастыре на своем месте. Он постучал в ворота, и, когда вратарь отворил, вошел и поведал преподобному то, что случилось. И с тех пор часто приходил к нему, насыщаясь его боговдохновенными словами и подавая из имения своего на устройство монастыря и украшение Богом хранимой церкви.

Было также явлено чудотворное промышление Божие не только о самой церкви, но и об имениях, принадлежавших монастырю Феодосиеву. Однажды схватили разбойников и связанными вели в город, к судье. И когда, по изволению Божию, случилось им идти мимо одного хутора Печерского монастыря, тогда один из тех связанных злодеев кивнул на тот хутор, говоря: «однажды ночью пришли мы к

этому хутору, чтоб разграбить его и похитить все то, что в нем есть. Но увидели здесь высоко огражденный город, так что нельзя нам было приблизиться к нему». Таким образом Бог, благой Хранитель, оградил имение монастырское молитвами уповающего на него преподобного Феодосия, который всякой ночью обходил монастырь, творя молитву и ограждая этой молитвой монастырь, со всем имением его, как крепкой стеной.

Этот наставник нестяжания уповал, что сам Господь попечется подать и то, что служит не столько к удовлетворению нужды, сколько к украшению. И это упование преподобного было подтверждено силой Пресвятой Матери Господа таким образом.

Боярин названного выше князя Изяслава, именем Судислав Геуевич, во святом крещении Климент, отправляясь однажды с князем своим в поход, положил такой обет:

«Если я здоров возвращусь домой, то дам Пресвятой Богородице, в монастырь блаженного Феодосия, две гривны золота, скую еще венец на Ее икону». Когда началась битва, много пало народа с обеих сторон, в конце концов, враги были побеждены; и спасшиеся киевляне возвратились домой. Боярин забыл свой обет. И вот, через несколько дней, когда он в полдень спал в доме своем, раздался страшный голос, звавший его по имени «Климент!»

Он встал, сел на постели и увидел икону Пресвятой Богородицы из монастыря преподобного Феодосия, стоящую пред постелью его, и услышал от иконы такой голос: «Отчего, Климент, не дал ты мне того, что обещал. Говорю тебе теперь: постарайся исполнить обещание свое». После этого гласа икона стала невидима. А боярин в великом страхе взял столько золота, сколько обещался, и, сделав золотой венец для украшения иконы Пресвятой Богородицы, отнес в Печерский монастырь к преподобному Феодосию, который и не помышлял о таком украшении, и отдал ему.

В скором времени тот же боярин, по Божию смотрению, задумал дать евангелие в монастырь и пришел к преподобному Феодосию с евангелием, спрятанным под платьем. Когда, по молитве, хотели они петь, и боярин не открыл еще евангелия,

преподобный сказал ему: «Брат Климент, вынь прежде святое евангелие, обещанное Пресвятой Богородице, находящееся под твоим платьем, и тогда сядешь». Услыхав это, поражен был боярин прозорливостью преподобного, потому что никому еще о том не говорил; и, вынув святое евангелие, он дал его в руки преподобному, и тогда уже, сев, наслаждался духовной беседой, а потом возвратился домой, разглашая, как нестяжатель, уповающий на украшения от Бога, чудотворно украшается не только Богоугодными вещами, но и прозрением.

Но больше всего упование свое на Бога в пополнении оскудения и недостатков доказал этот преподобный нестяжатель многими бесчисленными чудесами, из которых вспомним следующие:

Поведал инок Иларион, всякий день и ночь переписывавший книги в келии преподобного отца нашего Феодосия, который в это время устами тихо пел Псалтирь, а руками пряд волну, или делал какое другое дело. Однажды вечером, когда они были заняты своим делом, пришел к преподобному эконом Анастасий, говоря, что на следующий день не на что купить ни припасов для трапезы братии, ни других нужных предметов. Преподобный ответил ему: «Как ты видишь, теперь вечер, а завтрашний день далек; потому иди и потерпи немного, молясь Богу – не помилует ли Он нас и попечется о нас, как Ему угодно». После такого ответа эконом ушел. Преподобный же встал, вошел вглубь келии своей петь обычное правило свое и после молитвы вернулся и сел, продолжая свое дело. Снова вошел эконом с теми же словами; преподобный ответил ему: «Не говорил ли я тебе – молись Богу. Завтра, отправляясь в город, возьмешь в долг у продавцов все нужное для братии, а потом, по благодаянию Божию, отдадим долг. Ибо верен Бог, глаголющий: „Не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем“. Бог – и не оставит нас благодатью своей».

Когда эконом удалился, вошел светлый отрок, одетый в воинскую одежду; поклонясь, положил на стол гривну золота и, ничего не сказав, вышел. Преподобный встал, взял золото и помолился со слезами, благодаря Бога. На утро,

призвав вратаря, он спрашивал, входил ли кто в эту ночь через ворота; вратарь ответил: «Уверяю тебя, как только зашло солнце, ворота были затворены, и с тех пор я не отворял их, и никто к нам не приходил». Тогда преподобный, призвав эконома, подал ему гривну золота, со словами: «Вот говоришь ты, брат Анастасий, что не на что купить братии нужное. Теперь золото есть; купи, что требуется». Уразумел эконом благодать Божию и, упав в ноги, просил прощения. Преподобный же наставил его, говоря: «никогда не отчаивайся, но крепись по вере и всякую печаль возлагай на Бога – ибо по воле Своей Он печется о нас. Сделай сегодня для братии угощение, ибо Господь посетил нас; а когда оскудеем мы; Бог попечется о нас». Так и случилось.

Однажды пришел к преподобному келарь Феодор, говоря: «Сегодня нечего предложить мне братии на трапезу». Преподобный отвечал ему: «Иди, потерпи немного, молясь Богу; неужели Он не попечется о нас. Если же не будем мы достойны, то свари пшеницу и, смешав с медом, поставь братии на трапезу. Но мы надеемся на Бога, Который дал в пустыне непокорным людям небесный хлеб. Силен Он и нам подать сегодня пищу». Тогда келарь ушел. Преподобный же стал на непрерывную молитву. И вот первый из бояр князя Изяслава Иоанн, которому Бог положил мысль на сердце, наполнил три воза съестными припасами, хлебом, сыром, рыбой, сочивом, пшеном и медом и послал в монастырь к преподобному. Увидав это, преподобный прославил Бога и сказал келарю: «Видишь, брат Феодор, не оставит нас Бог, если только надеемся на Него всем сердцем. Иди, учреди братии большое угощение в этот день, ибо Бог посетил нас». И так преподобный возвеселился на трапезе с братией духовной радостью, благодаря Бога, что нет скудости у боящихся Его (Пс. 33:10). А Бог, по молитвам преподобного, творил изобильно в обители его подобные чудотворения.

Однажды пришел к преподобному Феодосию из города пресвитер, прося вина для служения Божественной литургии, и преподобный, призвав строителя церковного, велел ему налить вина в сосуд священника. Он же отвечал: «Немного

у меня вина – едва на три или четыре литургии». Преподобный же сказал ему: «Вылей все этому человеку, а о нас попечется Бог». Тот же нарушил приказание святого и влил пресвитеру в сосуд мало вина, оставив на литургию следующего дня. Пресвитер же показал преподобному, как ему мало влили. Тогда преподобный снова призвал строителя и сказал ему: «Не сказал ли я тебе: вылей все, а о завтрашнем дне не беспокойся. Неужели же Бог оставит завтра церковь Матери Своей без службы; еще нынче подаст Он нам вина с избытком». Итак, строитель пошел, вылил все вино священнику и отпустил его. И вот вечером, когда кончилась трапеза, по предсказанию преподобного, привезли три воза с бочками, полными вина, которые прислала одна женщина, распоряжавшаяся всем в доме христоролюбивого князя Всеволода. Видя это, церковный строитель прославил Бога, удивляясь предсказанию преподобного Феодосия, который сказал: «Сегодня Бог пошлет нам вина до избытка», что на самом деле и случилось.

Тот же церковный строитель был свидетелем другого, равного этому чуду, бывшему по молитвам преподобного.

При приближении праздника Успения Пресвятой Богородицы не было деревянного масла, чтоб налить на этот день в кандила, и церковный строитель задумал выжать масло из полевых семян, налить их в кандила и зажечь. Спросив о том преподобного Феодосия и получив его позволение, строитель поступил, как задумал. Когда же он собирался уже лить масло в кандила, увидал упавшую в масло, уже мертвую, мышь. Тогда он поспешно пошел к преподобному и объявил ему, что он со всякой осторожностью накрыл сосуд с елеем и не знает, как туда влезла и утонула мышь. Преподобный же, поняв, что это случилось по Божию усмотрению, осудил свое неверие и сказал ему: «Нужно нам, брат, иметь надежду на Бога и уповать, что Он силен подать нам нужное; а не делать по неверию то, чего не следовало. Иди, вылей масло то на землю, и, молясь Богу, потерпи немного, и Он подаст нам сегодня масла в изобилии». Когда преподобный отдал строителю это приказание и помолился, был уже вечерний час. Один богач в это время привез большую бочку, наполненную деревянным

маслом. Видя это, преподобный прославил Бога, что Он так скоро услышал молитву его. Маслом наполнили все кандила, и еще большая часть его осталась. И на другой день светло отпраздновали праздник Пресвятой Богородицы.

И не оскудевали чудеса, молитвами преподобного пополнявшие оскудение. В числе их было и следующее.

Христоролюбивый князь Изяслав, который имел истинную христианскую любовь к преподобному отцу нашему Феодосию и часто приходил к нему, наслаждаясь медоносных его речей, пришедши однажды к преподобному, остался в духовной беседе с ним до времени вечерни. Итак, он, вместе с братией и преподобным, присутствовал на вечернем пении. Внезапно, по Божьей воле, пошел сильный дождь. Преподобный, видя потоки дождя, призвал келаря и велел приготовить ему блюдо для ужина князю. Тогда явился к нему ключарь и сказал: «Отче, нет у нас меда для питья на ужине князю и сопровождающим его». Преподобный отвечал: «Так ли, неужели нет ничего?» Отвечал келарь: «Да, отче, ничего». Преподобный снова сказал ему: «Иди, посмотри получше: если осталось хоть малое количество, хватит». Тот же ответил: «Поверь мне, отче, и сосуд, в котором был этот напиток, я перевернул, как пустой, и положил книзу». Преподобный же Феодосий, исполненный воистину Божиих дарований, сказал ему: «Иди, и по слову моему, во имя Господа нашего Иисуса Христа, найдешь ты мед в том сосуде». Он с верой пошел и, по слову преподобного, нашел бочку, поставленную прямо и полную меда. В страхе, он вскоре пошел поведать преподобному о случившемся, и преподобный сказал ему: «Молчи, чадо, не говори о том никому ни слова, но принеси, сколько нужно для князя и его сопровождающих; подавай еще на питье и братиям, потому что это Божие благословение». Когда дождь перестал, князь отправился домой, а в монастыре было столь великое благословение, что на долгое время того меду хватило братии.

Пришел однажды к преподобному старший по печению хлебов и сказал: «Нет у меня муки, чтоб печь братии хлебы». Преподобный ответил ему: «Пойди, осмотри житницу, не

найдешь ли в ней пока немного муки, а там Господь попечется о нас». А тот ответил преподобному: «Воистину говорю тебе, отче, я сам вымел заком, в нем нет ничего, в одном только углу немного отрубей, с три или четыре горсти». И сказал ему преподобный: «Поверь мне, чадо, Бог может и из того малого количества отрубей подать нам муки. Как при Илии сделал он для той вдовицы, которой из единой горсти подал множество муки, так что она с детьми своими прокормилась в голодное время, пока снова не вернулось изобилие. И ныне Бог тот же и может нам из немногого сотворить много. Иди же и смотри, будет ли на том месте благословение Божие». После этих слов брат ушел и, войдя в амбар, увидел заком, который был прежде пуст, а по молитвам преподобного отца нашего Феодосия теперь полон муки, так что она просыпалась через верх на землю. И, в ужасе видя это преславное чудо, вернулся он к преподобному и рассказал ему. Преподобный же сказал ему: «Иди, чадо, и не говори о том никому, но делай для братии хлебы по обыкновению. Молитвою преподобных братьев наших Бог послал нам Свою милость». Так велико было усердие преподобного отца нашего Феодосия к Богу и упование на Господа нашего Иисуса Христа, что он не имел никакой надежды на земную помощь и не уповал ни на что в мире этом, но во всем всей душой и мыслию обращался к Богу и на Него возлагал все упование, не заботясь о завтрашнем дне, но имея постоянно в памяти слово Господа, Который сказал: *«Взгляните на птиц небесных – они не сеют, не жнут, не собирают в житницы, и Отец наш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне»* (Мф. 6:26). Молясь о том, преподобный говорил с несомненной верой: «Владыко Святый, Ты собрал нас на этом месте; если Твоей святой милости угодно, чтоб мы еще жили здесь, будь нам Помощник и Податель всех благ. Во имя Пресвятой Матери Твоей воздвигнут дом этот, а мы в Твое имя собраны в нем. И Ты, Господи, соблюди нас и сохрани нас от всякого внушения лукавого врага и сподоби нас получить вечную жизнь, всегда влагая в сердца наши страх Твой, да им наследуем те блага, которые уготованы праведным».

И так ежедневно преподобный отец наш Феодосий учил свою братию, утешая и запрещая ослабевать в нестяжании и прочих добродетелях, но все усиливать подвиги. А Господь помогал ему и подтверждал слова его столь великими происходившими чудесами.

Все ночи преподобный проводил без сна, со слезами воздавая хвалу Богу и часто преклоняя колена к земле, и часто слышали это церковные уставщики. Когда наступало время утреннему пению, и уставщики приходили принять от него благословение, тогда те из них, кто приходили к келии его тихо, слышали, как он молится и много плачет, и часто бьет о землю головой. Поэтому уставщик, отойдя немного, начинал стучать, громко, и преподобный, услышав топот, умолкал, притворяясь, что спит, когда же тот стучал и говорил: «Благослови, отче», преподобный продолжал молчать, так что лишь после троекратного стука и слов «благослови, отче» святой, как бы встав, от сна, говорил: «Господь наш Иисус Христос да благословит тебя, чадо!» Раньше всех оказывался он в церкви и так, по рассказам, делал он всякую ночь.

Во время игуменства своего, кроме сказанных, подвизался он и другими трудами, не только ради своего спасения, но и спасения врученного ему стада.

Никогда не видали его лежащим, но когда, по телесной немощи, хотел он уснуть после повечерия, тогда он засыпал немного, сидя, и затем, встав на ночное пение, клал поклоны.

Также никогда не видали, чтоб он лил воду на свое тело, но умывал только руки и лицо.

Если же для братии бывало угощение, то он сам всегда ел сухой хлеб, зелень, сваренную без масла, и пил воду. Никогда не видали его сидящим на трапезе дряхлым или насупившимся, но с лицом веселым, светящимся благодатью Божией.

Ежегодно, на пост святой четыредесятницы, преподобный отец наш Феодосий уходил в пещеру (где потом было положено честное его тело) и там затворялся до наступления цветоносной недели. В пятницу же пред той неделей, во время вечерни, приходил к братии и, став в церковных дверях, поучал

их и утешал за их подвиг в посте и себя уничтожал перед ними, как будто он в сравнении с ними не постился и одной недели.

Часто преподобный от пещеры этой, в которой, с ведома братии, затворялся, вставал ночью, тайно, и уходил один на монастырский хутор, и там пребывал один в пещере, в сокровенном месте, о чем знал один Бог. И оттуда, опять ночью пред пятницей, раньше цветоносной недели, приходил в первую пещеру, и потом выходил из нее к братии, так что они думали, что он провел в ней все дни поста.

Великие скорби и искушения творили тогда в пещере злые духи преподобному: наносили ему раны, как рассказывают о святом Великом Антонии Египетском. Но Тот, Кто явился тому подвижнику, повелевая дерзать, Тот и преподобному Феодосию невидимо с неба подавал силу на победу над ними. И, как ни гнали его враги, он пребывал один в такой темной пещере и не убоился множества волков князя тьмы, но стоял крепко, как добрый воин Христов, молитвой и постом отгонял их от себя, так что потом они не смели приступить к нему, но только издали искушали его помыслами.

Однажды, когда после повечерия он хотел немного уснуть и сел (потому что никогда он не лежал), раздался в пещере громкий вопль множества бесов, как будто одни ездили на колеснице, другие били в тимпаны, иные сопели в сопелки и производили вместе такой шум, что пещера тряслась. Слыша все это, преподобный не убоился, не ужаснулся, но, оградив себя оружием креста и вставши, начинал петь Псалтирь, и тогда тот шум и голоса притихали. Когда же после молитвы он садился, опять слышался, как и прежде, голос бесчисленных бесов. А преподобный вставал опять и начинал пение псалмов. Так много дней и много ночей досаждали ему злые духи, не давая ему нисколько уснуть, пока он не победил их совершенно благодатью Божией и получил над ними такую власть, что они и издали не смели приступить к тому месту, где преподобный творил молитву, но бегали от него. Это подтвердилось многими чудесами, об одном из которых расскажем.

В келии, где пеклись хлебы для братии, бесы причиняли немалый вред: то рассыпали муку, то разливали дрожжи, приготовленные для хлебного теста, то делали другие неприятности. Старший из пекарей пришел к преподобному Феодосию и рассказал ему все. Преподобный в тот же вечер, пошел в ту келию и, затворив за собой двери, пробыл в ней, молясь до утрени, и с тех пор бесы не являлись на том месте и не причиняли больше вреда.

Однажды пришел к преподобному отцу нашему Феодосию брат из одного монастырского селения и сказал: «В хлеве, куда запираем скот, теперь жилище бесов, и они делают большой ущерб, не давая скоту есть. Часто и священник читает молитву, окропляя хлев святой водой, но нет никакого успеха». Тогда преподобный вооружившись молитвой и постом, пришел в то село. Вошел вечером в хлев и, затворивши двери, в молитве пробыл там до утра. И с того часа бесы не являлись на том месте, как и в пекарне, и никому не могли приносить в том селе вреда.

Не только сам преподобный побеждал бесовскую силу, но если он слышал, что кто-то из братии терпит брань от бесовских мечтаний, он призывал его, поучал и наставлял стать крепко против козней дьявольских, не колебаться и не ослабевать от нападения их, не отходить от того места, но ограждать молитвой и постом и призывать всегда Бога на победу злого беса. Рассказывал он им и случай, бывший с ним самим.

«В одну, – говорил он, – ночь, когда я в келии пел обычные псалмы, стал предо мной черный пес, так что мне нельзя было положить поклон. Долго стоял он предо мной и, когда я хотел ударить его, он стал невидим. Тогда страх и трепет объял меня в такой степени, что я захотел бы бежать с того места, если б Господь не помог мне. Немного придя в себя от ужаса, начал я прилежно молить Бога и класть частые поклоны, и страх сошел с меня, так что с тех пор я не стал бояться искушений бесовских, если они и являлись пред глазами моими». Кроме этих, говорил он им и другие слова, укрепляя их против злых духов, и так отпускал их, радующихся и славящих Бога за такое наставление доблестного наставника и учителя их.

Вот что о том же самом рассказал блаженному Нестору один из братии, названный выше Иларион: «Великое досаждение причиняли мне в келии злые бесы. Когда ложился я ночью на ложе мое, являлось множество бесов, и, взявши меня за волосы, топтали и волочили меня. Я, не могши более терпеть, рассказал об этой пакости преподобному Феодосию, и хотел с того места перейти в другую келию. Преподобный же умолял меня, говоря: „Нет, брат, не уходи, чтоб не похвалились над тобой злые бесы, что победили тебя и обратили в бегство, и тогда начнут делать тебе еще большее зло, как получившие власть над тобой. Но молись прилежно Богу в келии своей, и Бог, видя терпение твое, подаст тебе победу, так что они не посмеют и приблизиться к тебе“. Я же снова сказал ему: „Прошу тебя о том, отче, потому что с этих пор не могу оставаться в этой келии, из-за множества живущих в ней бесов“. Тогда преподобный перекрестил меня и сказал: „Иди, брат, в келию свою, и с этих пор лукавые бесы не будут более издеваться над тобой, и не будешь ты более видеть их“. Я же с верой поклонился преподобному и ушел, и с тех пор пронырливые бесы не смели приблизиться к моей келии, – были изгнаны молитвами преподобного Феодосия».

С таким мужеством против врагов невидимых соединял преподобный отец наш Феодосий мужество и против видимых врагов Божиих.

Имел он обычай часто вставать ночью и тайно ходить к жидам и мужественно препираться с ними за Христа, укоряя и досаждая им, нарицая их отступниками закона и богоубийцами. Много желал он быть убитым за исповедание веры Христовой, особенно же, как истинный подражатель Христов, от руки тех, которые убили Христа.

Вместе с тем мужественный сей преподобный желал пострадать и за исповедание правды, и вот что достоверно было.

Спустя немалое время после того, как стал он игуменом, случилась, по наущению лукавого врага, вражда между тремя русскими князьями, братьями по рождению. Два брата – Святослав, князь Черниговский, и Всеволод, князь

Переяславский, – вступили в борьбу со старшим братом своим, христолюбивым князем Киевским Изяславом, прогнали его из стольного города Киева и сами заняли этот город. Преподобному отцу нашему Феодосию они послали приглашение прийти к ним на обед, но преподобный, видя, что несправедливо изгнан христолюбивый князь Изяслав, с дерзновением отвечал посланному: «Неприлично мне идти на пир Иезавели и вкусить блюд, полных крови и убийства». После длинного наставления, он отпустил посланного, говоря: «Прошу тебя передать все это пославшим тебя». Услыхав это, князья не разгневались на него, зная его как праведника, но и не послушались его и устремились изгонять брата своего, и выгнали его вовсе из той области, затем возвратились назад, и Святослав сел в Киеве на престоле Изяслава, а Всеволод, как младший, отправился в свою Переяславскую область. Тогда преподобный отец наш Феодосий, исполненный Святого Духа, начал непрестанно обличать князя Святослава за то, что он сделал неправду, занял незаконно престол и, изгнав своего старшего брата, как бы изгнал родного своего отца. Иногда преподобный посылал к нему письма, иногда же пред вельможами, приходящими в монастырь, укорял его за неправильное изгнание брата, прося передать князю эти укоры. Наконец, написал ему длинное письмо, обличая его такими словами: «Голос крови брата твоего вопиет к небу, как кровь Авеля на Каина». Привел он также имена многих других древних братоненавистников, гонителей и убийц, выставил на вид все его дела. Написав так, он отправил письмо князю. Князь, прочтя это послание, разгневался и, бросив его на землю, рычал как лев над преподобным, и оттого разнесся слух, что преподобный Феодосий будет осужден на заточение; тогда братия, находясь в великой печали, молила преподобного, перестать обличать князя, также многие бояре приходили и рассказывали о гневе княжеском, советовали не противиться ему, ибо, – говорили они, – он пошлет тебя в заточение. Преподобный же, слыша, что ему говорят о заточении, возрадовался духом и сказал: «Много радуюсь я о том, братие, и нет для меня ничего блаженнее в этой жизни, как быть изгнанным ради правды.

Разве смутит меня лишение богатства и имений или опечалит меня расставание с детьми или селами моими; ничего из этого не внесли мы с собой в этот мир, но родились нагими, и так же надо нам нагими отойти из этого мира. Поэтому я готов или на заточение, или на смерть». И с тех пор начал он еще более укорять князя за братоненавистничество, желая быть заточенным. Но князь, хотя и сильно был разгневан на преподобного, но не дерзнул сделать ему никакого зла, ибо знал его как мужа праведного и преподобного, так что и прежде завидовал часто брату своему Изяславу, имевшему в своей области такого светильника, как о том поведал слышавший сам от князя инок Павел, игумен одного из монастырей Святославовой области. Наконец, преподобный отец наш Феодосий, по многократным мольбам братии и вельмож, главным же образом, поняв, что не успеет ничего сделать с князем такими укорами, перестал обличать его и с тех пор задумал убедить его мольбами возвратить брату его область.

Через несколько дней князь Святослав, узнав, что преподобный Феодосий преложил свой гнев или, лучше сказать, обличения свои, был очень тем обрадован, ибо уже давно желал беседовать с ним и насладиться его боговдохновенными словами. Поэтому он послал к преподобному спросить, позволит ли он прийти ему в свой монастырь. Когда же преподобный благословил прийти, он с радостью отправился в путь и пришел с боярами в его монастырь. А преподобный с братией, выйдя из церкви, встретил его по обычаю, причем все, как следует, поклонились князю. Князь же, после приветия преподобному, сказал ему: «Я не дерзнул прийти к тебе без позволения, думая, что, гневаясь на меня, ты меня непустишь в свой монастырь». Преподобный же отвечал ему: «Разве может что-нибудь, благий господин, сделать гнев наш с державой твоей? Но нам подобает обличать и говорить то, что на спасение души, а вам должно повиноваться тому». Войдя в церковь, они сотворили молитву, и после молитвы сели. Тогда преподобный отец наш Феодосий, начав говорить от Божественных писаний, много поучал князя о братской любви. А князь взводил много вины на своего брата, и потому не хотел

мириться с ним. И после долгой душеполезной беседы отошел князь в свой дом, славя Бога, что сподобился беседовать с таким мужем, и с тех пор часто приходил к нему, наслаждаясь духовной его пищей больше меда и сота.

Часто потом и сам преподобный отец наш Феодосий ходил к державному этому князю Святославу, напоминая ему о страхе Божиим и о любви к брату.

Однажды пришел к нему преподобный и, вступив в покой, где сидел князь, увидел многих играющих пред ним; одни извлекали звуки из гуслей, другие играли на органах, третьи еще на других инструментах, и все веселились, как это бывает обыкновенно пред князем. Преподобный же смотрел на это, поникнув головой. Потом, немного подняв голову, сказал ему: «Будет ли так в том, будущем веке?» Князь умилился словам преподобного, прослезился и велел играющим замолчать, и с тех пор, если когда, по его приказанию, играла музыка, а он узнавал о приходе преподобного, всегда повелевал музыкантам стоять тихо и молчать.

Часто, когда князю объявляли о приходе преподобного, то он выходил навстречу ему, встречал его пред дверями храма – и так, радуясь, входили они во храм. Раз, когда этот князь веселился, и пришел преподобный, князь сказал: Воистину говорю тебе, отче, если б мне сказали, что мой родной отец воскрес из мертвых, я бы тому не так радовался, как твоему приходу, и не боялся бы так, и не почитал бы его, как твою преподобную душу. Преподобный же отвечал ему: «Если ты так боишься меня, исполни мою волю и возврати брату твоему престол, который дал ему благоверный твой отец». Князь на то молчал, не зная, что ответить. Ибо враг так распалил его на брата, что он не хотел и слышать о нем.

А преподобный отец наш Феодосий все дни и ночи молил Бога о христоробивом князе Изяславе, велел также помянуть его на ектениях как стольного князя и старейшего из всех, а этого как не по закону севшего на том престоле не велел помянуть в своем монастыре. Потом, едва умоленный братией, повелел и этого князя помянуть с тем, но сперва Изяслава, а потом Святослава.

Видя такие раздоры между русскими князьями, вышеназванный святой Никон (который во всем содействовал постриженному им преподобному Феодосию), ушел с двумя иноками на остров Тмутараканск, где поставил монастырь. Преподобный же Феодосий много молил его не разлучаться с ним, пока они оба живы; но, не умолив его, остался на прочие труды жизни своей без него.

Так, исполненный добродетелями и наполнив монастырь братией, уже невмещавшейся в первоначальном монастыре, преподобный отец наш Феодосий начал подвизаться, прилежно моля Бога, как и куда бы переселиться на более просторное место, и соорудить большую каменную церковь, тоже во имя Пресвятой Богородицы. Бог же явил, что молитва его о том – благоприятна, а место на переселение и сооружение церкви проявил дивными чудесами. К числу их относится следующее.

Один благочестивый и богобоязненный человек шел горой мимо первоначального Печерского монастыря; была темная ночь. И вот увидел он чудесный свет только над тем монастырем (как и прежде игумен Софроний, но еще больший того), и посреди того света увидел преподобного Феодосия, стоящим пред церковью, с руками воздетыми к небу, творящим прилежно молитву Богу. Пока он смотрел и изумлялся, явилось другое чудо: громадное пламя вышло из церковного верха и, приняв вид дуги, перешло на другой холм, и там стало тем концом, где впоследствии преподобный отец наш Феодосий начал строить новую каменную церковь. А пламя казалось дугой, стоящей одним концом на верху старой церкви, а другим на месте новой, пока человек тот не зашел за гору. Потом он все это правдиво рассказал в монастыре преподобного. Бог показал также и другое чудо, о том же самом, людям, близ живущим.

Однажды ночью они слышали бесчисленные поющие голоса. Поднявшись с постелей, они вышли из домов и, став на высоком месте, смотрели, откуда те голоса. Над Печерским (старым) монастырем сиял великий свет, и в этом свете они увидели множество иноков, выходящих из старой церкви и идущих на место новой. Одни из них несли икону

Пресвятой Богородицы, а прочие, идя вслед, пели, держа в руках своих горящие свечи; пред ними же шел преподобный отец их и наставник Феодосий. Дойдя до того места, отправив на нем пение и молитву, они возвратились назад и снова с пением вошли в старую церковь. Видение это видели не один, не два, но много людей и рассказывали о нем. Так как ни одного из братии там не было, поняли, что видели ангелов, так входящих и исходящих, и потому прославили Бога, прославляющего то место молитвами преподобного Феодосия, и говорили с патриархом Иаковом: *«Господь присутствует на месте сем, и страшно сие место! Это не иное что, как дом Божий, это врата небесные»* (Быт. 28:16–17).

Не будем здесь пространно вспоминать о том, как преподобный отец наш Феодосий, находясь в своем монастыре, поглощенный богоприятной молитвой о переселении монастыря, в то же время в Константинополе с преподобным Антонием явился мастерам, которых призвал на строение той Богом предзнаменованной церкви; как для начала дела на то поле, где совершились знамения о переселении преподобного и где тогда собралось множество людей, а преподобный избрал удобное место для основания церкви; как сам князь Святослав, приехав случайно, даровал ему по Божию внушению на своем поле такое место. Потом это избрание подтверждено было сухостью, росой и огнем с неба, павшими по молитве преподобного Антония, но и не без участия и этого блаженного строителя преподобного Феодосия, что подробно описано, вместе с другими удивительными делами, в сказании о той святой церкви. Итак, неисповедимой благодатью Божией, преподобный отец наш Феодосий основал во имя Небесной Царицы небеси подобную церковь. Первый копал землю для основания благоверный князь Святослав и дал на то дело сто гривен золота, в руки преподобного Феодосия.

И сам преподобный всякий день прилежно подвизался с братией, трудясь над сооружением того святого храма и, вместе с тем, созидал в себе храм Святому Духу, все более возрастая изо дня в день в добродетелях, являясь отцом сиротам,

заступником вдовицам, помощником обижаемым; а внешним благообразием храма тела своего совершенно пренебрегал, так что те, кто видел его подходящим к рабочим, не думали, что это сам игумен, но один из кухонных послушников. Однажды преподобный отец наш Феодосий шел к рабочим, трудившимся над стройкой церкви, и его встретила убогая вдова, которую обидел судья, и сказала ему: «Черноризец, скажи мне, в монастыре ли ваш игумен». Преподобный ответил ей: «Зачем он нужен тебе, он человек грешный». Женщина сказала ему: «Не знаю, грешен ли он; знаю только то, что многих избавляет он от печали и напасти. Потому и я пришла к нему, чтоб он помог мне в обиде, нанесенной мне против справедливости судьей». Узнав причину ее обиды, преподобный сжалился и сказал, ей: «Женщина, иди теперь в дом свой. Когда же придет наш игумен, я расскажу ему о тебе, и он избавит тебя от печали». После этого ответа женщина вернулась домой. Преподобный же пошел к судье и, рассказав ему о женщине, избавил ее от насилия, и судья велел возвратить ей все, что у нее с обидой было отнято.

Вот какими достойными неба делами занимался преподобный Феодосий во время построения небеси подобной церкви, и если он при жизни своей не соорудил ее до конца, то по смерти своей молитвами своими, близкими к Богу, помогал блаженному Стефану, который после него принял игуменство и довершил его дело.

Когда преподобный отец наш Феодосий, после богоугодной жизни, приблизился к концу, тогда, предузнав отшествие свое к Богу и день покоя своего, повелел собрать всю братию, находившуюся не только в монастыре, но и на хуторах, или при иных послушаниях, и всех служителей. И стал наставлять всех, чтоб всякий проходил со всевозможным прилежанием и страхом Божиим порученную ему службу; со слезами поучал всех о спасении души и богоугодной жизни, о посте и усердии к церкви, и стоянии в ней со страхом, и любви и покорности не только старшим, но и сверстникам. После этих слов он благословил и отпустил их.

Пришел и благочестивый князь Святослав посетить преподобного, и он, открыв уста свои, изливающие благодать, начал поучать его о благочестии, как надо держаться православия и иметь попечение о святых церквях. Между прочим сказал: «Молюсь Господу Богу и Всенепорочной Матери Его о твоём благочестии, да подаст Он тебе тихую и безмятежную державу. И вот, поручаю твоему благочестию этот святой Печерский монастырь, Дом Пресвятой Богородицы, который Сама Она изволила создать. Пусть не властвует над ним ни архиепископ Киевский, никто другой из софийских клиров, но пусть заведует им твоя держава, а после тебя дети твои, и так до последних из рода твоего».

Потом, ознобляемый холодом и распаляемый огнем, изнемог преподобный и лег на одре, на который никогда прежде не ложился, говоря: «Да будет воля Божия. Как благоволил Он обо мне, так и да сотворит. Но молюсь тебе, Владыко мой Иисусе Христе, милостив будь к душе моей, да не устршит ее лукавство врагов, но да примут ее ангелы Твои, проводящие через темные мытарства и приводящие к свету милосердия Твоего». Сказав это, он умолк. Братия же была в великой скорби и печали, что он не мог три дня ни с кем говорить, ни поднять глаза, так что многие могли бы думать, что он умер, если б не видели еще в нем легкого дыхания.

После трех дней болезни своей, преподобный отец наш Феодосий встал с одра и говорил всей собравшейся братии:

«Братие мои и отцы, вот уже кончается время жития моего, как открыл мне Бог в дни поста моего в пещере. Вы же обдумайте между собой, кого хотите, чтоб я вам поставил вместо себя игуменом». Услыхав это, братия опечаленная стала плакать, но все-таки, выйдя от старца и посоветовавшись, решили назвать себе игуменом Стефана, церковного уставщика. На другой день, призвав опять всю братию, преподобный Феодосий сказал им: «Что же решили между собой, чада; кто из вас достоин быть игуменом?» Они же все сказали, что достоин Стефан. Подозвав Стефана, преподобный благословил его вместо себя на игуменство и сказал: «Передаю тебе, чадо, монастырь, блюди его с усердием, и как я установил службы,

так и держи предания монастырские; не изменяй устава, но твори все по закону и по чину монастырскому. Братию же учи покоряться ему». Затем преподобный отпустил их, обозначив день преставления своего – что (сказал он) в субботу, когда взойдет солнце, душа моя отойдет от тела. И, снова призвав одного Стефана, поучал его, как пасти святое стадо; и Стефан не отлучался уже от преподобного, служа ему со смирением, потому что преподобный уже сильно изнемог от болезни.

Когда пришла суббота, и стало уже светать, преподобный велел созвать всю братию и облобызал всех их по очереди; а они плакали и рыдали, что разлучаются с таким пастырем. И стал говорить он им так: «Любимые мои чада и братия, с любовью простился с вами, так как я отхожу ко Владыке моему Иисусу Христу. Вот вам игумен, избранный по вашей воле; считайте его за духовного отца, почитайте, бойтесь его и делайте все по его повелению; Бог же, сотворивший все словом и повелением Своим, Он да благословит вас и сохранит без беды от лукавого врага, и да соблюдет твердой и непоколебимой веру вашу в единомыслии и любви, чтоб вам до последнего издыхания быть вместе, да подаст вам благодать трудиться для Него без порока, и быть каждому из вас в таком со всеми единении, чтоб было одно тело и одна душа в смирении и послушании, да будете вы совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный. Господь же да будет с вами! Молю вас и заклинаю о том, чтоб вы в той одежде, в которой я теперь, положили меня в той пещере, в которой проводил я дни поста. Не оmyвайте моего убогого тела; пусть никто из любви не видит меня, но вы одни погребите в указанном месте тело мое». Слыша эти распоряжения из уст святого, братия проливали из глаз своих слезы горького плача.

Преподобный, утешая их, говорил: «Обещаю вам, братия и отцы, что если телом отхожу от вас, то духом всегда буду с вами».

После этого наставления преподобный отпустил всех, не оставив у себя никого.

Один из братии, который всегда служил ему, сделал маленькую скважинку и смотрел в нее, и вот преподобный

встал, пал ниц на колени и молился со слезами милостивому Богу о спасении души своей, призывая на помощь всех святых, особенно же Пресвятую Владычицу нашу Богородицу, Которой он, поручал свое стадо и то место. После молитвы он лег опять, на ложе свое и, по коротком сне, посмотрев на небо и сказал громогласно, с веселым лицом: «Благословен Бог! Если это так, то я уже не боюсь, но в радости отхожу от этого мира». Так сказал он, видевав, как кажется, некоторое явление. Потом он правильно лег, вытянув ноги и крестообразно положив руки на грудь, и предал святую душу свою в руки Божии, и соединился со святыми отцами, в год от сотворения мира 6582, от Рождества же Христова в 1074, месяца мая в 3-й день, в субботу, как предсказал сам, после солнечного восхода.

Тогда братия подняла по нем великий плач, и потом, взяв его, понесли в церковь и по обычаю отправили священное пение. Как будто по какому-то божественному явлению стеклось множество верных, которые с усердием собрались сами и сидели пред монастырскими воротами, ожидая, пока вынесут преподобного. Братия же, затворив ворота, не пускали никого и ожидали, пока разойдутся все, чтоб тогда погresti его, как он сам заповедал.

Пришло также много бояр, но и они стояли пред воротами; и вот, по Божию смотрению, небо внезапно помрачилось, и пошел сильный дождь, и те все разошлись. Потом дождь перестал и засияло снова солнце, и тогда братия понесли преподобного в преждеуказанную пещеру, положили его в ней с почетом и, закрыв ее, удалились. Этот день они провели без пищи.

Благоверный же князь Святослав был тогда недалеко от Печерского монастыря, и он видел огненный столп от земли до неба над монастырем, и через то он понял, что преподобный преставился, и сказал тем, кто был с ним: «Мне кажется, что сегодня преподобный Феодосий преставился от земли на небо». Князь раньше этого дня был у него и видел, что болезнь его очень тяжкая. Послав туда и узнав наверное о преставлении, он сильно оплакивал преподобного.

В тот год, молитвами преподобного отца нашего Феодосия, умножились всякие блага в монастыре его, и на землях его было обилие, и приплод скота в небывалых размерах. Видя это и поминая обет святого отца, братия прославила Бога, что их учитель и наставник сподобился такой благодати. Но не только тогда, но и доныне Бог молитвами преподобного отца нашего Феодосия не оставляет его обители. Ибо истинно то, что говорит Божественное писание: *«Праведники живут во веки, и мзда их от Господа, и Вышний печется о них»* (Прем. 5:15). И по истине, если этот преподобный отлучился от нас телом, то, как сказал он сам, духом он всегда с нами, что можно видеть из многих чудес его по смерти. Один боярин подпал под великий гнев князя. Многие приходили и говорили ему: князь хочет послать тебя в заточение. Он же молился прилежно Богу и призывал на помощь преподобного отца нашего Феодосия, говоря: знаю я, отче, что ты свят, вот, настало время напасти, умоли Небесного Владыку избавить меня от нее. И вот, когда однажды он в полдень спал, явился к нему преподобный отец наш Феодосий и сказал: «Что так печалишься? Или думаешь, что я отошел от вас? Если телом моим я отлучился от вас, духом всегда с вами. На следующий день князь призовет тебя, уже вовсе не держа на тебя гнева, и снова поставит тебя на прежнее твое место». Боярин же, хотя он и не был во сне, очнувшись, увидел преподобного, выходящим из дверей; и слово его исполнилось на самом деле, и боярин с тех пор имел еще большую любовь к монастырю преподобного.

Один человек, собираясь в дорогу и имея у себя ковчежец, полный серебра, принес его в монастырь преподобного отца нашего Феодосия и дал его на сохранение одному черноризцу, именем Конон, как своему знакомцу и другу. Это видел один из братии, именем Николай, и, соблазненный бесом, украл и скрыл серебро. Войдя в келию свою и осмотрев ее, Конон не нашел того серебра. Поверженный в великое беспокойство, со слезами молился он Богу, призывая часто преподобного Феодосия, чтобы помощью его не быть посрамленным пред тем, кто дал ему серебро на сохранение. После молитвы, он немного уснул и видел во сне преподобного Феодосия, говорящего ему:

то, о чем ты беспокоишься, по дьявольскому наущению взял черноризец Николай и скрыл в пещере. Преподобный показал ему и место, говоря: «Иди и, никому не говоря о том, возьми свое». Проснувшись, он был в великой радости и, поспешно встав и зажегши огонь, пошел на указанное место, где нашел по слову святого отца. Взяв серебро, он принес его в свою келию, хваля и славя Бога и прославляя угодника Его преподобного Феодосия.

Было и такое событие. Один из клириков святой великой Софийской церкви тяжело болел, сжигаемый огненным недугом; придя немного в себя, он молил Бога и преподобного отца нашего Феодосия об ослаблении болезни; и, едва он уснул, увидел преподобного Феодосия, дающего ему свой жезл, со словами «возьми и ходи с ним». Проснувшись, он почувствовал, что горячка покинула его, и болезненность его прекратилась, и поведал бывшим с ним о явлении преподобного. Таким образом, придя в силу, он пошел в Печерский монастырь и рассказал братии, как исцелился от болезни молитвами преподобного Феодосия. Они, слыша это, прославили Бога, давшего такую благодать своему рабу, их отцу.

Вот еще что произошло силой преподобного спустя немалое время от кончины его, о чем и вспомним при конце этого повествования.

Когда блаженный игумен Стефан, по дьявольскому наваждению, был изгнан из монастыря преподобного отца нашего Феодосия и преподобный Никон, который, по преставлении преподобного, пришел снова с вышеназванного острова Тмутараканска, принял игуменство, в это время приспели дни великого поста. В первую седмицу столь строгого воздержания, по уставу преподобного отца нашего Феодосия, в пятницу для братии, как для подвижников, столь много потрудившихся, должны были предлагаться на трапезе хлебы из чистой муки, и к ним мед и мак. Также и блаженный Никон приказал келарю сделать по обычаю. Он же, в преслушание игумену, солгал, говоря, что не имеет муки, чтоб сделать эти хлебы. Но Бог не презрел труда и молитв рабов своих и не

попустил, чтоб было нарушено уставленное преподобным Феодосием. Когда после святой Литургии иноки шли к трапезе на постный обед, привезли, откуда совсем нельзя было ожидать, воз таких хлебов. Видя это, братия прославила Бога и святого Феодосия, изумляясь, как Бог всегда печется о них и подает все нужное, молитвами преподобного отца и наставника Феодосия. Через два дня келарь приказал пекарям печь обычные для братии хлебы из той муки, о которой он прежде сказал, что ее нет. Когда они стали работать и уже месить тесто, там оказалась жаба, как бы сваренная во влитой ими воде, и так их работа была осквернена ради преслушания. Так благоизволил Бог, в сохранение святого стада молитвами преподобного Феодосия, чтоб те, которые ту святую седмицу провели в столь великих подвигах, не могли вкусить от хлебов, сделанных со грехом, носящих печать врага; и чтобы все целомудренно следили за собой во всем.

Уже довольно повествовав, прервем на этом вместе с блаженным летописцем свой рассказ. Летописец, радуясь и благодаря Бога за такую добродетельную жизнь преподобного и богоносного отца нашего Феодосия, что он подвизался так в последнее время, а также плача и скорбя, что житие его не было никем описано (как сам изъясняет здесь) своей любовью к преподобному отцу своему, потрудился от избытка сердца своего: и хотя бы малую часть из того многого, что видел и слышал, запечатлел на письме – во славу и честь великому Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, с которым Отцу слава вместе с Пресвятым Духом, ныне и присно, и в бесконечные веки веков, аминь.

Сказание о перенесении честных мощей преподобного и богоносного отца нашего Феодосия Печерского

И о прочих, по перенесении их, событиях.

В восемнадцатый год по переселении преподобного отца нашего Феодосия от земли на небо душой, Бог благоволил ему быть перенесенным телом из пещеры во святую небеси подобную церковь. Это произошло так.

Вся братия святой великой чудотворной лавры Печерской с наставником своим, игуменом Иоанном, собравшись, единодушно положили совет, перенести из пещеры во святую великую каменную церковь честные мощи блаженного и доблестного мужа высокого житием, чудного в добродетелях, дивного в чудесах преподобного Феодосия. Они рассуждали так: «Напрасно лишены мы отца и учителя своего. Не хорошо нам быть лишенными пастыря, и не подобает пастырю оставлять своих Богом порученных овец, чтоб не пришли дикие звери расхитить словесное стадо Христово. Следует нам, братие, всегда иметь пред глазами нашими честную раку нашего отца, и всегда приносить ему достойное поклонение. Неудобно ему пребывать в другом месте, кроме монастыря и своей церкви, потому что он основал ее и собрал иночествующих». Поэтому все, как одними устами, сказали: «Возьмем честные мощи любимого отца нашего и перенесем их из пещеры сюда, ибо, как говорит Господь, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем» (Мф. 5:15). Сказав так, они приготовили место для положения честных мощей святого, и поставили каменную раку.

Подошел праздник Успения Пресвятой Богородицы, и за три дня до праздника игумен велел идти в пещеру и раскопать место, где были положены честные мощи преподобного отца нашего Феодосия.

Первый помощник в этом деле и первый видевший честные мощи святого, был блаженный Нестор, составитель этого сказания, который сам о себе свидетельствует так.

«Расскажу вам истинно и достоверно, не услышал я это от других, но сам был в деле распорядителем. Пришел я к игумену, и он сказал мне: „Идем, чадо, к преподобному отцу нашему Феодосию“. И мы, неведомо для всех, пришли в пещеру; осмотревшись, сделали знак, где копать, и ушли. Тогда игумен сказал мне: „Возьми, кого хочешь, и, кроме него, не рассказывай никому, чтоб никто из братии не узнал, пока не вынесем из пещеры честные мощи святого“. Я в тот день приготовил орудия для копания. Был вторник. Глубоким вечером я взял с собой двоих братьев, мужей чудных в добродетелях, и никто другой об этом не знал. Когда мы пришли в пещеру, сотворив молитву с поклонами и воспев псалмы, приступили к делу. Я начал копать и, потрудившись много, передал орудие другому брату. Мы копали до полуночи и не могли обрести честных мощей святого и начали сильно скорбеть и проливать, слезы. Мы думали, что святой не хочет явить нам себя, и нам пришла мысль, не копать ли на другой стороне. Тогда снова взял я орудие и начал копать прилежнее. Другой же из бывших со мной братии находился пред пещерой. Услыхав церковное било, ударяющее к утрени, он закричал мне, что уже ударили в церковное било. Я же прокопал тогда землю над честными мощами святого, и отвечал ему: „И я уже, брат, прокопал“. Когда же я докопался до гроба, объял меня великий страх, и я начал звать: „Господи, помилуй меня ради преподобного Феодосия“. Потом послал я к игумену сказать: „Приди, отче, чтоб изнести честные мощи преподобного“. И пришел игумен с двумя братьями, а я прокопал еще больше, и, преклонившись к земле, мы увидали его мощи, святолепно лежащие. Все составы были целы и нетронуты тлением, лицо светло, очи сомкнуты, уста соединены, головные волосы прилипли ко главе. Возложив на одр те честные и святые мощи, мы вынесли их из пещеры».

Обрѣтѣніе мощей преп. Феодосія.

Рассказав о своем участии в деле, – святой Нестор свидетельствует о дивных делах Божиих, которые были при обретеніи честных мощей.

В ту ночь в святом Печерском монастыре бодрствовали два брата, ожидая, когда игумен с некоторыми иноками тайно перенесет честные мощи преподобного, и глядели пристально на пещеру. И, когда раздались звуки церковного била к утрени, они увидели три столпа, как дуги светозарные, которые стояли над пещерой преподобного Феодосия и перешли на вершину святой великой церкви, куда должны были перенести преподобного. Это видели и другие иноки, шедшие в церковь к утрени, и много благочестивых в городе лиц.

Досточудный же Стефан, который после преподобного Феодосия был игуменом Печерским, потом устроил на Клове свой монастырь, затем же, изволением Божиим, был епископом града Владимира, находился тогда в Клове, в своем монастыре. Он в ту ночь видел через поле, над пещерой великую зарю. Думая, что переносят честные мощи преподобного Феодосия, – он был об этом накануне извещен – сильно жалел, что это происходит без него. Севши на коня, он поехал к пещере, взяв с собой Климента, которого поставил вместо себя на Клове. Едучи, они увидали издали яркую зарницу и, когда приблизились, увидали над пещерой много свечей; когда же

подошли к пещере, уже не видели ничего. Тогда поняли они, что это было божественное сияние от честных мощей преподобного Феодосия. Придя к дверям пещеры, они застали святого Нестора с братией, окруживших честные мощи. Преподобный Нестор о прочих тех событиях свидетельствует так.

На другой день по обретении честных мощей, по изволению Божию, собрались боголюбивые епископы Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский, Антоний Порозский и игумены всех монастырей, множество черноризцев и благоверных людей из города, со свечами и фимиамом. Честные мощи святого Феодосия перенесли в Богом созданную и пречестную церковь, и возрадовалась пречестная церковь, приняв своего светильника, и можно было видеть в церкви дневной свет, покрываемый светом свечей; и святители окружали, иереи припадали, иноки с народом стекаясь лобызали с усердием мощи святого, воссылая Богу духовные песни и принося преподобному благодарственные хваления. И так положили мощи преподобного в близкой ему церкви Успения Пресвятой Богородицы, на правой стороне, месяца августа в четырнадцатый день, в четверг, в первый час дня, и радостно праздновали тот день.

Нельзя здесь умолчать и о том, что в третий день по перенесении мощей преподобного отца нашего Феодосия сбылось одно его пророчество; совершилось же это так.

Когда преподобный отец наш Феодосий был еще жив и содержал игуменство, его единственной заботой было, как бы лучше пасти врученное ему Богом стадо, и он заботился не только о черноризцах, но и о мирских душах, как бы им спастись, особенно же о своих духовных детях, наставляя и утешая приходящих к нему, иногда же заходя и в их дома и подавая им благословение. Был один вельможа, духовный сын святого, именем Иоанн и супруга его, Мария, оба благочестивые, живущие в целомудрии. Пришел к ним однажды блаженный в дом (он любил их, потому что они жили в заповедях Господних и в любви между собой) и поучал их о милостыне убогим, о Царствии Небесном, уготованном

праведным, и о муках грешным, и многом другом от Божественных писаний говорил он им, пока речь не дошла и до положения тела во гробе. Благочестивая жена Иоанна, прервав преподобного, спросила: «Отче честный, кто знает, где мое тело будет положено?» Боговдохновенный же Феодосий, исполненный пророческого дара, отвечал ей: «Поистине говорю тебе: где будет положено мое тело, там и ты по прошествии годов упокоишься». Так и сбылось в восемнадцатый год по преставлении святого, когда принесли его честные мощи, ибо тогда скончалась жена Иоаннова, Мария; и преподобный, по перенесении своем, положен был в четырнадцатый день августа, а она в шестнадцатый в той же церкви Пресвятой Богородицы Печерской, против гроба преподобного Феодосия, но по левую сторону. Потом, в пятнадцатый год по перенесении преподобного Феодосия, преставился на девяностом году жизни, и муж той женщины, великий боярин Иоанн, сын Вышаты, храброго воеводы, внук воеводы Остромира, который и сам воеводствовал не малое время и жил по закону Божию, праведностью не хуже предков, благий, смиренный, воздерживающийся от всякой злой вещи; он был положен у главы жены своей, против гроба того же преподобного Феодосия. Так что и на нем сбылось предсказание преподобного, что положен он будет там же, где и сам преподобный.

Следует вспомнить здесь и то, что Господь, прославляющий прославляющих его и благоволивший, чтоб преподобный отец наш Феодосий был перенесен телом в восемнадцатый год от преставления своего из темной пещеры во святую Печерскую церковь и стал светильником всемирным, просвещающим всех добрыми делами.

Произошло же это так. Сердцеведец положил на сердце блаженному Феоктисту, который был тогда игуменом Печерским, постараться, чтоб имя преподобного Феодосия было вписано в синодик или соборник церковный, и чтоб этот преподобный был причтен к лику древних преподобных отцов и всех святых, которым повсюду святая православная Церковь совершает празднество. Начал напоминать об этом блаженный Феоктист

благодарному великому князю Михаилу Святополку Изяславичу, и молил его, повелеть преосвященному митрополиту Никифору собрать освященный собор епископов, игуменов и весь церковный клир и огласить то, чтоб устроить дело, как будет им угодно. Великий же князь Святополк, будучи боголюбив и ведая, что житие преподобного свято и богоугодно, со сладостью принял сказанное и в радости призвал преосвященного митрополита и просил его собрать боголюбивых епископов на собор и совещаться о том. Митрополит, выслушав это сочувственно, собрал епископов, игуменов и весь клир церковный и объяснил им дело. И сам великий князь Святополк начал рассказывать всем житие преподобного Феодосия. Итак, все единодушно и единогласно согласились и установили, чтоб преподобный был почитаем во святой православной Церкви, как равный всем празднуемым прежним святым. И повелел преосвященный митрополит епископам, чтоб каждый в своей епархии по всем церквам вписал имя преподобного Феодосия в сборник святых. С радостью сделали то епископы: вписали имя преподобного отца нашего Феодосия и начали помянуть его по всем церквам, молясь ему и с похвалой совершая каждый год день торжества его, во славу Вседаровитому Богу и угоднику Его дароименитому Феодосию.

Блаженному же Феоктисту, который с таким усердием постарался послужить отцу своему, преподобному Феодосию, чтоб вписать имя его в сборник, Бог воздал превыше трудов его. В скором времени избран он был епископом богоспасаемого града Чернигова и рукоположен тем же преосвященным митр. Никифором. Когда же вступил он на свой престол, тогда христоробивый князь Давид и княгини, бояре и все люди с неисповедимой радостью приняли его, как давшего церкви неисповедимую радость вписанием в сборник имени преподобного Феодосия, через которого с блаженным Феоктистом ожидаем и мы услышать эту радость: *«радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах»* (Лк. 10:20).

Поместим здесь и сказание блаженного епископа Симона о чудесном украшении золотом и серебром честной раки

преподобного отца нашего Феодосия, который украсил святую Печерскую церковь, как золотом и серебром нетленным, честными своими перенесенными мощами, а все прочие православные церкви почитанием святого имени своего. Было же это так.

По немалом времени от перенесения мощей преподобного отца нашего Феодосия, тысяцкий Георгий, сын Симона, внук Африкана, князей Варяжских, имевший княжескую область от князя Георгия Владимировича (Мономаховича) в земле Суздальской, в знак великой любви своей к преподобному пожелал украсить честную его раку. И он послал из града Суздаля в богоспасаемый город Киев, в Печерский святой монастырь одного из бояр своих именем Василий, и дал ему шестьсот гривен серебра и пятьдесят гривен золота, чтобы оковать честную раку преподобного. Взяв все с собой, Василий с неудовольствием отправился в путь, проклиная свою жизнь и день рождения своего и говоря себе: «Что это умыслил наш князь потратить такое богатство, и какая будет ему за это награда, что он оковал гроб мертвеца; как без толку собирал он, без толку и расточает. Тяжко мне одному, что не посмел я послушаться господина моего; к чему покинул я свой дом, и ради кого иду в этот горький путь, от кого приму я честь; не послан я ни к князю, ни к одному из вельмож, что скажу я той каменной горсти, и кто даст мне ответ, кто не посмеется безумному моему приходу!» Вот, что говорил он сопровождавшим его, и многое еще другое. Святой же Феодосий явился ему во сне, говоря с кротостью: «О, чадо, я хотел воздать тебе награду ради труда твоего, но, если ты не покаешься, то потерпишь много зла». Но Василий роптал, не переставая, и Господь навел на него великую беду за его грехи. Все кони пали, а остальное все украли у них воры, кроме того сокровища, которое они везли.

И, открыв посланное с ним сокровище для окования раки преподобного, Василий взял оттуда пятую часть золота и серебра и истратил это на приобретение коней, и не уразумел стряпшегося над ним гнева за хулу его. Когда же был он в Чернигове, упал с коня и разбился. Сопровождавшие Василия положили его в повозку и привезли в Киев. Был уже

вечер. В ту ночь явился ему святой Феодосий, говоря: «Василий, не слыхал ли ты слов Господних: „Приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтоб они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители“ (Лк. 16:9). И еще: „Кто принимает праведника во имя праведника, получит награду праведника“ (Мф. 10:41). Хорошо раздумал об этом сын мой Георгий, с ним и ты должен был быть увенчан за труд твой, и не всякий получает такую славу, какую ты должен был разделить с ним. Теперь же ты лишен всего. Но не отчаивайся в жизни своей; исцелиться ты не сможешь, иначе как покайся в своем согрешении. Прикажи нести себя в Печерский монастырь, в церковь Пресвятой Богородицы, пусть положат тебя на раку мою, и ты будешь здоров и найдешь в целости растраченное тобой серебро и золото». Все это не во сне, а наяву говорил в ту ночь Василию явившийся ему преподобный Феодосий. Утром пришел к Василию великий князь Георгий Владимирович со всеми боярами и, видя, что он сильно разбит, был тем опечален и ушел. Василий же, поверив видению святого, велел везти себя в Печерский монастырь. Когда они были на берегу, кто-то неизвестный вошел к игумену Печерскому со словами: «Иди скорее на берег, принеси Василия и положи его на гробе преподобного Феодосия. Когда же он подаст тебе сокровище, обличи его перед всеми, что он взял из него пятую часть, и, если он покается, прости ему». Сказав это, он стал невидим. Игумен Тимофей стал искать явившегося ему человека, но никто не видал входящих к нему или выходящих от него. Выйдя к Днепру, он ввел Василия на гору и положил его на раке святого Феодосия, и тот встал здоровый и целый телом. Потом он начал передавать игумену врученное ему сокровище со словами: «Вот четыреста гривен серебра и сорок – золота». Игумен же спросил: «Чад, где еще сто гривен серебра и десять – золота?» И Василий начал каяться, говоря: «Я взял их и истратил. Потерпи на мне, отче, я все отдам тебе. Я думал утаить это от всевидящего Бога». Тогда высыпали сокровище из сосуда, в котором оно было запечатано, и, когда пред всеми сосчитали, оно оказалось совершенно целым, пятьсот гривен серебра и пятьдесят – золота, и все

прославили Бога и святого Феодосия. И тогда Василий стал исповедовать по порядку явление святого и свои дела. На следующий день князь, взяв с собой врачей, пришел на то место, где видел Василия разбитым, чтоб уврачевать его, и не нашел его. Услыхав, что его отвезли в Печерский монастырь, и думая, что он уже умер, князь поехал поскорее в монастырь и застал его здоровым, как будто он вовсе не болел. Услыхав от него дивные чудеса, князь ужаснулся и, полный духовной радости, пришел поклониться чудотворному гробу преподобного отца нашего Феодосия и потом уехал.

Узнав обо всем случившемся, тысяцкий Георгий Симонович еще более возымел в душе усердие к Пресвятой Богородице и ко святому Феодосию, и к своему богатому кладу приложил еще гривну, которую носил сам и в которой было сто гривен золота, и написал так:

«Я, Георгий, сын Симонов, раб Пресвятой Владычицы Богородицы и святого Феодосия, был благословен святой его рукой. Некогда болел я три года глазами, не видел и солнечных лучей, и по слову его был исцелен, услышав из уст его „прозри“ – и прозрел. И потому пишу я грамоту эту последним потомкам рода моего. Пусть никто из них не оставит обитель Пресвятой Владычицы Богородицы и преподобных отцов Антония и Феодосия Киево-Печерских. Если кто из них дойдет до крайнего убожества и ничего не будет в состоянии дать, пусть хоть будет положен в вотчинах той церкви, ибо и там заступает молитва преподобного Антония и Феодосия. Когда мы с половцами пришли на князя Изяслава Мстиславича, видели мы издалека высокий город и направились к нему. Но никто не знал, какой это город. Половцы, сразившись у него, были много поранены, и мы побежали от того города. Потом же мы узнали, что это село Пресвятой Богородицы, Печерской обители, а города там никогда не было, и даже жители того села не поняли того, что произошло, и, выйдя поутру и увидав разлитую кровь, изумлялись. Пишу я вам потому, что все вы вписаны в молитву святого Феодосия, ибо он обещался отцу моему Симону молиться о нас, как о своих черноризцах, и написал молитву, которую отец мой приказал вложить себе в руку, когда

предстояло ему быть положенным во гроб, ожидая исполнения обета святого. И мой отец являлся одному из богоносных отцов, и сказал ему: „Передай сыну моему Георгию, что я получил вечные блага по молитвам святого. Постарайся и ты, чадо, прийти ко мне добрыми делами. Кто не захочет молитв и благословения святого Феодосия и уклонится от него, тот изберет себе проклятие – и да падет оно на него“».

Здесь кончается грамота названного христолюбца Георгия. И мы, кончая сказание это, примем от него наставление, не уклоняться от благословения и много поспешествующей молитвы преподобного отца нашего Феодосия, но будем приближаться к нему добрыми делами, и приблизится он к нам.

Итак, да убоимся мы проклятия, но получим благословение, и будем наследники Царствия, уготованного от сложения мира, во Христе Иисусе Господе нашем, Которым и с Которым Отцу вместе со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Похвала преподобному и богоносному отцу нашему Феодосию, игумену, начальнику иноческого устава в Руси

«Когда умножаются праведники, веселится народ» (Притч. 29:2), говорит премудрый Соломон о преставившихся святых. Ибо – день радости и веселья, когда праведный и преподобный муж приходит к своему последнему дню, ибо окончены труды, и начинается для него покой, отвержены печали, и находит он веселье: оставивши землю, идет на небо; разлученный с людьми и лишенный их временного видения, вселяется с ангелами и сподобляется видеть Бога.

В этот день вспоминаем мы, что учитель наш, наставник и пастырь преставился в вечную жизнь – великий во отцах отец Феодосий, неугасающий светильник, трудоположник и чудотворец земли Русской. Где же радость больше той, что мы сподобились видеть отца и учителя нашего отошедшим к Господу и принявшим венец нетления, стоящим всегда у престола Владыки и имеющим дерзновение молить о нас Владыку.

Не только сын, но и рабы радуются тому, что господин их приближен к земному царю после многих трудов и побед над врагами царскими. И мы, как сыновья и рабы, ликуем и весело празднуем, зная, что преподобный отец и господин наш получил великую честь у Господа Вседержителя и исходатайствовал многим вечную жизнь. Возвеличим же похвалами подвиги его и победы над духами неприяни.

Но кто из земных людей достойно восхвалит или возвеличит этого небесного человека и земного ангела, чиноначальника инокам, ведущим ангельскую жизнь? Мы, люди русские, сидевшие во тьме, увидели свет веры и начало пути к Богу, то есть святое крещение, через апостола, посланного нам от Бога, благоверного князя Владимира, который сам познал Бога, и, указав нам на него, снял покров неведения с глаз наших, и мы были озарены светом Триипостасного Божества.

Другой же путь к Богу есть ближайший – это святой ангельский иноческий чин. На него указал Христос ученикам своим, говоря: *«Всякий, кто оставит дом или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную»* (Мф. 19:29). Через кого же в земле Русской узнали об этом ближайшем к Богу пути, и кто тот, кто показал нам, как поднять бремя легкое и последовать тем путем Христу? Кто, как не преподобный отец наш Феодосий, наставленный учителем своим, преподобным Антонием? И прежде него были люди, уходившие от мира, чтоб идти узким путем; но через него передан всем русским монастырям чин и устав. И никто другой не показал прежде в таком совершенстве умерщвление земного человека, как он с учителем своим преподобным Антонием, ибо он исполнил притчу Господа, сказавшего: *«Если зерно пшеничное, падши в землю не умрет, то останется одно; а если умрет, то принесет много плода»* (Ин. 12:24). Он умер для мира и был в пещере как зерно в земле – ожил же во Христе и принес много плодов иноков, порожденных им духом и упасенных в благочестии и правде. Он умножил талант, данный ему от Бога, и слышит слова: *«Добрый и верный раб! в малом ты был верен; над многим тебя поставлю»* (Мф. 25:21).

Об этом воистину сказал Господь: *«Многие последние будут первыми»* (Мф. 19:30). И хотя он жил в последние времена, но крепостью и любовью Божией, сиявшими в нем, он превзошел многих, живших прежде него.

Еще в юности своей он отвращался от всего земного и думал о небесном; от чрева матери был чистым сосудом Святому Духу, не возлюбил славу мира этого и принял вольную нищету, подражая Господу своему: ни во что вменил сокровища мимотекущие, желая одного только того, чтоб стать пред лицом Божиим и в уединенной молитве беседовать с Ним Единым.

Много тяжких ран принял он от матери, наваждением злого нашего врага, который хотел отвлечь его от добрых помыслов, зная, что им он будет побежден. Но благодать Божия вела

святого отрока, и, как солнце на тверди небесной, он делами и учением своим просветил весь мир, изо дня в день становясь все лучшим, по Апостолу: *«Забывая прошедшее, и простираясь вперед»* (Флп. 3:13). Был он тверд в послушании матери, но больше всего исполнял Божественные повеления, поняв, мудростью Святого Духа, что трудно заботящимся о мире исполнить заповеди Господни. Потому, отвергнув все, он бежал, думая, что лучше на недолго оскорбить мать – через то Господь вразумил ее покинуть суетный мир, – чем лишиться Царства Господня.

Придя в Киев, он искал руководителя, который бы показал ему путь незаблуждающихся, путь ангельский и, много поискав, нашел – так как не оставляет Господь ищущих полезного – чудного мужа, совершенного смыслом и многоразумного, имеющего дар пророчества: Антония.

Придя к нему, блаженный Феодосий, юный возрастом и старый разумом, творил усердно приказанное им, исполнял же многое и сверх того. Служа немощным, он был, по Иову, *«глазами слепому и ногами хромому»* (Иов. 29:15). Всегда держал он в сердце апостольское слово: *«Носите бремена друг друга и таким образом исполните закон Христов»* (Гал. 6:2). И он понес тяготу не одного или двух, но, взяв на себя служение всей братии, всем собой подавал облегчение, и все через него получали немалое успокоение его подвигами, и Бог помогал ему и подавал телесную крепость. И исполняя все это ежедневно, он никогда не пропускал общей службы, не нарушал никогда келейного правила и смиренно прилежал исполнению устава отеческого, который был написан для приходящих к доброму труду и благому послушанию.

Потому и превознес его Бог, и тем, на которых он работал, вменяя себя за последнего и худшего из всех и за слугу всем: над теми он был поставлен пастырем, отцом и учителем. Когда игумен Варлаам был взят из монастыря князем и устроен в другом месте, Феодосий много отказывался от этого сана. Но, не будучи в состоянии послушаться учителя своего преподобного Антония и уразумев, что так решил Бог, был избран, хотя и по неволе. Тогда он предался еще большим трудам, думая: «если

много было забот о спасении себя одного, насколько больше о спасении многих». И говорил себе: «Феодосий, прибавь к трудам труды, и к подвигам подвиги; как явишься ты к своему Владыке, не управив хорошо Его стадом, как скажешь: *„Вот я и дети, которых дал мне Господь“* (Ис. 8:18)». Поэтому проводил он без сна все ночи, отчасти стоя на молитве, отчасти ходя по келиям и поднимая братию на молитву. И, будучи старшим, не оставлял доброго обычая быть первым на работах; иногда носил воду, иногда рубил дрова, подавая собой пример всей братии.

Когда начинался святой Великий пост, тогда храбрый Христов воин, гнушавшийся всех земных вещей и, отлучаясь от общения с людьми, отходил от братии и затворялся один в пещере, где проводил всю святую четыредесятницу и один беседовал в молитве с единым Богом. Кто расскажет о том, какие он там претерпевал труды и болезни, рыдания и слезы, пост крепкий и брань с лукавыми духами? Когда же приближался светлый день воскресения Господа нашего Иисуса Христа, тогда преподобный приходил, как Моисей с горы Синайской, сияя сильнее, чем лицо Моисея. И никогда не нарушил он этого устава своего. Потому и сподобился там откровения Божия и узнал об исходе своем, что из этого света повелено ему перейти в бесконечный. Не утаил он этого от друзей и учеников своих. Но обещался молить Бога об обители Пречистой Богоматери и о чадах своих до Пришествия Господня. И как обещал он, так и сделал. И, чем большего сподобился он дерзновения к Богу, тем большую милость Господню подает нам во всякое время и всякий год, посещая и заступая, сохраняя и соблюдая стадо свое от врагов душ наших. Ибо когда кто-нибудь просил у честной его раки полезного к спасению, и был посрамлен в уповании своем или кто призывал с верой его святое имя и не был избавлен от душевной язвы и телесной болезни? Он нам апостол и проповедник, он нам вождь и правитель, он нам стена и ограждение, он нам похвала пред Богом и дерзновение к Богу.

Днесь, братие, нужно нам веселиться духовно и праздновать всей душой, имея пред глазами своими честную раку преподобного отца нашего Феодосия, в которой положено было утружденное святое его тело, изводящее лучи чудес во все концы Русской земли. Эта рака приняла в себя сокровище некрадомое, сосуд святого Духа и орган Божественный, честное тело отца нашего и учителя. Всматриваясь в нее, увидели как бы самого преподобного, неразлученного духом от тела, ибо в гробе положен он телом, а с нами всегда пребывает духом. И если видит, что мы живем по завету его, радуется и милостиво приближается к нам, хранит и соблюдает, как возлюбленных детей; если же начнем нерадеть о своем спасении, и не хранить наставлений его, тогда лишаемся его помощи.

Но, о, святой отче Феодосие, сам восполни недостатки наши добродетелями своими: без твоей помощи не можем мы сотворить ничего доброго. И вот, в день преставления твоего, собравшись в один лик, с любовью взываем тебе:

Радуйся, просвещение Русской земли, просиявшее как десница с востока и просветившее всех нас светом дел добрых.

Радуйся, описатель и образ, путь и вождь, правитель и наставник иноческому житию.

Радуйся, начальник и поборник, помощник и пособник хотящим спастись.

Радуйся, умноживший стадо словесных овец во дворе Божией Матери, как ни один ни прежде, ни после тебя, по всей Русской земле.

Радуйся, насадитель винограда Христова; ветви твои простерлись до моря и отросли до рек.

Радуйся тому, что тебе открыты были откровения Божии, и что ты был строитель обители Пречистой Божией Матери, которую создал ты в величественной красоте и принес в дар Божией Матери.

Радуйся, умноживший талант Господину своему, получил ты десять, и приобрел тысячу.

Радуйся, пажить Христова, напитавшая до избытка словесное стадо; и вкусившие чужестранных учений, затворясь

во дворе Матери Божией, соединились вместе с твоими чадами.

Радуйся, сладкий источник, пив из которого, монашеские полки чувствовали Божественную прохладу и без труда прошли тесный путь и вселились при ключах высоких вод.

Радуйся, пастырь и учитель, сохранивший стадо Христово от мысленного волка непорочно и невредимо, и приведший к начальнику пастырей, Христу.

Радуйся, огненный столп, светящий ярче того, который был при Моисее, ибо тот светил телесно, а ты духовно: тот вывел Израиля из пустыни, а ты верных из соблазнов суетной жизни; тот устрасил Амалика, а ты – диавола; тот ввел в землю обетованную, а ты – в райские пажити, где твои ученики ликуют.

Радуйся, земной ангел и небесный человек, раб и слуга Пречистой Божией Матери, ибо она не нашла иного строителя обители своей, как тебя, которого возлюбила, и обещала посещать благодатью даров, что и сбылось.

Радуйся, отче Феодосие, наша похвала и велелепие.

Лавра твоя хвалится тобой, и в концах вселенной славно имя твое. Страны дивятся отцам, бывшим в ней, что просияли они, как звезды на тверди небесной, явились исполнителями заповедей Божиих, прославились чудотворцами, приняли от Святого Духа дар прозрения и были учителями Божественного слова. Стеклись цари, поклонились князья, припали вельможи, вострепетали сильные, ужаснулись иноязычные, видя в твоей лавре небесных жителей, ходящих по земле и собирающихся в дом Божией Матери, как к Престолу Господню, непрестанно поющих ангельскую песнь и водворяющихся вместе с ангелами. Одни из них видели ясно ангелов, другие же беседовали с ними мысленно и душевно и знали духом, когда бывает приход благих ангелов, иные же чувственно прогоняли лукавых духов. Таковы отрасли твоего винограда, таковы ветви твоего корня, таковы столпы твоей храмины, таковы чада твоего порождения, таковы отцы твоей лавры, и подобало таким ученикам произойти от такого учителя.

Поистине река Святого Духа истекла из уст твоих, о которой учил Сам Христос Сын Божий, говоря иудеям: *«Кто верует в Меня... у того из чрева потекут реки воды живой. Сие сказал*

Он о Духе, которого имели принять верующие в Него» (Ин. 7:38–39). Та река течет и поит чад твоих до века. Изведя ту реку, апостолы привели все народы к Богу. Ту реку пили мученики и небрегли о теле своем и давали себя на раны и различные муки. Пив этой реки, отцы оставили города и села, богатства и дома и поселились в горах и в вертепах и в пещерах земных. Пили этой реки ученики твои, и небрегли о земном, но вперили весь ум к небу, приобрели, что желали, и вселились в Божественном свете, где лики бесплотных. Последуя им, прибегли мы в обитель Божией Матери, в твою надежду и ограждение, возложив все упование наше на Пречистую Деву Богородицу и на тебя, преблаженный отче Феодосие.

Если и не достигнем мы того, чтоб идти путем прежних учеников твоих, то мы поминаем, что обещали неложные твои уста, что всякий, кого постигнет смерть в обители Пречистой Богоматери и в надежде на тебя, если и несовершен будет в подвигах – ты восполнишь это и умолишь о нем Бога. Надеясь на то слово, молитвенно призываем тебя.

Сам знаешь ты, преподобный, если и молчим мы о том, что дни наши прошли в пустоте мира сего, и, опомнясь немного, прибегли мы в обитель Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и в твою святую ограду и приняли на себя иго Христово. Не предай же нас врагам душ наших, ибо они вооружились на нас и пленяют нас всякий час и порождают различными помыслами сердца наши, и отводят нас от Божия разума и принуждают нас любить мимотекущее, тленное и погружают нас до конца в глубину греховную. Но мы обрели в тебе кормчего, направь нас к пристанищу тихому, и утиши мысленную бурю, и умоли о нас общего Владыку, чтоб подал нам мысль, слово и дело, творить все по Его и по твоему завету.

Если же уклонимся с пути заповедей Его и не соблюдем тобой переданного устава, то ради веры нашей к Пречистой Деве и к тебе, отче святой, да причтет нас милосердый Владыка к лику чад твоих, ходивших без порока по стезям правды, и не отлучит нас от зренья светобразного своего лица, когда

возьмет нас отсюда. Но прежде, отче святой, посещай нас, находящихся в жизни этой, и соблюди от козней неприязни и от дел, отводящих нас от Бога; подай нам молитвами твоими житие чистое и богоугодное, воздвигни ум наш, падший леностно к земле, и испроси бодрость и стражу духовную и прощение прежним грехам. Если одолела нас рассеянность ума нашего, мы, имея в тебе пособника и помощника, пребывая в твоей Лавре, надеемся через тебя явиться свободными пред Богом и не быть под властью врагов видимых и невидимых. Ты сам сказал ученикам твоим: если по отшествии твоём к Богу, в этом месте будут умножаться иноки, и станет оно изобиловать всем нужным – из этого будет известно нам, что ты имеешь дерзновение к Богу и что молитва твоя к Нему благоприятна. Мы же, преподобный отче, знаем по равноапостольному житию и по страсотерпческому подвигу твоему, что и прежде исхода твоего имел ты дерзновение ко Вседержителю Богу, а тем более по исходе. Но ты сказал пророчество, указывая, что место Пресвятой Богородицы и святая твоя лавра возвеличатся и возрастут славой и силой, и предзнаменовывая, что беспрестанно будешь молиться о святой ограде твоей, как и совершилось истинное твое и неложное обещание. Ибо по преставлении твоём твое место не принадлежало никому и не было никем разрушено, но росло и возвышалось из года в год. Но вот, умножились грехи наши, совершились беззакония наши и злоба наша прогневала Бога и Божиим посещением, ради человеческих грехов, многие храмы Божии были разрушены, монастыри разорены и города покорены, и села опустели от набега народа незнаемого, народа немилостивого, народа, ни людей не стыдящегося, ни Бога не боящегося, не имеющего в себе человеколюбия. И мы, будучи повинны этой казни, и уже наказанные многими бедами и томлением, припадаем к тебе, принося мольбу – воздвигни руки твои от нас ко Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, чтоб воспомянула она свои древние милости к монастырю этому, который дан был ей в достояние. И да подаст Она нам облегчение в горькой печали нашей, отгонит лукавых

врагов и хулителей православной нашей веры, и сотворит святую Церковь Свою, которую Сама воздвигла в жилище Себе – неборимой, и да умножит стадо монастыря Своего, и посещает, как прежде, соблюдая и утверждая, заступая и храня от врагов видимых и невидимых, чтоб свободные душой и телом в этом мире жить богоугодно, как и прежние отцы наши, не зная над собой никакой власти, разве воли Пресвятой Владычицы и твоей, преподобне отче Феодосие.

Ведая, отче, твое благосердие, мы дерзнули, отче, направить язык наш на похвалу тебе, не потому что приносим тебе достойную хвалу, но надеясь приобрести от тебя помощь, прощение грехов наших и сохранение от прочих дурных увлечений.

Прославили тебя бесплотные силы, приняли тебя апостолы, прославили тебя пророки, обняли тебя мученики, срадуются тебя святители, встретили тебя лики черноризцев, возвеличила тебя сама Царица Пречистая Матерь Господня и превознесла тебя, и сделала тебя известным по всей земле и в концах вселенной.

Как же достойно можем восхвалить тебя, верный раб Господень, мы, имея скверные уста и нечистый язык? Но, не имея, что принести тебе в день преставления твоего, приносим тебе эту малую похвалу, как малый и смердящий поток, вливающийся в широту морскую, не для того, чтоб наполнить море, но чтоб избавиться от своего смрада. Итак, о, честная глава, преподобне отче наш Феодосие, не прогневайся, но моли о нас, грешных рабах твоих, чтоб не осудил нас в день Пришествия Своего Господь наш Иисус Христос, Которому слава со Безначальным Отцом и Единосущным Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Сказание о святой чудотворной церкви Печерской, каменной, Успения Пресвятой Богородицы

Как была она создана, украсилась и освящена, написанное блаженным Симоном, епископом Владимирским и Суздальским.

Пусть все знают, что волей и промыслием Самого Господа, ходатайством и молитвами Его Пречистой Матери была создана, украсилась и освящена Святая Боголепная небесиподобная Богородичная церковь каменная в святой великой чудотворной лавре, преподобных и богоносных отцов наших Антония и Феодосия Печерских, которая есть Архимандрия всей Русской земли. Сначала с блаженным епископом Симоном начинаем так слово о чудотворном начале создания ее.

Был в Варяжской земле князь Африкан, брат слепого Якуна, того, который некогда бился с полком своим за Ярослава, с лютым Мстиславом, братом его. У этого Африкана было два сына, Фрианд и Шимон. По смерти отца их, Якун изгнал обоих из области их. Шимон пришел на Русь к благоверному князю Ярославу, который принял его и держал в чести и поместил его у сына своего Всеволода, чтоб он был старейшим у него. Этот Шимон получил у Всеволода великую власть, и потом имел великую любовь к святому Печерскому монастырю. Причина же любви этой была следующая.

В княжение Изяслава Ярославича в Киеве, когда пришли на Русскую землю половцы, собрались против них три князя Ярославича – Изяслав, Святослав и Всеволод, имея с собой и этого Шимона. Он пришел к преподобному Антонию для молитвы и благословения на брань. Старец же, открыв неложные свои уста, ясно предсказал ожидающую их гибель. Тогда варяг пал к ногам старца и молил, чтоб ему спастись от такой беды. Блаженный же сказал ему: «О, чадо, многие из вас падут от острия меча, и, обращенные в бегство супостатами, будут истоптаны, переранены, утонут в воде; ты же будешь спасен и положен, в церкви, которая здесь создастся». Когда они пришли к реке Альте, обе рати сошлись, и христиане были побеждены гневом Божиим: князья побежали, и многие воеводы были убиты со множеством воинов. Шимон лежал раненый среди них. Посмотрев в высокое небо, он увидел великую церковь, как и прежде видел на море, и вспомнил слова Христовы, которые некогда слышал, и сказал: «Господи, избави меня от этой горькой смерти, молитвами Пречистой Твоей Матери и преподобных отцов наших Антония и Феодосия». И тут какая-то сила исторгла его из среды мертвых, и он исцелился от ран и нашел всех своих целыми и здоровыми. Возвратясь в Киев, он пришел опять к преподобному Антонию и рассказал ему, кроме последних событий, еще дивную вещь.

«Отец мой Африкан сделал громадный крест, в десять локтей, и изобразил на нем Богочеловеческое подобие Христа, и, почитая его, возложил на чресла Его пояс, в котором 50 гривен золота и золотой венец на главу Его. Когда Якун изгнал меня из моей области, я взял пояс с Иисуса и венец с главы Его, и слышал глас от образа, который обратился ко мне: „Не возлагай, человек, этого венца на Мою главу, но неси на приготовленное место, где преподобным создается церковь Матери Моей – и дай ему в руки, чтоб повесил над жертвенником Моим“. В страхе упал я и, оцепенев, лежал как мертвый. Потом же встал и сел на корабль. Когда мы плыли, поднялась большая буря, так что все мы отчаивались в своей жизни. Тогда вспомнил я о поясе, о котором ничего не слышал, и стал вопить: „Господи, прости мне; я погибаю ради

пояса, который взял с Твоего честного и человекоподобного образа“. И вот, я увидел высоко церковь, и думал – какая это церковь? и был свыше голос: „Та, которая создается преподобным во имя Божией Матери, и как видишь ты ее в величии и красоте, размерит он ее тем золотым поясом, в 20 поясов в ширину и 30 – в длину, в вышину же стены с верхом на 50. И в ней ты будешь положен“. После того на море легла тишина. Мы все прославили Бога и утешались безграничной радостью, что спаслись от горькой смерти». Рассказав все это, Симон прибавил: «Доселе, отче, я не знал, где создастся показанная мне церковь, пока не услышал из честных твоих уст, что я буду положен здесь в церкви, которая создастся». И, взяв золотой пояс, он дал его преподобному Антонию со словами: «Вот мера основания церкви той». Дал и венец, говоря: «Пусть этот венец будет повешен над святым жертвенником». Старец прославил за то Бога, и сказал: «Чадю, с этих пор пусть не будет тебе имя Симон, но Симон». Призвал святой Антоний блаженного Феодосия и сказал: «Симон – это он воздвигнет такую церковь». И передал блаженному тот пояс и венец. И с тех пор Симон имел великую любовь к святому строителю Феодосию, и жертвовал ему много на возведение Богом указанной церкви, и часто приходил к нему.

Однажды пришел этот Симон к преподобному Феодосию и, после обычной беседы, сказал ему: «Отче, прошу у тебя одного дара». Феодосий же отвечал: «Чадю, чего просит твое величие у нашего смирения?» Симон же сказал: «Я требую от тебя дара великого и превосходящего мои силы». Феодосий же снова ответил: «Ты знаешь, чадю, убожество наше, что часто у нас и хлеба не найдется на дневную пищу, а о другом и не знаю, есть ли у нас что». Симон же сказал ему: «Если хочешь, подай мне: ты можешь по данной тебе благодати от Господа, Который назвал тебя преподобным. Когда я снимал венец с главы Иисусовой, Он сказал мне: „неси на приготовленное ему место и дай в руки преподобному, который воздвигнет церковь Матери Моей“. И я прошу тебя дать мне слово, чтоб душа моя благословляла тебя как при жизни, так и по смерти моей и твоей». Отвечал ему святой: «О, Симон, выше силы

прошение, но если ты увидишь мое отшествие от мира и по моем отшествии увидишь, что церковь здесь воздвигнута, и переданные мной уставы здесь сохранены, тогда знай, что я имею дерзновение к Богу. А теперь не знаю еще, приятна ли моя молитва Богу». Симон же снова сказал: «О тебе свидетельствовал Господь, ибо я сам слышал Его слова о тебе от Пречистых уст святого Его образа. И поэтому молю тебя, как о своих черноризцах, так и о мне грешном помолись, так и о сыне моем Георгии, и до последних потомков рода моего». Святой же, подкрепляя обещание свое, сказал: «Не о них только молюсь, но и о всех, любящих это святое место». Тогда Симон, поклонясь до земли, сказал: «Отче, чтоб мне не уходить от тебя неуспокоенным, – не подтвердишь ли ты это грамотой?» Принужденный любовью к нему, преподобный написал так: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, молитвами Пресвятой Владычицы нашей Богородицы и Приснодевы Марии, и святых сил бесплотных». И прочие слова разрешительной иерейской молитвы, и окончил так: «Да будешь прощен в этом веке и в будущем, когда придет праведный Судия судить живым и мертвым». Эту молитву с тех пор начали влагать в руки умершим, как первый приказал вложить себе Симон. При этой молитве Симон приписал следующее: «Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем, воздать каждому по делам его, тогда, Владыко, и рабов твоих Симона и Георгия сподоби стать во славе Твоей одесную Тебя, и услышать благий глас Твой: *Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира*» (Мф. 25:34). И сказал опять Симон: «Помолись еще, отче, чтоб были отпущены грехи и родителям моим и ближним моим». Преподобный же Феодосий, воздев руки свои, сказал: «*Да благословит вас Господь с Сиона и увидите благоденствие Иерусалима во все дни жизни нашей*» (Пс. 127:6). Симон же принял благословение и молитву от святого как некий многоценный бисер, и желал не расставаться с писанием этим, отходя и во гроб, как впоследствии и сбылось. И так как он прежде был варяг, с тех пор благодатью Божией и наставлениями святого Феодосия, оставил латинскую

ересь и принял истинную православную Христову веру со всем домом своим, в котором было до трех тысяч душ, и с иереями своими; и сделал так ради чудес преподобных отец наших Антония и Феодосия Печерских. По немалом времени, когда соорудилась святая Печерская церковь, первым положен в ней был Симон, по откровению свыше и по предсказанию преподобного Антония.

Этот достохвальный Симон ясно показал благодатными явлениями, что создание святой Печерской церкви, прежде чем совершилось на земле, изобразилось и предначерталось на небе, так что здесь исполнилось слово псалма. *«Сам Вышний укрепил ее»* (Пс. 86:5). Ходатайством Царицы Небесной это впоследствии подтвердилось еще явственнее таким образом.

Когда прошло несколько лет с того дня, как Симон дал пояс и венец, пришли из Царьграда мастера, четверо очень богатых церковных зодчих, к преподобному Антонию и Феодосию Печерским, и сказали: «Где хотите начать строить церковь?» Они отвечали: «Где Господь укажет это место». Мастера сказали на это: «Чудная вещь; вы узнали время своей смерти, а еще не назначили места для церкви, дав нам за работу столько золота». Тогда преподобные Антоний и Феодосий, призвав всю братию, спросили греков: «Скажите нам правду, что значат ваши слова?» Мастера отвечали: «Однажды рано, когда мы спали в наших домах, на восходе солнца, к каждому из нас пришли благообразные юноши, говоря: „Зовет вас Царица во Влахерну“. Мы же пошли, взяв с собой друзей и родственников своих, и встретились во Влахерне, придя все в одно время. И, когда поговорили друг с другом, узнали, что слышали тот же зов к Царице и что одни и те же юноши звали нас. Мы увидели Царицу и множество воинов вокруг Нее, и поклонились Ей. И она сказала нам: „Хочу Церковь воздвигнуть Себе на Руси, в Киеве, повелеваю вам взять с собой золота на три года и идти строить ее“. Мы же, поклонись, сказали Ей: „О, Госпоже Царице, Ты посылаешь нас в чужую страну, к кому туда идем мы?“ Она же сказала: „Я посылаю здесь предстоящих, Антония и Феодосия“. Мы спросили: „Ты на три года даешь нам

золота, Госпоже; так скажи им, чтобы у нас была пища и все нужное. Сама знаешь Ты, чем нас наградить“. Царица же сказала: „Этот Антоний только благословит вас на дело, а сам отойдет в вечный покой. Феодосий же пойдет за ним на второй год. Итак, возьмите золота до избытку, и идите. А наградить никто не может так, как Я. Я дам вам то, что глаз не видел, ухо не слышало, что не приходит на сердце человеку (1Кор. 2:9). Приду Я и Сама видеть церковь, и хочу в ней жить“. Дала же Она нам и мощи святых мучеников Артемия, Полиевкта, Леонтия, Акакия, Арефы, Иакова, Феодора, говоря: положите это в основание церкви. Мы же, взяв святые мощи, золото и прочее нужное нам, спросили Царицу о величине церкви. И Она сказала нам: „В меру послала Я пояс Сына моего, по Его повелению; но войдите на открытое место и увидите размеры ее“. Мы вышли и увидели церковь на воздухе и, вернувшись, поклонились опять Царице и спросили: „Госпоже, в чье имя будет церковь“? Она сказала: „Хочу назвать ее в Мое имя“. Мы не дерзнули спросить Ее, как Ее имя. Царица же сказала сама: „Церковь будет Богородичная“. И Она дала нам эту святую икону, говоря: „Она да будет Наместницею!“ Мы, поклонясь, пошли в дома свои, имея с собой эту икону, которую приняли из рук Царицы». Услыхав этот рассказ, все прославили Бога и Матерь Его. И отвечал мастерам святой Антоний: «Чада, мы никогда не выходили к вам с этого места». Греки же сказали с клятвой: «От ваших рук приняли мы Царицыно золото пред многими свидетелями. Мы проводили вас с ними до корабля, и, пробыв, по отъезде вашем дома один месяц, отправились в путь, и теперь десятый день, что мы вышли из Царьграда». И отвечал им тогда преподобный Антоний: «О, чада, великой благодати сподобил вас Христос, потому что вы исполнители Его воли. Те благообразные юноши, звавшие вас, – пресветлые ангелы, а Царица во Влахерне, – это явилась вам видимо Сама Пресвятая, Чистая и Непорочная Владычица наша Богородица и Приснодева Мария. А воины, которые окружали Ее – это тоже бесплотные силы ангельские. Относительно же нашего сходства и вручения вам золота – Бог Один знает, как сотворил Он с рабами своими. Благословен

приход ваш, и добрая с вами Спутница – эта честная икона Госпожи Богородицы: Она да дарует вам, как обещалась, то, что глаз не видел и ухо не слышало, и что не пришло на сердце человеческое (1Кор. 2:9). Ибо этого никто не может дать; только Он и Сын Ее Господь Бог и Спас наш Иисус Христос, чей пояс и венец принесен здесь варягом, и сказана была мера ширины, длины и вышины той пречестной церкви, о чем был с неба, от велепной славы, голос Симону варягу, давшему нам этот пояс».

Явление Пресв. Владычнемъ зодчимъ во Влахернѣ.

Со страхом поклонились греки святым и просили их, как и прежде, показать место для строения церкви. Преподобный же Антоний сказал: «Мы проведем три дня в молитве, и Господь покажет нам».

Для начала такого дела, по внушению Божию, собралось на поле множество людей, никем не званных, и стали выбирать место для создания церкви. Одни говорили – здесь, другие – там, но удобного места не находилось. Около была земля князя. И, по устройению Божию, в это время мимо проезжал сам благоверный князь Святослав. Увидав много народу, он спросил, что они здесь делают, и, узнав – свернул коня с дороги, подъехал к ним, и, как бы руководимый Богом, показал им место на своем поле и велел им (зодчим) воздвигнуть там церковь, о которой они говорили.

Молились преподобные до трех дней. И когда молился преподобный Антоний в первую ночь, явился ему Господь, говоря: «Антоний, ты обрел благодать предо Мной». Преподобный же Антоний сказал Ему: «Господи, если обрел благодать пред Тобою – да будет по всей земле роса, а на месте, которое Ты благоволишь освятить, пусть будет сухо». И на другой день нашли то место, где теперь церковь, сухим, а по всей земле вокруг – росу. В другую же ночь, тоже помолясь, преподобный Антоний сказал: «Господи, да будет по всей земле суша, а на месте святом роса!» И когда пришли туда, так и оказалось.

В третий же день, став на месте том, они помолились, преподобный Антоний благословил место, и измерили ширину его и длину Христовым золотым поясом, принесенным Симоном из Варяжской земли, по той мере, которую Симон на море слышал с неба.

Тогда преподобный Антоний, подняв руки к небу, воззвал громким голосом, как некогда Илия: *«Услыши меня, Господи, услыши меня днесь огнем, да познает народ сей, что Ты хочешь сего»* (ЗИн. 18:37). И упал огонь с небес и пожог весь хворост и терние, и истребил росу, и сделал углубление, подобное рву на размеренном месте. Те, кто были со святым, пали от страха, как мертвые. Итак, благодатью Божией было утверждено то Богом избранное место под руководством и при молитвах святого первоначальника Антония. Как и прежде, благодать, сошедшая на место это, продолжала проявляться то пламенем, исходящим на нее от старой церкви как бы дугой, иногда же появлением ангелов с иконой. Это было ответом на моление преподобного строителя Феодосия, как и пишется в житии его.

Когда место таким образом определилось, была основана святая чудотворная Богородичная Печерская каменная церковь преподобными отцами нашими, Антонием и Феодосием Печерскими, в год от создания мира 6581, от Рождества же Христова 1073, при боголюбивом епископе Михаиле, во время пребывания в Греции митрополита Георгия, во дни благоверного князя Святослава Ярославича, который начал своими руками

копать ров под основание и дал сто гривен золота в помощь блаженному строителю Феодосию.

В основание под стенами положили и мощи святых мучеников, данные мастерам во Влахерне от Пресвятой Богородицы. По Ее пророчеству, преподобный Антоний, прожив потом недолго, в тот же год отошел на вечный покой. Блаженный же Феодосий тщательно заботился о создании церкви, но во второй год после преподобного Антония, когда уже вывел церковь из основания, сам вознесен был от земли на небо. Когда же блаженный Стефан, после преподобного Феодосия, принял игуменство, он полностью отстроил святую Печерскую церковь в третий год. Этот блаженный Стефан видел сам те преславные чудеса: как пришли мастера с иконой и поведали видение Царицы во Влахерне. Потому, по выходе своем из Печерского монастыря, в память преславных тех чудес создал Влахернскую церковь на Клове. Благоверный князь Владимир Мономах Всеволодович, еще юный, был тоже очевидцем тому дивному чуду, как огонь спал с неба, и выгорела яма там, где было положено церковное основание золотым поясом.

Слух об этом распространился по всей земле Русской. Поэтому и князь Всеволод с сыном своим Владимиром приехал из Переяслава узнать подробнее о столь великих чудесах. В это время Владимир был болен и, опоясанный этим золотым поясом, тут же исцелился, молитвами святых отец наших Антония и Феодосия. И христолюбивый Владимир, взяв меру этой Богом знаменованной Печерской церкви, и в своем княжении, в городе Ростове, создал церковь, подобную вышиной, шириной и длиной, и записал себе на хартию, где изображен каждый праздник в этой святой церкви, и по этой записи устроил все в своей церкви.

Сын его, князь Георгий, услышав от отца своего, Владимира, чудеса, бывшие в этой церкви, создал церковь в ту же меру в своем княжестве, в городе Суздале.

Но все те церкви, созданные людьми, после многих лет распались, а эта единая церковь, Богом созданная, пребывает неразоримой.

Но перейдем теперь к повествованию об иконном украшении этой святой церкви.

Об иконном украшении

Через десять лет от пришествия мастеров церковных зодчих, из того же богохранимого Константинограда пришли мастера иконного писания к блаженному Никону, бывшему тогда игуменом Печерским, и сказали: «Дай нам видеть тех, которые уговаривались с нами о работах по иконному писанию; хотим мы с ними счестся – они показали нам для расписания малую церковь, и мы уговорились с ними пред многими свидетелями, а эта церковь очень велика. Или возьмите ваше золото, а мы возвратимся в Царьград».

Слышав это, усомнился игумен и сказал иконописцам: «Каковы на вид были уговаривавшиеся с вами?» Иконописцы рассказали ему о их внешности и лицах, и об их именах – один Антоний, другой Феодосий. И сказал им игумен: «О, чада, невозможно вам их показать, ибо более десяти лет отошли они к Богу, и непрестанно молятся за нас, храня эту церковь, соблюдая свой монастырь и заботясь о живущих в нем».

Иконописцы ужаснулись этому ответу. Они привели многих купцов, пришедших с ними оттуда же, и сказали игумену: «Пред ними сговаривались мы с теми иноками и приняли золото из рук их; а ты не хочешь нам показать их. Если же они преставились, покажи нам образ их, чтоб и купцы могли видеть, те ли это

были». Тогда игумен пред всеми вынес икону преподобных отцов наших Антония и Феодосия Печерских.

Греки, видя образ их, поклонились со словами: «Это были воистину они, и мы веруем, что они живы и по смерти, и могут помогать, заступать и спасать прибегающих к ним». И купцы дали мусию, привезенную ими на продажу и украшавшую впоследствии святой алтарь.

Иконописцы же стали каяться в своем согрешении и поведали следующее.

«Когда, – говорили они, – приплыли мы на ладье в Канев, мы увидели эту великую церковь на высоте и спросили бывших там людей, какая это церковь. Они отвечали – Печерская, которой вы – украсители. Мы, недовольные тем, что она так велика, хотели плыть назад, вниз. И в ту ночь была сильная буря на реке. Встав же поутру, мы очутились близ Треполя.

Ладья сама шла вверх, против воды, как будто какая-то сила влекла ее; с трудом мы удержали ее и стояли весь день, размышляя, что это значит, что за одну ночь, не гребя, проехали мы такой путь, который другие с трудом совершают в три дня. В следующую ночь мы видели в видении эту церковь и в ней наместную чудотворную икону Пресвятой Богородицы, говорящую нам: „Люди, что вы мятетесь все, не покоряясь воле Сына Моего и Моей. Если послушаетесь Меня и задумаете плыть вниз, – Я возьму всех вас и поставлю у церкви Моей; и знайте, что вы не выйдете оттуда, но постригшись там в монастыре, окончите свою жизнь, и Я вам дам милость в будущем веке, ради этих строителей Антония и Феодосия...“ Встав поутру, мы опять хотели плыть вниз, и много потрудились над веслами, но ладья шла вверх, наперекор нам. Тогда, покорившись, предали мы себя воле и силе Божией и скоро ладья пристала сама под монастырем».

Когда они окончили рассказ, тогда все вместе, черноризцы и греческие зодчие и иконописцы, прославили великого Бога и Пречистую Его Матерь, и чудотворную Ее икону, и преподобных отцов Антония и Феодосия.

Иконописцы принялись за дело украшения святой церкви, а Господь помогал им прочими дивными знамениями, как можно

видеть из следующего.

Когда эти мастера украшали мусией алтарь Богом созданной этой церкви, тогда образ Пресвятой Владычицы нашей Богородицы сам изобразился в алтаре, в то время, как все иконописцы находились внутри алтаря (тогда им помогал, учась у них, и преподобный Алипий), и все видели то дивное и страшное чудо. И, когда смотрели они на образ, внезапно образ просиял ярче солнца, так что не могли они вынести и в ужасе пали ниц. Поднявшись немного, они хотели видеть то чудо, и вот, из уст того образа Пресвятой Богородицы вылетел белый голубь, взлетел высоко к образу Спасителя и там скрылся. Все находившиеся в церкви смотрели, не из церкви ли он вылетел, и, на виду у всех голубь опять вылетел из уст Спасителя и летал по всей церкви, подлетая к каждому образу святых и садясь – одному на руку, другому же – на голову. Потом, слетев вниз, он сел за наместной чудотворной иконой Пресвятой Богородицы. Стоявшие внизу хотели поймать голубя, и приставили лестницу, но не нашли его ни за иконой, ни за завесой. Осмотрев всюду, они не отыскиали, где скрылся голубь. И все стояли, взирая на икону, явившуюся в алтаре, и снова пред ними вылетел голубь из уст того образа Пресвятой Богородицы и полетел вверх, к образу Спасителя. Стоявшие же внизу закричали к расписывавшим верх храма: «Ловите его!» И те вытянули руки, чтоб поймать его, а голубь снова влетел в уста Спасителя. И вот, свет ярче солнца осиял их, и они, падши ниц, поклонились Господу, что сподобились видеть действо Пресвятого Духа, пребывающего в той святой церкви Печерской. Украшая среди таких чудотворений святую небесиподобную церковь, мастера иконного писания украшали и самих себя различными добродетелями и, богоугодно пожив в иноческом образе, окончили жизнь свою в том же святом Печерском монастыре, как и мастера каменного зодчества; и те и другие были положены в своем притворе в пещере преподобного Антония, где и доныне лежат нетленно.

Итак, исполнилось предсказание, которое слышали те блаженные иконописцы, когда они хотели идти в Царьград, и им

явилась святая Печерская церковь и ее Пречестная икона, и сказала: «Не уйдете оттуда, но, постригшись там, окончите свою жизнь».

Замечательно и другое чудо, над той же святой, Богом созданной и Богом украшенной каменной Печерской церковью Успения Пресвятой Богородицы и над пречестной Ее чудотворной иконой, бывшее в те времена, о чем нам следует вспомнить.

Были двое славных мужей в городе Киеве, друзья между собой, Иоанн и Сергей. Придя в Богом нареченную Печерскую церковь, они увидели свет ярче солнца на чудотворной иконе Пресвятой Богородицы, и пред ней заключили духовное братство. Через много лет Иоанн заболел к смерти. Оставляя сына своего Захарию пятилетним, он призвал игумена Печерского, блаженного Никона, и в его присутствии раздав имение свое нищим, сыновнюю часть тысячу гривен серебра и сто гривен золота – дал Сергию, ему же поручил растить юного сына своего Захарию, как другу своему и брату верному, заповедав, когда сын вырастет, ему отдать серебро и золото. Распорядившись так, он вскоре умер.

Когда Захарию исполнилось 15 лет, он захотел взять у Сергия свое серебро и золото. Но Сергей, уязвленный дьяволом и рассчитывая приобрести богатство, решился погубить и жизнь, и душу свою. Он отвечал юноше: «Твой отец все имение отдал Богу, у Него проси серебра и золота, Он даст тебе, если сжалится; я же неповинен ни твоему отцу, ни тебе ни в одной златнице. Это сделал отец твой своим безумием, роздал все имение свое на милостыню, тебя же оставил нищим и убогим».

Услышав это, юноша начал плакать о своей бедности. Он предложил Сергию: «Дай мне хоть половину наследия моего, а тебе да будет равная часть». Но Сергей жестокими словами укорял отца его и его самого. Захария стал просить третью часть, даже десятую, и, увидав себя лишенным всего, сказал Сергию: «Если ты ничего не принимал, иди, клянись мне в церкви Печерской, пред чудотворной иконой Пресвятой

Богородицы, где заключил ты с моим отцом союз братолюбия». Сергей, не отказываясь, пошел в церковь и, став пред иконой Пресвятой Богородицы, сказал с клятвой: «Не брал я тысячи гривен серебра, ни ста гривен золота». Он намеревался поцеловать икону, но не мог приблизиться к ней. Выходя из дверей, он начал вопить: «преподобные отцы Антоний и Феодосий, запретите этому немилостивому ангелу губить меня, молитесь Пресвятой Госпоже Богородице, чтоб отогнала Она от меня многих бесов, которым я предан, и пусть возьмут серебро и золото, скрытого в клети моей...» На всех напал страх.

И с тех пор не давали никому клясться пред иконой Пресвятой Богородицы. Послали в дом Сергия и взяли запечатанный сосуд, и нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота. Так усугубил Бог, воздаятель милостивым. Захария же отдал все игумену – тогда был уже Иоанн, – чтоб тот израсходовал их, как хочет; сам же постригся и окончил жизнь свою в святом Печерском монастыре. На это серебро и золото была устроена церковь святого Иоанна Предтечи – там, где находится лестница на хоры святой великой церкви Печерской, в память боярина Иоанна и сына его Захарии, которым принадлежало серебро и золото.

Изложив все это о чудесах при иконном расписании, расскажем, как Вышний освятил селение Матери Своей.

В первый год игуменства, блаженного Иоанна, при митрополите также Иоанне, благодать Божия благоволила освятить при таких чудесах чудотворно созданную и чудотворно украшенную Печерскую церковь.

Когда готовились к чину освящения, – не было каменной доски для устройства святого престола; много хлопотали о том, чтоб сделать каменную доску, но не нашлось тогда ни одного мастера, и потому сделали деревянную доску. Преосвященный же митрополит Иоанн не хотел, чтоб на святом престоле в такой великой церкви была деревянная доска; игумен с братией были в сильной печали; так как прошло несколько дней, а освящения

все не было. В тринадцатый день августа иноки вошли в церковь, петь по обычаю вечерню, и увидели положенную у алтарной перегородки каменную доску и столбы для устройства святого престола. Они немедленно известили о том митрополита. Он же похвалил Бога и приказал, чтоб вечерня служилась, как пред освящением. Долго искали повсюду, по воде и по суше, откуда и кем могла быть привезена такая доска, и как была внесена в запертую церковь, но не нашли никакого следа. Послали туда, где делались такие предметы, три гривны серебра за труды тому мастеру, но, при повсеместных поисках, не оказалось на земле человека, сработавшего эту вещь. Это Сам Небесный Делатель и Промыслитель всего благого сделал ее и положил ее там, где должны были предлагаться Его пречистое Тело и честная Кровь, благоволя быть закалаем всякий день за весь мир на той трапезе, которую Сам даровал, – в доме Матери Своей. Но не конец еще чудесам.

На следующий по чудотворном обретении той доски день преосвященный митрополит Иоанн был в великой печали, что пришло время освящению церкви Печерской, а с ним не было на освящении ни одного епископа, потому что расстояние между ними было далекое. И вот, внезапно силой Божией предстали епископы Иоанн Черниговский, Исаия Ростовский, Антоний Юрьевский, Лука Белгородский, не званные никем из людей, – и были как раз к чину освящения. Преосвященный митрополит Иоанн сильно удивился тому, потому что не посылал никого за епископами, и спросил их: «Отчего вы пришли, не будучи званы?» Они отвечали: «Посланный от тебя, владыко, юноша пришел к нам и сказал: „В четырнадцатый день августа будет освящаться Печерская церковь. Будьте тогда готовы к литургии“. Мы, услышав это приглашение, теперь пришли сюда». Антоний, епископ Юрьевский, отвечал: «Я был болен. В эту ночь вошел ко мне черноризец и сказал: „Заутра будет освящаться Печерская церковь. Будь там!“ Как только услышал я это, сделался здоров, – и вот я здесь, по повелению вашему». Митрополит хотел найти людей, которые звали их, и тогда внезапно раздался глас: «...делают расследование

за исследованием...» (Пс. 63:7). Он поднял руки к небу и сказал: «О, Пресвятая Госпожа Богородица, как к Своему преставлению Ты собрала апостолов из концов вселенной для честного погребения Твоего, так и ныне для освящения церкви Своей собрала Ты их наместников и наших сослужебников. Благослови нас на дело это и помоги нам ради славы Сына Твоего и Твоей». Тогда все были в ужасе от столь великих чудес, которые тем еще не кончаются. Трижды обошли церковь и, придя к дверям, начали петь: *«Поднимите, врата, верх и ваши, и поднимитесь...»* (Пс. 23:7), и некому было в ответ пропеть церкви: «Кто есть сей Царь славы?» потому что в ней не оставили никого. И было общее молчание, вдруг изнутри церкви послышался голос, как ангельский, говорящий: «Кто есть сей Царь славы?» Стали искать тех певцов, откуда и как вошли они в церковь, когда все двери были затворены; но никого в церкви не нашлось. И поняли все, что все устраивается Божиим Промыслом о той святой церкви, так что все говорили о ней с апостолом: *«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?»* (Рим. 11:33–34). И так, совершилось освящение святой Печерской церкви в год от создания мира 6597, а от Рождества Христова 1089, в 14-й день августа, при благоверном князе киевском Всеволоде Ярославиче, при помощи во всем Господа Бога и чудесах Его, молитвами Пречистой Его Матери и преподобных отец наших Антония и Феодосия Печерских.

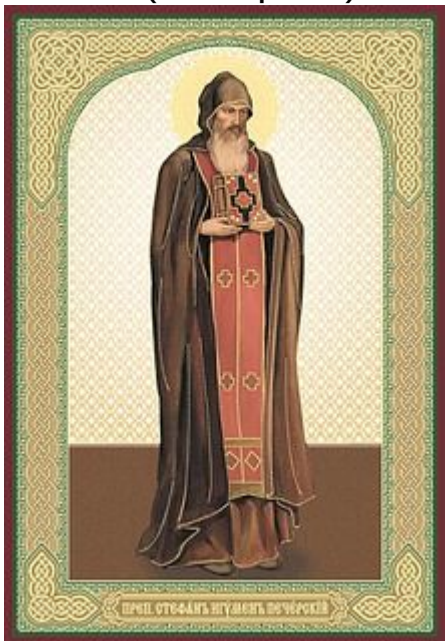
Что же, братие, удивительнее этого сказать? Прочтя книги Ветхого и Нового Завета, нигде не найдешь таких чудес, бывших над святыми церквами, как над этой. Еще прежде начала своего она была предзнаменована и в земле Варяжской Самим Господом, Который прислал ей венец и пояс от честного Своего образа и показал подобие ее, и в земле Греческой Пресвятой Богородицей, Которая прислала ей икону Свою и мощи святых мучеников и тоже показала подобие ее. В начале и во всем сооружении ее, которое состояло из трех частей – построения, украшения и освящения – всюду явилось действие Святой

Троицы, и здесь ясно видна скиния, которую сооружал Господь, а не человек. Так, в начале создания этой церкви Сам Бог Отец, Который называется Ветхий деньми, знаменовал место сушью, потому что, сухость след ветхости или старости; Сын, Который сошел как роса на руно, низвел росу; Дух Святой, Который сошел огненными языками, ниспослал огонь с неба. Также и во время украшения – Отец, Который по образу Своему создал человека, изобразил в алтаре мусией образ Пресвятой Богородицы без руки иконописцев; Сын, Который есть Солнце Правды, наполнил тогда церковь сиянием; Дух Святой, Который явился в образе голубя, показал видение голубя, вылетевшего из уст образа. Наконец, во время освящения, Отец, Который некогда на скрижалях каменных передал закон, даровал камень на Святой Престол; Сын, Который есть Архиерей превысший небес, собрал архиереев вышеестественным образом; Дух Святой, Который есть язык, изглаголавший вещание во всю землю, произнес ответ из середины церкви, когда там никого не было. Если же среди столь великих знамений Бог, в Троице покланяемый, возлюбил соорудить Себе здесь пречестную церковь эту во имя любимой Им Царицы Небесной, ясно, что Бог и пребывает в ней с любовью, а с Ним и Царица, предстоящая одесную Его, Заступница и Прибежище всех христиан, Пресвятая Богородица, как Сама Она обещала то во Влахерне, говоря мастерам: «Приду Сама видеть церковь, и хочу в ней вселиться». А святые Божии, честные мощи которых под всеми стенами лежат неподвижным основанием, пребывают тоже неотступно в этой церкви. Что же скажем о ней? Поистине дивная церковь эта свята, и не одолеют Ее врата адовы, потому что во всем она подобна небесам... Посему должно нам похвалить прежде отошедших благоверных князей и христолюбивых бояр, честных иноков и всех православных, которые сподобились погребения в этой святой чудотворной церкви Печерской и вокруг нее. Блажен и преблажен всякий из них, потому что сподобился он от Господа великой благодати и милости. Блажен и преблажен и тот, кто сподобился быть здесь вписан, чтоб творилась о нем молитва в этой святой небесам подобной

церкви, потому что получит он оставление грехов, не лишится небесного воздаяния, но услышит глас Господень к себе: «Радуйтесь, яко имена ваша написана суть на небесех». Слышать это и всем нам, чадам всей православной церкви, за молитвы преподобных и богоносных отец наших Антония и Феодосия Печерских, да подаст благодатью Своей Глава Церкви, Христос, Ему же подобает честь и слава со Безначальным Его Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Стефана, бывшего игуменом Печерским после преп. Феодосия

10 мая (27 апреля)

Он довершил построение святой Печерской церкви, претерпев изгнание, основал монастырь на Клове, и потом был епископом во Владимире.

«Тот, кто стяжал терпение, достигает всякой добродетели: радуется в скорбях, искусен в бедах, веселится в напасти», – говорит Боговдохновенный Ефрем Сирийский. Таким явился преподобный отец наш Стефан, который, хотя и возскорбел, пострадав через свою братию, – но Бог его много возвеселил. Ибо преподобный вспоминал слова пророка и царя Давида: *«При умножении скорбей моих в сердце моем, утешения Твои услаждают душу мою»* (Пс. 93:19).

Поэтому он с радостью принимал все скорбное, как посылаемое Богом.

Он привык и прошел искусы всякой добродетели, ибо с детства своего возрос под рукой достохвального в игуменах преподобного отца нашего Феодосия Печерского, и был его постоянным учеником, всегда наслаждаясь и питаясь

Боговдохновенными его словами, от его медоточивых уст, как младенец от сосца, и сроднился с ним, как сын с отцом, подражанием во всех добродетелях. Потому любили его вся братия. Сперва он был избран ими «доместиком», или распорядителем церковного устава, и когда сам игумен преподобный Феодосий поучал братию в церкви духовными словами, достойно учил их и он. Потом, когда преподобный Феодосий должен был принять кончину временной этой жизни, все единогласно молили его: «Стефан достоин принять после тебя игуменство. Стефан да будет нам игуменом». Преклонился преподобный Феодосий к мольбам братии и, призвав любимого своего ученика, блаженного Стефана, вручил ему пред всеми ограду, полную Боговдохновенных словесных овец, и церковь, стоящую на чудесном основании, и молил его довершить. Долго он поучал его хранить монастырский устав, любить братию от чистого сердца, держать очи сердца неусыпаемыми пред Богом, не забывать страннолюбия; и затем преставился он к вечным обителям, обещаясь всегда быть в помощь своей Печерской обители, врученной этому блаженному Стефану.

По преставлении преподобного Феодосия, приняв игуменство святой чудотворной лавры Печерской, блаженный Стефан много подвизался, заботясь о построении святой Богом знаменованной церкви, которую начал строить преподобный Феодосий, и обо всем устроении монастырском. И благодатью Божией и молитвой преподобных отцов наших, Антония и Феодосия, он за несколько лет и церковь довершил, и воздвиг новый монастырь, куда переселилась братия из старого монастыря. А в старом монастыре оставались немногие – те, которые обыкновенно погребали там умершую братию. И установил преподобный отец наш Стефан, чтоб в монастыре его совершалась Божественная литургия за умершую братию и блаженных ктиторов. А Бог неоскудно подавал ему все нужное, и так процветало то место благодатью Божией.

Враг же, ненавидящий добро и всегда борющийся с рабами Божиими, позавидовал столь великому попечению блаженного о святой обители и, вооружась против него злыми своими

кознями, произвел такое смущение в некоторых из братии, что они не только низложили его из игуменства, хотя прежде сами единогласно избрали его, но и неповинно изгнали из монастыря.

Все это преподобный Стефан, сын незлобия, доблестно претерпел от своей братии и не удалялся любовью своей от тех, от которых удален был телом, но прилежно молился о них Богу, подражая в этом святому первомученику Стефану, имя которого носил, и говоря: *«Господи, не вмени им греха сего!»* (Деян. 7:60). Ибо любовь, бывшая в преподобном Феодосии, привлекла его к себе, как железо магнитный камень.

Когда же многие бояре и вельможи узнали о такой беде преп. Стефана, они, будучи его духовными детьми, порученными ему преподобным Феодосием, сильно жалели его, что так пострадал духовный отец их и, побуждаемые милосердием, оказывали ему из имения своего достаточную помощь.

И в это время преподобный Стефан, вспоминая те преславные чудеса, которым был он свидетель, – как пришли мастера из Константинополя к преподобным отцам нашим Антонию и Феодосию Печерским, принесли икону Пресвятой Богородицы и поведали видение Царицы, бывшее во Влахерне, – с помощью Божией и молитвами преподобных отцов Антония и Феодосия создал себе монастырь недалеко от Печерского, на Клове, и соорудил в нем каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы, в память положения честной ризы ее, праздника, установленного в Константинополе, именно во Влахерне. И всякий год торжественно праздновался тот праздник, во второй день месяца июля. Собрав в Клове много братии, преподобный Стефан жил богоугодно. Какой устав церковный и весь чин устройства монастырского принял он от преподобного Феодосия в монастыре Печерском – тот же самый повелел соблюдать и в своем монастыре. Явив на пользу правоверным много подвигов, он шел из силы в силу, так что и в далеких странах знали и славили его за добродетельную жизнь. И потому, когда преставился епископ славного города Владимира (этот город своего имени построил сам великий тот самодержец Владимир), преподобный был избран на

архиерейский престол того города и рукоположен преосвященным митрополитом Киевским Иоанном. И с благостью пас он врученных ему Богом овец, подавая пример стаду – словом, житием, любовью, духом, верой, чистотой (1Пет. 5:3; Тит. 2:2). Когда же, благоволением Божиим и по решению блаженного Иоанна, игумена Печерского и всей братии, мощи преподобного отца нашего Феодосия должны были быть перенесены из пещеры в Богозданную церковь, в то же время досточудный этот епископ Стефан, прибыв из Владимира, находился в своем монастыре. И, видев ночью через поле громадную зарницу, сияющую над пещерой, и думая, что уже переносят честные мощи преподобного Феодосия (он знал об этом намерении), сильно опечалился, что переносят их без него и сейчас же сел на коня и погнал к пещере, взяв с собой Климента, которого он поставил вместо себя игуменом на Клове.

Во время пути он видел издалека блеснувшую ему над пещерой зарницу; приблизившись, увидал там много свечей, но когда подошел к пещере, уже не видел ничего такого. И понял он, что воистину сподобился видеть свет Божественной славы от честных мощей преподобного Феодосия, потому что уже прокопали землю над честными его мощами и вынесли их к дверям пещеры. На другой день после этого видения, вместе с прочими епископами, послужил перенесению честных мощей отца и своего учителя преподобного Феодосия и блаженный Стефан.

Возвратившись к себе на Владимирский престол, он явил многие добродетели к пользе словесного своего стада, и ради них удостоился неувядаемого венца славы, который от молодых лет своих он знаменовал именем и искал делами. Итак, после многих лет жизни, он отошел, чтоб принять тот венец, ко Христу, Начальнику пастырей, в год от сотворения мира 6602, от Рождества же Христова 1094, месяца апреля в 27-й день. Молитвами сего преподобного венценосца Стефана и нас, Христе Боже, сподоби венца славы, во славу Тебе Самому, со Безначальным Твоим Отцом и Единосущным Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Никона, игумена Печерского

5 апреля (23 марта)

Он сперва при св. Антонии постригал братию в пещере, затем основал монастырь в Тмутаракани; потом же принял после святого Стефана игуменство Печерское и чудотворно украсил иконами святую Печерскую церковь.

Когда Господь благоволил сделать многоплодной насажденную на Руси ветвь жития иноческого, Он привел к искусному и трудолюбивому насадителю, копающему землю, этого доброго сотрудника прежде других; то есть, к святому первоначальнику Антонию, начавшему подвизаться в пещере, – преподобного Никона. Успешно проходя степени иноческих добродетелей, он так подражал во всем наставнику и учителю своему, что преподобный Антоний нашел его достойным быть поставленным вождем, вводящим прочих делателей в мысленный виноградник постнического подвижничества.

Когда кто приходил, желая подражать их равноангельскому житию, сам преподобный Антоний поучал их добродетелям, преподобному же Никону как иерею и опытному черноризцу повелевал постригать. И можно было видеть тогда

Моисея и Аарона в мысленном винограднике, приносящем плоды покаяния, достойные перенесения из Египта – здешнего мира – в небесную обетованную землю. Ибо так Антоний принес закон со святой Афонской горы, как Моисей с Синайской, а преподобный Никон действовал от имени его, как Аарон, почтенный саном священства. Действовал же он со всякой покорностью, получая от дел своих не только радостное, но терпя мужественно и скорби, благодаря за все Бога.

Он сподобился великой духовной радости, когда постриг преподобного отца нашего Феодосия, который вскоре явился великим наставником иноческого жития на Руси. Возрадовался духом и тогда, когда постриг родовитого боярина, блаженного Варлаама; также и заведовавшего всем у князя, им очень любимого, блаженного Ефрема. Но за них обоих претерпел он и немалую скорбь. Когда князь Изяслав узнал об их пострижении, он разгневался на преподобных и повелел привести к себе того из них, кто дерзнул постричь их. И слуги вскоре привели к нему блаженного Никона. С гневом посмотрев на святого, князь сказал ему: «Ты ли постриг боярина и Ефрема без позволения моего?» Преподобный Никон мужественно отвечал: «Благодатью Божией я постриг их, по повелению Небесного Царя Иисуса Христа, призвавшего их на такой подвиг». Князь же, разгневавшись еще больше, сказал: «Или убеди их вернуться домой, или я тебя с монахами пошлю в заточение и велю раскопать вашу пещеру». Блаженный Никон отвечал: «Сделай все то, что угодно тебе, а мне не подобает отвлекать воинов от Небесного Царя». После этого события святой Антоний и его иноки вышли из пещеры, собираясь идти в иную область, так как князь продолжал гневаться и укорять блаженного Никона. И один отрок поведал то князю; слышала это и княгиня. Она напомнила князю о гневе Божиим, бывшем в отечестве ее, земле ляхов, когда черноризцы были изгнаны отцом ее, Болеславом Храбрым, за пострижение преподобного Моисея Урина, и сказала ему: «Послушай меня, господин мой, и не гневайся; ибо также были изгнаны из страны нашей вот такие же черноризцы, и из-за того произошло много зла. Смотри, чтоб не было того же и в твоей области». Слыша это,

князь побоялся гнева Божия и отпустил блаженного Никона, велел ему идти в пещеру. А за покинувшими пещеру послал вслед, с мольбой, чтоб вернулись назад; едва упросили их через три дня, и тогда они вернулись в свою пещеру, – как о том было рассказано в житии преподобного Антония. После такой напасти преподобный отец наш Никон жил в пещере жестокой жизнью и показал много побед над злыми духами, молитвой и постом, единонравно с преподобными отцами Антонием и Феодосием, так что были они тремя Троическими светилами, сияющими в том темном месте и разгоняющими тьму бесовскую.

Так как братия в пещере умножалась, блаженный Никон пожелал отойти в уединение и безмолвствовать. Тогда, по совету преподобного Антония, сговорясь с другим черноризцем (болгарином со Святой горы, из монастыря святого Мины), он ушел с ним; дойдя до моря, они расстались. Болгарин, направляясь к Константинополю, нашел остров посреди моря и поселился на нем, прожил там много лет, терпя стужу и голод, и с миром почил. И доныне называется тот остров Болгаров. Великий же Никон удалился на остров Тмутараканский, и, найдя чистое место у города, поселился там, безмолвствуя и неленостно служа Богу, прибавляя труды к трудам и удивляя народ строгой своей жизнью, так что слава его распространялась повсюду, и приходили к нему многие и дивились. Ибо они не были еще утверждены в вере, и о монашеской жизни даже не слыхали. Но, наставляемые Богом, они хотели последовать иноческому благонравию и молили преподобного Никона постричь их. Он же поучал их и постригал, и соорудил там церковь Пресвятой Богородицы; и так благодатью Божией и молитвами преподобного Никона возросло то место и образовался там славный монастырь, во всем подобный Печерскому.

Когда же умер Ростислав Владимирович, князь того острова, люди той страны умолили преподобного отца нашего Никона пойти к Святославу Ярославичу, князю Черниговскому, и просить его, чтоб он отпустил к ним сына своего Глеба на престол Тмутараканский.

Благополучно и хорошо исполнив порученное ему дело в Чернигове, он пошел в Киев в Печерский монастырь к блаженному игумену Феодосию. Когда они встретились – поклонились друг другу до земли, потом обнялись и много плакали, что долго не видались; потом преподобный Феодосий молил, чтобы блаженный Никон не разлучался с ним, пока они оба живы, и обещался тот игумену, говоря: «Я только пойду устрою мой монастырь и потом, с изволения Божия, вернусь назад!» Так он и сделал. Дойдя до острова Тмутараканского с князем Глебом Святославичем, который и занял престол, он, как обещал, устроил свой монастырь и возвратился назад. Придя в Печерский монастырь, он отдал всего себя преподобному Феодосию и с радостью покорялся ему. Преподобный же Феодосий очень любил его и почитал его, как отца. Когда сам преподобный Феодосий уходил куда, то поручал братию блаженному Никону, чтобы поучать их и соблюдать, так как он был старейший из всех. И, как сам преподобный Феодосий поучал братию духовными словами, так же приказывал блаженному Никону, читая книги, делать братии поучение.

Часто, когда блаженный Никон сшивал и переплетал книги, – он был искусен в том ремесле, – сам преподобный Феодосий, сидя около него, делал веревки для этого дела. Такое было их смирение и обоюдная любовь.

Потом блаженный безмолвник этот, видя смуту между князьями Русскими, наступившую после того, как Изяслав был изгнан из Киева и брат его Святослав сел там, тяготился тем и не мог переносить молвы житейской, боясь нарушить духовное трезвение свое, и пожелал вернуться на вышеназванный остров. Преподобный же Феодосий много молил его, как и прежде, не разлучаться с ним, пока они живы; но блаженный Никон, испросив прощение (говоря, что молва больше всего вредит уму его, привыкшему к уединению), ушел с двумя черноризцами и прожил на острове несколько лет в обычных своих подвигах.

Когда же по преставлении преподобного Феодосия блаженный Стефан принял игуменство, опять пришел

преподобный Никон, побуждаемый братолюбием, чтоб посетить преподобного Феодосия, и, пожалев, что не застал в живых любимого своего друга, решил прочее время жизни своей, до смерти, провести в его монастыре. И, часто приходя к его гробу и скорбя о разлучении с любимым своим братом, он плакал радостными слезами и благодарил Бога, что просиял на Руси равноангельской жизнью такой светильник, на которого он руками своими возложил святой ангельский иноческий образ. После блаженного игумена Стефана братия, зная, что преподобный Никон старше всех, и что преподобный Феодосий принял пострижение от его рук, изволением Божиим, по общему решению, избрали его себе игуменом как единомравного преподобным отцам Антонию и Феодосию. В нем одном видели они образ тех двух, и с любовью покорялись ему, и во всем слушали его, как отца и наставника. Часто покушался враг, ненавистник добра, как и блаженному игумену Стефану, помешать в попечении его о душах Богом врученного ему стада, и хотел возмутить его гневом на преподобного, но ничего не успел он, и, посрамленный, бежал. Не одолела его тьма света добрых дел блаженного.

Так угодил Богу этот блаженный игумен, который был стаду своему образцом чудных добродетелей, что во время трудов его чудотворно украсилась образами святая Богом созданная Печерская церковь. К земной молитве этого блаженного строителя присоединились друзья его, преподобные отцы Антоний и Феодосий, своими небесными молитвами, и прислали к нему иконописцев из Константинополя, дав им при найме золота. Блаженный игумен показал тем иконописцам образ любимых друзей своих, преподобных отцов Антония и Феодосия, преставившихся за десять лет до того, и иконописцы признали, что именно они явились, наняли и послали их к игумену. Вместе с тем поведали они и другие дивные чудеса: как, когда они хотели вернуться, им явилась святая Печерская церковь и икона Пресвятой Богородицы, от которой они слышали запрещение возвращаться, и как, направляя веслами ладью вниз по течению, они силой неслись вверх, против течения воды.

Иконописцы, явившиеся после такого чудотворения, поспешно, при усердии блаженного игумена, приступили тогда к делу украшения святой церкви, и чудеса все не оскудевали. Сама икона Пресвятой Богородицы изобразилась в алтаре её, просияла ярче солнца, из уст ее вылетел голубь, как подробно описано в сказании о церкви Печерской. Все это было по небесным молитвам преподобных отцов Антония и Феодосия и – еще тогда по земным – блаженного игумена Никона.

Когда и сам приснопамятный игумен, преподобный отец наш Никон, различными подвигами равноангельского жития своего украсил уже всю Печерскую обитель, он, по долговременных трудах, почил в Господе, в год от создания мира 6596, от Рождества же Христова 1088, при великом князе Киевском Всеволоде Ярославиче. И было положено тело его в той же святой Печерской обители, в пещере, где чудотворным нетлением мощей своих он свидетельствует о блаженстве своем, которым и по смерти чудотворно украшает свою святую обитель. А духом переселился он к обителям небесным, чтоб наслаждаться пречудным зрелищем Бога, уже не в образах, но лицом к лицу, с единомравными своими друзьями, преподобными отцами Антонием и Феодосием, где они, как три светильника, предстоят престолу трисиятельного Божества, просвещаемые вечной славой, и молятся о нас, чадах своих, как отцы, да сподобимся мы быть наследниками их благодати и славы, будучи угодны Господу, Ему же слава, честь и поклонение, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Варлаама игумена

2 декабря (19 ноября)

Он был игуменом в пещере еще прежде сложения монастыря Печерского, а потом игуменом монастыря святого великомученика Димитрия. Он много потерпел от родителей своих за иночество и был странником к святым местам.

Когда преподобные отцы наши Антоний, Феодосий и Никон в темной пещере, как три светильника, сияли добрыми делами, достойным предстоянием пред престолом Святой Троицы, приходил к ним часто, наслаждаясь медоточных слов, исходящих из уст их, этот блаженный Варлаам. Происходя от благородных и Христолюбивых родителей, он был сын Иоанна, первого боярина князя Изяслава, и жены его Марии, внук славного и храброго Вышаты, правнук Остромира воеводы. Он сиял в юности своей и телесной крепостью, и душевной чистотой. Сильно возлюбил он тех преподобных отцов, так что захотел жить с ними и бросить все в жизни этой, не вменяя ни во что славу и богатство. Его устрасило слышанное им среди прочих слов слово Господне: *«Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие Божие»* (Мф. 19:24). И вот, он пришел однажды к преподобному Антонию и открыл ему свою мысль, говоря: «Хотел бы я, отче,

если Богу угодно, быть иноком и жить с вами». Отвечал ему старец: «Хорошо желание твое, чадо, и мысль твоя исполнена благодати, но смотри, чтоб богатство и слава мира этого не возвратили тебя назад. Ибо (по слову Господню) „никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для царствия Божия“ (Лк. 9:62)». И о многом другом беседовал старец на пользу блаженного, и сердце Варлаама распалялось еще более любовью к Богу, и так ушел он домой. На другой день после беседы со старцем он оставил не только родителей, но и обрученную уже с ним жену; одетый в светлую и богатую одежду, сел на коня и, окруженный шедшими вокруг него многочисленными слугами, ведшими коней, нагруженных добром, в великой славе подъехал к пещере. Когда преподобные вышли и поклонились ему, как кланяются вельможам, он также поклонился им до земли. И тогда, сняв с себя боярскую одежду, положил ее пред ногами преподобного Антония и также поставил пред ним нагруженных коней, говоря: «Это, отче, все сокровища, прелесть мира этого, делай с ними, что хочешь, а я *от всего отказался и все почитаю за сор, чтобы приобрести Христа...* (Флп. 3:8), и хочу жить с вами в этой пещере, и уже не возвращусь в мой дом». Преподобный же Антоний сказал ему: «Подумай, чадо, Кому обещаешься ты и Чьим хочешь быть воином. Ибо невидимо предстоят ангелы Божии, принимая обещания твои. Смотри, как бы отец твой, придя сюда с великой силой, не увел бы тебя против воли, и мы не будем в состоянии тебе помочь; ты же явишься пред Богом лжецом, отметником Его». Отвечал ему блаженный: «Верую Богу моему, отче, что, если мой отец захочет и мучить меня, я не вернусь к мирской жизни, и только прошу тебя скорее постричь меня».

Тогда преподобный Антоний приказал блаженному Никону постричь его и облечь в монашескую одежду; и тот, сотворив обычные молитвы, постриг блаженного Варлаама и облек его в монашеские одежды.

Когда боярин Иоанн узнал, что его любимый сын постригся в иночество, в пещере, он разгневался на преподобных и, взяв много слуг, напал в пещере на то святое стадо и всех разогнал.

И он выволок оттуда сына своего Варлаама, сорвал с него святую мантию и бросил. Также снял и бросил шлем спасения, бывший на голове его. Он одел его в светлую и дорогую одежду, как одеваются вельможи; но блаженный скинул ее на землю, не желая и видеть ее, и сделал это много раз. Тогда отец приказал связать ему руки и одеть его в ту одежду, и так идти ему через город в дом. А он, горя истинной любовью к Богу, по пути увидев навозную кучу, сейчас же вошел в нее, с помощью Божией сбросил с себя одежду и своими ногами попирает ее в навозе, попирая с ней и злые помыслы лукавого врага. Когда они вошли в дом, отец велел ему сесть рядом с ним за стол, а он, хотя и сел поневоле, но не ел ничего и сидел, поникнув головой. После окончания еды отец отпустил его в его покои, приставив слуг сторожить его, чтоб он не ушел, а жене его велел убрать себя всякими украшениями, чтобы прельстить блаженного, и служить пред ним. Истинный же угодник Христов Варлаам, войдя в одну из комнат, сел в углу. А жена его, как было ей приказано, расхаживала пред ним и просила его сесть на ложе своем. Он, видя неистовство жены и поняв, что отец поручил ей прельстить его, начал молиться не переставая, втайне сердца своего, всемилостивому Богу, чтоб Он спас его от этого искушения. Он пробыл на том месте три дня, не вставая с него, не принимая отца, не надевая одежду и терпя на себе власяницу. Преподобный же Антоний и бывшие с ним в пещере сильно печалились о нем и молились за него Богу.

Бог услышал молитву их, ибо *«Взывают [праведные], и Господь слышит, и от всех скорбей их избавляет их»* (Пс. 33:18) и, видя терпение и смирение блаженного, обратил жестокое сердце отца его на милость к сыну своему. Когда слуги доложили отцу, что уже четвертый день блаженный не вкушает пищи и не одевается в одежду, сжалился над ним отец, и, боясь, чтоб не умер он от голода и холода, призвал его и, нежно простившись с ним, отпустил в пещеру. И было тогда удивительное явление – слышался великий плач, рыдание и вопль как по мертвом. Отец и мать плакали горько по сыне, так как лишились его, жена неутешно рыдала по муже, что разлучилась с ним;

рабы и рабыни с воплем стонали по господине, что он покинул их, и так все со слезами провожали его. Блаженный же Варлаам, как птица, избавившись из сети ловцов, вскоре дошел до пещеры. Увидев его, преподобные отцы возрадовались великой радостью и прославили Бога, что Он услышал их молитвы о нем.

Когда число братии в пещере умножилось до двенадцати, преподобный Антоний, зная великую душу Варлаама и превосходные его добродетели, благодарил Бога, что в цветущей юности являлись старческие плоды и столь великая благодать, что он мог быть вождем и другим. Потом, по решению всей пещерной братии, он поставил его им вместо себя игуменом, а сам, так как привык жить один, не вынося суеты и молвы, переселился на другой холм, который под новым монастырем и, выкопав там пещеру, поселился в ней, упражняясь в безмолвии и беседуя всегда с единым Богом. Там и теперь лежит его честное тело. Преподобный же отец наш Варлаам, приняв начальствование, стал подвизаться еще в больших трудах. Так как братии собралось уже до двадцати, и они не могли вмещаться во время соборного славословия в пещере, то он, приняв благословение от преподобного Антония, построил над пещерой маленькую деревянную церковь Успения Пресвятой Богородицы, чтоб братия, безмолвствующая в пещере, собиралась в ней на Божественное пение. И с тех пор было открыто их место, а прежнее житие их в пещере было никому не ведомо.

Через несколько лет великий князь Изяслав Ярославич, названный в святом крещении Димитрием, создал во имя ангела своего, святого великомученика Димитрия, каменную церковь и при ней устроил монастырь. А преподобного отца нашего Варлаама, как человека близкого и искусного в добродетелях иноческих, взял из пещеры и поставил игуменом в своем монастыре, где преподобный хорошо и богоугодно пас стадо Христово, не оставляя своего прежде начатого правила, к которому привык в пещере. В особенности поучал он и молил всех подвизаться и заботиться о спасении души со всяким прилежанием, и иметь всегда совесть непорочную пред

Богом и ближними. И Бог, видя старание и попечение преподобного о братии, обогащал их всеми добродетелями.

Ко многим подвигам своим, преподобный отец наш Варлаам предпринял и то, что пожелал посетить святой город Иерусалим. И, выбрав удобное время, поехал туда и, посетив святыя места, возвратился в свой монастырь.

Через некоторое время отправился он в Константинополь и, обойдя там все монастыри и купив все для нужд монастырских, возвращался назад. По пути, находясь уже на родине, впал он в тяжкий недуг, и, достигнув города Владимира, вошел в монастырь, находящийся около того города и называемый Святая Гора, и там с миром почил в Господе и принял кончину жизни, заповедав пред концом спутникам своим отвезти тело его в Печерский монастырь и там положить, а иконы и все, что купил он для монастыря, передать в руки преподобному Феодосию. Так они и сделали по заповеди преподобного. Честные мощи его лежат доныне нетленными в пещере.

Его молитвами да сподобимся и мы на путях жизни этой, творя все по заповеди Господней, быть наследниками нашего небесного отечества, во Христе Иисусе Господе нашем. Ему же слава со Отцом и Святым Духом во веки, аминь.

Житие преподобного отца нашего Ефрема Евнуха

10 февраля (28 января)

Он, странствуя до святых мест, принес устав Студийский по желанию преподобного Феодосия, потом же был епископом Переяславским.

По примеру блаженного Варлаама, сына боярского, блаженный Ефрем евнух – известный и родовитый человек, весьма отличаемый князем Изяславом и заведовавший у него всем, пришел из княжьего дворца в пещеру к преподобному Антонию, прося его принять – вместо службы князю – к слугам небесного рая и возложить на него святой ангельский образ иноческого чина. Преподобный же Антоний, поучив его о спасении души, поручил блаженному Никону постричь его; тот, исполняя приказание, постриг блаженного Ефрема и облек его в иноческую одежду. Какую же скорбь навел на преподобного ненавистник добра дьявол за пострижение этого блаженного Ефрема, как и за блаженного Варлаама, – было сказано в житии преподобного Антония и Никона. Князь тьмы, видя себя побеждаемым тем святым стадом, которое собиралось в темной пещере, и поняв, что тем будет прославлено святое то место, плакался о своей гибели и начал злыми своими кознями

раздражать сердце князя Изяслава против преподобных, чтоб искоренить то святое место. Но не смог он этого, был сам прогнан молитвами преподобных и упал в яму, которую копал. И постригший этого блаженного, преподобный Никон, который был приведен к князю и им укоряем, и сам первоначальник, преподобный Антоний, изгнанные с братией гневом княжым из пещеры, в скором времени, по ходатайству княгини пред князем Изяславом, – больше же скажу, молением Небесной Царицы Пресвятой Богородицы к Царю славы, Христу Богу, – возвратились в пещеру свою, как храбрые воины с битвы, победив супостата своего, дьявола, и пребывали в ней, хваля и благословляя Бога.

Преподобный отец наш Ефрем, видя, что за его пострижение такое смущение враг навел на святое стадо, вооружился на него Богоугодной жизнью в пещере, молитвами, постом и всенощным бдением.

Повинуясь во всем наставлениям отца и руководителя своего, преподобного Антония, он с великим рвением подражал всем его добродетелям. И как преподобный Антоний странствовал и ходил из Руси к Святой Горе, так и преподобный отец наш Ефрем горел духом видеть святые места, чтоб там, быв свидетелем равноангельской жизни святых отцов, понудить себя с любовью на добродетельные их труды. И он молил преподобного Антония дать ему благословение идти в Греческую страну. И тот, не желая лишать его mzды подвига странничества, отпустил его с благословением и молитвой, как некогда Ной – голубя из ковчега, чтоб тот принес ветку маслины. Тогда преподобный отец наш Ефрем, приняв, как два крыла, молитву и благословение старца, отправился в путь и, достигнув Константинополя, посещал и приглядывался повсюду к житию небесных людей, земных ангелов, и насыщался богатой духовной пищей, душеполезными словами и наставлениями тех святых отцов, так что он и задержался там некоторое время. Когда же любовь к отечеству призвала его опять назад, тогда, чтоб не возвратиться к мысленному своему ковчегу без масличной ветви, он списал устав святого Студийского монастыря, и принес в Печерский монастырь, за которым

посылал к нему от имени преподобного Антония блаженный игумен Феодосий.

По возвращении от святых мест он прожил в Печерском монастыре немного, но был образом многих добродетелей, к душевной пользе братии, так что все за него благодарили Бога.

В то время преставился блаженный епископ Переяславский Петр; по благословению Божию и общему решению, и по желанию великого князя Всеволода Ярославича, преподобный отец наш Ефрем был поставлен преосвященным митрополитом Киевским Иоанном в епископа Переяславского.

Приняв этот великий сан святительства, он стал прилагать особую заботу о деле церковного строительства в епископии своей, считая долгом лучшим и самым дорогим для себя – умножать хваление пресвятому имени Божию. Бог помогал ему в том деле. За несколько лет воздвиг он великую прекрасную церковь святого архистратига Михаила, которую сделал престольной Переяславской епископии. Также выстроил церкви: святого Феодора на вратах и святого апостола Андрея первозванного при вратах, из каменных стен.

И различными зданиями церковными он украсил город Переяславль, все каменными, чего прежде там не было. Но все это впоследствии исчезло, когда попущением Божиим, в наказание за грехи наши, Русская земля была предана злочестивому царю Батыю. Тогда пал жребий и на славный город Переяславль.

Этот преподобный, во время епископства своего, присутствовал при перенесении честных мощей преподобного отца нашего Феодосия Печерского.

Пожив праведно и Богоугодно, принял он конец временной жизни. Честное тело его положили с честью в созданной им церкви, в которой установил он быть кафедре Переяславской епископии; душою же возшел он к нерукотворенному престолу Владыки. Да будем там и мы, собранные как овцы гласом пастырских молитв преподобного отца нашего Ефрема, чтоб с ним вместе прославить Начальника пастырей Иисуса, и с Ним и в Нем Бога Отца и Святого Духа в бесконечные веки, аминь.

Житие преподобного отца нашего Исаии чудотворца

28 (15) мая

Он из Печерского монастыря сперва взят был на игуменство монастыря святого великомученика Дмитрия, потом на епископство Ростовское. Здесь, приводя народ к вере, сотворил он много чудес и перенесен был ангелами на освящение церкви Печерской.

Блаженный Исаия был рожден и воспитан в Русской земле, в Киевской области, благородными и христоролюбивыми родителями. С юных лет возлюбив Христа и оставив сладость мира, он пришел в Печерский монастырь к преподобному Феодосию, желая быть черноризцем. Преподобный Феодосий, прозревая духом, что он будет трудолюбивым работником в подвижнической жизни, возложил на него иноческий образ. Он же, стремясь к добродетелям и прилагая труды к трудам, возлагал на себя такие страдания, что все дивились жестокому его житию, и горели любовью к нему. Ибо он был кроток, смирен, послушен, нестяжателен, братолюбив. Будучи во плоти, являл ангельское житие, великим воздержанием и терпением умерщвляя в себе все страсти и похоти плотские. Украшенный и как бы стоя на четвероконной колеснице

добродетелей мудрости, правды, мужества и целомудрия, он шел к горнему Иерусалиму, показывая себя небесным гражданином. И всюду разнесся слух о его добродетели, ибо не может укрыться город, стоящий на верху горы (Мф. 5:14).

Поэтому благоверный князь Изяслав Ярославич, слышав о Богоугодной жизни его, молил преподобного Феодосия, чтоб он благословил преподобного Исаию принять игуменство в монастыре святого великомученика Димитрия, ибо преподобный Варлаам, бывший там игуменом, принял кончину временного жития.

Преподобный же Феодосий, приклонясь к просьбе благоверного князя, благословил преподобного Исаию и послал его на игуменство в тот монастырь. Блаженный, не желая послушаться преподобного, воле которого подчинил все свои желания, принял начальнический сан и стал опытным наставником братии, и Добрым пастырем, мудро пасшим врученное ему стадо. Если изменился его сан, то не изменил он внимания своего и делания, но, всегда имея ум, направленный к Богу, прилежал обычному смирению и телесным трудам. Чтоб быть полезным братии, он приходил первым на послушания и, что приказывал другим, то сперва исполнял сам, подавая собой пример всем, чтоб ввести всех на гору добродетелей. А обучаемые обыкновенно следуют не столько словам, сколько делам учителя.

Благоверный князь Изяслав, видя, что приобрел для монастыря своего такого святого мужа, радовался и благодарил за него преподобного Феодосия.

Всесильный же Бог, строящий все по мановению Своему, чтоб еще больше прославить угодника Своего (как и тот прославил Зиждителя своего добрыми делами), почтил его саном святительства. Когда отошел к Богу блаженный Леонтий чудотворец, епископ Ростовский, преподобный игумен Исаия судом Божиим и общим избранием поставлен был во епископа Ростовского. Приняв такой великий сан, он перешел на свой престол в Богохранимый город Ростов, и видя там своих свирепеющих овец, то есть новокрещенных людей, не утвержденных еще твердо в вере, содрогался сердцем,

помышляя, что должен дать за них ответ в день суда Начальнику пастырей Иисусу. И так, с опасением приступил он к пастырским трудам, уча и моля Христоименное стадо быть «утвержденным в вере и подражать жизнью Христу». *«Все вы, – говорит он, – во Христа крестившиеся, во Христа облеклись (Гал. 3:27), потому должны вы во всем следовать Христу и учению Его, чтоб имя Христово похваляемо, а не хулимо было среди христиан».*

Обходил он и другие города и селения в Ростовской и Суздальской областях, распаляемый рвением к благочестию. И где находил идолов и капище, разорял их и предавал огню, а людей учил и наставлял веровать православно во Святую и Единосущную Троицу. Принимающих веру он крестил во имя Отца и Сына и Святого Духа, а не желающих веровать удивлял многими знамениями, чтоб и их приклонить к вере. Итак, благодатью Божией, вскоре привлек всех ко Христу. Был он милостив к убогим, сирым и вдовам, был голодным питатель, печальным утешитель, бедным помощник и заступник, по Иову – глазами слепым и ногами хромым (Иов 29:15), так что все радовались им и повсюду прославляли Бога, даровавшего такого отца, учителя и наставника той стране.

В годы благочестивой державы благоверного князя Киевского Всеволода Ярославича, когда Бог благоволил устроить освящение небесиподобной Печерской Церкви, и преосвященный Иоанн, митрополит Киевский, был удручен великой печалью, что пришло время освящения, а он не успел собрать для сослужения Боголюбивых епископов из-за далекого расстояния до их кафедр, тогда Богом посланные юноши, святые ангелы, возвестили время освящения епископам и собрали их на это освящение, как апостолов, собранных на погребение Пресвятой Богородицы. Подобно прочим, и преподобному епископу Исаии, находившемуся в престольном городе своем Ростове, предстали в виде юношей Божественные ангелы и, возвестя ему ту же вещь, подняли его; и несомый ими, как на облаках, преподобный очутился вместе с прочими архиереями в чине освящения.

Эту дивную вещь открыто сам от себя с благодарением поведал преподобный отец наш Исаия и преосвященному митрополиту в Богоспасаемом городе Киеве, и когда по освящении небесиподобной Печерской церкви возвратился на свою кафедру, и весь церковный клир и Христоименитые люди вышли с радостью к нему навстречу из Ростова.

После того он пробыл на престоле своем один год и, благостно пасши свое стадо, обратив к Богу много неверных, воздвигши много церквей и сотворив много чудес, в добром исповедании окончил временную жизнь, в год от создания мира 6598, от Рождества же Христова 1090, месяца мая 15-го дня.

И так он, восхищенный раньше на время святыми ангелами к небесиподобной церкви – перенесен был теперь ими душой в самые небеса на вечность. Туда и мы да будем перенесены молитвами преподобного отца нашего Исаии, ходатайством Пречистой Богоматери, благодатью Самого Творца Небесного, Единого в Троице Бога, Ему же слава ныне и присно и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Дамиана, пресвитера и целебника Печерского

18 (5) октября

Он исцелял больных молитвой и святым елеем; умирая же, видел ангела в образе святого Феодосия, известившего его о Царствии Небесном.

Страдая различными болезнями – и душевными, и телесными, будем призывать на помощь пресвитеров для помазания елеем, по слову Писания (Иак. 5:14), а также блаженного Дамиана, угодившего Богу целебника и пресвитера, подвизавшегося в святом Печерском монастыре во время игуменства преподобного Феодосия.

Этот достойный удивления инок со всяким рвением, всякими добродетелями подражал житию преподобного отца и наставника своего Феодосия. Многие свидетельствуют о добром его житии, смирении и послушании. Он стяжал покорность ко всем; в особенности же жившие с ним в келии видели кротость его, воздержание от сна во всю ночь, прилежное чтение святых книг, частое вставание на молитву. И еще много рассказывали о нем – он был такой воздержный

постник, что кроме хлеба и воды ничего не ел до дня смерти своей.

Потому он и сподобился дара чудотворения от Господа, в особенности же дара, данного древнему Дамиану, которого носил он имя, – то есть дарования исцелений. Если кто приносил дитя, одержимое каким-либо недугом, или взрослый человек, страдавший какой-нибудь болезнью, приходил или бывал привозим в монастырь к преподобному Феодосию, он повелевал преподобному Дамиану творить молитву над больным, – и тот, с покорностью и смирением, считая себя недостойным дара чудотворения, творил молитву над больным, помазывал его святым елеем, и благодатью Божией все получали исцеление и уходили здоровыми.

Когда же блаженный Дамиан, пожив довольно лет Богоугодно в иноческих трудах и показав к пользе душевной светлые дела, уже был достоин жизни вечной, тогда, достигнув конца этой временной жизни, впал в болезнь и, близкий к смерти, молился Богу со слезами: «Господь мой Иисус Христос, сподоби меня быть сообщником славы святых Твоих, и с ними быть причастным Царствия Твоего, не отлучи меня, – молюсь Тебе, Владыко, от отца и наставника моего, преподобного Феодосия, – но с ним вместе причти меня к избранным, в том сиянии, которое уготовал Ты праведным...» Когда он молился так, внезапно предстал у одра его ангел в образе преподобного Феодосия и, наклонившись к груди его и дав ему целование, сказал ему: «Господь послал меня известить тебе, что то, о чем молишься ты Господу, будет тебе по твоему прошению; ты будешь причтен с его святыми и водворишься с ними в царствии Небесного Владыки. Когда же Господь Бог повелит тебе преставиться от этой жизни и прийти к Себе, тогда мы не разлучимся друг от друга, но будем вместе в том свете». Сказав это, он стал невидим для преподобного.

Преподобный Дамиан понял, что это было явление ему от Бога, так как он не заметил, чтобы говоривший с ним вошел через двери или вышел через двери, но он стал невидим на том месте, где явился. Поэтому немедленно он позвал келейника и послал его к преподобному Феодосию, прося его

прийти к нему. Когда же святой пришел, блаженный Дамиан сказал ему с веселым лицом: «Отче, будет ли так, как ты обещал сегодня, явившись мне?» Преподобный, так как не знал об этом, ответил: «Не знаю, чадо, что я обещал тебе». Тогда открыл ему блаженный Дамиан, как он молился, и как явился к нему некто с обещанием, в образе преподобного. Услышав это, Боговдохновенный Феодосий восхвалил Бога и, прослезясь, сказал блаженному: «Да, чадо, будет так, как он тебе обещал, ибо ангел Божий явился тебе в образе моем, а я, грешный, как могу обещать такую славу, которая уготована праведным!» Блаженный Дамиан, получив такое извещение, был в радости и в благой надежде.

Собралась вся братия; он простился со всеми и в добром исповедании с миром предал душу свою в руки Господа, ангелам, пришедшим за ним, и просветлел лицом, показывая, как радостно разлучение души с телом.

Тогда преподобный Феодосий приказал ударить в било, чтоб собралась и прочая братия, и с пением и великой честью погребли честное тело угодника Христова в пещере, в честь славимого в Троице Бога, который молитвами целителя Дамиана да сподобит нас быть общниками Царствия Своего, где нет болезни в бесконечные веки, аминь.

Житие преподобного отца нашего Иеремии прозорливого

18 (5) октября

Он предсказывал будущее и провидел помышления человеческие.

Пророком Иеремией почтена и наша земля; говорим не о древнем, но по правде сказать – не можем назвать его и юным. Ибо этот блаженный Иеремия Печерский достиг такой старости, что помнил крещение Русской земли, бывшее во дни благоверного великого князя Владимира; и сам блаженный был просвещен тогда купелью святого крещения. Спустя много лет, пришел он в святой Печерский монастырь, к преподобным отцам нашим Антонию и Феодосию, и принял великий ангельский схимнический образ, в котором подвизался Богоугодно, ревнуя житию святых отцов.

За великую добродетель его дан был ему от Бога дар пророчествовать будущее и провидеть помышления людей. Если в ком он видел злую мысль, обличал его наедине и наставлял беречься наваждений дьявольских. Особенно же, если какой брат думал покинуть монастырь, он, прозревая то, приходил к этому брату, обличал мысль

его и утешал, увещевая долготерпеть и крепко стоять в подвиге борьбы против ненавистника добра, врага нашего, и быть непоколебимым. И настолько укреплял брата, что тот уже больше никогда и не думал об этом.

Если кому блаженный говорил, что какое-нибудь решение хорошо или дурно, – слово старца всегда сбывалось. Итак, прожив много лет и принеся прозрением своим пользу многим, он преставился в глубокой старости и, оставив покров души своей – тело – в пещере, отошел ко древним пророкам на созерцание лицом к лицу открытых тайн Самого Ветхого деньми Бога Отца. Ему же слава с Единородным Его Сыном и Единосущным Духом, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Матфея прозорливого

18 (5) октября

Он ясно видел бесовские мечты и помышления человеческие.

Этот блаженный отец наш Матфей Печерский не именем только поревновал первому из евангелистов; но, как тому было дано видеть Эфиопскую страну и обличать ее в неверии, так и этот блаженный, иночествуя в Печерском святом монастыре, в дни святых первоначальников той святой обители, за великие свои подвиги получил от Бога дарование – видеть ясно лица подземных эфиопов, бесов, обличать их затаенные козни и открывать на великую пользу спасающимся.

Этот блаженный старец, стоя однажды в церкви на своем месте и охватив взором всю братию, которая стояла по всем сторонам и пела, увидел беса, который обходил их в образе воина; он на воскрилии риз своих носил липкие цветы, и, кладя на цветок что-то злое, бросал его на кого-нибудь. И, если цветок приставал к кому-нибудь из поющей братии, в том после малого стояния расслабевало внимание и, найдя себе какой-нибудь предлог, он выходил из церкви и шел в келию, где спал, не возвращаясь больше в церковь на пение. Если же бросал на

кого, но цветок не пристаивал, тот стоял крепко на пении, пока не отпевали утреню, и тогда отправлялся в свою келию. Видев это, старец рассказал о том братии, и все остерегались выходить из церкви.

У этого старца был обычай последним выходить из церкви после утрени, когда братия расходилась по келиям. Однажды он вышел и сел под церковным биллом, желая немного уснуть, потому что келия его была далеко от церкви. И он увидел, что большая толпа идет от монастырских ворот и, присмотревшись, увидел одного беса, с гордостью сидящего на свинье, и множество других, идущих вокруг него. И спросил их старец: «Куда вы идете?» Бес, сидящий на свинье, отвечал: «За Михаилом Тоболковичем». Старец же, осенив себя крестом, пошел в келию – уже был рассвет дня – и, уразумев видение, сказал ученику своему: «Пойди спросить, в келии ли Михаил». Тот пошел спросить, и ему отвечали: «Сегодня после утрени он вышел за монастырскую ограду». Старец поведал видение игумену и старейшей братии. Призвав брата, игумен спросил брата о его поведении и, наставив его словом назидания, отпустил его в келию. Преподобный же Матфей, будучи прозорлив, и прочию братию с любовью научал сидеть в келии, постоянно поминать Бога и молиться о своих грехах.

При этом преподобном Матфее преставился блаженный игумен Феодосий, и Стефан стал игуменом на его место, а после Стефана – Никон. При Никоне было Матфею такое видение. Однажды, стоя за утреней, он поднял глаза, желая видеть игумена, блаженного Никона, и увидел осла, стоящего на игуменском месте; он понял, что игумен не пришел к утрени, и рассказал ему о том. Игумен, приняв это откровение как наказание, много каялся, и с тех пор, отлагая не только леность, но и всякое нужное монастырское дело, старался прежде всех приходить в церковь, так что после этого вразумления он скорее достиг блаженной святости.

Также и многих других видений удостоился этот блаженный старец, и рассказывал их на пользу братии. Достигнув доброй старости, он почил о Господе в добром исповедании; его честные мощи лежат нетленно в пещере со святыми отцами, а

сам он молится о нас, предстоя престолу Владыки, чтоб избавить нас от наветов вражиих и получить вечную жизнь, во Христе Иисусе Господе нашем, Ему же слава со Отцом и Святым Духом ныне и присно и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Исаакия, затворника пещерного

27 (14) февраля

Он прельщен был диаволом, явившимся в образе Иисуса Христа, и много пострадал, измученный прельстителем пляской, и потом стал юродивым Христа ради.

Невозможно, чтоб искушения не приходили на человека. Ибо, если искуситель дерзнул приступить в пустыне к Самому Господу (Мф. 4:1, 4), тем более дерзнет он искушать Господнего раба. Но, как золото, прошедшее через огонь, кажется человеку светлым, так и сам человек, искушенный напастями врага, преданного вечному огню, воссияет перед Богом добрыми делами своими, как солнце, что сбылось над преподобным отцом нашим Исаакием, затворником Печерским.

Преподобный – родом Торопчанин, по жизни в миру – купец, был богат. Решившись быть иноком, он раздал все имение свое нуждающимся и монастырям, пришел в пещеру к преподобному Антонию, прося принять его в чин иноческий. Преподобный Антоний, провидя, что добродетельная жизнь его будет равноангельна и совершенно достойна ангельского образа, исполнил его просьбу.

Тогда преподобный отец наш Исаакий, став иноком, принял жестокий образ жизни. Ему казалось недостаточным одеваться во власяницу, и он велел купить себе козла и содрать мех, и покрыл свою власяницу той кожей, еще сырой и мокрой, и она высохла на его теле. Потом в одном пещерном проходе он затворил себя в малой келии, протяжением в четыре локтя, и тут молился Богу со слезами. Его пищей была одна просфора, и то через день, и воду он пил мерой. Это приносил ему преподобный Антоний и подавал ему в окно столь малое, что едва проходила рука. Он никогда не ложился, но, сидя, ненадолго засыпал, и в таком образе жизни провел семь лет, не выходя из келии.

Однажды, когда настал вечер, он начал по обыкновению класть поклоны и петь до полночи псалмы. Утрудившись, он погасил свечу и сел на своем месте. И вот внезапно засиял в пещере яркий свет, как от солнца, невыносимый для глаз, и пришли к нему два беса в образе прекрасных юношей; лица их сияли как солнце, и они сказали ему: «Исаакий, мы ангелы, а вот идет к тебе Христос с прочими ангелами». Встав, Исаакий увидел множество бесов, лица которых светились как солнце. Один из них сиял ярче всех, и от лица его исходили лучи, и сказали они святому: «Исаакий, это Христос, припади и поклонись ему». Исаакий, не поняв действия бесовского, и не вспомнив, что нужно оградить себя крестным знаменiem, поклонился ему, как Христу. Бесы тогда подняли громкий крик и вопили: «Ты наш, Исаакий». И, посадив его, они стали сами садиться около него, и вся келия и весь проход пещерный были полны бесов. И сказал один из бесов, мнимый Христос: «Возьмите дудки, тимпаны и гусли и ударяйте. Пусть Исаакий пляшет для нас».

И тотчас ударили в дудки, тимпаны и гусли, и, взяв Исаакия, стали с ним скакать и плясать много часов и, обессилив его, оставили едва живым и, надругавшись так над ним, исчезли. На следующий день, когда пришло время вкушения хлеба, преподобный Антоний пришел по обычаю к оконцу и сказал: «Благослови, отче Исаакие» – и не было ответа. Много раз он повторял это, но его не услышали, и ответа

не было. Тогда он сказал себе: «Не преставился ли он уже?» И послал в монастырь за преподобным Феодосием и за братией. Братия пришла и откопала там, где был загражден вход и взяла Исаакия, думая, что он мертв. Вынеся его, положили его перед пещерой, и тогда увидели, что он жив. И сказал игумен, преподобный Феодосий: «Воистину, это случилось с ним от бесовского действия». Его положили на одр, и святой Антоний служил ему. В те же дни, случилось, князь Киевский Изяслав возвратился в Киев из Ляшской земли и начал по наговорам гневаться на святого Антония за Всеслава, князя Полоцкого, который во дни преподобного владел некоторое время Киевским княжением. Князь же Святослав ночью прислал из Чернигова за святым Антонием и тот, придя к Чернигову, полюбил место, называемое гора Болдынь, и выкопав пещеру, поселился в ней – там и ныне есть монастырь. Преподобный же игумен Феодосий, узнав, что святой Антоний удалился в Чернигов, пришел с братией к пещере и, взяв Исаакия, перенес его в свою келию и служил ему, потому что тот был расслаблен умом и телом, так что не мог ни сесть, ни встать, ни повернуться, но лежал на одной стороне. Часто черви копошились под бедрами его, преподобный же Феодосий сам своими руками мыл и оправлял его – и так два года, пока тот лежал, служил ему.

Удивительно то, что в продолжение двух лет не вкусил он ни хлеба, ни воды, никакой другой пищи – и оставался жив, лежа немым и глухим. Преподобный же Феодосий творил над ним молитву день и ночь, и, наконец, на третий год Исаакий заговорил, и просил, чтоб его поставили на ноги, и начал ходить как дитя, но не заботился о том, чтоб идти в церковь, так что едва силой принесли его, и так начал он понемногу ходить в церковь; потом начал ходить в трапезу, где сажали его отдельно от братии, и клали перед ним хлеб, но он не хотел брать его. Братия клала ему в руку, но преподобный Феодосий говорил: «Положите перед ним хлеб и не кладите ему в руки, чтоб он сам ел» – и целую неделю не позволял класть ему хлеб в руки. Он, глядя на других, стал понемногу вкушать хлеба и научился есть.

И так избавил его преподобный Феодосий от козней дьявола и от прелести его.

Когда же преподобный Феодосий преставился, и блаженный Стефан стал вместо него игуменом, Исаакий снова начал жестокую жизнь, говоря искустителю: «Ты уже прельстил меня, дьявол, когда я сидел в пещере наедине. Отныне я не буду затворяться, но смогу победить тебя, благодатью Божией, живя в монастыре». Тогда он снова оделся во власяницу, на власяницу же надел узкий кафтан и начал помогать поварам и работать на братию, раньше всех приходил на утреню и стоял крепко и неподвижно. Когда же наступала зима и бывали лютые морозы, тогда на утрени стоял он в обуви столь разорванной, что часто ноги его примерзали к камню, и он не двигал ногами, пока не отпевали утреню. После же утрени он прежде всех входил в поварню и приготавливал дрова, огонь и воду, и тогда уже приходили прочие из братии и поваров.

Однажды один из поваров, именем тоже Исаакий, сказал, насмехаясь, блаженному: «Исаакий, вот сидит ворон – поди, возьми его». Он же, поклонясь до земли, пошел, взял ворона и принес его пред всеми поварями. Они ужаснулись случившемуся и поведали игумену и братии, и с тех пор братия стала почитать его. А он, не желая славы от людей, принял на

себя юродство и стал делать неприятности – то игумену, то братии, а то и мирским людям, бродя по миру, так что многие били его до ран. И, сделавшись юродивым, поселился опять, где прежде, – в пещере преподобного Антония, уже преставившегося, и начал собирать к себе мальчиков из мирских детей, и возлагал на них чернеческое рубище, и за это стал принимать наказание то от игумена – тогда был уже блаженный Никон, – то от родителей тех детей, и все терпел он с радостью, подъявля наготу и холод дня и ночи.

Однажды ночью, когда преподобный зажег печь в пещере, и печь, которая была ветха, разгорелась, и пламя стало выходить наружу языками, он, не имея чем прикрыть скважины, стал босыми ногами на пламя, и стоял, пока не выгорела печь. И потом вышел ничем не поврежденный. Он творил много подобных удивительных дел. И так получил он победу над бесами, – и, как мух, считал за ничто их устрашения и мечтания.

Часто делали бесы пакости ему и говорили: «Ты наш, Исаакий, потому что поклонился нашему князю». А он отвечал: «Князь ваш есть бесовский Веельзевул, которого я не боюсь, как идола мух (как называют его), не боюсь и вас, рабов его. Если вы в первый раз прельстили меня, то потому, что не знал козней ваших и лукавств, но ныне силой Господа моего Иисуса Христа и молитвами преподобных отцов Антония и Феодосия я смогу победить вас» – и он знаменовал себя крестом, и так отгонял тех Веельзевуловых мух.

Иногда на блаженного видениями бесовскими было такое страхование, что они в ночи приходили к нему, как толпа людей, с мотыгами и заступами, говоря: «Раскопаем эту пещеру и зароем его здесь». Другие говорили: «Выйди, Исаакий, тебя хотят зарыть». А он говорил им: «Если бы вы были люди, то ходили бы во дни, вы же – тьма и во тьме ходите». Тогда, как и во всех мечтаниях, знаменовал он себя крестом, и бесы исчезали.

Иногда же они устрашали его в образе медведей или львов, или других диких зверей, иногда ползли к нему, как змеи, как жабы, мыши и всякие гады; но ничего не могли сделать ему, и говорили: «Исаакий, ты победил нас». Он же отвечал: «И

вы победили меня, явившись в образе Иисуса Христа и ангелов, будучи недостойны такого сана. Но теперь хорошо делаете, являясь в образе зверей и скотов, змей и гадов, потому что и сами вы скверны». И с тех пор не было ему никаких досаждений от бесов после трехлетней с ними борьбы, по втором поселении в пещере, как сам он поведал. И потом начал он снова еще более крепкое житие; имел еще большее воздержание, пощение и бдение. И среди таких подвигов приспел конец жизни его и он разболелся в пещере. Братия отнесла его, больного, в монастырь, где он проболел до восьми дней и в добром исповедании отошел верным путем к Богу. Игумен же – уже Иоанн – и вся братия, опрятав тело его, погребли честно со святыми отцами в пещере.

Так этот добрый воин Христов, который сперва был побежден врагом, потом стяжал победу и получил Царствие небесное. Его святыми молитвами да сподобимся и мы, победив врагов душ наших, царствовать с Победителем ада, Иисусом, Царем славы, Которому подобает всякая слава, честь и поклонение, со безначальным Его Отцом и со Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и в бесконечные веки, аминь.

Свидетельство преподобного отца нашего Нестора

О святых блаженных первых черноризцах Печерских, из коих жития некоторых он описал в этой первой части.

Воистину было дивное чудо – видеть братию святого Печерского монастыря. Ибо Господь собрал таких черноризцев в обители Матери Своей, которые сияли добродетелями в Русской земле, как светлые светила, – одни предавались бдению, иные коленопреклонению, одни лишали себя пищи через день или через два дня, иные ели хлеб с водой, иные вареную зелень, а иные – сырую, – и все пребывали в любви. Младшие покорялись старшим, не смея говорить перед ними, разве только с великой покорностью и послушанием. Также и старшие имели любовь к меньшим, наставляли их и утешали, как своих возлюбленных чад. И, если кто из братии впадал в какое-нибудь согрешение, утешали его, и ради великой любви епитимию его одного разделяли трое или четверо. Если же какой-нибудь брат отходил из монастыря, вся братия печалилась тем и посылала за ним, призывая его возвратиться в монастырь. Когда же брат приходил, все шли к игумену, кланялись и умоляли за него игумена, и с радостью принимали в монастырь. Таковы были Божественная любовь, смирение и воздержание среди той святой братии, которая и по смерти сияет как негаснущие светила различными чудесами и молит Бога за находящуюся здесь братию и за чад мирских, за всех работающих в обители Божией Матери и за подающих там из своего имущества в монастырь... В нем и доныне сияет добродетельное житие, в пении, молитвах и послушании, во славу Всемогущему Богу и Пречистой Его Богоматери и святым отцам Антонию и Феодосию.

Призовем же, братие, тех блаженных отцов и чудотворцев на помощь, да молитвами их и нас сподобит Господь избавиться от сетей ловящего нас диавола, и не отлучит нас от участи тех преподобных черноризцев, и не отторгнет от блаженства того святого

места, жилища Пречистой Девы, которое Сама Она обещала охранять. Но да подаст Он нам прочие дни провести в покаянии, и пожить Богоугодно, и всем нам получить милость во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому слава и держава со Отцом и Пресвятым Духом, ныне и присно и во веки, аминь.

Часть вторая

Содержит жития святых преподобных и богоносных отцов наших Печерских, которые преподобный отец наш Поликарп, бывший впоследствии архимандритом Печерским, лично слышал от святого Симона, епископа Владимирского и Суздальского, и описал в послании своем к блаженному Акиндину, тогдашнему архимандриту Печерскому.

Житие преподобного отца нашего Никиты затворника

13 февраля (31 января)

Он прельщен был диаволом, явившимся ему в образе ангельском, и стал тогда премудрым и пророком; когда же покаялся, забыл все; потом же был епископом и чудотворцем Новгородским.

Больше других бывают почитаемы такие храбрые воины, которые привыкли сражаться не в полку, но в одиночку устремляются на врага; и, если Господь часто и попускает их пасть на время, чтоб не превозносились, но, видя их прежнее рвение и мужество, не оставляет их до конца, восставляет их и делает непобедимыми. Из таких храбрых воинов Христовых в Печерском святом монастыре были преподобный Исаакий затворник и этот блаженный Никита, о котором достохвальный Поликарп, по рассказу святого Симона, свидетельствует так:

Во время игуменства преподобного Никона был в Печерском святом монастыре брат, именем Никита. Он начал просить игумена благословить ему подвизаться наедине, войдя в затвор. Игумен препятствовал этому, говоря: «Чадю, нет тебе пользы, будучи юным, сидеть в праздности. Лучше тебе будет

остаться с братией и работать на неё, и ты не лишишься награды своей. Ты сам видел нашего брата Исаакия Печерского, как в затворе он был прельщен бесами, если бы не спасла его великая благодать Божия, по молитвам преподобных отцов наших Антония и Феодосия!» Никита же отвечал: «Никак, отче, не прельщусь я такой вещью; но желаю стать крепко против козней бесовских, и буду молить человеколюбца Бога, чтоб и мне подал дар чудотворения, как Исаакию затворнику, который и доныне творит много чудес». Игумен снова сказал ему: «Свыше сил желание твое. Берегись, чадо, чтоб, превозносясь, не ниспасть, я повелеваю тебе служить лучше братии, и за послушание твое ты будешь увенчан от Бога».

Никита же никак не мог послушаться слов игумена, не мог подавить в себе великого рвения к затворническому житию, и сделал то, что замыслил. Затворился, крепко заградил дверь, и пребывал наедине, в молитве, не выходя. Но уже через несколько дней не избежал он дьявольских сетей. Во время пения своего, услышал он голос, молящийся вместе с ним и обонял несказанное благоухание. И, прельстившись этим, сказал себе: «Если б не был это ангел, то он не молился бы со мной, и не было бы здесь обоняния Святого Духа». И начал он прилежно молиться, говоря: «Господи, явись мне сам, чтоб я увидел тебя!» Тогда был к нему голос: «Не явлюсь я тебе, потому что ты юн, чтоб ты не ниспал, превознесшись». Затворник же со слезами сказал: «Не прельщусь я, потому что игумен научил меня не внимать прелести бесовской; я сделаю все то, что ты велишь!» Тогда душегубительный змей, получив власть над ним, сказал: «Невозможно человеку, находящемуся в теле, видеть меня. Но я посылаю ангела моего, чтоб он был с тобой, а ты твори волю его». И пред ним стал бес в образе ангела. Никита же пал ниц и поклонился ему, как ангелу, и сказал ему бес: «С этих пор ты уже больше не молись, но читай книги, и так ты будешь беседовать с Богом, – и подавай полезные слова приходящим к тебе. Я же всегда буду молить Творца всех о спасении твоём». Поверив этим словам, еще больше прельстился затворник, и уже больше не молился, но прилежал чтению книг и видел постоянно беса,

молящегося о нем, и радовался, думая, что ангел творит за него молитву. Много он беседовал с приходящими к нему, из Писаний, о пользе души. Начал он и пророчествовать, и шла о нем великая слава, так что все дивились, как сбываются слова его.

Однажды послал он к князю Изяславу, говоря: «Сегодня в Заволочьи убит князь Глеб Святославич. Скорей пошли сына своего Святополка на престол Новгородский». И как он сказал, так и случилось – через несколько дней пришла весть об убиении князя Глеба. И оттого еще сильнее прослыл он за пророка, и много слушали его князь и бояре. Если бес и не знает того, что будет; но, что сделал он сам, или чему научил злых людей, убить или украсть, то он может указать; также, когда приходили к затворнику за словом утешения, тогда бес, мнимый ангел, рассказывал ему все случившееся с ними, а он пророчествовал, и так сбывалось.

Никто не мог состязаться с ним в книгах Ветхого Завета, ибо он знал наизусть Бытие, Исход, Левит, Числа, Судей, Царств и все пророчества по порядку, и хорошо знал все еврейские книги, евангельских же и апостольских святых книг, преданных нам благодатью, чтоб исправиться и утвердиться нам никогда не хотел видеть, или слышать, не только что читать, и не позволял беседовать с собой из Нового завета. Потому все понимали, что он прельщен врагом.

Встревоженные тем, пришли к прельщенному преподобные отцы Никон игумен, Иоанн, который был после него игуменом, Пимен постник, Исаия, который был епископом Ростовским, Матфей прозорливый, Исаакий, затворник пещерный, Агапит врач, Григорий чудотворец, Николай, который был епископом Тмутараканским, Нестор летописец, Григорий, творец канонов, Феоктист, который был епископом Черниговским, Онисифор прозорливый. Все они, сияющие добродетелями, придя, сотворили молитву к Богу о Никите и отогнали от него беса, так что он больше не видал его.

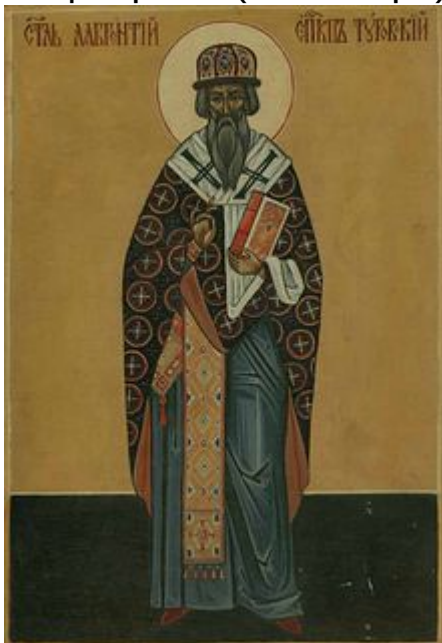
Выведя его из пещеры, они просили его сказать им что-нибудь из Ветхого Завета; он же клялся, что не читал никогда

тех книг, которые прежде знал наизусть. А не знал он ни одного слова, потому что едва был обучен грамоте.

Тогда, придя в себя молитвами преподобных отцов, он исповедал великий свой грех и горько оплакивал его, и принял на себя великое воздержание и послушание, начав чистое и смиренное житие, так что он превзошел всех добродетелью. Человеколюбивый же Господь, видя такое подвижничество блаженного и не презирая прежних его добродетелей, – к которым приучал он себя в юности, – принял его истинное покаяние. И, как принимая покаяние Петра, три раза отвергшегося от Него, сказал ему: *«Паси агнцев Моих, паси овец Моих, паси избранных Моих»* (Ин. 21:15, 16), то же знамение благоприятного покаяния подал и блаженному этому Никите. За многую любовь к хранению всех заповедей Он сделал его пастырем словесного Своего стада, возведя на престол епископства Новгородского. И там, в уверение и ясное доказательство прощения святому того, бывшего раньше, падения – прославил его добродетельную жизнь дарами чудотворения. Однажды, во время бездождия, помолился он, и свел дождь с неба. Также он погасил пожар в городе, и творил много других чудес. И, упасши мудро словесную свою паству, преставился ко Господу. И так как искушен он был, как золото, оказался достоин венца вечной жизни. Да сподобимся его и мы, молитвами преподобного отца нашего Никиты, благодатью Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Которому со безначальным Его Отцом и со Пресвятым, благим и животворящим Духом – честь, хвала и слава подобает, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Лаврентия затворника

11 февраля (29 января)

Он принудил беса исповедать, сколько в Печерском монастыре святых, могущих словом изгонять бесов, и как бесы боятся пещеры.

По искушении преподобных затворников Печерских, Исаакия и Никиты, нашелся – подвизавшийся в том же Печерском святом монастыре – блаженный Лаврентий, который дерзнул, как добрый воин Христов, один бороться с ополчающимся врагом душепагубным. И сильно возжелал он молиться Богу в затворе, помышляя всегда, что о затворническом житии говорит Бог: *«Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно»* (Мф. 6:6). Но преподобные отцы возбраняли ему сделать это в святом Печерском монастыре, как более других терпящем брань от прельщающего врага, и вспомнили, как там враг одолел Исаакия и Никиту, боровшихся с ним наедине, так что они едва воздвигли их, помогая многими молитвами.

Тогда Лаврентий, испросив прощение, ушел в монастырь святого великомученика Димитрия, который создан был князем Изяславом, и там иночествовал в затворе. Начал он жить подвижнически, и прилагать великое тщание о спасении своем, со всяким днем предпринимая все большие труды, умерщвляя все страсти похотей голодом воздержания; и посекая их мечем духовным, то есть голосом молитвы, а разженные стрелы лукавого угашая водой слез. И так благодатью Божией не только сам был предохранен от уязвления бесовского, но получил от вседаровитого Бога дар исцелять чудотворно различные язвы и недуги в людях и изгонять бесов. К этому блаженному, между прочим, приведен был однажды для исцеления из Киева человек, одержимый бесом, лютым и сильным, так что дерево, которое с трудом несли десять человек, он поднимал и забрасывал один. Блаженный же затворник, желая, чтоб была прославлена благодать духовного его отечества, то есть Печерского святого монастыря, повелел вести туда этого человека. Тогда бесноватый стал вопить: «К кому посылаешь меня, я не смею и приблизиться к пещере, ради святых, положенных в ней. В монастыре есть 30 живущих черноризцев, которых я боюсь, с прочими я веду борьбу». Когда он исповедал это о благодати Печерского святого монастыря, снова приказал блаженный силой влачить его туда, чтоб то, что он сказал, было доказано. Провожатые, зная, что бесноватый никогда не бывал в Печерском монастыре и никого не знает в нем, спросили его, – «Кто те, кого ты боишься?» – всех братий было тогда в монастыре 118. Бесноватый перечел по имени тридцать и сказал: «Эти все могут меня изгнать единым словом». И сказали опять ведущие: «Мы хотим затворить тебя в пещере». Он же отвечал: «Какая мне польза бороться с мертвыми? Ибо те имеют теперь большее дерзновение молиться Богу о своих черноризцах и приходящих к ним. Но, если хотите видеть борьбу мою, ведите меня в монастырь, ибо, кроме тридцати (как я сказал), могу бороться со всеми прочими». И начал показывать он силу свою, говоря по-еврейски, потом по-римски, и по-гречески, и всеми языками, которых тот человек никогда и не слышал, так что ведущие его

сильно устрашились, дивясь изменениям языка его и разногласию.

Прежде чем войти им в монастырь, нечистый тот дух покинул человека, и исцелевший стал понимать все. Сопровождавшие его в радости вошли в святую чудотворную Печерскую церковь, чтоб воздать хвалу Богу. Узнав об этом, игумен со всей братией пришел туда же в церковь, и исцелевший не знал ни игумена, и ни одного из тех тридцати, кого он назвал, беснуясь. Тогда спросили его: «Кто исцелил тебя?» Он же, смотря на чудотворную икону Пресвятой Богородицы, сказал: «С ней встретили нас святые отцы, тридцать числом, и так я исцелился». Имена всех из них он помнил, в лицо же не знал ни одного. Тогда все вместе воздали славу Богу и Его Пречистой Матери и блаженным Его угодникам.

Так прославилось то святое место, по Божью устройению, бывшему через этого блаженного затворника Лаврентия, который, как Варнава от Павла ([Деян. 15:36](#)), разлучившись на время с братией Печерской, принес большой плод, и, оставив много свидетельств различных своих добродетелей равноангельских в Изяславовом монастыре, возвратился опять в святой Печерский монастырь. И там, по богоугодной кончине своей, как не худший прежних затворников, узкими вратами вошедших в жизнь вечную, положен с честью в пещере, в которой доселе нетленно пребывают его чудотворные мощи, в честь видящего втайне и воздающего затворникам явно, хвалимого в Троице Бога, Которому слава во веки, аминь.

Житие преподобного отца нашего Алипия иконописца

30 (17) августа

Он безмездно писал иконы для церквей и был чудотворный врач иконописными красками; за него невидимо были написаны чудотворные иконы, потом же и видимо ангел написал икону.

Преподобный отец наш Алипий Печерский явился подражателем Божественному Евангелисту Луке. Ибо он так же трудился для Господа, сотворившего нас по образу и подобию Своему, изображая чудотворно не только лица святых на иконах, но и добродетели их на своей душе. Кроме того, показался он и чудесным врачом. Его благочестивое житие передано нам так.

В дни благоверного князя Киевского Всеволода Ярославича, при игумене преподобном Никоне, по Божью устроению и заботам преподобных отцов Антония и Феодосия, явившихся десять лет спустя от преставления своего в Константинополе, блаженный Алипий был отдан родителями на обучение к греческим иконописцам, пришедшим для украшения святой Печерской церкви. И он был свидетелем того дивного чуда, которое описано в сказании о святой Печерской церкви,

когда во время работ иконописцев по украшению алтаря мусией в нем изобразилась сама собой икона Пресвятой Богородицы, просияла ярче солнца, затем голубь вылетел из ее уст и после долгого летания влетел в уста стоявшей высоко иконы Спасителя. В то время этот блаженный Алипий, учась, помогал своим мастерам, и запечатлел в уме своем, что действие Пресвятого Духа пребывает в той святой Печерской церкви.

Когда иконописцы окончили свое дело и украсили живописными образами святую церковь, Алипий украшен был тогда преподобным игуменом Никоном добродетельным образом святого ангельского иноческого чина. И он, уже умевший хорошо изображать вещественные лица святых, начал обучаться изображать в себе духовные добродетели святых.

И стал он таким искусным художником в своем деле, что через работу свою над вещественными иконами, благодатью Божией, тем самым уже являл образ духовной добродетели; он научился искусству иконного писания не ради богатства, а ради доброго употребления своего дара, ибо он работал, рисуя икон сколько кому надо было, – всем, игумену и братии, ничего не беря за свой труд.

В особенности же он молил многих, чтоб, увидав в какой-нибудь церкви обветшавшие иконы, говорили ему, – и он, не требуя себе на земле никакой mzды, украшал их своим письмом. Когда же не для кого ему было исполнять это дело, тогда, занимая золото и серебро, нужное для икон, принимался за работу и отдавал иконами, кому был должен. Так делал он, чтобы не быть праздным, потому что древние отцы сказали, что велик пред Богом инок, всегда занимающийся рукоделием и равен верховному апостолу Павлу, который сказал о себе: *«...нуждам моим и нуждам бывших при мне послужили руки мои сии»* (Деян. 20:34). Если же ему случалось выручить что-нибудь за рукоделие, он разделял то на три части: первую часть откладывал на все, нужное для икон, вторую – в милостыню нищим, третью – на нужды монастырские. Постоянно поступая так, он не давал себе покоя ни днем, ни ночью. Ночью занимался он бдением, молитвой и поклонами; когда же наступал день, то со смирением, бескорыстием,

чистотой, терпением, в посте, Богомыслии прилежал рукоделию; праздным никогда нельзя было его видеть, но ради дела никогда не опускал он соборной молитвы.

Игумен же, видя столь великий успех этого преподобного иконописца в добродетелях, что он, нося ангельский иноческий образ, изображает на себе действие и единосущного образа Божия, Иисуса, иерея по чину Мельхиседекову, постарался возвести его на степень иерейства. Тогда преподобный, поставленный как светильник на свечник или, лучше сказать, как образ на высоком месте – просиял красотой двойных добродетелей, иноческих и иерейских, так что явился он образом не простым, но чудотворным. И из многих чудотворений его некоторые следует помянуть здесь.

Некто из богатых киевских граждан был в проказе, и много лечился у врачей, волхвов и иноверных людей, ища помощи, но не получал ее, а впал в еще худшее состояние. Тогда кто-то из друзей понудил его идти в Печерский монастырь, и просить Печерских отцов помолиться о нем; он едва на это согласился. Когда он был приведен, игумен приказал напоить его водой из колодца и помазать ему голову и лицо. И он переполнился весь гноем за свое неверие; с плачем, в сетованиях возвратился он в свой дом, и много дней не выходил на свет, стыдясь своего срама, и говорил друзьям своим: «Покры срамота лице мое, чужд был братии моей и странен сыном матери моея», за то, что не с верой пришел я к преподобным отцам Антонию и Феодосию, – и всякий день он ожидал смерти. Но, придя в себя, задумал он исповедать все свои согрешения, и потому снова прибыл в Печерский монастырь к преподобному Алипию и исповедовался пред ним. Преподобный же сказал ему: «Хорошо сделал ты, чадо, исповедав Богу грехи твои пред моим недостойнством; так и пророк исповедует Богу: „... сказал: „Исповедую Господу преступления мои“, и Ты снял с меня вину греха моего“ (Пс. 31:5)». Он много поучал его о спасении души, и, взяв иконописных красок, разрисовал его лицо, помазав гнойные струпы. Потом, введя его в церковь, причастил его Божественных Тайн, и приказал умыться водой, которой

обыкновенно умываются священники после причастия, и тут спали с него струпы, и вернулось к нему благообразие прежних дней, когда он был здоров. И в чудотворении этом препод. отец наш Алипий подражал Самому Христу. Как Христос, исцелив прокаженного, велел показаться ему иерею (Мф. 8:4), и принести дар за очищение свое, так и этот преподобный приказал прокаженному своему показаться пред ним, когда он будет одет по чину иерейства, и принести дар, о котором говорит пророк: *«Что воздам Господу за все благодеяния Его ко мне? Чашу спасения прииму»* (Пс. 115:3,4). Тут же помянем и о даре: правнук этого прокаженного за его очищение оковал киот над святым престолом в церкви Печерской золотом.

Преподобный явился тут также отражением Христа, исцелившего слепорожденного (Ин. 9:6–7). Ибо, как Христос, исцелив его, сперва помазал ему глаза брением, а потом велел умыться в купели Силоамской, что значить *Послан*, так и этот преподобный сперва помазал струпы своего прокаженного иконописными красками, потом же велел ему умыться водой, какой обычно умываются по причастии посланники Божии, архиереи. И так исцелил его от темной проказы, а вместе с тем и от слепоты греховной. Этому скорому исцелению сильно удивлялись все, пришедшие тогда из города.

Но преподобный Алипий сказал им: *«Братие, внимайте словам: „никто не может служить двум господам“* (Мф. 6:24). Ибо этот человек сперва поработился грехом чарованья врагу; а потом пришел сюда к Богу, по наветам вражьи, отчаиваясь в спасении своем, и не веруя, что один Господь может спасти; поэтому еще большая проказа пала на него за его неверие. Ибо сказал Господь: *„Просите (и не просто „просите“, но „с верой“) и дастся вам“* (Мф. 7:7). Когда же теперь он, обратившись, покался в том грехе пред Богом, – в чем я был свидетелем – Бог, богатый милостью, исцелил его. Услышав это, все поклонились и пошли с исцеленным назад, славя Бога и Матерь Его, преподобных отцов Антония и Феодосия, и ученика их, преподобного отца нашего Алипия, и говорили о нем:

„Поистине, он для нас новый Елисей (4Цар. 5:14) и исцелил этого мужа как Неемана Сириянина от проказы“».

Еще был христоробивый муж из того же города Киева, который поставил церковь и захотел устроить для украшения ее семь больших икон; с этой целью он дал серебра и иконные доски двум знакомым инокам Печерского монастыря, прося их сговориться о написании тех икон с Алипием. Но те монахи не сказали ничего Алипию, а серебро присвоили себе. Через некоторое время заказчик послал к монахам узнать, написаны ли его иконы. Они же отвечали, что Алипий требует больше серебра. И опять получили присланное этим человеком серебро, и присвоили его себе, и, так как они были бесстыдны, опять послали к нему, говоря на святого неправду, что он требует еще столько же, сколько получил. Христоробивый тот муж дал и в третий раз, говоря: «Я хочу только молитвы и благословения от дел рук его». Алипий не знал ничего о поступке тех монахов. После всего этого прислал тот человек, желая узнать намерное, готовы ли иконы. Монахи же, не найдя, что ответить, сказали ему: «Алипий троекратно взял у тебя серебро, а теперь не хочет писать икон». Поэтому тот христоробивый муж с многочисленными вооруженными людьми пришел в Печерский монастырь к преподобному Никону и поведал ему, как опечалил его Алипий. Игумен призвал его и сказал: «Зачем, брат, сделал ты такую неправду вот этому сыну нашему? Много раз просил он тебя, и давал, сколько ты требовал; ты же обещался и, взяв столько серебра, не пишешь ему икон, между тем как иногда ты пишешь их даром». Алипий отвечал ему: «Отче честный, твоя святыня знает, что я никогда не ленился в этом деле; а теперь не знаю, о чем ты говоришь». Игумен снова сказал ему: «Трижды брал ты цену за семь икон, и доселе не написал их». И для обличения святого послал принести доски тех икон, которые пред той ночью видели не зарисованными в одной монастырской келий. Также велел он призвать тех монахов, через которых заказчик давал деньги святому, чтоб они показали против него. Посланные за досками пришли и нашли на досках прекрасно изображенные иконы, и принесли их к игумену с его

окружающими. Видя это, все изумились, и в ужасе трепетно пали на землю, и поклонились тем нерукотворенным образам Господа, Пречистой Богоматери и святых Его.

Потом пришли и два монаха, оклеветавшие Алипия, и, не зная о происшедшем чуде, – начали обвинять святого, говоря: «Ты взял три цены, а икон не пишешь».

Все там находящиеся, слыша эти обвинения, показали им иконы, говоря: «Эти иконы написаны Самим Богом, свидетельствующим незлобие Алипия». Нерадивые монахи, увидев их, ужаснулись чуда. Обличенные игуменом в краже и лжи, они были изгнаны из монастыря и лишились всего, что прикопили. Но не оставили свою злобу и, продолжая свою ложь на преподобного Алипия, разглашали в Киеве, что сами написали те иконы, а заказчик, не желая заплатить им и лишая их договоренной цены, – выдумал это и солгал на иконы, будто они написаны Богом, в оправдание Алипия. И таким образом они остановили народ, стекавшийся посмотреть те иконы и поклониться им. Но, если народ и поверил тогда тем монахам, оболгавшим преподобного Алипия, то Бог, прославляющий святых Своих (как Он Сам сказал в Евангелии: *«Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечник, и светит всем в доме»* (Мф. 5:14–15)), не утаил добродетельных подвигов преподобного мужа. Даже до князя Владимира Мономаха дошло чудо, совершившееся ради святого над теми иконами. И было подтверждено еще так.

Однажды попущением Божиим выгорел от пожара в Киеве весь Подол, сгорела там и церковь, в которой стояли те иконы. Но после пожара все семь икон были найдены целыми и невредимыми. Услыхав об этом, князь пришел сам посмотреть на чудо. И, увидев уцелевшие иконы, услышал, как раньше они были написаны в одну ночь Божиим мановением, избавившим от напасти преподобного Алипия. Тогда князь Владимир Мономах прославил Бога, Творца всего, сотворившего столь великие чудеса ради добродетелей преподобного Алипия. И, взяв одну из икон, – икону Пресвятой Богородицы, – послал в город Ростов, в каменную церковь,

которую он сам создал. Случилось упасть и той церкви в Ростове, но эта икона осталась невредимой. Тогда внесена она была в деревянную церковь, но и та со временем сгорела от пожара, а икона опять осталась без вреда, не получив даже следов от огня. Все эти события свидетельствовали о добродетельной жизни преподобного отца нашего Алипия, ради которого нерукотворенно изобразились те иконы.

Перейдем к чуду, поведающему о кончине преподобного: как этот человек, чудотворный художник икон, перешел от жизни временной к вечной.

Один благочестивый муж дал преподобному отцу нашему написать наместную икону Успения Пресвятой Богородицы, и просил приготовить ее к празднику Успения. Через несколько дней Преподобный разболелся и приближался уже к своему смертному успению; икона была не написана, и человек тот докучал и скорбел на святого. Но Алипий сказал ему: «Чадо, не докучай, ходя ко мне, но возложи на Господа печаль твою, и Он сделает, как хочет. Твоя икона в свой праздник встанет на своем месте». Человек тот поверил слову Преподобного и в радости ушел в свой дом. Пришел он опять уже в навечерие праздника Успения Пресвятой Богородицы. Видя же, что икона не написана, и что преподобный Алипий еще сильнее болен, досаждал ему, говоря: «Зачем не известил ты меня о столь сильной твоей болезни, я бы дал написать икону другому, чтоб праздник был светел и честен, а теперь ты посрамил меня». Отвечал ему с кротостью Преподобный: «Чадо, разве из лени не исполнил я этого? Но ведь Богу возможно единым словом написать икону Своей Матери; я отхожу от мира сего, как открыл мне Господь, но не оставляю тебя скорбным». Заказчик ушел в великой печали. И, по его уходе, вошел некий светлый юноша к преподобному Алипию и начал писать икону для того мужа. Алипий же, думая, что заказчик икон разгневался и прислал другого живописца, сперва принял его за человека, но скорость и красота работы обнаружили в нем ангела. То клал он золото на икону, то тер на камне различные краски и ими писал, и так в три часа изобразил прекрасную икону. Потом

сказал он преподобному: «Отче, не достает ли здесь чего, или не ошибся ли я в чем?» Преподобный же отвечал: «Хорошо сделал ты. Бог помог тебе написать так благолепно, и Он Сам сделал это тобой». Когда наступил вечер, живописец с той иконой стал невидим. Заказчик иконы провел всю ночь без сна от печали, что не поспела икона к празднику, называл себя недостойным этой благодати и многогрешным. Вставши, он пошел к церкви, чтоб оплакивать там свои согрешения. Отворив двери церкви, он увидел икону на приготовленном для нее месте, ярко сияющую. Тогда упал он от страха, думая, что ему явилось некое привидение. Приподнявшись и вглядевшись, он узнал, что это его икона. Находясь в великом трепете и ужасе, он вспомнил слова преподобного Алипия, который сказал, что его икона будет готова к своему празднику; и он поспешил разбудить своих домашних и они с радостью немедленно пошли за ним в церковь со свечами и кандилами и, видя икону, сияющую как солнце, пали ниц на землю, поклонились ей и прикладывались к ней с весельем на душе. Потом этот благочестивый муж пришел к игумену и начал рассказывать ему чудо, бывшее с иконой. Они пошли вместе к преподобному Алипию, и застали его уже отходящим от этого мира. Но игумен спросил его: «Отче, как и кем была написана икона для этого мужа?» Он же поведал им все, что видел, и сказал: «Ее написал ангел, и вот, он стоит тут, чтобы взять меня». С этими словами он предал дух свой в руки Господа, месяца августа семнадцатого дня. Братия, опрятав его тело, – принесли его в церковь, и, сотворив над ним обычное пение, положили его в пещере преподобного Антония.

Ангелъ пишетъ иконы, аскаанныя преп. Алимпію.

Итак, украсил этот святой иконописец и чудотворец небо и землю, вознесясь туда добродетельной душой, а здесь пребывая телом в честь начального иконописца, – Бога Отца, Который сказал: *«Сотворим человека по образу и подобию Нашему»* (Быт. 1:26), также и в честь образа Ипостаси Его (Евр. 1:3), Бога Сына, Который по виду стал как человек (Флп. 2:7), и Святого Духа, Который сходил в образе голубя (Мф. 3:16) и огненных языков (Деян. 2:3). Да будем и мы, соединившись с преподобным отцом нашим Алипием, хвалить Их, сущих во едином Существе, в бесконечные веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Агапита, врача безмездного

14 (1) июня

Он исцелял молитвой недугующих, подавая им зелие от своей пищи, и спас врача-армянина.

Когда преподобный отец наш Антоний Печерский был прославлен даром исцелений, пришел к нему из Киева в пещеру блаженный Агапит, ища душевного исцеления через пострижение в святой иноческий чин, и получил его.

И последовал он всей душой равноангельной жизни преподобного Антония, подвигов которого он был свидетелем; как тот великий муж, он сам служил больным и исцелял их своей молитвой, но, скрывая дар, данный его молитве, он подавал им зелие от своего кушанья, как будто оно было лекарственное. Блаженный Агапит видел это и трудился много лет, соревнуя в подвигах святому старцу. Когда кто из братии заболел, преподобный оставлял свою келию (в ней не было ничего такого, что можно было бы украсть), приходил к больному брату и служил ему, подымая его, укладывая, вынося на своих руках и непрестанно моля Бога о спасении больного, если болезнь и длилась по воле Божией, чтоб умножить

веру и молитву раба Божия Агапита. Итак, подражая подвигам преподобного Антония, блаженный Агапит сподобился быть причастником той же благодати: он исцелял молитвой своей всех больных и подавал им также зелие, которое варил себе для пищи. И за то он был назван врачом. Слух о нем распространился в городе, и многие больные приходили к нему и уходили здоровыми.

В то время жил в Киеве один врач, родом и верой армянин, искусный во врачевании, подобного которому прежде не бывало. Осмотрев лишь больного, близкого к смерти, он узнавал и говорил ему день и час смерти, никогда не ошибаясь при этом и не пытаясь такого человека лечить. Из таких больных был принесен один в Печерский монастырь; он был первым боярином князя Всеволода, и армянин привел его в отчаяние, предсказав ему через восемь дней смерть. Блаженный же Агапит, сотворив молитву о нем, дал ему принять зелие, которое он сам ел, и сделал его здоровым, после чего слава о преподобном промчалась по земле русской. Армянин, уязвленный стрелой зависти, стал укорять блаженного, послал в Печерский монастырь одного осужденного на смерть, которому велел дать смертного зелия, чтоб он выпил его пред Агапитом и умер. Блаженный же, видя его умирающим, дал ему такого зелия, которое он сам ел, творя о нем молитву, и так избавил от смерти осужденного на смерть. С тех пор иноверный армянин еще больше того был возбужден против преподобного. И научил единоверцев своих подать ему самому выпить смертного зелия. Блаженный же выпил и остался невредим. Ибо Господь, сказав: *«Если и что смертоносное выпьют, не повредит им»*, – знает, как избавлять благочестивых от искушения (2Пет. 2:9).

После этого заболел в Чернигове князь Владимир Всеволодович Мономах, которого усердно, но безуспешно, лечил армянин. Недуг усиливался. Поэтому князь, уже находясь при смерти, послал к Печерскому игумену (тогда игуменом был Иона), прося прислать к нему в Чернигов блаженного Агапита. Призвав его, игумен передал ему просьбу князя. Но блаженный Агапит, которого никогда не видали выходящим из

монастыря и врачующим за его пределами, отвечал со смирением: «Если я с таким делом пойду к князю, то должен идти и ко всем. Прошу тебя, отче, позволить мне не выходить из монастырских ворот для славы людской, от которой бегать до последнего моего издыхания я обещался перед Богом; если хочешь, я лучше уйду в другую страну и возвращусь сюда, когда минует эта нужда». Посланный же князем, поняв, что не удастся ему призвать к своему господину самого блаженного Агапита, стал просить его дать хоть зелия для исцеления. По уговору игумена, блаженный дал посланному зелия от своей пищи; и когда оно было принесено к князю, и он принял его, он стал здоров молитвами блаженного.

Тогда князь Владимир Мономах пришел сам в Печерский монастырь, чтоб видеть, кто тот, через кого Господь даровал ему здоровье: он никогда не видал блаженного и хотел почтить его подарком. Но Агапит, не желая быть прославляемым на земле, скрылся, и принесенное для него золото князь отдал игумену. В скором времени тот же Владимир снова послал одного из бояр своих со многими дарами к блаженному Агапиту. Посланный, найдя его в келии, положил пред ним принесенное. Блаженный же сказал ему: «Чадо, я никогда ни от кого не брал ничего, потому что никогда не исцелял силой моей, но Христовою; и теперь не нуждаюсь в этом». Боярин отвечал: «Отче, пославший меня знает, что ты не берешь ничего, но, прошу тебя, чтоб утешить сына своего, которому Бог даровал через тебя здравие, прими это и отдай, если хочешь, нищим». Отвечал ему старец: «Если так ты говоришь, возьму с радостью. Передай же пославшему тебя, что и все прочее, что он имеет чужое, и ничего не может он взять с собой, отходя из жизни, так пусть раздаст то нищим. Ибо Господь, Который Сам находится среди них, избавил его от смерти. Я же не сделал ничего. Прошу его не ослушаться меня в том, чтобы не пострадать больше». Сказав это, Агапит взял принесенное золото, как бы для того, чтоб спрятать, вынес его из келии, бросил, а сам побежал и скрылся. Боярин же, вышедший вскоре, увидел все дары брошенными пред вратами. Он подобрал их и отдал игумену Иоанну. Вернувшись к князю, он рассказал ему о

блаженном все, что видел и слышал, и все поняли, что он истинный раб Божий, ожидающий награды только от Него одного, а не от людей. И князь, не осмеливаясь ослушаться святого, стал щедро раздавать имение свое нищим.

После многих трудов и богоугодных подвигов разболелся сам безмездный врач этот, блаженный старец Агапит. Узнав это, вышеупомянутый врач-армянин пришел посетить его и завел с ним разговор о врачебном искусстве, спрашивая его, каким зелием лечится такой недуг. Отвечал блаженный: «Тем, которым Сам Господь, как Врач души и тела, подаст здравие». Армянин понял, что он не сведущ во врачевании и сказал своим: «Ничего не умеет этот человек в нашем искусстве». Потом, взяв его за руку, сказал: «Истину говорю я: на третий день он умрет. Если же переменится мое слово, тогда я перемену свою жизнь и стану сам таким же монахом». Блаженный же с гневом сказал: «Таков ли способ твоего лечения, что больше говоришь ты о смерти, чем о помощи. Если ты искусен – дай мне жизнь. Если же это не в твоей власти, что досаждаешь мне, приговаривая меня к смерти через три дня? Бог оповестил меня, что я отоюду к Нему по истечении трех месяцев». Армянин снова сказал: «Ты уже весь изменился; такие, как ты, не живут никогда дольше третьего дня». Старец так изнемог, что уже сам собой не мог двигаться. Между тем, к преподобному Агапиту, самому столь тяжело больному, принесли из Киева другого больного для исцеления. Блаженный пречудной Божией помощью встал, как будто бы не болел, и, взяв свое обычное зелие, которое употреблял в пищу, показал армянину со словами: «Вот зелие, которое служит мне лекарством. Смотри и разумей». Тот же, посмотрев, сказал святому: «Оно не из наших, но, думаю, из Александрии». Блаженный посмеялся над его невежеством, дал больному выпить того зелия, и, помолившись, сделал его здоровым. Потом он сказал армянину: «Чадо, прошу тебя, поешь этого зелия со мной, если хочешь; потому что мне нечем угостить тебя». Отвечал ему армянин: «Мы, отче, постимся четыре дня этого месяца, и теперь пост». Услыхав это, блаженный спросил: «Кто ты и какой веры?» Он отвечал: «Разве ты не слыхал обо мне, что я армянин?»

Блаженный сказал ему: «Как же ты осмелился войти сюда, осквернить мою келию и держать мою грешную руку? Выйди от меня, иноверец и нечестивец!»

После этого блаженный Агапит, как предсказывал, прожил три месяца и, немного поболевав, отошел к Господу месяца июня в первый день. И за то, что он был на земле безмездным врачом, получил великую мзду уже на небе, где нет болезни. Братия, опрятав его честные мощи, по обычаю, положили их с пением в пещере преподобного Антония.

По смерти святого, армянин пришел в Печерский монастырь и сказал игумену: «С этих пор я оставляю армянскую ересь и истинно верую в Господа Иисуса Христа, Которому желаю работать в иноческом святом чине. Ибо мне явился блаженный Агапит, говоря: „Ты обещался принять иноческий образ, если же солжешь, то с жизнью погубишь и душу“. И я верую, что явившийся ко мне свят; потому что, если б хотел он долго жить здесь, Бог даровал бы это ему; я думал, что он не проживет и трех дней, Бог же прибавил ему три месяца, и, если б я сказал, что ему не прожить трех месяцев, он жил бы три года. И я думаю теперь, что он сам хотел уйти от нас, как святой, желая Царствия святых. И если Бог взял его из временной жизни в этой обители, Он дал ему жизнь вечную в небесных обителях. Поэтому я желаю исполнить скорее приказание этого святого мужа». Выслушав эти слова от армянина, игумен постриг его в иноческий святой чин, дав наставление врачу чужих тел быть искусным во врачевании своей души, подражая блаженному Агапиту. Он провел жизнь свою в Богоугодных подвигах, и в том же Печерском монастыре принял блаженную кончину в честь Врача душ и телес, Господа нашего Иисуса Христа, Ему же слава со Безначальным его Отцом, и со Пресвятым, Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Григория чудотворца

21 (8) января

Он издали был страшен бесам, и вразумил воров великими чудесами; потом предсказал князю потопление, сам был за то потоплен, а тело его чудотворно нашли в его келии.

Не только Неокесария хвалится Григорием чудотворцем, но и святая великая чудотворная Лавра Печерская величается преподобным, носившим то же имя. Когда Бог показал Себя дивным в Своих святых Антонии и Феодосии Печерских, сияющих различными чудесами, в то же время избрал Он на чудотворение и преподобного Григория и призвал его в ту же святую Свою Лавру. Когда преподобный Антоний безмолвствовал в пещере, этот блаженный пришел к преподобному Феодосию, строящему монастырь, и, приняв от него иноческий образ, был научен нестяжанию, чистоте, смирению с послушанием и прочим добродетелям, в особенности же прилежал молитве. Итак, по многих подвигах, но не по многом времени, он сподобился иметь дарование чудотворения. Прежде всего получил он от Бога победу над бесами, так что, видя святого издалека, они вопили: «Григорий,

ты изгонишь нас молитвой твоею!» Григорий имел обычай, после всякого пения, читать запретительные молитвы.

Побежденный враг, не вынося того изгнания, которому подвергает его святой, помышлял, каким злым делом нанести ему вред в его добродетельной жизни, и, не в состоянии сам сделать этого ничем, внушил злым людям обокрасть его, не имевшего ничего, только книги для молитвы и чтения. В одну ночь пришли воры к келии Григория и, спрятавшись, выжидали, пока старец выйдет на утреню в Церковь, чтоб тогда войти и взять все его имущество. Блаженный же ощутил их приход. Ибо все ночи он проводил без сна и, стоя посреди келии, беспрестанно молился Богу. Тогда он помолился и о них, говоря: «Господи, подай сон рабам Твоим, которые потрудились напрасно, угождая врагу». И услышан был он Богом, и воры спали пять дней и пять ночей, пока не разбудил их блаженный при многих братиях, говоря: «Доколе будете стеречь вы напрасно, чтоб обокрасть меня? Идите в дома свои». Они, вставши, не могли идти, так как не ели столько времени. Блаженный же поставил им пищи и, накормив, отпустил их. Узнав об этом, властитель города приказал мучить их, и Григорий, печалясь, что из-за него они преданы мучениям, пошел к властителю, подарил ему некоторые свои книги и освободил воров, другие же книги продал и вырученные деньги раздал убогим, говоря себе так: «Пусть никто другой не впадет больше в беду, желая обокрасть меня. Ибо и Господь сказал: *„Продавайте имения ваши и давайте милостыню. Приготовляйте себе влагалища неветшающие, сокровище неоскудевающее на небесах, куда вор не приближается и где моль не съедает“* (Лк. 12:33)». А воры после этого чуда, бывшего над ними, уже не возвращались больше к прежним делам своим, но, придя с покаянием в Печерский монастырь, посвятили себя работе для братии.

Но враг не оставил злого умысла своего. У этого блаженного Григория был маленький садик, в котором он сеял растения и сажал плодовые деревья. Однажды, по наущению того же врага, пришли другие воры и, влезши в тот сад, наполнили свои мешки овощами; когда же подняли ношу на

себя и хотели идти, не могли сдвинуться с места и стояли неподвижно под тяжестью ноши два дня и две ночи. Наконец, они стали вопить: «Отче святой, Григорий,пусти нас, мы покаемся в нашем грехе и более не будем делать такой вещи». Услышав это, черноризцы пришли и захватили их, но не могли свести с того места. Тогда спросили их: «Когда вы сюда пришли?» Воры же отвечали: «Два дня и две ночи стоим мы здесь». Черноризцы сказали им: «Постоянно проходя здесь, мы не видели вас». Они же отвечали: «И мы, если б видели вас проходящими, просили бы со слезами ходатайства к старцу, и, уже в изнеможении, начали мы вопить: просим вас, умолите святого чудотворца, чтоб отпустил нас». Григорий пришел и сказал им: «Так как вы пробыли праздными всю вашу жизнь и крали чужие труды, сами же не хотели трудиться, отныне стойте здесь праздными прочие годы, до кончины жизни вашей». Они со слезами молили старца отпустить их, обещаясь не делать больше такого греха. Старец умилился над ними и сказал: «Если хотите трудиться своими руками и трудом вашим питать других, тогда пушу вас». Воры с клятвой сказали: «Никогда не преступим твоего слова». И сказал им Григорий: «Благословен Бог, укрепляющий вас. Отныне вы будете работать на святую братию и от своего труда приносить им нужное», – и с тем отпустил их. И воры, за злое дело в том малом саду, много трудились, работая на землях Печерского монастыря до конца жизни. И в третий раз покушался соблазнитель и искушитель через воров приступить к блаженному с таким искушением. Пришли однажды к Григорию трое людей не тайно, как воры, но открыто, как просящие помощи и хотели искусить его. Двое из них стали просить святого, ложно говоря на третьего: «Отче, этот друг наш осужден на смерть. Молим тебя, постарайся избавить его, дай ему что-нибудь, чтоб он выкупом освободился от смерти». Блаженный, провидя духом, что то, что ложь их сбудется на самом деле, жалостливо прослезился и сказал: «Горе этому человеку, потому что пришел день гибели его». Они же сказали: «Если ты, отче, дашь что-нибудь, он не умрет». Так говорили они, желая взять у него что-нибудь и разделить между

собой. Чудотворец же, как прозорливый, сказал им: «Если я и дам, он умрет. Но спрошу у вас, на какую смерть он осужден?» Они отвечали: «Он будет повешен на дереве». И сказал им прозорливец: «Правильно судите: завтра это сбудется». С этими словами он сошел в пещеру, где, храня себя от земной суеты, имел обычай творить молитву и, вынося оттуда оставшиеся, последние свои книги, дал им, говоря:

«Возьмите их, но если они не будут вам нужны, верните мне». Они взяли книги и вышли, и стали смеяться, говоря: «Продадим их и разделим то, что выручим». Видя еще у святого плодовые деревья, они сказали: «Придем в эту ночь и соберем эти плоды». Ночь настала, и эти три вора пришли. Григорий молился тогда в пещере. Они загородили извне дверь пещеры, в которой старец молился. И один из них, который называл себя повешенным, взлезши на дерево, стал рвать яблоки; и ветвь, за которую он держался, отломилась, он упал, а стерегшие в страхе убежали. Упавший, в то время как летел книзу, был защемлен другой ветвью и, не имея помощи, задохнулся. Григорий же, будучи заперт, не мог быть с братией на утрени в церкви. Братия, вышедши из церкви, пошла посмотреть, отчего его нет, ибо это было для него необычно. Они увидели на дереве висящего мертвого человека и уstraшились; потом, поискав, нашли Григория запертым в пещере. Он вышел и велел снять висящего. Увидев его товарищей, пришедших вместе с другими посмотреть на мертвеца, сказал им: «Смотрите, как окаянная ваша ложь сделалась правдою. Бог не бывает поругаем (Гал. 6:7). Если б вы не затворили меня, то я бы пришел помочь несчастному, чтобы он не умер. Но, так как враг приучил вас к обману и лжи, вы лишены теперь милосердия». И ругатели, видя, что сбылись слова блаженного, пали к ногам его, прося прощения. Григорий же осудил их работать Печерскому монастырю, чтоб с тех пор, в поту лица трудясь, они ели хлеб, и даже питали прочих своими трудами. Так и окончили они с детьми своими жизнь, работая в Печерском монастыре рабам Пресвятой Богородицы и ученикам преподобных отцов наших Антония и Феодосия.

Но надо рассказать о смертном страдании, которое потерпел святой.

Случилось однажды, монастырский сосуд был осквернен тем, что в него попало нечистое животное. Чтоб очистить его, блаженный спустился к Днепру почерпнуть воды. Князь Ростислав Всеволодович оказался там в то же время. Он направлялся в Печерский монастырь для молитвы и благословения, так как шел со своим братом Владимиром Мономахом в поход против половцев. И Ростиславовы оруженосцы, увидав старца, начали глумиться над ним и досаждают ему срамными словами по наущению исконного врага. Старец же, поняв пророческим духом, что они близки к смерти, сказал: «О, чада! Когда вам нужно иметь в себе мир душевный и просить у всех молитв, тогда-то и делаете вы зло, неугодное Богу. Плачьте о своей гибели, кайтесь в своих согрешениях, чтобы получить облегчение в страшный день. Уже постиг вас суд, и все вы с князем вашим будете затоплены водой». Услышав это, князь Ростислав принял слова преподобного как укоры, а не пророчество, сильно разгневался и сказал: «Мне ли предсказываешь смерть от воды, когда я умею плавать в ней! Сам примешь эту смерть!» И, не имея страха Божия, он приказал связать старцу руки и ноги, повесить ему камень на шею и бросить его в воду; и так он был потоплен. Братия же искала его два дня и не находила. На

третий день пришли в его келию, чтоб взять, если осталось что годного после святого; и преподобный оказался в келии мертвым, связанным по рукам и ногам, с камнем, привешенным к шее; одежда его была еще мокра, лицо светло и тело, как живое. Удивлялись иноки, как и кем он внесен, так как келия была затворена. И воздали они хвалу Богу, сотворившему дивное чудо над святым Своим, с честью изнесли чудотворные мощи и положили в пещере, где и доныне пребывают они нетленно.

Ростислав же, не чувствуя вины в своем грехе и дыша яростью, даже не вошел в монастырь, как обещался, не захотел принять благословения и удалился. Только Владимир Мономах, брат его, побывал в монастыре, испросив молитв и благословения. У Триполья князя перешли реку Стугну и вступили с полками своими в битву с половцами и не одолели их, но бежали от врагов. Тогда Владимир во время бегства, ради молитв и благословения Печерских святых, переправился через реку Стугну. Ростислав же со всем своим воинством утонул в ней. И так сбылось предсказание святого; и злому убийце было отмерено той же мерой, какой мерил он. Незлобивый же чудотворец Григорий обрел источник жизни и, наслаждаясь потоком вечной сладости, которая превышает небес, хвалит имя Господне, Которому подобает слава и хвала, ныне и присно и в бесконечные веки, аминь.

Житие преподобного отца нашего Моисея Угрина

8 августа (26 июля)

Он за девство принял страдания в Ляшской земле от одной вдовы.

Нечистый враг особенно воздвигает брань на человека через нечистую блудную страсть, чтоб человек, помраченный этой скверной, не взирал во всех своих делах на Бога, потому что только «чистии сердцем Бога узрят» (Мф. 5:8). Подвизаясь на той брани больше других, много пострадав, как добрый воин Христов, пока не победил до конца силу нечистого врага, блаженный отец наш Моисей оставил нам своей жизнью пример высокой духовной жизни. О нем пишут так.

Известно об этом блаженном Моисее, что родом он был из Венгрии, был приближен к святому благоверному Русскому князю, и страстотерпцу Борису и, служил ему с братом своим, Георгием, которого убили со святым Борисом. Тогда у реки Альты Георгий хотел заслонить собой от убийц своего господина, но воины безбожного Святополка отрубили Георгию голову, чтоб взять золотую гривну, которую надел на него святой Борис. Блаженный Моисей, один уцелев от смерти, пришел в Киев к Предиславе, сестре Ярославовой, где скрывался от

Святополк, прилежно молился Богу, пока не пришел благочестивый князь Ярослав, привлеченный жалостью об убиении брата, и победил безбожного Святополка. Когда же Святополк, бежавший в Ляшскую землю, пришел снова с Болеславом и изгнал Ярослава, а сам сел в Киеве, тогда Болеслав, возвращаясь в свою землю, увел с собою в плен двух сестер Ярослава и многих бояр его; в их числе вели и блаженного Моисея, окованного по рукам и по ногам тяжелым железом; его строго стерегли, потому что он был крепок телом и красив лицом.

Этого блаженного увидела в Ляшской земле одна знатная женщина, красивая и молодая, обладавшая большим богатством и значением; ее муж, отправившись в поход с Болеславом, не вернулся, но был убит в битве. Она, пораженная красотой Моисея, почувствовала вожделение плотской похоти к преподобному. И начала она убеждать его словами лести: «Зачем ты терпишь такую муку, когда имеешь разум, которым можешь освободиться от этих оков и страдания?» Моисей отвечал ей: «На то была воля Божия!» Она же сказала: «Если ты мне покоришься, я освобожу тебя и сделаю большим человеком во всей Ляшской земле, и ты будешь обладать мной и всей областью моей». Поняв ее скверное вожделение, блаженный сказал ей: «Какой муж, послушавшись жены, сделал хорошее дело? Первозданный Адам, послушавшись жены, был изгнан из рая (Быт. 3:23); Самсон (Суд. 16:21), превзойдя всех силой и одолев воинов, был женой предан иноплеменникам. Соломон (3Цар. 11:33), постигший глубину премудрости, подчинившись жене, поклонился идолам. Ирод (Мф. 14:10), одержавший много побед, поработенный женой, казнил Иоанна Крестителя. Как же я буду свободен, когда сделаюсь рабом жены? Женщин я не познал от рождения моего». Она же сказала: «Я выкуплю тебя и сделаю знаменитым, поставлю господином всему моему дому, и хочу иметь тебя своим мужем; только ты исполни мою волю, ибо мне жалко видеть, как безумно гибнет твоя красота». Блаженный же Моисей сказал ей: «Знай, что я не исполню твоей воли; не хочу ни власти твоей, ни богатства, для меня

дороже всего этого душевная и телесная чистота. Не хочу я погубить труда пяти лет, в которые Господь даровал мне терпеть в этих узах, будучи неповинным – такие муки, за которые я надеюсь быть избавлен от вечных мук». Тогда женщина, видя, что лишается такой красоты, предприняла другое дьявольское решение, рассудив так: «Если я выкуплю его, он покорится мне поневоле». И она послала к тому, кто привел его в плен, чтобы взял с нее сколько хочет, только бы дал ей Моисея. Он же, воспользовавшись случаем приобрести богатство, взял с нее до тысячи золотых и передал ей Моисея. Женщина, получив над ним власть, бесстыдно увлекала его на мерзкое дело. Освободив его от уз, она одела его в дорогие одежды и кормила его сладкими кушаньями и, обнимая его нечистыми объятиями, принуждала его к телесной похоти. Блаженный же Моисей, видя неистовство ее, еще больше прилежал молитве и посту, предпочитал для Бога, в чистоте есть сухой хлеб и воду, чем в скверне дорогие блюда и вино. И снял с себя красивые одежды, как некогда Иосиф, и избежал греха, презрев блага этой жизни. Женщина же, посрамленная, исполнилась такой ярости, что умыслила уморить блаженного голодом, бросив его в темницу. Бог же, подающий пищу всякому созданию, пропитавший некогда в пустыне Илию, также Павла Фивейского и много других Своих рабов, уповавших на Него, не оставил и этого блаженного. Он преклонил к милосердию одного из рабов той женщины, и тот втайне подавал ему пищу. Другие же увещевали его: «Брат Моисей, что мешает тебе жениться? Ты еще молод, а эта вдова жила с мужем только один год и, прекраснее других женщин; у нее бесчисленное богатство и великая власть в этой Ляшской земле; если бы хотела – и князь не пренебрег бы ею; ты же пленник и раб и не хочешь быть ее господином! Если же скажешь: „Не могу преступить заповедей Христовых“, не говорит ли Христос в Евангелии: *„Посему оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одной плотью“* (Мф. 19:5). Также и апостол: *„Лучше вступить в брак, нежели разжигаться“* (1Кор. 7:9). Он же говорит и о вдовах: *„Я хочу, чтоб молодые вдовы вступали в брак“* (1Тим. 5:14). Ты же,

не связанный чином монашеским, но свободный от него, зачем подвергаешь себя злым и горьким мукам и так страдаешь? Если тебе случится умереть в этой беде, какая тебе будет похвала? Кто возгнушался женщин из первых праведников, – Авраам, Исаак или Иаков? Никто, только нынешние черноризцы. Иосиф сперва бежал от женщины, но потом и он взял жену, и ты, если выйдешь живым от этой женщины, потом – так думаем мы – будешь сам искать жены, и кто не посмеется твоему безумию? Лучше тебе покориться этой женщине и быть свободным и господином всего ее дома». Блаженный же Моисей отвечал им: «О, братие и добрые друзья мои, хорошо вы мне советуете; понимаю, что вы говорите мне слова худшие, чем змеиное шептание говорило Еве в раю. Вы принуждаете меня покориться этой женщине, но я не прошу вашего совета, если даже мне придется умереть в этих узах и в горьких муках; я верую, что непременно получу милость Божию. И если многие праведники спаслись с женами, я один грешен и не могу спастись с женой. Но, если б Иосиф послушался раньше жены Пентефрия, то не царствовал бы потом, когда взял себе жену в Египте (Быт. 39 и 41). Бог, видя его прежнее терпение, даровал ему Египетское царство, потому он и прославляется в роде родов за целомудрие, хотя и имел детей. Я же желаю не Египетского царства, и не господствовать над властями и быть великим в этой Ляшской земле и сделаться известным далеко по Русской земле, но все это презрел я ради вышнего Царствия. Поэтому, если я выйду живым из рук этой женщины, никогда не буду искать другой жены, но, с Божьей помощью, стану черноризцем. Ибо что сказал Христос в Евангелии: *„Всякий, кто оставит дома, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную“* (Мф. 19:29). Больше слушать вас или Христа? Апостол же говорит: *„Неженатый заботится о Господнем, как угодить Господу; а женатый заботится о мирском, как угодить жене“* (1Кор. 7:32–33). Спрошу я у вас, для кого подобает работать – для Господа или для жены? Знаю и то, что пишет он: *„Рабы, послушайте господей своих“*, – но в добром, а не в злом; так поймите вы,

державшие меня, что никогда не прельстит меня женская красота и не отторгнет от Христовой любви».

Услышав об этом, женщина приняла в сердце другой лукавый помысл: приказала посадить блаженного на коня и с множеством слуг водить его по своим городам и селам, говоря: «Все это твое, если угодно тебе. Распоряжайся, как хочешь, всем». И дала наказ она: «Это ваш господин, а мой муж. Встречаясь с ним, кланяйтесь ему». Блаженный, посмеявшись над безумием женщины, сказал ей: «Напрасно трудишься, не можешь прельстить меня тленными вещами этого мира, ни украсть мое нетленное богатство; пойми и не трудись напрасно». Женщина с яростью сказала ему: «Или не знаешь, что ты мне продан? И кто вырвет тебя из рук моих; живым я не выпущу тебя, но после многих мук предам тебя смерти». Блаженный же смело ответил ей: «Не боюсь я никакой беды, потому что со мной Господь, Которому отныне, по изволению Его, желаю я работать иноческой жизнью».

В это время, по внушению Божию, пришел к блаженному Моисею от Святой Горы один черноризец, саном иерей, и облек его в святой ангельский иноческий образ; много поучил его о чистоте, чтоб не уступить врагу и не убояться той скверной женщины, и потом ушел. Всюду искали этого черноризца и не нашли. Тогда жена, отчаявшись в своей надежде, нанесла тяжкие раны преподобному инок Моисею: растянув его, велела бить его жезлом, так что земля пропиталась его кровью. Палачи говорили ему: «Покорись госпоже своей, исполни волю ее; если же ты ослушаешься, то мы раздробим твое тело по частям. Не думай избежать этих мук, после которых с горестью предашь ты свою душу. Помилуй самого себя, брось это монашеское рубище и оденься в многоценные боярские одежды, и ты освободишься от ожидающих тебя мук». Отвечал им мужественный Моисей: «Братие, не медля, творите то, что вам приказано. А я никак не могу отречься от монашества и от любви Божией, и никакое томление – ни огонь, ни меч, ни раны – не могут разлучить меня от Бога и от этого великого ангельского образа. Этой же бесстыдной и помраченной женщине, показавшей явно свое бесстыдство, оскорбившей не

только страх Божий, но и стыд человеческий, бесстыдно принуждающей меня к осквернению и прелюбодеянию, я никак не покорюсь и не исполню ее окаянной воли».

Женщина же, озабоченная тем, как бы отомстить за свое посрамление, написала, наконец, к князю Болеславу такое письмо: «Ты сам знаешь, что муж мой был убит, воюя с тобой, и ты дал мне волю взять себе мужем, кого я захочу. Я полюбила одного юношу из твоих пленников, который прекрасен, и, выкупив, взяла его в мой дом. Я заплатила за него много золота и даровала ему все находящееся у меня в доме серебро и золото, и всю власть, только бы захотел он стать моим мужем. И все это он счел за ничто; часто томила я его голодом и ранами, но ничего не сделала. Мало ему казалось пробыть пять лет скованным у того, кто взял его в плен, вот шестой год провел он у меня, и много я его мучила за послушание, что сам он навлек на себя жестокосердием своим. А теперь он и пострижен одним черноризцем. Что прикажешь ты сделать мне с ним?»

Князь Болеслав приказал той женщине приехать к нему и привезти Моисея. Когда же приказание его было исполнено, и он увидел преподобного, много увещевал он преподобного взять ту жену, но не убедил. Наконец сказал ему: «Кто так бесчувственен, как ты, что лишаешь себя многих благ и чести и предаешь себя на горькие муки? Знай отныне, что тебе выбирать жизнь или смерть: или, исполнив волю госпожи твоей, быть в чести у нас и иметь великую власть – или, послушавшись, после лютых мук принять лютую смерть». Сказал он и женщине: «Пусть купленный тобой пленник не будет свободным, но, как госпожа, сделай со своим рабом, что хочешь, чтоб и прочие не осмеливались ослушаться своих господ». Преподобный же отец наш Моисей отвечал ему: «Кая польза человеку (говорит Господь), аще мир весь приобретает, душу же свою отщетит; или что даст человек измену за душу свою? Что обещаешь ты мне честь и славу, которой и сам скоро лишишься, и примет тебя, не имеющего ничего, гроб; так же и эта скверная жена будет убита злым образом» (так и случилось по предсказанию преподобного).

Но прежде того женщина, получив над ним еще большую власть, с бесстыдством еще сильнее склоняла его на грех, так что приказала насильно положить его на одре своем, обнимала и целовала его, но и этим прельщением не могла привлечь его к своему желанию. Преподобный сказал: «Напрасны, женщина, твои усилия; не думай, что я не творю этого греха, потому что безумен или не могу, но из-за страха Божия, и гнушаюсь тобой, нечистая». Получив такой ответ, женщина приказала ежедневно давать ему сто ударов, потом же велела отрезать ему тайные члены. Преподобный же Моисей лежал как мертвый от кровотечения, едва дыша.

Вмешавшись в это дело и желая еще более угодить женщине, ради величия ее рода и своего расположения к ней, Болеслав воздвиг великое гонение на черноризцев и изгнал всех их из своей области. Бог же вскоре отомстил за рабов Своих. В одну ночь Болеслав внезапно умер, и во всей Ляшской земле произошел сильный мятеж. Народ восстал, избил епископов и бояр, среди них была убита и та бесстыдная женщина.

Об этом гневе Божиим, бывшем после изгнания черноризцев за пострижение преподобного Моисея, через много лет напоминала великому князю Киевскому Изяславу его княгиня, родом Ляховица, дочь Болеслава, прося настоятельно не изгонять из области своей преподобного Антония с его братией за пострижение блаженного Варлаама и Ефрема евнуха. Но обратимся к настоящему.

Преподобный отец наш Моисей, собравшись немного с силами, пришел в пещеру к преподобному Антонию, нося на себе мученические раны, как храбрый воин Христов, и жил богоугодно, подвизаясь в посте, молитве, бдении и всех иноческих добродетелях, которыми он победил до конца все козни нечистого врага.

За многие победы над блудными страстями, искушавшими этого преподобного, даровал ему Господь силу помогать другим побеждать те же страсти. Один брат, боримый страстью блуда, пришел к преподобному и молил помочь ему. «Я обещаюсь соблюдать до смерти, — говорил он, — если ты мне что

повелишь!» Преподобный же сказал ему: «Никогда не говори во всю свою жизнь ни одного слова с женщиной». Тот обещал с усердием. Тогда святой, подражая первому Моисею, творившему жезлом чудеса, прикоснулся к лону брата жезлом своим, без которого не мог ходить от боли полученных прежде ран, и вдруг омертвели все нечистые страсти в теле того брата, и с тех пор больше не было для него искушений.

Этот добрый воин Христов среди страданий достиг шестнадцатого года своего богоугодного подвига; пять лет неповинно мучимый, взявшим его в плен он явил терпение Иовово, на шестой год мужественно пострадал за чистоту больше Иосифа; потом десятилетним равноангельным безмолвием в пещере, переданным от святой Афонской горы, просиял прежде других, как первый Моисей – десятичисленным законом, переданным через ангелов от святой Синайской горы. И наш преподобный Моисей воистину сподобился быть Боговидцем – он оказался достойным блаженства чистых сердцем. И, чтобы видеть Бога лицом к лицу, переселился месяца июля 26-го дня, еще при жизни преподобного Антония, в пещере которого лежат доныне нетленно чудотворные мощи этого святого, не растлившего чистоты мужа.

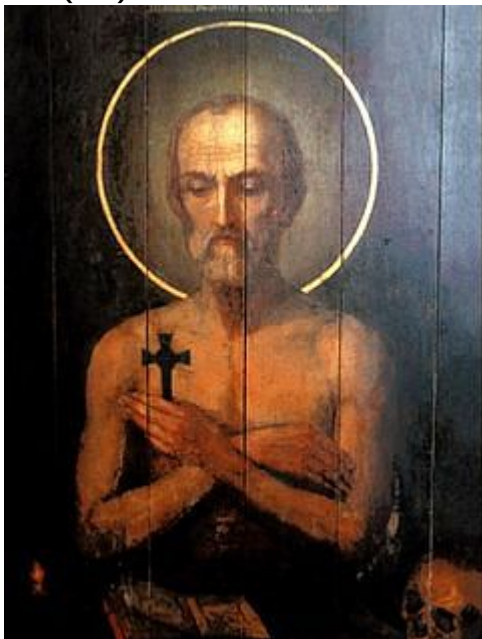
Святой Моисей и по смерти побеждает мощами своими нечистые страсти, как испытал это святой Иоанн Многострадальный. Затворясь в пещере и вкопав себя до плеч против мощей преподобного Моисея, после многих страданий для победы блудной страсти он слышал голос Господень помолиться мертвецу, находившемуся против него, преподобному Моисею Угину. Когда Многострадальный исполнил это, он был избавлен от нечистой брани. Также и другого страстного брата тот же святой Иоанн избавил от той же пакости, когда дал страдавшему страстью одну кость от мощей преподобного Моисея, чтоб приложить к своему телу, – как это описано в житии преподобного Иоанна Многострадального.

Будем и мы, избавившись от всякой нечистоты, иметь вождем, наставляющим молитвами своими на путь спасения, преподобного Моисея, чтобы с ним поклониться Лицу в Троице

поклоняемого Бога, Которому слава ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Иоанна Многострадального

31 (18) июля

Он ради девства много пострадал и живым закопался в землю до груди.

Со словами «учителя языков» – «многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие» (Деян. 14:22) – согласно слову возлюбленного ученика Иисусова Иоанна Девственника, который сказал: «Я, Иоанн, брат ваш и соучастник в скорби» (Откр. 1:9), – с этими же словами согласна и жизнь возлюбленного ученика Пресвятой Богородицы Печерской, Русского нашего девственника Иоанна, называемого Многострадальным. Много скорбей вынес он ради девства, посвященного небесному Жениху. Все свое житие сам Многострадальный, уже находясь при смерти, поведал по следующей причине.

Часто к этому преподобному, затворившему себя в одном темном месте в пещере преподобного Антония и тут проводшему всю свою жизнь, приходил один из братии, боримый диавольским внушением к плотскому вожделению. И молил он святого помолиться Господу об ослаблении страстей

его. Преподобный же Иоанн сказал ему: «Мужайся, брат, и да крепится сердце твое, потерпи Господа и соблюди пути Его, и не оставит тебя в руках врагов наших, и не предаст в добычу зубам их». Отвечал ему брат, искушаемый страстью: «Верь мне, отче, если ты не подашь мне облегчения, то никогда не успокоюсь я и буду переходить с места на место». Преподобный Иоанн сказал ему: «Зачем хочешь ты предать себя на съедение врагу, уподобиться человеку, который стоит близ пропасти, к которому пришел враг и внезапно толкнул его вниз, и бывает падение такого человека тяжело, так что он не может более встать. Если же останешься здесь, в святом монастыре, будешь подобен мужу, стоящему далеко от пропасти, которого враг хотя и влечет с усилием, но не может толкнуть, и так Господь терпением твоим выведет тебя из рва страстей и от брения нечистоты. Но послушай меня, брат. Я расскажу тебе все случившееся и со мной от юности моей». И тогда начал он рассказывать всю жизнь свою подробно, говоря так:

«Когда, – говорил он, – пришел я в этот святой Печерский монастырь, начал трудиться по чину святого ангельского иноческого образа, много вытерпел я, томимый позывами на блуд, и не знаю, чего не выстрадал я ради моего спасения. Два дня, иногда же и три проводил без еды, часто и всю неделю ничего не вкушал, морил себя лютой жаждой, бодрствовал все ночи и в таком злострадании провел три года, но и там не нашел покоя. Пошел я в пещеру, где положен преподобный отец наш Антоний, и пребывал у гроба его в молитве день и ночь. И слышал я глас преподобного ко мне: «Иоанн, нужно тебе затвориться здесь в пещере, чтоб невидением и молчанием прекратилась брань, и Господь поможет тебе молитвами преподобных Своих». И так, с того часа затворился я в этом тесном и скорбном месте, где нахожусь теперь уже тридцатый год. И только очень недавно нашел я покой, а все те годы боролся со страстями и телесными помыслами. И, живя жестокой жизнью, сперва несколько лет только постом и бдением удручал тело свое. Наконец, не зная, что делать, и не в состоянии терпеть плотской брани, задумал я

жить нагим и возложить тяжелую броню на свое тело, и с тех пор доныне бываю я изнеможен холодом и грызущим железом. Но когда и всего этого не было достаточно, сделал я другую вещь: выкопал глубокую яму до груди моей. И, когда подошли дни святого великого поста, я вошел в яму и всего себя засыпал землей, так что свободными у меня были только руки и голова, и так, угнетаемый землей, провел я весь пост, не мог двигать ни единым суставом, но и так не прекратились плотские стремления и разжение тела. Кроме того, враг диавол стращал меня, желая прогнать меня оттуда, и я испытал всю силу коварства его: ноги мои в яме стали перегорать, так что жилы в них скорчились, и кости трескались, пламя доходило уже до утробы моей, и члены мои горели. Я же не обращал внимания на лютую боль, но радовался душой, что она сохраняет меня чистым от скверны. Я предпочитал ради Господа сгореть в том огне, чем выйти из ямы посрамленный бесами. И в то же время видел я страшного и лютого змея, дышащего пламенем и опаляющего меня искрами, и хотящего проглотить меня, и он делал это много дней, чтоб прогнать меня. Когда же наступила светоносная ночь Воскресения Христова, внезапно напал на меня лютый змей и проглотил пастью своей голову мою и руки, и были опалены волосы на голове моей и бороде, как ты видишь меня. И я, находясь в гортани того змея, возопил из глубины моего сердца:

„Господи Боже, Спасе мой, вскую ты оставил меня, ущебри меня, Владыко, так как Ты один Человеколюбец, спаси меня грешного, единый Безгрешный, избави меня от скверны беззакония моего, чтоб не увязнуть навеки в сети лукавого. Избавь меня от поглощения этим врагом. Ибо как лев рыкает он, хотя проглотить меня. Воздвигни силу Твою и приди спасти меня, блесни молнией Твоей и изгони его, чтоб исчез от лица Твоего!“ Когда же окончил я молитву, вдруг блеснул свет Божественный как молния, и исчез тот лютый зверь, и благодатью Божией не видел его больше доныне. Услышал я тогда и глас Господень ко мне: „Иоанн, Иоанн! Это была тебе помощь, далее будь внимателен к себе, чтоб не пострадать горше в будущем веке“. Я же поклонился и сказал:

„Господи, зачем Ты оставил меня в злых мучениях?“ И отвечал Он мне: „На тебя наведены были искушения по силе терпения твоего, чтоб, искушенный огнем, явился ты чист, как золото. Ибо свыше силы не попускает Бог искушения человеку, чтобы, изнемогши, не был он поруган лукавым змием, но Он, как мудрый господин, крепким и сильным рабам – вручает великие и тяжелые дела, а немощным и слабым – незначительные и легкие; то же самое и в брани телесной похоти, ради которой ты молишься сам за себя. Но помолись мертвецу, лежащему против тебя, чтоб облегчил он тебя от блудной страсти; ибо он сделал большее, чем Иосиф, и может помогать тяжело страждущим такой страстью“. Я же, не зная имени этого мертвеца, стал звать: „Господи, помилуй меня молитвами этого преподобного“. Потом я узнал, что то был Моисей, родом Угрин. И нисшел на меня неизреченный свет, в котором пребываю я и теперь, не нуждаясь в свете ни днем, ни ночью. И все приходящие ко мне достойно насыщаются этого света и видят явно утешение, осветившее меня в ту ночь Воскресения, как надежда будущего света».

Закончив так исповедь многострадального своего жития, преподобный отец наш Иоанн, обратясь к боримому страстью, сказал: «Мы, брат, пригвоздили ум к плотолюбию, поэтому Бог попускает на нас праведным судом Своим страсти, потому что никогда не приносили мы плодов достойных покаяния. Но, брат, говорю я тебе: „Помолись этому преподобному Моисею, и он поможет тебе“». Тогда он помолился вместе с боримым страстью и, взяв одну кость от мощей преподобного Моисея, дал ему со словами: «Приложи ее к своему телу». Сделав это, он почувствовал, как вдруг угасло разжение, прекратились влечения и омертвели в его теле все блудные страсти, и с тех пор не было ему искушений. Тогда вместе святой и боримый страстью воздали хвалу Богу за то, что тех, которые в жизни своей прославили Его чистотой, Он по смерти прославляет чудесами, дарующими чистоту.

Многострадальный затворник преподобный отец наш Иоанн вскоре по исповедании многих страданий своих, месяца июля в

18-й день предал дух свой в руки Господа, с Которым он страдал, чтоб с Ним же и воцариться.

Мощи же его святыя, точащие неоскудно исцеления, как столп крепости пред лицом врагов, стоят непоколебимо и доныне там, где он сам закопал себя до груди – сначала, когда подвизался, потом же, – когда узнал время преставления своего.

Молитвами многострадального этого затворника, преподобного отца нашего Иоанна (честное тело которого, как победившего многим страданием телесную страсть, сделалось столпом Дома Божия) да будем мы предводимы как светом и осенением столпа, руководившего в пустыне Моисеем, к той обетованной небесной земле, текущей млеком и медом, которых достойны не одни грудные дети и младенцы, но, подобно Наперснику Христову, и этот девственный Иоанн, то есть к земле, текущей благодатью и славой в Троице славимого Бога, Которому слава ныне и присно, и во веки, аминь.

Житие преподобного отца нашего Прохора чудотворца

23 (10) февраля

Он из травы, называемой лебеда, молитвой своей сотворил сладкий хлеб, а из золы – соль.

Богатый щедротами и милосердый Бог часто попускает зло на род человеческий, чтоб таким наказанием привлечь его к здравому разуму и понудить на добрые дела. Но если и казнит и наносит язвы, то непременно милует и не медлит подавать исцеления ранам, как можно видеть из жития этого преподобного Прохора. О нем сохранился следующий рассказ.

В дни княжения в Киеве Святополка Изяславича много насилия было нанесено князем народу. Без вины разрушил он дома сильных и у многих отнял имения. За то Бог и попустил, чтоб поганные осиливали его и во время державы его было много нападений половцев и, кроме того, междоусобная брань, так что бывал тогда не раз голод и великая скудность на Русской земле.

В эти дни пришел из Смоленска в Печерский монастырь блаженный Прохор к игумену Иоанну и принял от него святой

ангельский образ. Стал он подвизаться крепко в добродетелях и приучил себя к великому воздержанию, так что лишил себя и обычного хлеба, но собирал он траву лебеду, и, протирая ее своими руками, делал себе хлеб и им питался. В летнее время он заготавливал его на весь год и, когда снова наступало лето, делал то же для будущего года, так что во всю жизнь он не нуждался в обычном хлебе, и прозван он был «лебедник» потому, что кроме просфоры в церкви, в келии не ел никогда даже овощей, но только лебеду, и не пил ничего, кроме воды.

Бог, видя терпение святого в таком воздержании, сотворил для него ту горечь хлеба, сделанного из лебеды, в сладость. И была ему вместо печали радость. Никогда не скорбел этот блаженный, но в радости работал Богу. Не страшился он никогда набегов неприятелей, потому что жил как птица, не имея ничего, кроме лебеды, так что не мог он сравниться с евангельским богачом, говорившим *«Душа! много добра лежит у тебя на многие годы: покойся, ешь, пей, веселись!»* (Лк. 12:19). Но и за траву ту, заготовленную на год, укорял он себя, говоря «Прохор, в эту ночь возьмут у тебя душу твою, а что приготовил ты – кому будет?» На деле исполнил этот блаженный слово Господне: *«Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницу, и Отец ваш Небесный питает их»* (Мф. 6:26). Подражая птицам, преподобный легко проходил туда, где росла лебеда, и оттуда приносил ее в монастырь на плечах, как на крыльях. И так питался он несеянной пищей с непаханной земли, как птица.

Во время этих подвигов святого начался в Русской земле от постоянных войн великий голод, так что смерть угрожала людям. Бог же, желая прославить угодника Своего и помиловать людей своих, умножил тогда произрастание лебеды более чем в другие годы; и потому блаженный Прохор все больше трудился, беспрестанно собирая эту траву, растирая ее руками и делая из нее хлебы, которые раздавал неимущим и погибающим от голода. Некоторые, видя, как он собирал лебеду, начали также собирать, чтоб пропитаться во время голода, но не могли есть от горечи. Тогда

все нуждающиеся обратились к святому, и он не отказывал никому в своем хлебе из лебеды. И всем вкус этого хлеба казался сладким, как будто он был смешан с медом, так что охотнее хлеба печеного из пшеницы брали этот хлеб, испеченный из травы руками блаженного Прохора. Но замечательно и то, что хлеб этот, только если давался блаженным с благословением, казался светлым, чистым и был сладок на вкус; а если кто брал его тайно, он становился черен, как земля, и горек, как полынь. Один из братии взял у блаженного хлеб тайно, без благословения, и начал есть. И он оказался в руке его как земля, а во рту горьким сверх меры, так что он не мог его есть. Так случалось несколько раз. Он стыдился открыть блаженному этот грех и просить у него хлеб с благословением. Но, будучи очень голоден, и не в состоянии выносить позывов голода, видя смерть пред глазами своими, пришел к игумену Иоанну и рассказал ему происшедшее, прося прощения. Игумен, не поверив рассказу, приказал другому брату взять тайно хлеб у святого, чтобы видеть истину, так ли это. Когда хлеб был принесен, оказалось то же, что говорил первый брат: никто не мог есть его от горечи. Этот хлеб был еще в руках их, когда игумен снова послал к святому попросить хлеба от его благословения. «Уходя от него, – сказал игумен, – возьмите тайно и другой хлеб». Когда эти хлебы были принесены, хлеб, взятый тайно, изменился перед ними и стал черным как земля и горек как полынь, как и первый хлеб; а хлеб, взятый из рук его, казался чистым и был сладок как мед. После этого чуда прославился Прохор повсюду и, напивав алчущих, оказал пользу многим.

После этого Святополк Изяславич, князь Киевский, начал междоусобную брань с Давидом Игоревичем, князем Владимирским, за ослепление на Требовле князя Василька Ростиславича, которого приказал ослепить Святополк, прельщенный Давидом Игоревичем; также и с Володаром Ростиславичем, братом Василька, князем Перемышльским, и с самим Васильком за область отца своего Изяслава, которую захватили Ростиславичи. И уже сам Святополк возвратился из похода в Киев, прогнав Давида к ляхам и посадив в его городе

Владимире сына своего Мстислава, но не одолел Володаря и Василька и послал на них с Уграми другого сына своего Ярослава. В это время, при великом нестроении и беззаконных грабежах, не пропускали к Киеву купцов от Галича и Перемышля, и не было соли на всей Русской земле – и тогда народ был в великой печали.

Блаженный же Прохор, видя эту скудность, собрал в келию свою множество пепла со всех келий и, помолясь Господу, начал раздавать всем нуждающимся в соли тот пепел, из которого для всех молитвами блаженного образовывалась чистая соль.

И чем больше он ее раздавал, тем больше она умножалась, так что было достаточно не только для монастыря, но и мирские люди, приходя к нему, разбирали во множестве для нужд своих домашних. Ничего не брал за то святой, но раздавал даром всем, кто требовал. И можно было видеть, как базар пустеет, а монастырь полон людьми, приходящими для получения соли.

Тогда воздвиг враг великую зависть в купцах, продававших соль на торгу, лишенных вдруг ожидаемых барышей. Ибо они рассчитывали в те дни приобрести за соль богатство всего мира, но сильно в этом ошиблись, потому что прежде продавали слишком дорого, потом уж никто не покупал и дешево. Собравшись вместе, все торговцы солью пришли к князю Святополку с жалобой на блаженного: «Прохор, черноризец Печерского монастыря, отнял у нас большие деньги: всех неотступно привлек он к себе за солью, а мы, платящие тебе подати, не можем сбыть своей соли и через него разорились». Князь же, выслушав их, замыслил две вещи – и прекратить их жалобы, и себе нажить денег. И решил он с советниками своими поднять цену соли, и, отняв ее у Прохора, самому быть ее продавцом через своих людей. И обещался он тем крамольникам: «Ради вас ограблю монаха». Мысль же о наживе своей он скрывал, желая угодить им, главным же образом готовясь из зависти ввести их в еще большие убытки – потому что зависть не может мириться с тем, что полезно для других. Святополк послал забрать всю соль у Прохора. Когда она была перевезена, он пришел сам посмотреть на нее с теми

крамольниками, которые жаловались на блаженного, и все увидели, что пред их глазами пепел. Князь приказал некоторым попробовать, и также во рту их оказался пепел. Много дивились они этому изменению и недоумевали. Желая узнать вернее, чем все это кончится, князь приказал сохранить пепел до трех дней. А к блаженному, по обычаю, приходило множество народа, чтоб получить соль, но узнав о ее разграблении, возвращались с пустыми руками, проклиная того, кто это сделал. Блаженный же сказал им: «Когда соль будет высыпана от князя, тогда пойдите собирать ее себе». Князь, продержав ее до трех дней и не получив ничего, кроме пепла, приказал ночью высыпать ее вон. А тот пепел, который высыпали, снова превратился в соль. Узнав об этом, граждане стали стекаться и с радостью собирали ее. Когда совершилось это дивное чудо, в ужас пришел князь, позволивший себе насилие. И так как он не мог скрыть этого дела, ибо оно совершилось перед всем городом, начал он исследовать, что это такое. Тогда рассказали ему все, что делал блаженный Прохор: не только о той соли, бывшей из пепла, но и о хлебах из лебеды, которыми он пропитал множество народа, и как оказывались они сладкими, когда кто получал их из его рук с благословением, и горькими, когда кто брал тайно.

Узнав об этом, князь Святополк устыдился своего дела, пошел в Печерский монастырь и примирился с игуменом Иоанном. А прежде он имел с игуменом вражду за обличение в ненасытной алчности и в обидах народу, так что он даже заточил его в Турове; но, убоявшись навлечь на себя вражду благочестивого князя Владимира Мономаха, вскоре возвратил его с честью в Печерский монастырь.

Из-за этих чудес Святополк стал с тех пор иметь великую любовь к Пресвятой Богородице и преподобным отцам Антонию и Феодосию Печерским. А блаженного Прохора очень почитал и угождал ему, зная, что он истинный раб Божий. Пред ним он дал обещание Богу никому больше не творить насилия и укрепил это слово, говоря блаженному: «Если я, по изволению Божию, прежде тебя отойду от этого мира, ты своими руками положи меня в гроб, чтоб показать надо мной твое незлобие. Если же ты престоишь прежде меня, я, взяв

тебя на плечи, внесу тебя в пещеру, чтоб за то Господь подал мне прощение тяжкого моего греха пред тобой».

После этого разговора блаженный Прохор прожил немало лет Богоугодно в непорочном и жестоком житии и потом разболелся. Князь же Святополк был в походе против половцев. Тогда блаженный послал к нему с вестью: «Приблизился уже час исхода моего из тела; если хочешь исполнить свое обещание и получить от Бога прощение грехов, приди, чтоб получить разрешение и своими руками положить меня в гроб. Ожидаю прихода твоего. Если же ты замедлишь, и я отойду без тебя, то не моя будет вина, и поход окончится не так, как если бы ты пришел ко мне». Получив эту весть, Святополк оставил войско и пришел вскоре к больному Прохору. Преподобный много поучал князя о милостыне, о будущем суде, о вечной жизни и о бесконечных муках, дал ему прощение и благословение и простился со всеми окружавшими князя. Потом, воздев руки к небу, предал дух свой в руки Божии.

Князь же с черноризцами, взяв тело преподобного, отнес его в пещеру и своими руками положил его во гроб. Потом он отправился в поход и одержал великую победу над безбожными агарянами, пленил все области Половецкие и привел пленных в свою землю. Эта победа, дарованная Богом Русской земле, была одержана по предсказанию милостивого блаженного Прохора. И с тех пор князь Святополк, идя в поход или на охоту, всегда приходил к Печерский монастырь для благословения и с великим усердием и благодарностью преклонялся в Богом созданной церкви пред чудотворной иконой Пресвятой Богородицы и пред гробом преподобного Феодосия, также и в пещере пред гробом преподобных Антония и Прохора и всех прочих преподобных, и лишь тогда отправлялся в путь. И счастливо шло княжение его, получившее после многих кар Божие благословение через преподобного Прохора, и сам Христолюбивый князь Святополк Изяславич, быв сам свидетелем, исповедовал всем явно чудеса и знамения этого угодника Божия.

Его святыми молитвами и ныне среди постоянной борьбы да не лишатся русские люди брашна: особенно же вечно

пребывающего и земного – творения воли Божией, и небесного – насыщения души, когда явится Его слава. И этим святолепным брашном да насладимся мы с преподобным Прохором; уже не вкушением листьев лебеды и пепла, но зрением цветущего прежде веков естества Божия и взятого с земли естества человеческого, которые соединены во Христе – Боге и человеке. Ему с безначальным Его Отцом и с пресвятым, благим и животворящим Его Духом подобает всякая слава ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Марка пещерника

11 января (29 декабря)

Повелений которого слушались мертвые, и с ним преподобного Феофила, которому мертвец Иоанн уступил высшее место, и слезами которого наполнились два сосуда.

В древнем и в более близком видениях сперва Иезекиилю Пророку, а потом наперснику Христову, явилось в ликах ангельских между другими одно животное, имеющее подобие льва (Иез. 1:10; Откр. 4:7). Это таинственное знамение свойственно святому евангелисту Марку и нашему Печерскому Марку. Ибо как лев будит своим голосом мертвые свои порождения, так и голосу этого преподобного Бог дал такую власть, что и мертвые братья пробуждались и слушались его. Поэтому и достойно упомянуть о нем среди ангельского лика. Ибо, нося в чине ангельском иноческий образ, он пожил равноангельской жизнью, как свидетельствует его святолепное житие. Итак, начнем повествовать о нем.

Время подвигов этого блаженного Марка лучше всех указаний определим тем достохвальным событием, что при нем были перенесены честные мощи преподобного отца нашего Феодосия из пещеры в святую великую церковь. Блаженный

Марк, приняв иноческий образ, жил в пещере, искапывая в ней своими руками много мест не только для того, чтобы скрываться там на молитву, но и для погребения умершей братии, и выносил землю на своих плечах. И так трудился он постоянно в этом богоугодном деле, ожидая на небе богатой награды, на земле же не желая брать ее. Если кто насильно, по любви, давал ему какую-нибудь вещь за копание могилы, – он отдавал убогим.

Кроме того, блаженный возложил на пояс себе железо, которое носил всю свою жизнь; бодрствовал он день и ночь на молитве, от постоянной же молитвы не отделял строгого поста, как сочетал их Бог (Мф. 19:6). И воду пил он мерой из своей меры, этой меркой служил ему медный крест. И так внутреннего врага, воздвигающего похоти в душе, победил он до конца не только темницей, но и трудом, и оковами, лишением сна и голодом. Умертвил плоть свою не только безмолвием в темной пещере, но и копанием, и опоясанием железным, бдением и постом. Явившись в ангельском образе как бесплотный, он не боялся смерти, но смерть скорее боялась голоса его, как трубы архангела. Преподобный отец наш Марк получил от Господа силу на такие чудеса, что и мертвые повиновались повелениям его. Это было подтверждено многими знамениями.

Однажды, когда, по обычаю, копал он могилу, утрудясь, он изнемог и оставил место тесным и нерасширенным. Случилось, что один из болевших братий умер; и для погребения не было, кроме того, другого места. Мертвый был принесен в пещеру, и едва могли, по тесноте, положить его в пещеру. Тогда братия стала роптать на Марка, что они не могут ни оправить мертвеца, ни возлить на него елей ради тесноты места. Пещерник же, со смирением поклонясь всем, сказал: «Простите мне, отцы, по немощи моей не окончил». Они же досаждали ему, укоряя его еще сильнее. Тогда блаженный сказал мертвецу: «Так как место тесно, брат, подвинься сам и, взяв елей, возлей на себя». Мертвый же, немного разогнувшись, протянул руку и, взявши елей, возлил на себя крестообразно на лицо и на

грудь и снова отдал сосуд; оправя себя сам, он возлег и уснул. После этого чуда всех объял ужас и трепет.

И еще один брат умер после долгой болезни; и один из друзей его, по обычаю отерев его губой, пошел в пещеру, чтоб видеть место, где должны были положить тело его друга, и спросил о том блаженного пещерника Марка. Блаженный же отвечал ему: «Иди сказать брату, чтоб подождал он до утра, пока я выкопаю место, и тогда отойдет он на покой той жизни». Брат же сказал пещернику: «Отче, я уже вытер губой его мертвое тело, кому велишь сказать это?» Марк же снова сказал: «Это место, видишь, еще не приготовлено. Говорю тебе: иди и скажи умершему так: говорит тебе грешный Марк: брат, пробудь здесь еще этот день, пока я приготовлю место и извещу тебя, утром же отойдешь ты к желанному Христу».

Послушав его, брат пошел в монастырь и нашел всю братию совершающей обычное пение над умершим. Тогда он сказал умершему: «Брат, Марк говорит, что место для тебя еще не готово, подожди еще здесь до утра». Когда он это при общем изумлении сказал, вдруг мертвец открыл глаза, и душа его возвратилась в него, и он был тот день и ночь жив, никому ничего не говоря и только смотря открытыми глазами. На утро брат, приходивший прежде, опять пошел в пещеру узнать о месте, приготовлено ли оно. И святой сказал ему: «Иди, скажи ожившему: говорит тебе Марк: оставь эту временную жизнь и перейди в вечную; отдай дух твой Богу, тело же твое пусть будет положено в пещере со святыми отцами. Ибо место готово». Брат, придя, сказал все это ожившему. Тот же, закрыв очи свои, предал дух в руки Божии. И так, с честью был положен в пещере на приготовленном месте. И все удивлялись этому преславному чуду, как по слову блаженного ожил мертвец и опять умер по его слову, и прославляли Бога.

И еще. Были в том же Печерском монастыре два брата, соединенные сердечной любовью с самой юности, одинаково обо всем мыслившие и имевшие одинаковую ревность к Богу – Иоанн и Феофил. Они умолили блаженного Марка устроить им одно общее место для погребения тел их обоих, когда повелит

Господь. Пожив долго вместе, старший из них, Феофил, уехал куда-то по монастырскому делу, а младший, Иоанн, угодив Богу, разболелся, умер и положен был в пещере на приготовленном месте. Через несколько дней Феофил возвратился с дороги и, узнав о смерти брата своего, начал сильно скорбеть и, взяв с собой нескольких иноков, пошел в пещеру, желая видеть, на каком месте положен умерший. Видя же, что он положен в той общей могиле на верхнем месте, негодовал и роптал на Марка, говоря: «Зачем ты положил его здесь на моем месте? Я старше его». Пещерник, как смиренный, кланяясь ему, говорил: «Прости, брат, меня, согрешил я!» Потом, обратившись к умершему, он сказал: «Встань, брат, дай то место старейшему тебя брату, сам же ляг на нижнем месте». И вдруг, по слову блаженного, мертвый встал и лег на нижнем месте, и все пришедшие туда видели это, и чудо было для них страшно и полно ужаса.

Тогда брат, роптавший на блаженного, припал к ногам его, говоря: «Согрешил я, отче, подвинув брата с места. Молю тебя, прикажи, чтобы он лег там снова». Блаженный же сказал ему: «Сам Господь, уничтожая вражду между нами, происшедшую из-за твоего ропота, сделал это, чтобы во вражде твоей ты не имел на меня злобы; тело этого умершего показало, что любовь его к тебе живая и по смерти, подчинилась старшинству твоему, встав с верхней части общей приготовленной для вас могилы. Восстанавливать мертвых – Божие дело. Я же человек грешный и теперь, когда нет нужды, уже не могу сказать сам собой этому умершему: „Встань и опять ляг на верхнее место“, – ведь если прикажешь это ему ты, он не послушает тебя. Но знай и то, что тебе не следовало выходить из монастыря, чтоб наследовать свое старшинство, и в этот час ты был бы положен здесь. Но, так как ты не готов на исход, иди, подумай о спасении души твоей, и через несколько дней сам ты будешь принесен сюда».

Слыша эти слова, Феофил очень был опечален и утрачен, думая, что тут же упадет и умрет; не надеялся дойти и до монастыря. Едва помня себя, пришел он в свою келию и неутешно плакал. Тогда роздал он все, что имел,

оставил себе одну рясу и мантию и всякий день ожидал смертного часа. Никто не мог успокоить его в его горьком плаче, но хотевшие утешить его заставляли его рыдать еще сильнее. Не могли принудить его вкусить от сладких блюд, но слезы его были ему хлебом день и ночь. Когда наставал день, он говорил себе: «Не знаю, достигну ли я вечера?», а когда приходила ночь, опять омрачал слезами свет очей своих, говоря: «Кто знает, доживу ли до утра? Ибо многие, встав утром от сна, не достигли вечера и другого сна, кроме смерти, и многие, уснув, не встали с постели. Как надеяться, что буду жить, мне, получившему извещение, что вскоре скончаюсь?» Но, чтоб Господь, по неизмеримым щедротам Своим, подал ему время на покаяние, молился он к Нему всегда, пребывая в посте и плаче. Ведя такую жизнь много лет, Феофил до того утончил плоть свою, что можно было перечесть суставы его, и от многого плача лишился он зрения.

Преподобный же отец наш Марк, когда узнал час отшествия своего к Богу, призвал Феофила и сказал ему: «Прости меня, брат, что я опечалил тебя на много лет, и моли Бога обо мне, потому что я отхожу уже от этого мира. Если же я получу дерзновение, не забуду молиться о тебе, чтоб Господь сподобил нас обоих и видеть Его пресветлое лицо, и увидеть там друг друга, и быть там на месте преподобных отцов наших Антония и Феодосия Печерских».

Феофил же с плачем отвечал ему: «Зачем, отче, ты оставляешь меня? Возьми меня с собой или даруй мне здесь прозрение. Знаю, что, когда ты воскресил умершего моего брата, а я упал пред тобой в пещере, я должен был умереть за грехи мои. Но Господь, ради святых твоих молитв, пощадил меня, ожидая моего покаяния. И теперь можешь ты подать мне, чего я прошу у тебя или с тобою отойти к Богу, или прозреть».

Преподобный же Марк сказал ему: «Не скорби, брат, что ради Господа ты ослеп телесными очами, ибо духовными ты прозрел к истинному разуму. Я пожелал быть виной твоего ослепления; я предсказал тебе смерть, желая сделать пользу твоей душе и привести к смирению твое плотское высокоумие, ибо Бог не уничижит сердца сокрушенного и смиренного (Пс.

50:19), а не хвалящегося старшинством. Поэтому не нужно тебе видеть этого маловременного света; проси у Господа, чтоб видеть тебе славу Его в свете присносушном; не желай и смерти: она придет, если б ты и не хотел. Вот тебе будет знамением отшествия твоего: за три дня до кончины твоей ты прозришь и так отойдешь ко Господу, и там увидишь свет нескончаемый и славу неизреченную». Оставив это неложное пророчество свое о кончине Феофила, преподобный отец наш Марк сам в Господе окончил на земле временную свою жизнь, и начал на небесах, как повелитель мертвых и пророк, с начальником воскресения Самим Иисусом и со всеми святыми пророками, вечную жизнь.

Мощи же его чудотворные положены в пещере, где сам он выкопал себе гроб, и подают неоскудные исцеления всем, с верой приходящим к честной его раке. Там лежат и вериги, которые носил на себе преподобный, и медный крест, из которого пил он воду. Своими устами он так освятил его, что он стал чудотворным. Кто с верой и постившись приходит и пьет из того честного креста воду, получает скорее, чем от всяких вод врачебных, неложное сверхъестественное врачевание своим недугам.

Блаженный же Феофил, получив новую рану в свое сердце, стал рыдать сугубо, оплакивая горькое разлучение с отцом и наставником своим, преподобным Марком, и свою кончину, которой ожидал всякий день, вспоминая пророчество того отошедшего пещерника. Проливал он источники слез, и они еще более умножались.

Блаженный Феофил имел обычай: когда творил молитву и приходили на него слезы, тогда подставлял сосуд и над ним плакал, и за много лет наполнил его слезами. Получив зрение в глазах, по обещанию преподобного Марка, он понял, что кончина его близка. И он начал молиться Богу прилежно, чтоб угодны были слезы его, и, воздев руки к Нему, говорил так:

«Владыко Человеколюбче, Господи Иисусе Христе, Боже мой, не хотящий смерти грешникам, но ожидающий обращения их, зная немощь нашу, Царь Пресвятой, Утешитель Благий,

больных здравие, грешников спасение, изнемогающих укрепитель, падающих восставитель, молю Тебя в этот час, удиви на мне недостойном милость Твою, прими излияние горьких слез моих и излей на меня неисчерпаемую пучину Твоего благоутробия, чтоб не быть мне искушаемым воздушными мытарствами и не быть во власти князя тьмы, ради молитв великих угодников Твоих преподобных отец наших Антония и Феодосия Печерских и всех святых, от века Тебе благоугодивших».

Когда блаженный Феофил произнес это, в образе прекрасного юноши предстал пред ним Господень ангел, говоря: «Хорошо молишься ты, Феофил, но что хвалишься тщетой слез, собранных в сосуд?» И он показал ему свой сосуд, большой того, полный благоухания, как от многоценного мира, и сказал: «Это твои слезы, которые в молитве к Богу ты пролил от сердца и отер рукой или полотенцем, или одеждой, или которые из глаз твоих упали на землю; все эти слезы я собрал в этот сосуд и сохранил по повелению Владыки моего и Творца. И теперь я послан поведать тебе радость, чтоб с весельем отошел ты к Тому, Кто сказал: *„Блажени плачущии, яко тии утешатся“* (Мф. 5:4)». Сказав так и оставив свой сосуд, он стал невидим.

Блаженный же Феофил, призвав игумена, рассказал ему о явлении и словах ангела, показал и два сосуда, наполненные слезами – один свой, другой же ангельский, благоухающий сильнее ароматов, и просил по кончине своей вылить его на тело.

Итак, на третий день по прозрении своем, он отошел ко Господу, чтобы зреть Трисиятельное Божество.

Честное же тело его с честью положили в пещере с любимым его братом, блаженным Иоанном, близ преподобного Марка, и помазали его из ангельского сосуда, так что вся пещера наполнилась благоуханием, потом же вылили на него и другой сосуд слез, чтобы тот, кто сеял на земле слезами, пожал на небе радостью (Пс. 125:5). И эту радость получил он ходатайством преподобного наставника своего Марка пещерника, чудотворной благодатью Бога всякого утешения

(2Кор. 1:3), Которому, в Троице хвалимому, подобает слава
ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобных отцов наших Феодора и Василия

24 (11) августа

Они пострадали от князя Мстислава Святополковича, оклеветанные дьяволом в похищении сокровища.

«Корень всех зол есть сребролюбие» (1Тим. 6:10), – сказал Божественный апостол Павел. Эти слова сбылись на деле в этом достойном хвалы житии, где начальник зла, враг, не иной вещью, как сребролюбием, навел злые душевные и телесные искушения на душу блаженного Феодора, и страдания и смерть не только на него, но и на советника его, блаженного Василия. Повесть эта пишется так.

У блаженного Феодора в его мирской жизни было большое богатство. Услышав же евангельские слова Господни: *«Всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником»* (Лк. 14:33), – последовал этому слову. И, оставив все мирское и раздав богатство нищим, он стал черноризцем в Печерском монастыре и ревностно подвизался в добродетелях.

По приказанию игумена, он жил в пещере, которая называется Варяжской, и в ней пробыл много лет в строгом воздержании.

Этому блаженному Феодору однажды враг принес немалую печаль и тоску об имении, розданном нищим, приводя ему на

мысль долгие годы жизни, изнеможение плоти и скудость монастырской пищи.

Феодор не понял искушения, не вспомнил слов Господа: *«Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их?»* (Мф. 6:25–26). И начал он от скорби переходить в отчаяние, смущаемый нищетой, и долго омрачал его враг, и эту скорбь он явно открывал своим друзьям.

Был в том же монастыре черноризец именем Василий, совершенный инок. Он, желая утешить и отвлечь от отчаяния Феодора, сказал ему: «Брат Феодор, молю тебя, не губи мзды своей; если, раскаявшись в подвиге своем, снова желаешь имения, розданного нищим, я постараюсь вернуть его тебе; только ты скажи перед Богом, чтоб милостыня твоя была зачтена за мной, и ты будешь спокоен, получив свое имение. Но подумай, потерпит ли это Господь. Так же в Царьграде некто, пожалев золота, розданного в милостыню, зачел его пред Богом за другим, от которого получил то, что роздал; но когда сказал он: „Не я, Господи, сотворил милостыню, но она принадлежит ему“, – вдруг упал он и умер посреди церкви, и разом лишился и золота, и жизни».

Феодор, услышав это и обдумав, стал оплакивать свое согрешение и ублажать брата, спасшего его от такого душевного недуга. О таких людях сказал Господь: *«Если извлечешь драгоценное из ничтожного, то будешь как Мои уста»* (Иер. 15:19). И с тех пор между этими двумя иноками образовалась приязнь.

С тех пор Феодор преуспевал в заповедях Господних и делал все, что праведно, благоугодно, свято и непорочно. Тогда диавол, будучи жестоко уязвлен тем, что не смог его таким образом привлечь к сребролюбию, снова вооружился на преподобного и расставил ему другие искушения для той же гибели. Однажды Василий был отослан игуменом на одно послушание, где пробыл месяца три. Враг, найдя это

время удобным для своих козней, преобразился в облик Василия и пришел к пещерному брату, представляясь, что беседует с ним о полезных вещах. «Феодор, – сказал он ему, – как теперь преуспеваешь ты? Прекратилась ли в тебе бесовская брань? Или он тебе еще творит пакость, возбуждая любовь к стяжанию и пробуждая воспоминание о розданном нищим имении?»

Феодор же, не поняв, что это бес, и думая, что это говорит ему брат, отвечал: «Твоими молитвами, отче, я преуспеваю; утвержденный тобой, не послушаюсь я мыслей, навеваемых бесами. И если теперь ты что прикажешь сделаю с усердием, не ослушаюсь тебя, потому что я получил великую пользу для души моей через твои наставления». Бес же, мнимый брат, почувствовав смелость от того, что Феодор не помянул имени Господа Бога, сказал ему: «Даю тебе еще другой совет, который даст тебе покой, и вскоре ты получишь от Бога воздаяние за розданное тобой имение. Проси у Господа Бога, чтоб Он подал тебе множество золота и серебра, и не давай никому входить к тебе, и сам не выходи из этой пещеры». Брат же обещал исполнить все это. Тогда отошел от него пронырливый бес и, невидимо наталкивая его на помысл о находке сокровища, склонял его к молитве о том. Феодор, молясь Господу, чтобы получить от Него сокровище, обещался все раздать на милостыню. Уснув, он видел во сне беса, светлого и украшенного, как ангел, который показывал ему в пещере сокровище. Это видение было Феодору не один, но много раз. Он, через несколько дней придя на показанное место и начав копать, нашел великое сокровище из серебра и золота и многоценные сосуды.

После этого пришел снова бес в образе Василия и сказал пещернику: «Где данное тебе сокровище? Явившийся тебе сказал и мне, что по твоей молитве мне дано будет множество золота и серебра». Феодор же не хотел показать ему сокровища. И тогда злохитрый бес стал и явно говорить блаженному и втайне влагать в него помысл, чтоб, взяв сокровище, идти в другую страну. Но сперва сказал так: «Брат Феодор, не говорил ли я тебе, что вскоре получишь от Бога

воздаяние за розданное тобой имение, ибо Он сказал: „*Всякий, кто оставит дом или землю ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную*“ (Мф. 19:29). Теперь уже богатство в твоих руках, делай с ним, что хочешь». Отвечал ему пещерник: «Для того просил я у Бога, чтоб, если подаст Он мне, все раздать на милостыню, и думаю, что для того Он и дал мне». Супостат сказал ему: «Берегись, брат Феодор, чтоб враг снова не причинил тебе скорбь за раздачу, как и прежде, ибо это дано тебе вместо того, что раздал ты убогим. Я даю тебе совет, взяв это, идти в другую страну и там купить имение для прожития своего; можешь и там спастись и избегнуть бесовских козней. Когда же приблизится отшествие твое от этого мира, отдай имение, кому захочешь, и так память о тебе переживет тебя». Феодор же сказал ему: «Не устыжусь ли я того, что оставил мир и все, что в нем, и обещался окончить жизнь мою в этой пещере, а теперь буду беглецом и жителем мирским? Если угодно тебе, то я буду жить в монастыре и исполнять все другие приказания твои». Отвечал ему бес: «Не можешь утаить здесь сокровища, о нем узнают и возьмут от тебя. Но прими мой совет и сделай скорей, что я тебе говорю. Если бы было негодно Богу, чтоб ты имел богатство, Он бы не даровал его тебе, не известил бы и меня, чтобы наставить тебя». Тогда пещерник, поверив бесу, как брату, начал тайно готовить повозки и сосуды, в которые надо было собрать сокровище, чтоб выйти из пещеры туда, куда выведет его бес, желавший кознями своими отлучить его от того святого места преподобных отец Антония и Феодосия и самой Пресвятой Богородицы, в особенности же от Бога. Человеколюбивый же Господь, не желая, чтоб погиб ни один из того святого места, спас и раба Своего Феодора молитвами преподобных Своих.

В то время возвратился с дороги Василий, который спас раньше Феодора от злого помысла, и пришел в пещеру, чтобы повидать живущего в ней брата, и сказал ему: «Брат Феодор, как теперь пребываешь ты в Боге? Долго я не видел тебя». Феодор удивился этому приветствию и отвечал: «Что ты говоришь, будто давно не видал меня? И вчера, и прежде вчерашнего дня, и постоянно ты был со мной, поучая меня, и я

уже отправляюсь в путь, как ты приказал мне». Василий же еще больше удивился такому ответу и спросил: «Скажи мне, брат Феодор, что значит слово это? Ты говоришь, что и вчера, и до того, и постоянно я был с тобой и поучал тебя. И куда идешь ты? Я возвратился с дороги и не знаю ничего. Если было что над тобой от бесовского действия, молю тебя, Бога ради, не утай от меня».

Феодор же с гневом сказал ему: «Что ты искушаешь меня, зачем смущаешь душу мою: то говоришь ты мне так, то иначе. Какому слову мне верить?» – и он с досадой прогнал его от себя. После такого приема Василий пошел в монастырь, а бес, в образе Василия, снова пришел к нему и сказал: «Брат, безумствовал я, окаянный, говоря тебе другое; поэтому не принимаю я досаждения, принятого от тебя; но опять говорю тебе: поскорей уходи отсюда в эту ночь, взяв найденное сокровище». Сказав это, он ушел от него. После этого снова Василий пришел к нему, взяв с собой некоторых старцев, и сказал пещернику: «Они свидетели тому, что теперь три месяца, как я не видел тебя, ибо был отправлен игуменом по монастырскому делу, и теперь лишь третий день, как вернулся в монастырь. Ты же, едва я пришел, сказал мне, что и вчера, и до того, и постоянно я был у тебя; поэтому я думаю, что здесь был бесовский призрак в моем образе. И, если хочешь узнать истину, сделай так: не позволяй никому, приходящему к тебе, разговаривать с тобой, пока не сотворит молитву Иисусову. Если не захочет – ты поймешь, что это бес». Сказав это, Василий произнес запретительную молитву, призвав на помощь святых, и, мудро наставив Феодора, отошел в монастырь, в свою келию. И после этого бес не посмел более явиться Феодору. Феодор ясно понял прельщение пронырливого врага и с тех пор всякого приходящего к нему сперва принуждал сотворить молитву Иисусову, тогда уже беседовал с ним. Так укрепился он на врага, и Господь избавил его из уст льва, старающегося поглотить, как случается со многими, скитающимися в пустынях и в пропастях земных и безмолвствующими наедине в затворах, которым

нужна великая сила и Божия помощь, чтобы они не были побеждены в единоборстве и поглощены душегубными зверями.

Избавленный от этого рва гибели, блаженный Феодор стал стараться, чтоб скорее враг упал в яму, а не он, и начал с того, что вскопал глубоко землю и, положив туда искушавшее его найденное им сокровище, засыпал его. Чтоб совершенно погибла и память этого сокровища, блаженный непрестанно молил Господа, чтоб Он дал ему забыть то место, где он скрыл его, и чтоб избавил его от всякого проявления страсти сребролюбия, и Господь исполнил моление его. Ибо с тех пор он не знал никогда о том месте и не помышлял никогда о приобретении, и золото и серебро считал за сор.

Потом, чтоб бес не приступал к нему с той же дерзостью, когда он, будучи праздным, впал бы в леность, отчего у врага родится бесстрашие, принудил себя блаженный Феодор к трудной работе. Он поставил в пещере жернова и начал работать на братию, принося из монастыря жито и размалывая его сам, своими руками, и проводил без сна все ночи, трудясь в ручном деле и в молитве; когда же наступал день, он относил муку и опять приносил жито. И так, работая много лет, немало облегчал монастырских рабочих и не стыдился этого труда.

По прошествии многого времени, келарь, видя пещерника трудящегося в такой работе и злострадании, умилился, и, когда однажды из сел было привезено в монастырь жито, послал к нему в пещеру пять возов, чтоб он не приходил за ним постоянно сам, возлагая тем на себя больший труд. Феодор же, ссыпав жито в сосуды, начал молоть, напевая наизусть псалмы; когда же утрудился и захотел немного отдохнуть, внезапно раздался как бы звук грома, и жернова стали сами молоть. Поняв действие бесовское, блаженный встал и начал прилежно молиться Богу, и потом сказал громким голосом: «Запрещает тебе Господь, лукавый бес!» Бес же не переставал молоть в жерновах. Тогда Феодор снова сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, свергнувшего тебя с неба и давшего на поправление Своим угодникам, повелеваю тебе я, грешный, не прекращать этой работы, пока не измельешь жито, чтоб и ты потрудился на святую братию». Сказав это,

святой стал на молитву, бес же, не дерзнув ослушаться запрещения, измолол в ту ночь все жито. Утром же Феодор известил келаря, чтоб он прислал за мукой. Келарь удивился чудному тому делу, как пять возов были смолоты в одну ночь, и, придя сам в пещеру, вывез из нее пять возов муки. Было новое чудо в том, что из того жита вышло еще пять возов муки. И сбылось здесь, в делах блаженного Феодора, слово апостолов, сказавших некогда: *«Господи, и бесы повинуются нам о имени Твоем»*; также и изречение самого Иисуса Христа, который сказал: *«Се, даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью»* (Лк. 10:17, 19). Лукавые бесы хотели устрашить этого раба Божия и поработить себе, как прежде они прельстили его, но наложили сами на себя цепи работы, так что возопили они тогда: «Уже больше не будем мы здесь».

Феодор и Василий постановили между собой богоугодное решение никогда не утаивать друг от друга своих мыслей, но все обсуждать вместе, угодно ли что Богу. По взаимном совещании Василий вошел безмолвствовать в пещеру, Феодор же по старости вышел из пещеры, чтоб жить в стороне монастыря.

Старый монастырь был тогда сожжен, и дерево для постройки церкви и всех келий лежало на берегу Днепра, связанное плотами; чтоб возить его на горы, были наняты возчики; Феодор же, желая поставить себе келию, начал сам на себе носить дерево с берега на гору, не уступая никому своего труда. Но лукавые бесы забыли, что еще недавно, принужденные Феодором к работе, обещали не приступать к нему, и снова стали делать ему пакости. Все деревья, которые Феодор вносил на гору с великим трудом в течение целого дня для постройки своей келий, бесы ночью сбрасывали с горы, желая тем прогнать блаженного. Феодор, узнав искушение бесовское, сказал им: «Во имя Господа Бога нашего Иисуса Христа, повелевшего вам войти в свиней, повелеваю вам я, грешный раб Его, – все дерево, которое на берегу, поднять на гору, чтоб братия, работающая Господу, избавилась от труда, и молитвенный Дом Пресвятой Госпожи

Богородицы, и свои келии могла построить без вашей пакости». И бесы в ту же ночь взнесли с берега на гору все дерево, так что его было достаточно на построение всего монастыря, а не только одной келий для Феодора. Поутру возчики, вставши, приехали на берег, чтоб возить с берега дерева, и не нашли ни одного. Осматриваясь по сторонам, они увидали, что все занесено уже на гору, и сложено не в одном месте, но отдельно, разобранное по роду – отдельно для крыш, отдельно для основания, отдельно большие дубы, трудно переносимые вследствие длины их. Это дело было чрезвычайно утешительно, как совершившееся сверх человеческой силы; и Бог прославился в угоднике Своем Феодоре, а вместе и в советнике его Василии, ради подвигов которых совершилось это дивное чудо. Однако эти единокровные рабы Господни не гордились повиновением бесов, следуя слову: *«Не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах»* (Лк. 10:20).

Бесы же, явно обличаемые в наветах своих Феодором и Василием, не могли стерпеть этой укоризны, ведь некогда они были почитаемы от неверных, и им поклонялись как богам. А теперь эти верные угодники Божии Феодор и Василий пренебрегают ими, унижают и бесчестят их, принуждают работать их, словно купленных рабов – то молотить жито, то носить дрова на гору, и, кроме того, своим запрещением отгоняют от людей. Потому, когда они носили дрова, слышно было, как они вопили: «Злые и лютые для нас супостаты Феодор и Василий! Не перестанем и не успокоимся мы бороться с вами, пока не предадим вас смерти». И с этих пор лукавые бесы (не ведая, что исходатайствуют блаженным славнейшие венцы) всячески стали поощрять злых людей убить их. После чуда нанятые возчики наваждением бесовским возбудили неприятность, говоря блаженному Феодору: «Дай нам нашу наемную плату, потому что мы не знаем, какими кознями по согласию с Василием ты сделал так, что это дерево очутилось на горе. А мы готовы были везти его».

Неправедный судья, прельщенный предложенным ему золотом, забыв об осуждении Божиим (ибо неправедно судящий

сам будет осужден), присудил Феодору дать плату тем наемникам и осмелился выразиться так: «Пусть бесы помогут тебе платить, как помогли возить».

Тяжело было такое наваждение бесовское на нестяжательного старца Феодора и советника его Василия. Но так как этого не было достаточно для убийства, то, вспоминая прием первой своей победы, ополчившийся диавол воздвиг иную смертоносную бурю. Пришел он во образе Василия, безмолвствовавшего тогда к Варяжской пещере, к одному из советников княжеских, боярину очень сердитому и свирепому, нечестивому словом и делом, которому Василий был знаком, и сказал ему прельститель так: «Феодор, прежде меня бывший в пещере, нашел много сокровищ, золота и серебра и многоценных сосудов и, взяв это, хотел бежать в другую страну, я же удержал его. И теперь он представляется юродивым и водится с бесами, приказывая им молоть и носить дерева с берега на гору, а сокровища осторожно хранит до удобного времени, чтоб втайне от меня уйти с ними, куда захочет. Князю же от этого не будет никакой выгоды». Услыхав это от беса, мнимого Василия, боярин привел его к князю Мстиславу Святополковичу. Бес же, рассказав все это князю, прибавил еще, что его надо поскорее забрать, пока он не убежал, и присвоить себе его сокровища. Если же он не захочет отдать добровольно, то дать ему много ударов, и тогда он отдаст. «Если же и так дело не выйдет, тогда, предав его многим мукам, позовите меня, – сказал бес, – и я пред всеми обличу его и покажу место, где спрятано сокровище». Посеяв это искушение, бес ушел с глаз их. Поутру князь отправился со многими воинами как на охоту или как на крепкого витязя и, захватив блаженного Феодора, привел его в свой дом. Здесь сперва ласково он стал расспрашивать его: «Скажи мне отче, находил ли ты, как я слышал, сокровища?» Феодор отвечал ему: «Да, нашел, и теперь оно скрыто в пещере». Князь же снова его спросил: «Известно ли, отче, кто первый положил его, и много ли в нем золота, серебра и сосудов?» Отвечал блаженный: «Еще при жизни преподобного отца нашего Антония стало известно, что в той

пещере находится варяжский клад, почему и доныне пещера называется варяжской. Золота и серебра видел я бесчисленное множество, сосуды латинские». Тогда сказал ему князь: «Отчего ты, отче, не дашь этого мне? Я разделю с тобой, и, сколько тебе нужно будет, ты возьмешь. И тогда ты будешь отец отцу моему и мне» (его отец, князь Святополк, был тогда в Турове). Блаженный же Феодор сказал: «Я не желаю брать ничего такого, что мне не на пользу; все бы я отдал вам, так как вы служите тому, от чего я свободен, но Господь отнял у меня память того места, где я скрыл сокровище». Тогда князь в гнев сказал слугам: «Приказываю оковать этого монаха по рукам и по ногам и три дня не давать ему хлеба и воды за то, что он не пожелал моей милости». Окованного его опять спросили: «Скажи, где сокровище?» Феодор же отвечал: «Как я уже сказал, не знаю я, где скрыл его». Князь приказал мучить его ударами, так что вся власяница была смочена кровью. Потом велел повесить его в густом дыме и потом опять привязать его и развести под ним сильный огонь; и многие дивились терпению его, ибо среди пламени он был точно в росе, и к власянице его не прикоснулся огонь. Один из присутствующих, видя это, передал князю, и князь, охваченный ужасом, сказал старцу: «Зачем губишь себя, не отдавая сокровища, которое нам принадлежит?» Феодор же сказал: «По правде говорю тебе, молитвами брата моего Василия и тогда я был спасен от сребролюбия, когда нашел сокровище, а теперь как я уже говорил, Господь отнял у меня память о том месте, где я скрыл его». Князь же, услышав это, послал немедленно в пещеру за блаженным Василием, которого привели силой, так как он не хотел идти. Тогда князь сказал ему: «Все, что приказал ты сделать, я сделал с этим злым старцем, но ничего не успел. И я призвал в свидетели тебя самого, ведь я хочу иметь тебя за отца». Василий же в недоумении сказал ему: «Что я приказывал делать тебе?» Князь отвечал: «То, что ты рассказал мне о сокровище, которое он нашел, о том он мне не хочет открыть ничего, хотя я и мучил его». Василий же сказал: «Я понимаю козни лукавого беса, прельстившего тебя и солгавшего на меня и на этого преподобного, потому что ты никогда не видал

меня: я пятнадцать лет не выхожу из пещеры». Тогда все присутствующие сказали: «При нас всех ты говорил князю». Василий же ответил: «Вас всех прельстил бес; я не видал ни князя, ни Василия». Князь, разгневавшись, приказал и этого блаженного мучить без милости, как Василия. И, не перенося обличения, и нетрезвый от вина, он, взяв стрелу, ранил его блаженного Василия. Василий же, вынув стрелу из тела, бросил ее к князю, говоря: «Этой стрелой через недолгое время ты сам будешь ранен», что и сбылось по предсказанию преподобного. Но прежде того князь приказал святых, еле живых от мук, заключить отдельно в темницу, чтоб на следующий день подвергнуть их еще более тяжелым мукам.

И в ту ночь оба преподобные уснули честной пред Господом смертью, и извел Господь из темницы души их исповедывать святое имя Его в присносущном свете.

Узнав об этом, собралась братия и взяла тела святых страдальцев; и похоронили их с честью в пещере Варяжской, в которой они трудолюбиво и богоугодно подвизались.

Потом они были перенесены в пещеру преподобного Антония, где и доныне лежат нетленно, в окровавленных одеждах и власяницах, тоже остающихся нетленными.

Вскоре после блаженной их кончины сбылось предсказание преподобного Василия: князь Мстислав Святополкович застрелен был во Владимире на стене, сражаясь с князем Владимиром Игоревичем; и тогда, узнав стрелу свою, которой он ранил блаженного Василия, сказал: «Вот, я умираю теперь из-за преподобных Феодора и Василия».

Итак, злой убийца получил отмщение по делам своим. Преподобные же страдальцы, как победители диавола, побеждающего сребролюбием, увенчались не тленным серебром и золотом, но славой и честью вечной, и получили венец от Честного Камня, Который есть Христос. Ему честь и слава с Богом Отцом и Святым Духом ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Пимена Многоболезненного

20 (7) августа

Он всю свою жизнь с чувством благодарности лежал в болезни и пострижен ангелами в иноческий образ.

Взявшись рассказывать о блаженном этом Пимене, будем повествовать о мужественном его страдании, чтоб узнать, как с благодарностью нужно доблестно переносить болезни, и как сила Божия в немощи совершается.

Блаженный Пимен родился на свет больным, больным и вырос; но эта телесная болезнь не дала в нем развиваться душевной болезни. Он был чист от всякого порока и от утробы матери не познал скверного греха. Часто просил он родителей отдать его в монастырь, чтобы постричься в иноческий образ, но они, как чадолюбивые родители, желая по смерти своей иметь его наследником, препятствовали ему.

Однажды (так Бог мудро промыслил) блаженный изнемог чрезвычайно, и не думали, что он будет жив. Тогда принужденные необходимостью родители принесли его в Печерский монастырь, прося живущих в нем преподобных отцов молиться о сыне их, чтоб исцелился он от недуга. Преподобные

те отцы, потрудившись много в молитвах, ничем не облегчили больного, потому что сам он не просил себе у Господа здоровья, но, скорее, усиления болезни, чтобы, если выздоровеет, не быть взятым родителями из монастыря и не лишиться, чего желает.

Так как отец и мать его, не отходя от него, не позволяли ему постричься, блаженный был очень печален. И он начал прилежно молить Бога исполнить желание его, какими Сам Он знает путями. И вот однажды ночью, когда родители его и слуги спали, вошли к нему светлые ангелы, одни в образе прекрасных юношей, другие же в образе игумена и братии, неся в руках свечи, также Евангелие, власяницу, мантию, куколь и все, что нужно для пострижения, и сказали ему: «Хочешь ли, чтоб мы постригли тебя?» Блаженный же с радостью отвечал: «Да, хочу, Господь послал вас; прошу вас исполнить желание моего сердца». Они же стали предлагать вопросы, и все по порядку, как написано в уставе иноческого пострижения. И так постригли его в великий ангельский образ, облачив его в мантию и куколь, и нарекли его Пименом. Дав ему, по обычаю, горящую свечу, они сказали: «Сорок дней и ночей да не погаснет эта свеча». Они предсказали ему постоянные страдания от болезни, и что получение здоровья будет знамением смерти. Совершив все, они дали ему целование и ушли в церковь, взяв в полотенце его волосы, которые положили на гроб преподобного Феодосия.

Братия же, находившаяся вблизи в своих келиях, слыша пение, разбудила других вокруг себя, думая, что игумен с некоторыми иноками постригает больного, или что он уже преставился. И, все вместе придя в ту келию, где лежал блаженный, они нашли там всех спящими, отца его и мать и рабов, которых они разбудили; и все исполнилось благоухания. Больного же увидели полным радости и веселия и одетым в иноческую одежду. Братия спросила его: «Кем ты пострижен, и какое пение слышали мы здесь, которого не слышали родители твои, бывшие здесь?» Больной отвечал: «Думаю, что игумен с братией пришел и постриг меня, и назвал меня Пименом. Они пели тем

пением и голосами, которые вы слышали, и дали мне эту свечу, которую вы видите, говоря, что она будет гореть сорок дней и ночей. А с волосами моими, взяв их в полотенце, они пошли в церковь». Услыхав это, братия пошла тогда к церкви и нашла ее запертой. Они разбудили пономарей и спросили их: «Входил ли кто в церковь после повечерней молитвы?» Им ответили: «Никто не входил, так как и ключи спрятаны у еkkлесиарха». Разбужен был и еkkлесиарх и, взяв ключи, потому что он их никому не давал и не входил в храм с тем сонмом, вступили в церковь и нашли на гробе преподобного Феодосия волосы, лежащие в полотенце, и тогда известили обо всем игумена. Игумен же, сильно удивившись, начал всячески разыскивать, кто постриг блаженного Пимена, но не нашел. Только всем стало понятно, что то было дело Вышнего Промысла от Бога, через Его святых ангелов. Игумен и братия подробно рассуждали о происшедшем чуде, вменится ли оно блаженному как пострижение по уставу; и так как у них было достаточное доказательство (а именно, что, как он говорил, в церкви запертой нашлись его волосы на гробе преподобного Феодосия и свеча, которая могла гореть только день, горела, не погасая, сорок дней и ночей), то больше не отправляли над ним пострижения, но сказали: «Довольно тебе, брат Пимен, чина, дарованного Богом, и нареченного имени. Но скажи нам, – спросил его игумен, пришедший с книгами пострижения, – каковы были постригавшие тебя и не опустили ли чего, написанного в этих книгах?» Блаженный же Пимен сказал игумену: «Что искушаешь меня, отче? Ты сам, придя сюда со всей братией, совершил надо мной все то, что написано в этих книгах. Кроме того, сказал ты еще мне, что мне предстоит страдать в болезни всю жизнь, и, когда придет кончина моя, тогда будет подано мне здравие, так что своими руками молено мне будет нести мой смертный одр. Но моли обо мне, отче святой, чтоб подал мне Господь терпение». Услышав это, они оставили его.

Блаженный же Пимен, по предсказанию постригших его, лежал много лет в болезни очень тяжелой и отталкивающей, так

что и служащие гнушались им и часто оставляли его в голоде и жажде на два или на три дня; он же с радостью терпел все и благодарил Бога за все.

Случилось однажды, что другой такой же больной принесен был в Печерский монастырь и пострижен. Братия же, назначенная для услужения больным, взяв его, принесла и его ко блаженному Пимену, чтоб им обоим служить вместе и равно. Но, небрежно относясь к этой службе, они забыли об обоих, так что больные изнемогли от неимения воды. Тогда блаженный Пимен сказал другому больному: «Брат, так как служащие гнушаются нами из-за смрада, бывающего от нас, то ты, если б Господь воздвиг тебя, захотел ли бы потрудиться в службе этой?» Больной же обещался блаженному: «До смерти моей с усердием я служил бы больным». Блаженный Пимен сказал ему: «Се Господь снимает с тебя болезнь твою, и теперь, будучи здоров, исполни обет свой, служа мне и подобным мне; на тех же, кто нерадит о службе этой, Господь наведет лютую болезнь, чтоб они через это наказание спаслись». И тут же больной вдруг встал и начал служить ему, а на тех нерадивых, не хотевших служить больным, на всех, по слову блаженного, пал недуг.

Исцелившийся же от недуга брат немного ему послужил, но и он, наскучась смрадом, уклонился от Пимена и оставил его голодным и жаждущим, сам же пошел и лег в другой келий. И внезапно разгорелась в нем горячка, и, не будучи в состоянии встать в продолжение трех дней, он не мог стерпеть жажды и стал вопить: «Смилуйтесь надо мной ради Господа, я умираю без воды». Услыхав эти крики, братия, находившаяся в другой келий, пришла к нему и, видя, что он страдает тяжким недугом, известила об этом преподобного Пимена словами: «Брат, служащий тебе, умирает». Блаженный же Пимен сказал: «*Что посеет человек, то и пожнет (Гал. 6:7)*: он оставил меня в голоде и жажде и то же испытал сам, солгав Богу и презревши мою худость. Но так как нас учат не воздавать зла за зло, пойдите сказать ему: „Пимен зовет тебя – встав, приди к нему“». Когда же посланные сказали это ему, тогда больной вдруг стал здоровым и, встав, пришел сам ко блаженному, и никто его не вел. Блаженный много наставлял его, говоря: «Маловерный, ты

здоров теперь, – больше не греши. Не знаешь ли, что равную мзду будут иметь – больной и служащий ему; не пропадет бесследно терпение убогих, но кому скорбь и туга здесь, где недуг в малой степени, – тем будет радость и веселие там, где нет болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная. И потому, брат, я и терплю болезнь. Бог же, Который через меня исцелил тебя от недуга твоего, Тот может и меня воздвигнуть с этого одра и исцелить мою немощь, но я не хочу этого. Ибо *претерпевший до конца (сказал Господь) спасется (Мф. 10:22)*. Лучше мне в этой жизни всему сгнить, чтоб в той моя плоть была без тления, и здесь терпеть смрад, чтоб там исполниться неизреченного благоухания. Хорошо, брат, стояние в церкви, в светлом, чистом, пресвятом месте, где благоугодно и благоприятно воспевать песнь Богу с видимо присутствующими ангельскими силами, ибо церковь называется земным небом, и стоящие в ней думают, что стоят на небесах. Что же представляет собой эта темная и смрадная горница? Не прежде ли суда – суд, и прежде бесконечной муки – мука? И кто терпит здесь с благодарением, праведно говорит: *„Твердо уповал я на Господа, и Он услышал меня“ (Пс. 39:2)*. Утешая таких людей, и апостол сказал: *„Если вы терпите наказание, то Бог поступает с вами, как с сынами... Если же остаетесь без наказания... то вы незаконные дети, а не сыны“ (Евр. 12:7–8)*. Ведь сам Господь увещевает нас, брат, говоря: *„Терпением вашим спасайте души ваши“ (Лк. 21:19)»*. Брат, наставленный такими мудрыми увещаниями блаженного, с тех пор неотступно служил ему.

Доблестный же страдалец и праведного Иова истинный подражатель святой Пимен, беспрестанно благодаря Бога, лежал в страданиях своих двадцать лет.

Пришло время преставления его. И было знамение в Печерском монастыре: явилось три огненных столпа ночью над трапезой, поднимаясь на верх церкви. Господь ведает, что предсказывало то знамение, но истинно было то, что Тот, *Кто творит ангелами Своими духов и служителями своими огонь пылающий (Пс. 103:4)*, уже прислал ангелов Своих за душой Многоболезненного Пимена, как за Лазаревой (Лк. 16:22), ибо в

тот день многоболезненный внезапно стал здоров и поведал, что, как предсказали постригавшие его, его исход приблизился. Встав, он обходил все келии, кланяясь всем и прося прощения. Больным же братьям сказал: «Братья и друзья мои, встаньте и проводите меня». И вдруг, по его слову, болезнь отступила от них, и они, выздоровев, пошли за ним. А он, войдя в церковь, причастился Божественных Тайн и потом, взяв погребальный одр, понес его (причем никто не указывал ему дороги) к пещере, в которой он никогда не был и которой никогда с рождения своего не видал. Войдя же в пещеру, он поклонился гробу преподобного Антония и показал место, на котором желал быть положенным.

Потом он открыл пречудную тайну, указав на гробы братьев, лежащих вблизи. «Здесь, – сказал он, – вы положили в этот год двух братьев – одного без схимы, а другого в схиме. Которого вы положили без схимы, того найдете в схиме; ибо он много раз хотел постричься в нее, но не позаботился о том, однако явил дела, достойные этого образа, и потому по смерти Господь даровал ему схиму. Другого же брата, которого вы положили в схиме, вы найдете без схимы. При жизни он не хотел ее и не показал дел достойных, но говорил так: „Если увидите меня отходящим из этой жизни и уже умирающим, тогда постригите меня в схиму“. Не помнил он сказанного: *Не мертвые восхвалят Тебя, Господи, ни все нисходящие в могилу; но мы (живые) будем благословлять Господа... (Пс. 113:25–26)*. И потому отнята от него схимническая благодать и дана показавшему достойные дела, „*ибо всякому имеющему (добрые дела) дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет*“ (Мф. 25:29). Третий брат положен здесь много лет назад, и он весь истлел, но схима его остается нетленною. Она сохраняется на обличие и осуждение ему, ибо он делал дела, недостойные схимнического образа. Потому что в лени и грешных делах провел всю свою жизнь, не поминая Того, Кто сказал: „*Кому же дано будет много, много взыщется от него*“ (Лк. 12:48). И если его не избавит молитва преподобного Антония и Феодосия, не избежит он суда страшного Судии. Ибо пострижение

схимническое не приносит никакой пользы таким людям, которые не имеют дел, избавляющих от мук».

Открыв эту тайну, преподобный отец наш Пимен сказал братии: «Вот пришли постригшие меня, желая взять меня». И после этих слов он возлег и уснул в Господе. Братия же с великой честью положила его в пещере на месте, им показанном.

Откопав гробы, тайну которых поведал преподобный, братья действительно нашли три гроба. Два из них принадлежали недавно умершим. Открыв раки, братья были изумлены точностью слов святого. Облеченный в схиму брат оказался без нее и, напротив, похороненный без схимы был облачен, – в одеяния великого ангельского чина. Третьего же, давно умершего, нашли всего истлевшим, схима же его одна была цела. И много дивились неизреченному суду Божию, что Он воздал каждому по делам его. Ему слава, честь и держава подобает – ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобных отцов наших Спиридона и Никодима, просфорников Печерских

13 ноября (31 октября)

Они ежедневно прочитывали наизусть всю Псалтирь; когда же от печи загорелось здание, Спиридон закрыл печь мантией и, принеся воды во власянице, угасил пламя.

«Немудрое мира избрал Бог, чтоб посрамить мудрых» (1Кор. 1:27). Всякая благословенная душа – проста, не имеет в себе ни лукавства, ни лести, как сосуд и жилище самого Бога, так как Бог Дух есть прост. Потому и апостол говорит: *«Буия мира сего избра Бог, да премудрая посрамит»*. Из таких избранных был преподобный отец наш Спиридон, о котором предстоит речь.

Этот блаженный, происходивший не из города, но из одного селения, был совсем прост относительно хитрости книжной и невежда на словах, но не разумом духовным и не делами богоугодными. Ибо страх Божий, который есть начало премудрости, имея в сердце своем, пришел он в Печерский монастырь и приступил к жестокой монашеской жизни.

Не зная грамоты, он начал учиться читать книги, хотя был немолод летами. И выучил он наизусть всю Псалтирь, и крепко

трудился о спасении души своей, беспрестанно воспевая Псалтирь, всякий день до конца.

Бывший тогда игуменом Пимен-постник, видя, что он муж смиренный и трудолюбивый, постоянно прилежит молитве и посту и во всем непорочен, поручил ему богоприятное послушание – печь хлебы, приносимые к Божественной литургии, на Таинство хлеба Христова, то есть просфоры. Блаженный же Спиридон, усердно работая в пекарне, не отменил своего подвига и труда духовного, но порученную ему работу исполнял со всяким благоговением и страхом Божиим. Трудом рук его было чистое и непорочное приготовление жертвы, приносимой иереем; плод же уст его, который он приносил, была жертва постоянной хвалы Богу (Евр. 13:15). Когда он рубил дрова или месил тесто, имел в устах своих псалмы Давида, чтоб, по обычаю своему, ежедневно кончать Псалтирь, что он и исполнял.

Однажды этот блаженный, делая обычную свою работу, развел огонь, чтоб печь просфоры, и от вырвавшегося пламени загорелась крыша келий. Тогда блаженный, взяв мантию свою, закрыл ею устье печи и, завязав рукава власяницы своей, побежал с ней к колодцу, наполнил ее водой, и, поспешно возвращаясь с водой, звал братию, чтоб помогли ему тушить. Братия, сбегавшись, увидела дивную вещь – мантия, которой блаженный закрыл устье печи, не сгорела и вода, которой погасили пожар келий, не вытекла из власяницы. И прославили громко Бога.

Был у блаженного Спиридона помощник – один брат, именем Никодим, который во всем был с ним единомыслен и единомравен, в молитве и в ручном труде.

Оба они ревностно и богоугодно послужили в деле печения просфор тридцать лет, чисто и непорочно совершая свое дело и, преставившись в добром исповедании, насыщаются славы Божией, которую видят уже больше не под видом предлагаемого хлеба, но лицом к лицу.

Их святыми молитвами да насытимся достойно и мы хлеба жизни, благодати и славы Христа Иисуса. Ему с Богом

Отцом и Святым Духом подобает честь, слава и поклонение,
ныне и присно и во веки веков, аминь.

Послание преподобного отца нашего

Поликарпа ко блаженному Акиндину, архимандриту Печерскому

О святых блаженных черноризцах Печерских, жития которых помещены в этой второй части.

Господу поспешествующу и слову утверждающе – дерзнул я написать к твоему благоумию, пречестный архимандрит всея Руси, отец и господин мой Акиндин. Склони ко мне благоприятно твой слух, которому я буду рассказывать о жизни, делах и знамениях дивных и блаженных людей, бывших в святом Печерском монастыре, которые слышал я от господина моего, Симона, епископа Владимирского и Суздальского, брата твоего, бывшего черноризца Печерского, который рассказал мне грешному о подвигах святых и преподобных отцов, скончавшихся в обители Пречистой Божией Матери. Да услышит твое благоразумие слова моего младоумия и несовершенного смысла. Однажды ты спрашивал меня, приказывая поведать тебе деяния тех черноризцев. А я, зная грубость мою и неизящество приемов моих (ведь я всегда о всяком предмете со страхом беседую с тобою), как могу рассказать понятно о сотворенных ими знамениях и чудесах преславных? И не много я рассказал тебе о тех преславных чудесах, а большую часть забыл от страха и, смущенный пред благочестием твоим, рассказал неточно. И вот, постарался я письменно поведать тебе о святой блаженной братии нашей, чтоб и те черноризцы, которые будут после нас, узнали о благодати Божией, бывшей в этом святом месте, и прославили Отца Небесного, явившего таких светильников в Русской земле, Печерском святом монастыре, в котором одновременно было до тридцати мужей, могущих словом изгонять бесов, как то признал сам враг, о чем рассказано в житии преподобного Лаврентия затворника: «К пещере же, – сказал он, – бесы и не смеют приближаться, ради положенных в ней святых черноризцев, которых имена вписаны в книге жизни».

Блажен, кто сподобится быть положенным с ними, блажен и спасен, кто сподобится быть записанным с ними; с ними же и меня да сподобит Господь милости в день суда молитвами твоими!

Великие поистине подвиги были совершены теми святыми черноризцами, которых добродетельное житие я помянул. Дивлюсь, как доселе молчали о них. Или, как сказал Господь: *«Никакой пророк не принимается в своем отечестве»* (Лк. 4:24). Но если, по нашей небрежности, угаснет такое светило – то как могут засиять от него лучи, то есть подражание наших братьев? Написал я тебе, честный архимандрит Акиндин, о прежде упомянутых святых и преподобных отцах: о чудотворениях одних, подвигах других, крепком воздержании третьих; послушании одних, прозорливости других, – обо всем этом свидетельствует твоей лавры черноризец, а мой господин епископ Симон. Но другим покажутся невероятными мои повествования, ради величия описанных дел. Причина же их неверия будет та, что знают, как грешен я, Поликарп. Но я, как приказало мне твое преподобие, написал тебе то, что постиг мой ум и сохранила память, чтобы, если оно и не будет полезно тебе, то осталось для пользы тех, кто будет после нас, как сделал и блаженный Нестор. Скажу ясно, что если бы я умолчал о делах тех, кого помянул, то они, вследствие неведения о них других, были бы совсем забыты, – как и было до этого дня. И вот в пятнадцатый год игуменства твоего записано мной то, о чем не поминали 160 лет. Ныне же, благодаря твоей любви, услышанным стало то, что было утаено, чтоб всегда была чтима и хвалима память любящих Бога, которые, угодив Ему, были увенчаны от Него. И великая мне радость украшаться ими, и думаю я, они покроют студные дела мои ради того, что только напомним я о делах их, хотя сам и не совершу их. Я думаю, что описал чудотворения тех, которые достойны быть на небе наследниками ангельской славы. Ведь они жили на земле ангельской жизнью, не радея здесь о плоти, но, как бесплотные, с пренебрежением относились к земному и все житейское считали за сор, чтоб обрести Единого Христа, Которого Единого возлюбили и привязались любовью к Нему, и предали Ему свою

волю, чтоб от Него принять обожение. Он же взамен трудов их даровал им на земле возмездие – дары чудотворения, на небе же прославил неизреченной славой.

Я, грешный, подражаю писанию древних святых. Ибо они повествовали и с великим трудом разыскивали святых, подвижающихся в пустынях и горах, и пропастях земных. И писали о них, иных святых видеви сами, других же слышав житие и богоугодные дела, и мы, читая их, наслаждаемся теми духовными повествованиями. Я же, недостойный, не достиг истинного разума и не видел ничего из описанного; но, руководясь тем, что слышал, написал для тебя, отец, то, что рассказал мне преподобный епископ Симон. Я не обходил никогда святых мест, не видел ни Иерусалима, ни Синайской горы, так что не могу прибавить ничего к повести, чем, по обычаю, украшают речь свою умелые рассказчики. Но я не буду ничем хвалиться, как только святым этим монастырем Печерским и бывшими в нем святыми черноризцами, их жизнью и чудесами, которые поминаю я с радостью, ибо и я грешный желаю молитв тех святых отцов.

Много же старания нужно для того, чтоб вспомнить, похвалить и ублажить всех, скончавшихся в Господе здесь, в этом блаженном Печерском монастыре; потому что они посвятили себя Богу молитвой и богоугодными делами не с одиннадцатого часа, но от юности своей, и, пожив много лет, в доброй старости отошли ко Господу. Ни на один день и час не изменяли они своего молитвенного правила. Они были насаждены в доме Божией Матери, и потому процвели как пальмы, и возвысились как кедры на Ливане (Пс. 91:13), в поощрение нам и к теплейшему усердию к соревнованию им и подражанию добродетельной жизни их, во славу же и честь Всесильному и Всеблаговому Подателю обильных щедрот и в немощах наших крепкому и скорому Помощнику, Христу Богу нашему, Которым мы живем и движемся и существуем (Деян. 17:28). Ему от всей твари подобает боголепное поклонение ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Часть третья

В ней помещены жития святых преподобных и богоносных отцов наших Печерских, которые поведал отец наш Симон, епископ Владимирский и Суздальский, сам написал в послании своем к Блаженному Поликарпу, иночествовавшему тогда в Печерском монастыре и не бывшему еще игуменом.

Житие преподобного отца нашего Евстратия, постника и мученика

10 апреля (28 марта)

Он продан был евреям, распят ими на кресте и прободен копием во время Пасхи за Христа.

Святой Евстратий ² показал себя мужественным воином, ратовавшим под знаменем креста, как именем своим, так и жизнью своей. Он явился подражателем самого избранного Воеводы своего Христа и, приняв то же страдание, от тех же людей и в то же время, мог бы воистину похвалиться: *«Я язвы Господа Иисуса ношу на теле моем»* (Гал. 6:17). Вот что можно узнать из свидетельства блаженного епископа Симона.

Этот доблестный воин Христов, Евстратий, был родом из города Киева. Он возжелал облечься в то Божье оружие, которое принадлежит иноческому образу. Ведая же, что никакой воин не связывает себя житейскими делами, чтобы угодить начальнику (2Тим. 2:4), раздал имение свое нищим, часть же оставил родным, чтоб раздали после него. Итак, обнищав от своего богатства, стал иноком Печерского монастыря. И начал он богоугодно воинствовать под знаменем принявшего ради нас

уничтожение Воеводы Христа, побеждая мечом духовным, то есть гласом молитвы и голодом великого воздержания, не только плоть свою, но и врагов бесплотных, смиряя их и поработая смирением своим и послушанием. Думал он о том, как Подвигположник его, сам Иисус Христос, горячей молитвой и сорокадневным постом смирил себя, был послушен; потому и Евстратий вооружил себя теми же добродетелями. Зная же прежде всего, что человек был побежден первым грехом через невоздержание, – преуспевал святой в воздержании и великом пощении, и потому назван был постником.

Когда попущением Божиим пришел на Русскую землю злочестивый Боняк со множеством половцев и пленил Русскую землю, тогда и святой Евстратий, при вторжении поганых в Печерский монастырь, где многие были ими посечены мечами, был захвачен вместе с другими в плен и продан в Греческую землю, в город Корсунь, одному еврею, в числе других 50-ти христиан.

Боготворный жидовин начал понуждать пленников своих отречься от Христа и угрожал противящимся уморить их в оковах голодом. Но мужественный инок Евстратий, молясь, укреплял и поучал всех, и так наставлял:

«Братие, кто из вас крестился и веровал во Христа, не будьте изменники обету, данному при крещении. Христос возродил нас водой и Духом, Христос искупил нас от клятвы закона Своей кровью (Гал. 3:13) и сделал нас наследниками Своего Царства. Если живем – будем жить для Господа; если умрем – умрем в Господе (Рим. 14:8) и временной смертью обрящем вечную жизнь. Будем подражателями тому, кто сказал: *„Для меня жизнь – Христос, и смерть – приобретение“* (Флп. 1:21)».

Укрепляемые словами преподобного, пленники предпочли умереть от недостатка временной пищи и питья, чем отлучиться от Христа, Который есть Источник вечной жизни. И так, в короткое время, иставая от неядения и жажды, все пятьдесят человек умерли – одни через три дня, другие – через четыре, некоторые – через семь, самые крепкие – через десять. Только

один Евстратий, томимый голодом уже 14 дней, оставался жив и невредим – ибо от юности привык к посту.

Окаянный жидовин, видя, что черноризец был причиной пропажи его денег, заплаченных за пленных, которых он надеялся привести в свое зловерие задумал месть ему.

Приближался день Воскресения Христова. Жидовин начал праздновать свою пасху и ругался над святым Евстратием так же, как отцы его над Самим Господом нашим Иисусом Христом, как написано в Евангелии.

И как в древности распяли Христа – так и этот праведник был пригвожден ко кресту окаянным жидовином и друзьями его и благодарил за то Бога. Без питья и пищи Евстратий продолжал жить уже 15-й день.

Жидовин и прочие друзья его поносили распятого и говорили ему: «Вкуси ныне, безумный, законной пасхи, чтоб остаться живым и избежать проклятия. Ибо Моисей передал нам закон, который принял от Бога и сказал в книгах своих: „...проклят всякий, повешенный на древе“ (Втор. 21:23)». Преподобный отвечал: «Великой благодати сподобил меня днесь Господь. Он даровал мне милость пострадать за имя Его на кресте по образу Его креста. Надеюсь, что и мне скажет Он, как некогда разбойнику: „Ныне же будешь со Мною в раю“ (Лк. 23:43). Не нужна мне пасха ваша, не боюсь клятвы, ибо „Пасха наша, Христос, заклан за нас“ (1Кор. 5:7), Который разорил наложенное за преступление закона на древо проклятие и ввел в благословение жизни Древом крестным, на котором был пригвожден, будучи жизнью всех, как пророчествовал о том и Моисей: „Жизнь твоя будет висеть пред тобой“ (Втор. 28:66). О празднике же Пасхи говорит Давид: „Сей день, который сотворил Господь, возрадуемся и возвеселимся“. Но ты, распявший меня, и все твои евреи, плачьте и рыдайте, ибо постигнет вас отмщение за кровь мою и кровь других купленных вами христиан. Ненавидит Господь субботы ваши и преложит праздники ваши в сетование – и приблизилось время убиения начальника вашего беззакония». Услышав это, жидовин распалился гневом, схватил копье и пронзил пригвожденного. И была видна тогда

огненная колесница и огненные кони, и они несли на небо душу ликующего победоносного мученика, и был слышен голос, говоривший греческими словами: «Вот доблестный гражданин небесного града!»

Тело мученика жидовин, сняв с креста, ввергнул в море, и там творилось много чудес. Верные искали там прилежно святых мощей, но не нашли. По смотрению же Божию были обретены они в пещере, где и доныне почивают нетленно. Предсказание же святого страдальца о том, что кровь его будет отомщена, исполнилось немедленно после страдания его. Ибо в тот же день пришло повеление от греческого царя изгнать из области его всех жидов, отняв у них имущество, а старейшин их избить за мучение христиан. Одним из первых был убит, как говорил блаженный Евстратий, епарх, причина всей той жидовской злобы, о котором известно следующее.

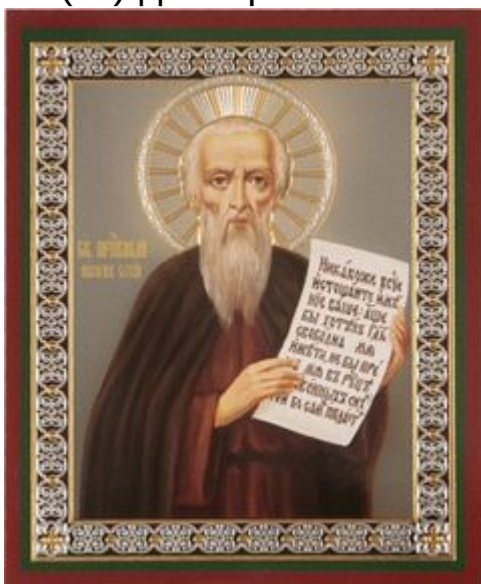
Крестился один богатый и славный еврей, и потому царь отличил его и через несколько дней сделал епархом; он же, получив сан, втайне сделался отступником от Христа и Его веры и дал разрешение жидам по всему пространству Греческого царства покупать христиан и обращать их в рабов. И тогда этот нечестивый епарх был обличен в злой своей хитрости, и царь повелел убить его злой казнью и искоренить жидов по всему своему царству. И в то время, когда избивали жидов, живущих в греческом городе Корсуни, того окаянного

жидовина, которым был убит преподобный Евстратий, повесили на дереве, и так злоба его обратилась на его голову (Ис. 7:17), и он воспринял участь Иудина удавления.

Прочие же жида, видя страшные чудеса по кончине преподобного, уверовали истине и крестились. А поработивший их Христу и по смерти своей добрый Его воин и победоносец, святой Евстратий, сподобился с бессмертным воинством небесным воспевать победную песнь, и царствовать с Самим Победителем смерти Христом, с Которым он воинствовал, – прославляя Его и благодаря с Безначальным Его Отцом и Животворящим Духом в бесконечные веки, аминь.

Житие преподобного отца нашего Никона Сухого

24 (11) декабря

Он из плена половецкого был невидимо перенесен в оковах в святую Печерскую церковь силой Божией.

«Помните узников, как бы и вы с ними были в узах» (Евр. 13:3), заповедал узник за Господа, святой апостол Павел. Повинуясь ему, вспомняем здесь чудеса блаженного узника Никона, на котором Господь явно явил себя освободителем узников из оков (Пс. 67:7).

Этот блаженный узник Никон происходил из знатного рода, из города Киева. Пришедши в Печерский монастырь, он сперва покорил свой разум и всего себя в послушание Христу и был искусным иноком. Потом же, когда пришли злочестивые половцы, они взяли его в плен одновременно со святым Евстратием Печерским и вывели из монастыря в свою страну, и здесь его держали в оковах.

Один христоролюбивый киевлянин пришел туда выкупить пленников. Блаженный же Никон не желал того, как думал христоролюбец, по той причине, что у него в Киеве богатые родственники, и он хочет быть выкуплен ими. Христоролюбец, выкупив многих, возвратился домой и рассказал о блаженном. Услышав об этом, его родные с большими деньгами пришли

выкупить его, но блаженный Никон сказал им: «Не тратьте напрасно вашего имущества. Если бы Господь хотел, чтоб я был свободен, Он не предал бы меня в руки этих нечестивых. Он Сам предает в плен тех, кого хочет. Но мы, если принимаем доброе из рук Господних, не примем ли злое?» (Иов. 2:10). Родные укорили его и вернулись со всем богатым выкупом своим назад.

Тогда тот, кто взял блаженного в плен, и прочие половцы, увидав, что не сбывается их желание, начали жестоко мучить раба Божия. И три года ежедневно истязали они блаженного: связав его, с окованными руками и ногами клали на огонь, разрезали ноги, морили голодом и жаждой по дню, по два и по три. Летом выставляли его на припек солнца, зимой бросали его в мороз на снег. Так поступали с ним безбожные половцы, чтоб он выкупил себя. Но блаженный Никон благодарил Бога за все и молился Ему беспрестанно, и говорил мучителям своим: «Христос без мзды избавит меня от рук ваших, и я уже извещен об этом. Мне явился брат мой Евстратий, которого вы продали жидам на распятие; они будут осуждены за него с отцами своими, сказавшими: „Кровь Его на нас и на детях наших“ (Мф. 27:25). Вы же, окаянные, будете мучимы с Иудой, продавшим Господа на крест. Явившийся мне сказал так: „Через три дня будешь ты в монастыре, ради святых Антония и Феодосия и прочих с ними преподобных Печерских“».

Слыша это, половчанин, взявший его в плен, думал, что он хочет бежать, и подрезал ему колени, чтоб он не мог бежать. И крепко его сторожили, и вот, в третий день, в шестой час, когда все сидели с оружием вокруг него, блаженный узник внезапно стал невидим, только сторожившие его слышали голос: «Хвалите Господа с небес» (Пс. 148:1).

И так, невидимо принесен был святой в Печерскую Церковь Пресвятой Богородицы, в то время как начали на святой литургии петь киноклик³. И вся братия, собравшись, спрашивала его: «Как пришел ты сюда?» Он же сперва хотел утаить то великое чудо, но все, видя его связанным и скованным тяжелыми цепями, израненным и окровавленным, принуждали его сказать истину, и потому, наконец, он против воли открыл им, что случилось.

И не хотел он снять железо с рук и с ног своих. Игумен же сказал ему: «Брат, если б Господь захотел, чтоб ты терпел еще, он бы не вывел тебя от плена. Теперь покорись воле нашей». И так, сняв с него железо, перековали его на нужды алтаря.

Через много дней, когда заключили мир с половцами, пришел в Киев половчанин, державший в плену блаженного Никона, и вошел в Печерский монастырь. Увидев своего пленника блаженного Никона, он узнал его и рассказал о нем все подробно игумену и братии. И не вернулся больше домой, но, потрясенный этим, крестился и стал черноризцем с прочими половцами своего рода, пришедшими в Киев, и с ними окончил в покаянии свою жизнь в Печерском монастыре, служа пленнику своему, блаженному Никону.

Много было и других пречудных чудес этого блаженного и святого мужа Никона, из которых вспомним

следующее.

Когда еще блаженный был в плену, случилось однажды пленникам разболеться от голода и нужды, и были они при смерти. Тогда блаженный, разделяя с ними узы, заповедав им не брать ничего из кушаний поганных, своей молитвой всех исцелил и помог невидимо избавиться от уз.

Когда святой находился в том же плену, однажды разболелся сам взявший его в плен половчанин и, уже близкий к смерти, заповедал женам своим и детям распять над гробом его пленного его черноризца Никона. Блаженный же пленник, прозирая духом, что впоследствии он покается, помолился о нем и исцелил его. Так и себя избавил от горькой смерти телесной, и его не только от телесной, но и от душевной.

Этот блаженный Никон называется Сухим, ибо он, истекши кровью, сгнил от ран и иссох, так что он, вместе с Давидом, мог сказать о крепости своей, преданной в плен: *«сила моя иссохла как черепок»* (Пс. 21:16), и еще: *«кости мои обожжены, как головня»* (Пс. 101:4). А мы, дивясь пречудной силе его, уже не плотской, но свойственной бесплотным небесным силам, что скажем? Скажем с апостолом: *«Сокровище сие мы носим в глиняных сосудах»* (2Кор. 4:7).

И в сухости своей этот узник горел огнем любви Божией, светясь богоугодно добрыми делами.

Наконец, освобожден он был и от уз телесных. И за принятое им увядание в жизни этой по смерти принял неувядающее нетление своего тела, в котором поныне почивает в пещере. Духом же вошел в наследие нетленное, нескверное и неувядаемое, приготовленное ему на небесах при Источнике жизни вечной, и принял неувядаемый венец славы. Тем венцом, молитвами этого преподобного угодника Божия, да сподобимся и мы быть увенчанными Царем славы Христом Богом, Которому слава со Безначальным Его Отцом и Пресвятым и Благим и Животворящим Духом ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобных отец наших Кукши священномученика и Пимена постника

9 сентября (27 августа)

Из них первый, крестя неверных, был убит, другой, провидя его смерть, умер в тот же день.

Не надо много говорить там, где ясно свидетельствуют дела. Так и об этих блаженных.

Блаженный священномученик, называемый Кукша, один из отцов святого Печерского монастыря, был известен всем, так как он крестил вятичей, людей помраченных неверием, и многих просветил верой.

Сделал он и много великих чудес: прогонял бесов, свел дождь с неба, иссушил озеро и показал много иных различных удивительных знамений.

После многих мук он был усечен неверными с учеником своим.

В то же время блаженный Пимен постник подвизался богоугодно в том же Печерском святом монастыре. За великий свой пост и труд он получил от Бога такое дарование, что просиял не только исцелением недужных, но и прозрением будущего, причем далекого, безвестного и тайного. Многих больных исцелил он чудотворно и, много пророчествовав, предузнал отшествие свое к Богу за два года.

Провидев убиение блаженного Кукши, находившегося далеко, громко возопил он среди церкви Печерской: «Брат наш Кукша в этот день убит».

И, сказав это, преставился в один день со святым Кукшей и учеником его.

Итак, они трое вместе получили тричисленную радость, о которой сказано: *«не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»* (1Кор. 2:9), Ему же слава ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Афанасия затворника

15 (2) декабря

Он по смерти воскрес, прожил в затворе двенадцать лет и сказал братьям три полезные слова.

«Я есмь воскресение и жизнь; верующий в Меня, если и умрет, оживет» (Ин. 11:25). Это слово Свое, сказанное о Лазаре четверодневном, Спаситель исполнил и на преподобном отце нашем Афанасии, затворнике Печерском, желая, чтоб и мы исполнили слово богатого, сказанное о Лазаре нищем: *«Если кто из мертвых придет к ним, покаются» (Лк. 16:30).*

Преподобный Афанасий был черноризцем в святом Печерском монастыре и жизнь вел святую и богоугодную. После долгой болезни он умер; братия отерли тело его и увидели, как подобает умершему иноку. И лежал мертвый два дня, непогребенный по какой-то небрежности. И было в ночи явление игумену и слова: «Человек Божий Афанасий лежит два дня непогребенным, а ты не заботишься об этом». На третий день, как только настало утро, игумен пришел с братией к умершему, чтобы похоронить его, и нашли его сидящим и плачущим.

Ужаснулись все, видя его ожившим, и спрашивали его, как он ожил, и что видел или слышал. Он же не отвечал ничего, только: «Спасайтесь!» И они еще сильнее просили его, желая услышать от него что-нибудь, чтобы – говорили они – воспользоваться тем. Тогда сказал он им: «Если я скажу вам, вы не поверите мне и не послушаете меня». Братия же с клятвой отвечала ему: «Сохраним все, что скажешь нам». И сказал им воскресший: «Во всем имейте послушание к игумену, кайтесь всякий час и молитесь Господу Иисусу Христу и Его Пречистой Матери, и преподобным отцам Антонию и Феодосию о том, чтоб окончить жизнь свою здесь и сподобиться погребения в пещере со святыми отцами. Ибо эти три вещи больше всех добродетелей; и если кто достигнет того, что исполнит их в порядке, будет блажен, только бы лишь не превозносился. Дальше же не спрашивайте меня, но, молю, простите меня». Сказав это, он пошел в пещеру и, сам заградив двери, пробыл там двенадцать лет, никуда не выходя, не видя никогда солнца, беспрестанно плакал день и ночь, едва вкушал через день немного воды и хлеба, и все те годы не говорил никому ничего.

Когда же он ждал смерти, призвал к себе братию и сказал ей то же, что в первый раз: о послушании и покаянии, и что блажен тот, кто сподобляется быть положенным в пещере. Сказав это, он почил в Господе с миром и был положен с честью там же, в пещере, где подвизался.

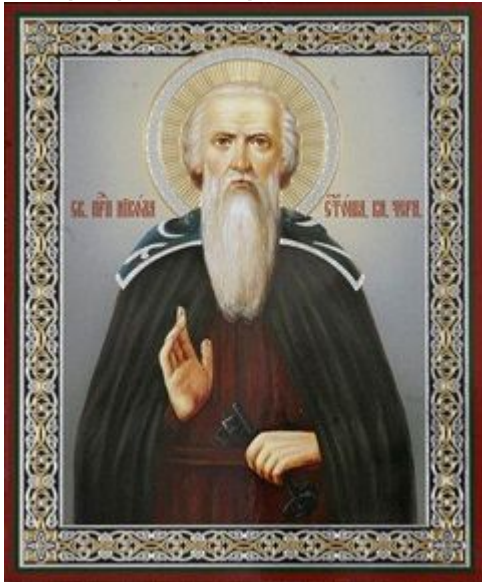
По успении своем он чудотворением возвестил о своем блаженстве. Один из братии, именем Вавила, много лет больной ногами, принесен был к мощам этого блаженного и, обняв тело его, тотчас исцелился и с того часа до смерти своей никогда не болел ни ногами, ни чем-то другим.

Позднее Вавила поведал братии (в числе которой был и святой Симон, составитель этого жития) о чудесном явлении своего исцелителя. «Когда, сказал он, – я лежал и кричал от боли, внезапно вошел ко мне блаженный Афанасий и сказал: „Приди ко мне, и я исцелю тебя“. Я хотел спросить его, как и когда пришел тот сюда, но он вдруг стал невидим. И я, поверив явившемуся мне, постарался, чтоб меня

принесли к его мощам. И так исцелился». И отсюда поняли все, что блажен и угодил Господу этот преподобный затворник Афанасий. Его святыми молитвами да сподобимся и мы, воскреснув от смерти греховной, пожить богоугодно в покаянии и затем получить вечную жизнь во Христе Иисусе, Живодавце нашем, Которому слава с Источником Жизни, Богом Отцом и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Николы Святоши, князя Черниговского

27 (14) октября

Он был поваром Печерским три года, вратарем три года, исцеляя и пророчествуя, спас Петра врача, с ним и сам вместо того, чтоб умереть, остался жить и потом тридцать лет подвизался, не выходя из монастыря.

«Проходит образ мира сего. Владычество переходит от народа к народу. Господь низвергает престолы властителей и сажает кротких на место их» (1Кор. 7:31; Сир. 10:8, 17). Об этой непрочности земного и преходящего величия помыслил блаженный и благоверный князь Никола Святоша, сын Давида Святославича, князя Черниговского, внук Святослава Ярославича, князя Киевского и Черниговского, основавшего святую, Богом созданную Печерскую церковь. И понял он, что только на небе не преходит образ Ипостаси Божией, Его Присносущное Слово, и там только Царство всех веков и величие во всяком роде и роде, уготованное Царем царей и Господом господствующих для любящих Его. И потому, оставив славу и богатство, честь и власть своего земного преходящего княжения ради небесного вечного Царствия (как тот древний индийский царевич Иоасаф) и пришедши в

Печерский монастырь, облекся в святой иноческий образ, противоположный всякому образу этого мира, преходящего как тень и небытие, и, насколько возможно, соответствующий неизменному образу Ипостаси Божией.

И он настолько просиял светлостью жизни своей, что все видели его добрые дела и прославляли за него Бога. Больше всех преуспевал он в послушаниях. Сперва работал на братию в поварне, рубил своими руками дрова и на своих плечах часто носил их с берега, усердно делал и все прочее, нужное для кухни. После многих его трудов узнали о том его братья Изяслав и Владимир и едва не заставили его бросить это дело. Но этот истинный послушник выпросил со слезами еще один год поработать на поварне для братии. И всего потрудился он там три года со всевозможным прилежанием и благоговением. Потом, как искусный и совершенный во всем, приставлен он был сторожем к монастырским воротам и пробыл там тоже три года, не отходя никуда, кроме церкви. Оттуда взяли его служить на трапезе, и это исполнял он, как следует, с готовностью.

Когда он прошел по порядку степени послушания, игумен и вся братия решили, что ему надо безмолвствовать в келии и работать в тишине своему спасению. Он же, повинувшись и в этом, насадил руками при своей келии плодовый сад. И во все годы иночества никогда не видали его праздным, но всегда он имел в руках своих рукоделие, в устах же постоянную молитву Иисусову: *Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй мя.*

Не вкушал он ничего иного, кроме малого количества общей монастырской пищи на трапезе.

Если же когда против воли ему случалось иметь что-нибудь, как князю, от своих бывших людей, то все раздавал он на странников, нищих и построение церквей, и жертвовал много книг церкви.

У этого блаженного князя, когда еще он владел княжеством своим, был очень искусный врач, именем Петр, родом из Сирии. Он пришел с князем в монастырь. Видя вольную нищету своего господина, врач покинул его, жил в Киеве и многих лечил. Но он часто приходил к блаженному и, видя его во многих лишениях, в

безмерном посте, служащим на поварне и сидящим у ворот, увещевал его, говоря: «Князь, нужно тебе подумать о своем здоровье, чтоб не истощить себя многим трудом и воздержанием: когда ты от этого изнеможешь, тебе неудобно будет нести иго, которое ты взял на себя ради Христа. Бог не хочет труда или поста выше силы, но только сердца чистого и смиренного. Ты работаешь на черноризцев, как купленный раб, ты не привык к такой работе, и не следует тебе делать этого, как князю. Благородные братья твои, Изяслав и Владимир, укоряют себя и находятся в великой скорби о твоей нищете, что ты из такой славы и чести дошел до последнего убожества, моришь свое тело и болеешь из-за не подходящей для тебя пищи. Я удивляюсь, как изменился твой желудок, который прежде болел от тонких блюд, а теперь переносит грубую зелень и сухой хлеб. Но смотри, как бы внезапно не открылась болезнь во всех частях тела, и ты, не имея в себе сил, не лишился жизни. Тогда я буду не в состоянии помочь тебе, и оставишь ты неутешный плач в своих братьях. Бояре, служившие тебе, которые гордились тобой, теперь, потеряв в тебе надежду свою, жалеют о тебе и повержены в уныние, но все-таки они живут в богатых домах, которые выстроили себе, тебе же негде преклонить главу, и негде сесть, только на сорные кучи иногда у поварни, иногда у ворот. Кто из русских князей делал так, – твой ли блаженный отец Давид или приснопамятный дед Святослав? Никто даже из бояр не пожелал бесславного пути такой жизни, только один Варлаам, бывший здесь игуменом. Поэтому, если ты не слушаешь моего совета – прежде, чем суждено тебе, примешь смерть». Много еще другого, по поручению братьев его, говорил врач блаженному, иногда сидя с ним в поварне, иногда у ворот.

Блаженный же отвечал ему: «Брат Петр, много думал я о спасении души моей и рассудил, что не надо щадить плоть, чтоб она не тяготила похотями дух, и не восставала на меня борьбой. Томимая воздержанием и трудом, она смиритсЯ, а не изнеможет; а если бы и изнемогла – то, как сказал Господь апостолу: „сила Моя совершается в немощи“ (2Кор. 12:9). Апостол же сказал: „Нынешние временные страдания ничего

не стоят в сравнении с той славой, которая откроется в нас“ (Рим. 8:18). Бог хочет сердца чистого и смиренного, но без поста и труда не может быть оно таким. Потому что пост – мать целомудрия и чистоты. Еще сказано: „Он смирил сердце их работами“ (Пс. 106:12). Благодарю я Бога, что Он освободил меня от рабства миру и сделал меня рабом рабов Своих, блаженных этих черноризцев, ибо я, будучи князем, работаю Царю царей в лице их. Братья же мои пусть подумают о себе, „каждый понесет свое бремя“ (Гал. 6:5). Для них достаточно забот о власти, которую я оставил в земном княжении, чтоб наследовать в Царствии небесном, ибо я обнищал ради Христа, чтобы *приобрести Христа* (Флп. 3:8). Ты же зачем в нищете моей укоряешь меня за воздержание и грубую пищу, угрожая мне смертью? А ты, когда врачуешь телесный недуг, не приказываешь ли больному воздержаться и избегать некоторых блюд? А мне нужно этим способом лечить духовные недуги. Но если и умру телесно, мне умереть ради Христа – *приобретение* (Флп. 1:21). А что я сижу у сорных куч – зачем считаешь ты меня худшим моих бояр; ведь я буду царствовать с Иовом, который в жизни назывался царем. Если же ни один из русских князей не сделал этого прежде меня, то пусть я, подражая Царю Небесному, буду им примером, чтоб с этих пор кто-нибудь поревновал и последовал мне. А там – подумай о себе и о тех, кто научил тебя».

Часто случалось, что когда этот блаженный князь заболел, трудясь на послушании, тогда врач Петр, узнав о том, приготавливал ему лекарство, чтоб излечить какой-нибудь его недуг – горячку или водяную порчу крови; но всегда, прежде чем он приходил с лекарством, Божией помощью князь выздоравливал и ни за что не позволял себя лечить. Однажды случилось, что разболелся сам врач, и послал к нему блаженный, говоря: «Если не будешь принимать лекарства, скоро выздоровеешь, если же не послушаешься меня, много пострадаешь». Он же, считая себя опытным врачом, не послушался, но выпил приготовленное лекарство и, желая избавиться от болезни, едва не лишился жизни. Потом он выздоровел молитвой святого. Снова разболелся в другой раз

этот врач, и блаженный послал к нему с таким обещанием: «На третий день выздоровеешь, если не будешь лечить себя». Врач, наказанный за первое ослушание, послушался блаженного и, по слову его, в третий день выздоровел.

Призвал блаженный исцелившегося (тот тогда у ворот оканчивал свое послушание) и сказал ему: «Петр, тебе следует постричься в ангельский образ и работать Господу и Его Пречистой Матери в этом монастыре вместо меня, потому что я через три месяца отойду от этого мира».

Услышав это, врач Петр упал к ногам его и со слезами воскликнул: «Увы мне, господин мой, благодетель мой, драгоценная жизнь моя! Кто будет заботиться о земном странствии моем, кто пропитает сырых и убогих, кто заступится за обижаемых, кто смилуется над множеством людей, просящих помощи? Не говорил ли я тебе: князь, пощади жизнь свою, потому что многим можешь ты быть полезен, и в твоей жизни – жизнь многих. Не ты ли исцелил меня силой Божией и твоей молитвой – и теперь куда сам отходишь, пастырь добрый, чем болеешь, исцелитель мой? Скажи мне, рабу твоему, о твоей смертной язве, – и если я не вылечу тебя, пусть глава моя будет за главу твою и душа моя за душу твою. Не отходи от меня молча, но открой мне, господин мой, откуда у тебя такая весть? Если от людей – я отдам за тебя мою жизнь, если же Сам Господь оповестил тебя об этом – моли Его, чтоб я умер за тебя! Если ты оставишь меня – то где сяду я и буду оплакивать свое сиротство? Не на этой ли сорной куче при воротах, где сидишь ты? Но здесь будет заперто. Что наследую я из имущества твоего, когда ты сам наг: эти ли заплатные рубища, которые на тебе? Но, отойдя от мира, ты будешь положен в них. Даруй мне хоть твою молитву, как в древности Илия Елисею милоть – и я разделю глубину сердечную и воды жизни моей, и пройду в место дивных селений до Дому Божия (Пс. 41:5) – туда, куда ты хочешь идти. И зверь, по заходе солнца, умеет собираться и ложиться в своем логовище (Пс. 103:22), но я, после твоего отшествия – не знаю, куда пойду; и птица нашла себе житье, и ласточка гнездо себе, где положить птенцов своих

(Пс. 83:4), а ты шесть лет живешь в монастыре и не нашел себе приюта. Где же оставишь меня?»

Блаженный князь, подняв плачущего врача, сказал ему: «Не тужи, Петр, *лучше уповать на Господа, нежели надеяться на князей* (Пс. 117:9). Господь знает, как сохранить всю тварь, которую Он создал Сам; Он попечется пропитать алчущих, заступиться за бедных и спасти находящихся в напасти. Будет он прибежищем и тебе. А братья мои по плоти пусть не обо мне плачут, а о себе и о делах своих в плачевной юдоли этого мира, чтоб утешиться в будущем блаженстве. Я же не нуждаюсь в лечении для временной жизни, ибо давно умер я для всего временного, мертвые же (говоря по естеству) не оживут, и врачи не воскресят, как восклицает Исаия (Ис. 26:14)».

Сказав это, блаженный пошел с врачом к пещере и приготовил себе место для погребения. У врача же спросил: «Кто из нас больше любит это место?» Врач же отвечал с плачем: «Знаю, что если ты захочешь – умолишь Господа, чтоб тебе жить еще. Меня же положи здесь!» Блаженный же сказал ему: «Да будет тебе, как хочешь, если есть на то воля Божия. В одном образе иноческом да послужим Ему!» Тогда врач, по совету блаженного, постригся в иноческий образ и провел три месяца, беспрестанно днем и ночью проливая на молитве слезы. Блаженный, утешая его, сказал: «Брат, Петр, хочешь ли, чтоб я взял тебя с собой?» Он же с плачем (как и прежде) отвечал: «Хочу, чтоб ты позволил мне умереть за тебя, а ты останься здесь и молись за меня». Сказал ему блаженный: «Дерзай, брат, и будь готов; через три дня, по желанию твоему, отойдешь от этой жизни».

И так Петр, причастившись Божественных и Животворящих Христовых Тайн, когда наступило предреченное время, возлег на одре и предал дух свой в руки Господа.

По смерти же врача блаженный князь Святоша подвизался тридцать лет, не выходя из монастыря; стяжав, сообразно с именем своим, совершенную, святую жизнь, преставился в вечную жизнь, ко Святейшему всех святых, Князю смирения, Иисусу.

В день преставления этого святого князя едва не весь город Киев собрался, воздавая ему последнее целование и со многими слезами прося его молитв.

Особенно же братья блаженного, Изяслав и Владимир, узнав о смерти его, плакали о нем невыразимыми слезами. Изяслав прислал к игумену с мольбой дать ему на благословение и утешение крест умершего, возглавие и помост, на котором блаженный клал поклоны. Игумен дал ему со словами: «По вере твоей да будет тебе то, от чего ждешь ты помощи». Получив эти вещи, он бережно хранил их и прислал на монастырь много золота, чтобы отблагодарить за память о брате.

Изяслав этот однажды тяжело разболелся и отчаялся уже в жизни. Видя его при смерти, вокруг него собрались жена, дети и все бояре. Он же, немного уснув, привстал и просил напиться воды из Печерского колодца. Сказав это, он онемел и уже больше ничего не мог проговорить. Послав в Печерский монастырь, взяли там воды, омыв ею гроб преподобного Феодосия. Дал игумен и власяницу преподобного Святоши, чтобы облечь в нее его брата. Тогда, прежде чем пришел посланный с водой и власяницей, князь Изяслав сказал: «Идите скорее из города навстречу преподобным отцам Феодосию и Николаю!» Когда вошел посланный с водой и власяницей, снова воскликнул князь: «Никола Святоша!»

Дали ему выпить той воды, надели на него власяницу – и он вдруг стал здоров, и все прославили Бога и угодников Его.

С тех пор Изяслав всегда брал и надевал на себя эту власяницу, когда заболел – и тотчас выздоравливал. И во всякой битве имел он с собой эту власяницу, и оставался невредимым. Однажды же после греха не дерзнул надеть ее на себя и тогда был убит на брани, но сперва заповедал положить себя в ней, надеясь, что исцелет хоть от вечных болезней и язв.

И мы, надеясь на этого преподобного князя, которого знаем спасительную силу, да сподобимся исцелеть под кровом молитв его от всяких болезней и язв, временных и вечных, благодатью

Князя смирения и, вместе с тем, Царя славы, Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, Которому слава с Богом Отцом и Святым Духом ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Эразма

8 марта (24 февраля)

Он истратил имение свое на украшение Церкви и потом пожалел своих денег, но не умер без покаяния молитвами преподобных отцев Антония и Феодосия.

«Венец мудрых – богатство их», – говорят Притчи (14:24), но особенно тот венец, которым люди украшают невесту Царя небесного, – Церковь Христову; и через это сподобляются царствия Божия.

К таким людям принадлежал преподобный отец наш Эразм, черноризец Печерский. Ради того получил он венец из рук Венчающего милостью и щедротами, что, имея большое богатство отцовского своего наследия и размыслив, что не хорошо иноку сохранять его, по любви своей к благолепию Дома Господня, истратил все, что имел, на украшение церкви, и оковал в церкви Печерской многие иконы серебром и золотом. Взирая на них, он украшал и свою душу, как церковь и образ Живого Бога, не серебром и золотом вещественным, но чистотой и любовью и всякими добродетелями иноческого звания, говоря о благолепии своем с пророком: *«Закон уст Твоих для меня лучше тысяч*

золота и серебра» (Пс. 118:72). С этим преподобным случилось такое искушение. Когда он сильно обнищал и был в пренебрежении у всех, злохитрый прельститель диавол стал влагать ему в сердце мысль, что он не имеет никакой mzды за богатство свое, истраченное на украшение церкви, но лучше было бы истратить ему на милостыню нищим. Он же, не поняв искушения, впал в отчаяние и стал жить нерадиво и совершенно небрежно, бесчинно проводя свои дни. Но Бог щедрый и праведный, помяная прежние добродетели блаженного, спас его от гибели таким образом.

Он послал на него тяжкую болезнь, и больно́й, уже близкий к смерти, лежал немым и слепым семь дней, лишь еле дыша. В восьмой день пришла к нему вся братия и, видя страшную смерть брата, с удивлением говорила: «Горе, горе душе этого брата, что прожил он в лени и в грехах, а теперь видит что-то и метается, и не может выйти из тела». И вот блаженный Эразм, как будто никогда не болел, встал, сел и сказал им: «Отцы и братия, воистину так, как вы говорите: я грешен и не покался. Но ныне мне явились преподобные отцы наши Антоний и Феодосий, говоря: „Мы молились о тебе Господу, и даровал тебе Господь время на покаяние“. После этого видел я и Пречистую Госпожу Богородицу, как на иконе, с Сыном Ее, Христом Богом нашим на руках, и множество с Ней святых. И она сказала мне: „Эразм, за то, что ты украсил церковь Мою и возвеличил иконами, и Я украшу тебя и возвеличу славой в царствии Сына Моего, ибо нищих вы имеете на всяком месте, церковь же Мою – не везде. Восстав, покайся и прими великий ангельский образ, в третий же день чистым Я возьму тебя к Себе, возлюбившего благолепие Дома Моего“». Сказав все это братии, блаженный Эразм начал перед всеми, не стыдясь, исповедывать грехи свои. Встав, он пошел в церковь и был пострижен в схиму. На третий же день отошел ко Господу и Матери Его, по Ее предречению. И так, всем богопротивным ясно было явлено, что украшение церкви иконами угодно Богу и вменяется в праведность. Той же благодати, молитвами преподобного Еразма, да сподобимся мы все, правоверные, во Христе Иисусе Господе нашем, которому

слава с Богом Отцом и Святым Духом ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Арефы

6 ноября (24 октября)

Все имущество, украденное ворами, ангелы вменили в милостыню за то, что он перенес это с благодарением.

Поистине достойно и праведно всегда благодарить Бога не только за благое, но и за злоключения. Не только праведному несчастье умножает благодать, как было с Иовом, но и великого грешника изменяет и делает совершенным святым, как то явилось на этом преподобном. О нем свидетельствует так блаженный епископ Симон, бывший очевидцем его жизни.

В Печерском монастыре был один черноризец, именем Арефа, родом из Полоцка; он держал тайно в своей келии большое богатство и настолько был одержим скупостью, что никогда не подал и одной мелкой монеты на милостыню убогому, и сам не тратил ни на что нужное.

Однажды ночью пришли воры и украли все его достояние. Тогда он в великой скорби и туге едва не лишил себя жизни. И начал он подозревать неповинных, и многих мучил он без правды. Братия же вся молила его прекратить розыски и утешала так: «Брат, возложи на Господа заботы, твои, и Он поддержит тебя (Пс. 54:23)». Он же ничего не

слушал и досаждал всем жестокими словами. Через несколько дней впал он в недуг лютый, и уже был близок к смерти, но не переставал роптать и хулить.

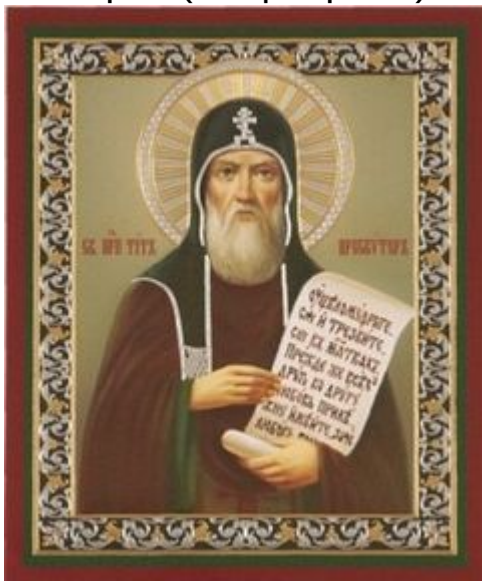
Но человеколюбивый Господь, Который хочет, чтоб все люди спаслись (1Тим. 2:4), явил на нем милость Свою. Однажды больной, лежа в болезни, как мертвый, после долгого молчания, внезапно громко перед всеми стал звать с великим воплем: «Господи, помилуй; Господи, прости; Господи, согрешил я, оно Твое, не жалею его». И потом, вдруг встав от болезни, рассказал, что причиной его крика было такое явление. «Видел я, – сказал он, – что пришли ко мне ангелы и бесовский полк и начали спорить об украденном у меня богатстве. Бесы говорили, что я не прославил за то Бога, но хулил Его, потому я – их и должен быть им предан. Ангелы же сказали мне: „О, окаянный человек, если б ты благодарил Бога за похищение имущества твоего, оно вменилось бы тебе в милостыню, как Иову. Если кто творит милостыню – это великое дело перед Богом, потому что творит по своей воле. Но если кто похищение насилием терпит с благодарностью, тот человек превращает дьявольское искушение в благое произволение. Дьявол, желая вовлечь человека в хулу, делает так, благодарный же человек предает все Богу, потому это и равно милостыне“. Когда так сказали мне ангелы, я возопил то, что вы слышали: „Господи, помилуй; Господи, прости; Господи, согрешил я; Твое есть, не жалею его!“ И тогда тотчас бесы исчезли, ангелы же возрадовались и, вменив мне погибшее серебро в милостыню, отошли». Слыша это, братия прославила Бога, наставляющего согрешающих на путь покаяния и показавшего им, сколь велика сила благодарения.

Блаженный же Арефа, наставляемый Богом, с тех пор изменился к лучшему умом и нравом, так что все дивились и говорили о нем с Апостолом: *«Идеже умножися грех, преизбыточествова благодать»* (Рим. 5:20). Тот, кого прежде никто не мог удержать от хулы, никогда потом не прекращал хвалу, постоянно славя и благодаря Бога гласом Иова: *«Господь дал, Господь и взял, как Господу угодно, так и сделалось. Да будет имя Господне благословенно»* (Иов.

1:21). Также и в прочих своих прегрешениях он каялся усердно, прилежа нелицемерной нищете, послушанию, заботясь не только о чистоте внешней, но и внутренней, подвизаясь в молении, непрестанном безмерном посте, и был богат многими иными телесными и душевными добродетелями (к которым привела его добродетель благодарения). Более, чем серебром или золотом – добродетелями же достигал Самого Бога. К Нему после многих трудов преставился он на вечный покой и положен с честью в пещере, где чудотворным нетлением мощей своих свидетельствует и о помиловании своем, и о блаженстве своем, равном блаженству милостивых. Его святыми молитвами да будем и мы, пожив с благодарением, помилованы, да с ним вместе в Царствии небесном будем благодарить Бога в Троице в бесконечные веки, аминь.

Житие преподобного отца нашего Тита пресвитера

11 марта (27 февраля)

Он был в ссоре с диаконом Евагрием и видел, как тот, не простив его, был поражен от ангела огненным копьем; сам же он, так как просил прощения, был рукой ангельской восставлен от болезни.

Как открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, так и мир Божий, который превыше всякого ума (Рим. 1:18; Флп. 4:7), соблюдает разум и сердце, тело и душу человека, ищущего мира. Об этом нам свидетельствует бывшим ему откровением блаженный Тит.

Иночествуя в Печерском монастыре, он почтен был саном пресвитерства и наставлен был на подвиги, достойные блаженства святых. С ним случилась такая вещь.

Был у этого блаженного пресвитера Тита брат по духу, черноризец того же монастыря, именем Евагрий, саном диакон; блаженный пресвитер Тит имел с ним большую и нелицемерную дружбу, так что все дивились их единому сердцу и искреннему взаимному расположению.

Враг же, ненавистник добра, сеющий обыкновенно плевелы среди пшеницы (Мф. 13:25), посеял между ними вражду и настолько омрачал их злобой и ненавистью, что они

не могли и видеть друг друга и всячески избегали один другого. Когда один из них ходил с кадилницей по церкви, тогда другой бежал от фимиама; если же он не удалялся того, тот проходил мимо, не покадив. И долгое время провели они в великом мраке духовном, и дерзали приносить Божественные Дары и приобщаться, не примирясь между собой и не получив прощения, – так возбудил их враг. Братия много просила их помириться, но они не желали о том и слышать. Однажды, по усмотрению Божию, случилось этому блаженному пресвитеру Титу тяжело заболеть, и уже он отчаивался в жизни. Тогда горько стал он оплакивать свое согрешение и в великом умилении послал к диакону Евагрию, говоря: «Прости мне, брат, Бога ради, что оскорбил я тебя гневом моим!» Тот же не только не простил, но и проклинал его жестокими словами. Братия же, видя, что Тит уже умирает, привела Евагрия силой, чтоб он простился с братом. Больной, увидев его, приподнялся, пал ниц к ногам его, говоря со слезами: «Прости меня, отче, и благослови». Но Евагрий, будучи немилостивым и бесчеловечным, отвернулся от брата и перед всеми сказал лютые слова: «Никогда не хочу простить его – ни в этом веке, ни в будущем». И, сказав это, вырвался он из рук братии и упал. Братия же хотели поднять его, но нашли его бездыханным, и не могли ему ни согнуть рук, ни закрыть рта, ни свести глаз, как будто у давно умершего. Больной же пресвитер Тит тогда же встал здоровым, как будто никогда не болел.

Ужас напал на всех от этой внезапной смерти Евагрия и от скорого исцеления Тита. И стали спрашивать у исцелевшего блаженного пресвитера, как это было. И блаженный Тит ответил им, рассказав подробно то, что было открыто ему. «Когда, – говорил он, – я тяжко болел, находясь в гневе, я видел ангелов, отступивших от меня и плакавших о гибели души моей, и бесов, радовавшихся моей злобе, и потому стал я молить вас идти к брату и испросить мне прощение. Когда же вы привели его ко мне, и я поклонился ему, а он отвернулся от меня, я видел одного грозного ангела, держащего огненное копье, которым он ударил непростившего, и тот вдруг упал

мертвым. А мне тот же ангел подал руку и восстановил меня, и вот я здоров».

Устрашенная всем этим, братия много оплакивала умершего злой смертью Евагрия, и похоронили его с открытыми глазами и устами, и расставленными руками. А сами стали внимательно оберегаться от вражды, прощая друг другу, если кто на кого имел жалобу (Кол. 3:13), и, вспоминая после наказания Евагрия слова Господа, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду (Мф. 6:22), и слова, сюда относящиеся, святого Ефрема: «Если кому случится умереть во вражде, он встретит неумолимый суд», – и можно было сказать тогда о тех вразумленных братьях: *«Велик мир у любящих закон Твой»* (Пс. 118:165).

Но особенно сам блаженный этот пресвитер Тит, видя, что за то, что он искал мира с братом, он нашел мир с Самим Богом, и Им сохранен был от смерти душевной и телесной, с тех пор никогда не предавался вражде, но всячески ее искоренял в себе, и приобрел никогда не ослабевающую любовь в Боге ко всей братии – любовь, которая есть совокупность совершенства (Кол. 3:14), как корень мира, любовь чистого сердца и доброй совести, и нелицемерной веры, любовь долготерпящую, милосердствующую, не завидующую и содержащую все прочие добродетели, в особенности же целомудрие, пост и постоянную молитву (1Кор. 13:4). Ибо воспринял этот блаженный слова Писания: *«Будьте благоразумны и бодрствуйте в молитвах, больше же всего имейте усердную любовь друг к другу, потому что любовь покрывает множество грехов»* (1Пет. 4:7–8). И так, при своих пресвитерских жертвах совершал он память соответственного евангельского слова, что любить Бога и ближнего – больше всех всесожжений и жертв (Мк. 12:33). Приобрел он и мир совершенный, и так, покрытый совершенством любви, не мог поскорбеть и сказать: *«Нет мира в костях моих от грехов моих»* (Пс. 37:4). Но совершенный мир этого преподобного подвижника был таков, что над ним исполнились неложные слова апостола: *«Царство Божие не пища и питье, но праведность и мир...»* (Рим. 14:17). Потому ради мира и на

небе преподобный Тит удостоился того упокоения, в жажде которого он уснул в Господе после великих богоугодных трудов. И почивает он нетленным телом в пещере, где там много святых, как в дальнем небе, а равноангельным духом вознесен в горнее небо на вечный покой руками явившихся к нему прежде ангелов.

И что слышит он от них, радующихся там (Лк. 15:7, 19), как о бывшем грешнике, ныне свято покаявшемся? Слышит то, что сказал святой Павел о Тите апостоле: *«Утешил нас Бог прибытием Тита»* (2Кор. 7:6). А нам, сорадующимся, так следует отвечать небесным жителям, словами того же Писания: *«Мы утешились утешением вашим, а еще более обрадованы мы радостью Тита, что вы все успокоили дух его»* (2Кор. 7:13). Его святыми молитвами да сподобимся и мы, избежав вражды, получить прощение грехов и успокоение временное и вечное во Христе Иисусе Господе нашем, Который есть Бог любви и мира. Ему слава со Отцом и со святым Духом ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Нифонта

21 (8) апреля

Он был епископом Новгородским и не позволил, чтобы митрополит Киевский был посвящен помимо благословения патриарха Константинопольского; перед смертью видел преподобного Феодосия, обещавшего ему место с собой.

«*Ревность по доме Твоем снедает меня*» (Пс. 68:10). Этой надписью следует отметить честный гроб великого ревнителя о православии русском, блаженного Нифонта, который много потрудился, чтобы русские сыны не лишились усыновления Восточной Церкви и, вместе, Самого Господа, Которому имя – Восток (Лк. 1:78). О подвиге его узнаем из следующего сказания.

Блаженный Нифонт был черноризцем святого Печерского монастыря во дни игумена Тимофея и много подражал житию великих преподобных отцов, трудясь богоугодно в молитве, бдении, посте и всяких добродетельных подвигах.

Когда же блаженный Иоанн, епископ Новгородский, по воле своей оставил престол, на котором потрудился двадцать лет, и, чувствуя изнеможение, отошел на безмолвие в монастырь, тогда блаженный Нифонт, сияя лучами многих своих

добродетелей и далеким странам, изволением Божиим всеми согласно избран был на епископский престол Новгорода и посвящен в Киеве преосвященным митрополитом Михаилом – вторым этого имени.

Итак, вступив на престол свой и поставленный как светильник на свещнице, он просиял еще светлее великой ревностью о благочинном устроении православия, много заботился об умножении славы Божией и о жизни временной и вечной словесных своих овец. Прежде всего, умножая славу Божию, своим старанием заложил он посреди Новгорода каменную церковь Пресвятой Богородицы и, Божией помощью, вскоре соорудил ее. Престольную же церковь святой Софии в том же городе украсил всю, даже с притвором, иконным писанием, и весь верх ее покрыл оловом. Сохраняя жизнь словесных овец – и сперва временную, – пастырь этот имел такую привычную добродетель: когда православные собирались на междоусобный бой, он всячески старался примирить их.

Так, услышал он однажды, что киевляне и черниговцы восстали друг против друга с множеством воинов и хотят вступить в бой. И, взяв с собой вельмож новгородских, он пришел к ополчившимся и, при помощи Божией, примирил их. Так же и в прочих междоусобиях благословлял он людей миром, сохраняя временную их жизнь.

Но особенно заботился он о вечной жизни словесных овец своих. Он вспоминал Господни слова, сказанные о Боге Отце: *«И Я знаю, что заповедь Его есть жизнь вечная»* (Ин. 12:50). И потому из всех сил убеждал он православных не удаляться от исполнения заповедей Господних и от преданий, и правил Его Церкви, чтобы не удалить себя от вечной жизни, а к удаляющимся и преступающим закон относился с негодованием, ясно проповедуя им, что они погибнут за беззаконие свое, настаивал во время и не во время, обличал, запрещал и молил со всяким долготерпением, как повелел апостол (2Тим. 4:2).

Эту ревность доброго пастыря доказало прежде всего такое событие. Когда при блаженном новгородцы изгнали князя своего

Всеволода Мстиславича, пришел к ним на княжение призванный ими Святослав Ольгович и женился на такой женщине, на которой, по правилам церковным, ему не должно было жениться. Тогда блаженный этот архиерей не только не захотел венчать его, но запретил всему своему клиру присутствовать при его венчании, как при беззаконном, когда князя венчали пришедшие с ним священники. И смело обличал он князя в законопреступлении его, ревнуя тому, кто сказал в псалме: *«Буду говорить об откровениях Твоих пред царями, и не постыжусь»* (Пс. 118:46).

Но хотя и такая ревность была велика, настало время, и он явил несравненно большую ревность, спасая от нарушения правил саму Русскую Церковь, чем больше всего просиял славой этот наставник православия. Это было так.

Наступила блаженная кончина преосвященного митрополита Киевского Михаила, от которого святой епископ Нифонт принял рукоположение.

Великий же князь Киевский Изяслав Мстиславич избрал на его место, на архиерейский престол Киевской митрополии Клима-философа, черноризца, уже постриженного в схиму, и захотел, чтоб его рукоположили, не посылая на благословение ко вселенскому патриарху Константинопольскому. И он для этого собрал собор епископов Русской Церкви, из которых сошлись следующие: Онуфрий Черниговский, Феодор Белгородский, Евфимий Переяславский, Дамиан Юрьевский, Феодор Владимирский, святой Нифонт Новгородский, Мануил Смоленский, Иоаким Туровский, Козьма Полоцкий.

На этом соборе святой Нифонт, епископ Новгородский, никак не допускал, чтоб сами епископы русские решились рукоположить себе митрополита без благословения вселенского своего патриарха Константинопольского. И он с достоверностью и твердостью утверждал, что это противно православному преданию святой Восточной Церкви, которая через Константинопольский свой престол просветила сынов Руси и сделала нас сынами Востока, посетившего нас свыше, то есть сынами Божиими; оттуда же дала Киеву и первого

Митрополита Михаила через благословение природного своего вселенского патриарха Константинопольского. Высказав это, доблестный исповедник мужественно запрещал сынам Русским через свое противление отпасть от усыновления Восточного и, вместе, Божия. «Ибо, – говорил он, – *„грядет гнев Божий на сынов противления“* (Кол. 3:6)». И истины исповедания этого неподвижно держались пять русских епископов – Козьма Полоцкий, Иоаким Туровский, Мануил Смоленский, Евфимий Переяславский и Феодор Белгородский. Но князь, не желая быть посрамленным в своем неправильном желании, не послушал блаженного, но сделал то, что хотел, с прочими, прельщенными им, епископами. Итак, по приказанию князя и по совету Онуфрия, епископа Черниговского, Клим был благословен епископами человекоугодниками главой святого Климента, папы Римского, вместо благословения живого природного патриарха Константинопольского, и сел не по правилам на архиерейском престоле Киевской митрополии. Он стал принуждать блаженного епископа Нифонта служить с собой, но ревнитель православия святой Нифонт, сказал ему: «Так как ты не принял благословения от Вселенского патриарха Константинограда, но через недостойное и несправедливое похищение сана считаешь себя равным истинному пастырю, между тем как ты – истинный волк, то, как я не соглашался на твое посвящение, так и ныне не должен служить с тобой и не буду поминать тебя при моем служении, потому что ты не поминаешь патриарха, от престола которого приняли мы начало благословения». Тогда Клим, не стерпев правды, сильно стал гневаться на блаженного и наущать против него князя Изяслава и своих сторонников послать его на заточение или сделать ему какое-нибудь другое зло. Но злоба не одолела добродетели.

Князь Изяслав за это дело не пустил блаженного в Новгород, на престол его епископии, но удержал в Печерском монастыре, как в заточении. А блаженный пребывал там в великой радости и благодарил Бога: и за то, что лишился престола ради православия, и что вернулся к безмолвной своей жизни со святыми.

Когда же христоролюбивый князь Георгий Мономахович победил Изяслава Мстиславича и принял Киевское княжение, тогда с великой честью отпустил он блаженного в Новгород на престол. Новгородцы же, которые были изнурены и рассеяны, как овцы, не имеющие пастыря (Мф. 9:36), с невыразимой радостью приняли его.

Тогда вселенский патриарх Константинограда, услышав обо всем этом про блаженного, который так много мужества показал ради законов церковных, прислал к нему послание, ублажая его за великий его разум и крепость и причисляя его к древним святым отцам, которые твердо стояли за православие. Он же, прочтя в грамоте патриаршее благословенье, утверждал себя в еще большей ревности. Потому и не лишился он достойного трудов его воздаяния от начальника пастырей Иисуса, как доказала его блаженная кончина, к повествованию о которой мы перейдем.

Спустя некоторое время по возвращении своем в Новгород на престол, услышал блаженный епископ Нифонт, что от вселенского патриарха из Константинограда идет на Русь митрополит Константин, чтобы низложить Клима, митрополита Киевского, неправильно посвященного и возмущившего православных, а самому взойти на престол. Тогда исполнившись духовной радости, он замыслил за раз сделать два дела: и принять благословение от святителя, и в святой Печерской обители поклониться Пресвятой Богородице и преподобным отцам. С этой целью он опять прибыл в Киев и ожидал прибытия митрополита, выехавшего уже из царствующего града, как он о том наверное знал. И он жил в святом Печерском монастыре, с великим усердием к Пресвятой Богородице и к преподобным отцам. И вскоре постигла его там сильная болезнь, предварившая честную пред Господом смерть этого преподобного. Тогда он поведал братии дивное видение, которое он видел за три дня до того, как заболел.

«Когда, – рассказывал он, – после утреннего пения я пришел в келью, мне нужно было немного отдохнуть, и тотчас сошел на меня легкий сон. И я очутился в этой святой

Печерской Церкви, на месте Николы Святоши, и много молился я со слезами к Пресвятой Богородице, чтоб увидеть мне доброго строителя, и по смерти заботящегося об умножении добродетелей в своей обители, преподобного Феодосия. В церковь сходилась много братии, и один из них, подойдя ко мне, сказал: „Хочешь ли видеть преподобного отца нашего Феодосия?“ Я отвечал: „Да, желаю, если возможно, покажи место“. Он взял меня и повел в алтарь и там показал мне святого Феодосия. Я же, увидев его, поспешил к нему с радостью, упал к ногам его и поклонился ему до земли. Он же, подняв меня, благословил меня и сказал мне: „Хорошо, что ты пришел, брат мой и сын Нифонт; отныне ты будешь с нами неразлучно“. Он держал в руке своей свиток и дал его мне, когда я попросил у него. Я разогнул его и прочел, и в начале было написано так: *„Вот я и дети, которых дал мне Господь“* (Ис. 8:18). После этого видения, – сказал блаженный Нифонт, – я пришел в себя и теперь знаю, что эта болезнь есть посещение от Бога».

Итак, поболевав тринадцать дней, уснул он с миром в Господе месяца апреля в 8-ой день, в субботу светлой недели. И положено было его тело с честью в пещере преподобного Феодосия. Духом же с тем же дароименным преподобным он предстоит Престолу Владыки Христа, где, неразлучно наслаждаясь неизреченными небесными красотами, да помолятся они и о нас, чадах своих, и похвалятся, говоря вместе: *Вот мы и дети, которых дал нам Бог*. Ему, хвалимому в Нераздельной Троице, Отцу и Сыну, и Святому Духу подобает всякая слава, честь и поклонение ныне и присно, и в бесконечные веки, аминь.

**Послание преподобного отца нашего Симона,
епископа Владимирского и Суздальского к
блаженному Поликарпу, черноризцу Печерскому,
который тогда не был еще архимандритом**

Написанное на пользу всем иночествующим. В этом послании он дает наставления, вспоминая некоторых, в особенности же бывших незадолго до него, блаженных черноризцев Печерских, коих жития помещены в этой третьей части.

Брат, сидя в безмолвии, собери свои мысли и скажи себе: «Убогий инок, не оставил ли ты мира и родителей по плоти ради Господа, а, придя сюда для спасения, ты творишь не духовные дела. Зачем облекся ты в чернеческое имя? Черные ризы не избавят тебя от мук. Тебя прославляют здесь князья и бояре, не только друзья твои, и говорят: „Блажен он, что возненавидел мир и славу, и прельщения его, и не печется уже о земном, а желает небесного“; а ты живешь не по-монашески. Великий стыд постигнет нас, если ублажающие нас здесь предварят нас в Царствии небесном, и они будут в покое, а мы возопием в горьких муках. Но кто помилует нас, когда мы сами себя погубили? Думая так о жизни своей, бодро воспрянь, брат, и попекись прилежно о душе своей. Работай Господу со страхом и с мудростью, во смирении. Не будь как трость, колеблемая ветром, сегодня добрым и кротким, а на утро жестоким и злым, на короткое время молчаливым, а потом ропщущим на игумена, поносящим братию. Не будь лжив. По причине какого-нибудь дела не оставляй соборной молитвы, ибо как дождь растит семя, так и церковь влечет душу к добродетелям. Все, что делаешь ты в келии – читаешь ли Псалтирь или поешь двенадцать псалмов все это не сравнится с одним соборным „Господи, помилуй“».

Вспомни, что и верховный из апостолов Петр был сам церковью Бога живаго (2Кор.6:16); но когда взят был Иродом и посажен в темницу (Деян.12:6), не соборные ли молитвы Церкви избавили его из рук Иродовых? Об этом

молится и Давид, говоря: *«Одного просил я у Господа, того только ищу, чтоб пребывать мне в доме Господнем во все дни жизни моей, созерцать красоту Господню и посещать храм Его»* (Пс. 26:4). Об этом и сам Господь сказал: *«Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди их»* (Мф. 18:20). Если в собрании двух или трех, то тем более Он там, где собрание столь велико, что в нем сходится более ста братьев. Там присутствует Бог наш, внимающий призывающим Его, как в святом Печерском монастыре. Там, на церковном огне, готовится и благословенный обед братии, и – Бог свидетель мне в том, – что я, грешный епископ Симон, не прикоснулся бы ни к какому другому блюду, только бы к укруху хлеба и сочива, приготовленного для той святой братии. И ты, брат, остерегайся сегодня хвалить предложенное на трапезе, а на завтра роптать на варившего и пекшего пищу брата, потому что этим ты оказываешь неприятность начальнику монастыря и будешь причтен к тем, о которых написано в Отечнике, что они одному прозорливому старцу, когда роптали на предложенную пищу, казались ядущими мотыла. Так как хулящий губит себя, ты, когда ешь или пьешь, всегда за все благодари Бога, повинуйся апостольскому изречению: *«Едите ли, пьете ли или иное что делаете, все делайте во славу Божию»* (1Кор. 10:31). Терпи, брат, и досаждение, ибо *«претерпевший до конца (сказал Господь) спасется»* (Мф. 10:22), и такой спасется без труда. Поэтому если случится тебе быть оклеветанным кем, и кто-нибудь, придя к тебе, расскажет, что тот брат нехорошо говорил о тебе, ты скажи ему: «Если он и укорил меня – он мне брат, а я достоин того; и он делает это не сам собой, но враг диавол подстрекнул его к тому, чтоб произвести вражду между нами. Господь же да отгонит лукавого и да помилует брата!»

Возразишь, что другой укоряет тебя пред всеми в лицо – не скорби и об этом и не допускай себя быстро до гнева, но, упав, поклонись брату до земли со словами: «Прости мне, брат, я оскорбил тебя». И потом загладь свой проступок, бывший причиной досады, и так победишь всю силу вражью. Ибо если ты будешь сопротивляться тому, кто досадил тебе, то вдвойне досадишь сам себе, во-первых, когда поймешь, что не стерпел

досаждения, во-вторых, что сам без стыда досадил брату. Больше ли ты царя Давида, которого оскорблял в лицо пред всеми Семей, проклиная его и бросая в него камнями, так что и слуги царские не вынесли той брани, и один из них сказал: *«Зачем злословит этот мертвый пес моего господина и царя! Пойду я и сниму с него голову!»* Но как отвечал Давид по внушению Божию? *«Пусть он злословит... Может быть, Господь призрит на уничижение мое и воздаст мне Господь благостью за теперешнее его злословие»* (2Цар. 16:5–12). Подумай и о том, что еще больше, как сам Царь царей и Господь господствующих (Откр. 19:16) Иисус Христос, *«Который не сделал греха и в устах Которого не было лжи»* (Пс. 53:9), смирил Себя и был послушен Своему Отцу до смерти.

Он делал это, оставляя нам пример, чтоб мы последовали стопам Его, как и учил Он нас: *«Любите врагов ваших, благотворите ненавидящим вас, благословляйте проклинающих вас и молитесь за обижающих вас»* (Лк. 6:27–28). И не тяжела эта заповедь Его для тех, кто истинно следует за Ним, и принадлежащий к числу их святой Павел исповедал: *«Злословят нас, мы благословляем; гонят нас, мы терпим; хулят нас, мы молим»* (1Кор. 4:12–13).

Достаточно да будет тебе, брат, оставаться в послушании на одном месте, как заповедал Господь, говоря: *«Не переходите из дома в дом»* (Лк. 10:7). Ты знаешь, что дерево, много раз пересаживаемое, часто засыхает, и овца, блудящая от стада к стаду, бывает похищаема волком, так же случится и с тобой, если ты оставишь свой монастырь. Говорю здесь особенно о святом Печерском монастыре, в котором всякому, кто хочет, удобно спастись. Печерский монастырь подобен небу, и если кто, не желая жить в послушании, отпадет от него – уподобится гордому сатане. Печерский монастырь есть то же море, все выброшенное из которого кажется безжизненным и гнилым. И пусть никакая неприятность не удалит тебя из этого святого монастыря. Спрашиваю тебя: чем ты хочешь спастись? Если ты и постник, и имеешь трезвение во

всем, и нищ, и пребываешь без сна, но не терпишь досаждений – не видать тебе спасения.

Кроме того, уразумей, брат, что тебе, ищущему спасения, нельзя искать старейшинства, но скорее постоянно благодарить Бога за то, что смиряет тебя, говоря: *«Благо мне, что я пострадал, чтоб поучиться уставам Твоим»* (Пс. 118:71). И возможно будет тебе сказать и так: *«Смирися я, и спас меня»* (Пс. 114:5). Веруешь ли слову писания: *«Никто сам собой не приемлет чести, но призываемый от Бога»* (Евр. 5:4). И потому не ищи чести у людей, а ищи ее у Бога; смирись пред теми, кого Он вознес, воздавая им всякую достойную честь, и не имей в себе гордых мыслей, потому что такие свержены были в древности с неба.

Не говори в себе: «Разве я недостоин с уверенностью носить такой-то сан или хуже я этого эконома или иного начальствующего брата?» Если же и случится тебе быть искушенным таким помыслом, то, при неисполнении желания, не приходя в сильное раздражение, не ходи из келии в келию, возбуждая братию против начальника дурными словами, говоря так: «Этот игумен или эконом думает, что только здесь возможно угодить Богу, а в другом месте невозможно спастись; а не думает о том, что мы окружаем их почестями». Все это дьявольское начинание, будь далек от всего этого.

Если же ты и получил какую-нибудь почесть, так что станешь на высшую ступень, не забывай смиренной мудрости, чтоб, если случится тебе быть низведенным с этой степени, найти тебе свой смиренный путь и не впасть, вследствие неожиданного падения с высоты, в различные скорби. Но для инока лучше всех степеней содержать всегда степень никогда не отпадающей чести, степень, о которой я упомянул – пребывать в монастыре неисходно, с чистой совестью, в послушании игумену и всей братии, трезвясь во всем. Такое поведение не только облечет инока в святительскую одежду, но явит его достойным и Царствия Небесного. Потому что совершенство иноческое заключается не в том, чтоб быть прославляемым людьми, но исполнить по чину устав монастырского жития.

Из моих слов ты видишь, что больше всего говорю я о чести пребывания иноческого в святом Печерском монастыре. Многие неотлучные жители этой честной Лавры чем больше скрывались от славы, тем более были прославляемы Богом, и не своими происками, но Божиим принуждением были возносимы от глубины пещерной на высоту святительских престолов, откуда блистали на всю Русскую землю, как светлые светила, светом добродетельной своей жизни и просветили многих святым крещением, как апостолы Пречистой Богоматери. Из них первый, великий в святителях Леонтий, епископ Ростовский, который, много пострадав от неверных, сподобился принять мученическую кончину и прославлен от Бога нетлением. Второй – Иларион, митрополит Киевский, постриженный в иноческий образ преподобным Антонием и сподобленный святительства, как рассказано о том в житии преподобного Антония. Далее – Николай и Ефрем, епископы Переяславские, Исаия Ростовский, Герман Новгородский, Стефан Владимирский, Нифонт Новгородский, Марин Юрьевский, Мина Полоцкий, Николай Тмутараканский, Феоктист Черниговский, Лаврентий Туровский, Лука Белгородский, Ефрем Суздальский. Но если хочешь узнать еще и о других, прочти старого Ростовского летописца, и всех найдешь там, свыше тридцати, а после тех – и до меня, грешного епископа Симона, – думаю, около пятидесяти. Пойми же, брат, сколь велика слава и честь святого Печерского монастыря и не разлучайся с той тихой и безмятежной в нем жизнью, к которой призвал тебя Господь.

У меня, грешного Симона, по чину епископа святой соборной Владимирской и Суздальской Церкви, много городов и сел, и со всей той земли я получаю десятину; но (совесть порукою) по истине говорю тебе, что всю эту славу и честь вменил бы я в прах и работал бы в повиновении игумену святой Печерской Лавры, если бы только Начальник пастырей, мой Иисус, Которого я всегда молю о том, послал бы удобное время устранить все лежащие на мне духовные дела. И если б только можно было быть сметаемым как сор в Печерском святом монастыре и попираемым ногами, или быть одному из

убогих, лежащих пред воротами этой честной Лавры, то этот день единый, проведенный в Доме Божией Матери, был бы для меня лучше, чем жить тысячу лет во славе и чести в селениях грешных.

По истине спрошу тебя, брат, что слышал ты более чудного, чем чудеса, бывшие в святом Печерском монастыре? Что может быть выше, чем сказание о блаженных отцах, подвизавшихся в нем, которые на всю Русскую землю, подобно лучам солнечным, просияли светом жизни своей; чем многие равноангельские жития, о которых я, грешный епископ Симон, слышал от очевидцев, а некоторым сподобился сам быть очевидцем, и достоверно рассказал тебе и устно, и в письме. Там я не скрыл от тебя, брат, почему имею столь великое усердие к той честной Лавре преподобных отцов Антония и Феодосия, – потому что эти святые помогают и по смерти грешнику, положенному на их святом месте. Так, слышал я дивную вещь о святом Антонии: как мертвеца, смердящего от греха лицемерия, он спас во время игуменства блаженного Пимена, при прозорливом священнике Онисифоре. И потому я, грешный епископ Симон, тужу и скорблю, и плачу, желая умереть там и быть положенным в той блаженной земле, чтоб получить хоть малое облегчение от многих грехов моих ради молитв преподобных отцов Антония и Феодосия и единомысленных им учеников, умножившихся подобно звездам небесным, учеников, которых вполне исчислил и знает имена только Тот Один, Кто счел все множество звезд и всем им дал имена. А я, брат, как могу поведать подробно о святых мужах, бывших в том честном и блаженном Печерском монастыре? Из них некоторые так просияли добродетельной жизнью, что и сами неверные и поганные от бесовской прелести обращались к истинной вере и подражали их равноангельской иноческой жизни, как это можно видеть из жизни блаженного мученика Христова Евстратия, благодаря которому крестились евреи, и из жизни блаженного узника Никона, через которого половцы уверовали, стали черноризцами и провели богоугодную жизнь.

Много и другого слышал ты от меня, грешного епископа Симона, который не достоин быть подножием святых Печерских черноризцев, с которыми, думаю я, честью не сравнится весь мир, и весь мир, если станет описывать – не может описать их чудес. Поистине, к ним говорил Господь: *«Так да светит свет ваш пред людьми, чтоб они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного»* (Мф. 5:16). А нам как не стыдиться нарушения обещания нашего и перемены нашего жития, глубоко ниспавшего с высоты?

Ведь у нас такие начальники и наставники! Они первые молитвенники и ходатаи за нас ко Творцу, подобны ангелам и венчались мученическими венцами, причтены к пророческим ликам. Из них я вспомню блаженного священномученика Кукшу и блаженного Пимена, постника прозорливого, как памятных всем во время жизни моей в монастыре.

Не буду много писать тебе об иных святых; для пользы и подражания достаточно тебе будет того, что ты слышал из уст моих о первых преподобных этого монастыря. Если же беседа моя еще недостаточна, то пусть уверит тебя то, что я написал о тех, которые в позднейшее время угодили там Богу. Если же не поверишь и этому писанию моему, то если и из мертвых кто воскреснет, ты не поверишь. А такое событие было в святом Печерском монастыре, на блаженном затворнике Афанасии, который воскрес из мертвых и назвал три вещи, наиболее полезные братии: послушание, покаяние и кончину в святом Печерском монастыре.

Если кто не верит этому, я не виновен. Нужно исполниться притче Господней (Лк. 8:5): *вышел сеятель сеять семя свое, и иное упало при дороге, другое на камень, иное же между тернием, а не каждое на добрую землю. Здесь Сам Господь повелел поминать о слышащих слово, сказанное на пользу, что не все принимают его с пользой, что и подкрепил он пророчеством Исаии: «Огрубело сердце народа сего, и ушами с трудом слышат»* (Ис. 6:10). И еще тот же пророк сказал: *«Господи, кто поверил слышанному от нас?»* (Ис. 53:1). Ты же, брат, не подражай злым. Я пишу это не для того, чтоб был

поруган Бог, дивный во святых Своих, но чтоб приобрести тебя. Даю тебе совет: утвердись благочестием во святом Печерском монастыре. Не желай никакой власти – ни игуменства, ни епископства: для твоего спасения довольно во благе окончить свою жизнь с пожившими там отцами, чтоб сподобиться с ними бесконечной жизни. Знаешь ли ты, брат, что по благодати Божией я могу сказать полезное тебе, писанное во всех книгах, но лучше для меня напомнить тебе малое из того многого, что было сделано в блаженном и святом монастыре Печерском. Подумай о блаженном и святом князе Николе Святоше, как он добровольно оставил славу и богатство великого дома своего и, придя в Печерский монастырь, следовал путем жестоким за понесшим бесчестие и униженным за нас Царем славы и богатым в милости Богом Христом, как не делал ни один из князей Русских. Ты же что такого сделал? Оставил ли княжение? Но его у тебя не было. Оставил такое же, как он, имение? Но ты не владел им. Как же твое иночество сравнится с унижением того преподобного? Смотри, не пришел ли ты из славы в убожество, не украшаешь ли ты себя более дорогими ризами, чем прежде, между тем как теперь призван к наготе. Смотри, чтоб не оказалось так. Потому что из-за этого ты не увидишь вечной славы и будешь лишен нетленной одежды, и осужден с тем, кто не в брачной одежде.

Но что пишет об этом Божественный Иоанн Лествичник: «Радуется, говорит он, – жидовин субботе и празднику; а монах-чревоугодник – субботе и воскресенью; больше чем за год высчитывает Пасху и за много дней готовит кушанья». Не уподобляйся им, брат, и не пекись о том, что можешь с разрешения съесть и выпить, гордясь тем. Послушай, как там же сказал тот же святой: «Раб чревоугодия рассчитывает, какими отпразднует он кушаньями; Божий же раб, какими обогатится он дарованиями, как повелел в псалмах Сам Господь: „*Остановитесь и познайте, что Я Бог*“ (Пс. 45:11)». Выслушай и слово Еvgария: «Если монах согрешит, нет ему на земли праздника». Итак, не питай никогда своего тела сверх меры, чтобы оно не восстало на тебя и не одолело тебя; как я говорил тебе, и умом не касайся превышающих меру

предметов, чтоб когда-нибудь изнемоги не получить вместо славы бесчестие и укоризну. Будь подражателем святых отцов, о которых я рассказал тебе, и насытишься вполне в день нескончаемого праздника на небе телом и духом, когда тебе, как и им, откроется та же Божественная слава. Если же не удастся тебе идти вместе с совершенными к венцу их славы, то старайся получить награду хоть с угодившими по мере сил своих. А путь их таков: помышлять всегда о небесном, а не о земном, о духовном, а не о плотском, о воздержании, а не о похотях, о нищете, а не о богатстве. Не высокоумствуй, не приказывай с гордостью и не перечь, не отвечай, но напоминай сердцу своем о смирении, говоря себе постоянно: «Вчера я пришел для послушания в иночество, неужели же мне сегодня искать старейшинства? Сам еще не привык к исполнению правил, и неужели буду представлять из себя законодателя? Прежде чем покорюсь сам, могу ли смирать других? И что сделаю я так? Только лишу себя света и предам себя тьме, отвергну жизнь и приготовлю себе вечную муку; я получил оружие на врага и сам уязвлю свою душу!» Так, следя за собой и устрашая себя, воспрянь, брат, и, твердо обдумав свою жизнь, прими в уме неизменную решимость не отлучаться от этого святого места и иметь прилежную заботу не о славе и богатстве, но о смирении и нищете.

Я напомню тебе здесь, брат, чтоб возбудить твоё рвение, то, что слышал ты о блаженном Эразме, черноризце Печерском: как он, истратив все имение свое на нужды церкви, остался нищим и презираемым людьми, но не утратил награды своей от Бога. Зная это, и ты, если б у тебя было что, нарушающее иноческое нестяжание, покайся и отдай все на нужды церковные и святой Печерской обители. И не думай, что истратишь понапрасну, но ожидай от Господа милости, помня, что о таких постоянно возглашают в церкви: *«Господи, освяти любящая благолепие дому Твоего, Ты тыя прослави Божественной силою Твоей»*. Вспомни и того Патрикия, который приказал из своего золота сковать крест, чтобы поставить его в церкви, а юноша-мастер поревновал ему и, имея немного своего золота, прибавил его туда же, и за то

Патрикий сделал его наследником своего имения. Потому и ты, брат, когда, во славу Божию, истратишь то, что имеешь, говори с пророком: *«Буду умножать всякую хвалу Тебе»* (Пс. 70:14). И вот сделает тебя наследником Своего небесного имения и исполнит на тебе Свое обещание: *«Прославляющего Меня – прославлю!»* (1Цар. 2:30). Лучше для тебя, брат, достоянием своим украсить Дом Божий, чем хранить его для того, чтоб когда-нибудь им был украшен притон воров и разбойников; лучше отдать добровольно Богу любви и мира, чем когда-нибудь против своей воли лишиться этого через пламя пожара или ратные раздоры. Ты дал обет иноческого нестяжания; послушай же слов писания: *«Делайте и воздайте обеты Господу Богу вашему, лучше не обещать, нежели обещать и не исполнять!»* (Пс. 75:12; Эккл. 5:4). Если же случится то, о чем я говорил, что прежде чем ты добровольно отдашь Богу твое имущество, оно, как бесполезное тебе (ибо Бог лучше видит), будет отнято у тебя насильем, например, различными людьми или ворами – то ты не смей ни отчаиваться, ни смущаться, ни хулить. Но похвали за то Бога с преподобным Иовом, говоря: *«Господь дал, Господь и взял»* (Иов. 1:21) – и не лишишься ты так награды своей. Но твое благодарение о похищенном вменится тебе в милостыню, как вменено было блаженному Арефе, черноризцу Печерскому, имение которого было украдено ворами. Ибо, если бы для души было не важно перенести с благодарением похищение имущества, то тот блаженный старец, который воспоминается в Отечнике, не побежал бы сам к разбойникам с оставшимся платьем, которое они, взяв у него все, забыли захватить. Также и впоследствии, упоминаемый выше старец, прочтя об этом, сам молился Богу, чтоб пришли к нему разбойники и взяли все его имущество; и он был услышан, и передал в руки их все. Таких может похвалить апостол: *«Расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее»* (Евр. 10:34).

Вот уже, брат, поучил я тебя наставлениями во всем; итак, проси Бога принять кончину жизни твоей в честной Лавре Печерской, прожив в покаянии и послушании, потому что эти три

вещи важнее всех добродетелей, как свидетельствовал блаженный Афанасий затворник, восстав из мертвых.

Но не без связи между всеми этими добродетелями старайся исполнить эти три условия, но, поверх всех их, приобрети любовь, которая есть совокупность совершенства (Кол. 3:14). Желая же приобрести ее, послушай того, кто сказал: *«Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа»* (Евр. 12:14); потому что миром ты приобретешь любовь к ближнему, святыней же любовь к Богу. Ищи же, брат, мира и любви к ближнему, подражая блаженному Титу, иноку и пресвитеру Печерскому, покаявшемуся, и охраняй себя всячески от вражды, не давай власти бесу гнева, но скорей поклонись враждующему с тобой брату; ибо сказано: *«Солнце да не зайдет во гнев вашем»* (Еф. 4:26). И так ты не будешь предан на поражение немилостивому ангелу, как гневающийся Евагрий, диакон Печерский, но сохранит тебя Господь, как блаженного Тита пресвитера.

В святости же и любви к Богу подражай блаженному епископу Нифонту и будь тверд в православии, храня все заповеди Господни и предания святой Его Восточной Церкви, ибо в том состоит любовь к Богу, чтоб соблюдать Его заповеди (1Ин. 5:3), и от такой любви Божией да не разлучит тебя, брат, ни скорбь, ни теснота, ни гонение, ни голод, ни нагота, ни беда, ни меч, ибо любящим Бога все идет во благо. И так ты, неразлучно со всеми прежде угодившими преподобными отцами Печерскими, сподобишься быть возлюбленным Богом, Нераздельным в Троице, Которому слава и ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Дополнение ко всем трем частям патерика

В котором находятся жития самих составителей этой книги, святых и преподобных отец наших Печерских: Нестора, летописца Русского; Симона, епископа Владимирского и Суздальского, и Поликарпа, архимандрита Печерского; также сказание об обретении мощей святой Иулиании девы и о чуде, произошедшем в пещере во время Пасхи; и о мироточивых главах. Собрано от живших впоследствии отцов того же святого монастыря Печерского.

Житие преподобного отца нашего Нестора, летописца Русского

9 ноября (27 октября)

Он написал жития святых и преподобных отец наших Печерских, помещенных в первой части этого Патерики.

Всякая вещь, если она не будет запечатлена писанием, будет забыта и неизвестна. Так, если бы Моисей не был научен Богом о самом начале и первом строении мира, о первом родоначальнике нашем Адаме и не оставил бы нам всего этого в своих книгах, все бы то продолжительность времени покрыла как тьма и привела бы в неизвестность. Но Бог посылает, в какое хочет время, летописцев, чтобы последующие роды, прочтя то, что они начертали, могли получить от того пользу.

Так и в наше последнее время Господь явил в Русской нашей земле в святом Печерском монастыре приснопамятного описателя, преподобного отца нашего Нестора, который просветил наши очи, принося нам пользу и возбуждая в нас благодарность к Богу тем, что написал нам о начале и первом устройении нашего Русского мира, не только внешнего, но, больше всего, внутреннего и духовного. Я разумею под этим сказание об основании и устройстве на Руси обители по уставу иноческого жития, насажденного как в раю, в Печерском святом

монастыре, и о духовном нашем родоначальнике, преподобном Антонии и о прочих его последователях, и порожденных от него духом Печерских святых, к которым принадлежал и сам достохвальный этот описатель. Он их святолепные жития написал не только тростью на хартии, но и на непорочной душе своей, делами равного им подвижничества. И потому вписал самого себя в книги вечной жизни, так что он слышит: *«Радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах»* (Лк. 10:20).

Когда преподобный Антоний безмолвствовал в пещере, а блаженный Феодосий строил монастырь, блаженный отец наш Нестор пришел к ним, желая святого ангельского иноческого образа. Ему было только семнадцать лет от роду.

И тогда, еще не будучи иноком, он привык ко всем иноческим добродетелям: к чистоте телесной и душевной, вольной нищете, глубокому смирению, беспрекословному послушанию, строгому посту, непрестанной молитве, неусыпному бдению и прочим равноангельским трудам, которыми он во всем подражал житию самих первоначальников святых Печерских – Антонию и Феодосию. И от этой святой двоицы он в цветущей своей юности принимал с любовью всякую заповедь, как дитя молоко от сосцов, и как жаждущий олень воду из двух источников, текущих посреди гор в пещерах.

В писаниях своих он показывает, что имел великую любовь к тем преподобным основателям *«не словом или языком, но делом и истиной»* (1Ин. 3:18) и что он горячо прославлял Бога устами и душой своей, видя светлые добрые дела тех двух великих светил русского неба.

После же честной пред Господом смерти тех преподобных отцов блаженный отец наш Нестор не только умер для мира делами мирскими, что сделал он еще прежде, проходя искусы, но и мирским образом, и принял святой ангельский иноческий образ от преподобного Стефана, игумена Печерского, потом им же был возведен на степень диакона.

И тогда, видя на себе двойной сан, иноческий и диаконский, день ото дня усугублял добродетели свои, умерщвляя все плотские страсти и творя всякую истину, чтоб не быть плотским, но духовным человеком, истинным рабом и поклонником Божиим, зная хорошо слова Самого Господа: *«Бог есть дух; и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»* (Ин. 4:24).

Духа неприятели, в котором нет истины, не поклоняющегося Господу, он побеждал – как то можно судить по писанию его – больше всего неизреченным смирением, ибо всюду, смиряя себя, называет себя недостойным, грубым, невеждой, исполненным множества грехов.

Когда же, по внушению Божию, братия положила совет ископать честные мощи преподобного Феодосия и принести их из пещеры во святую, Богом зданную Печерскую церковь, тогда в этом послушании первым был блаженный Нестор. И с великой верой и мольбой потрудившись над копанием всю ночь, ископал

святому Печерскому монастырю многоценный этот бисер, честные мощи преподобного Феодосия, и изнес их пред пещеру, и был свидетелем, как говорит сам, великих, бывших тогда чудес. Он пожил довольно лет, трудясь в деле летописания и помня вечные лета. И так угодил он Творцу лет, к Которому, после временных лет, преставился в вечность, и был положен в пещере, где и доныне его честное тело почивает в чудотворном нетлении, свидетельствуя, что преподобный этот писатель житий святых и годов написал себе нетленное жилище на небе и благословен нетленным концом лета благодати Божией, лета Господня приятного.

Молитвами преподобного этого писателя да будем и мы вписаны в книги жизни Агнца Божия, Которого лета не оскудеют. Ему с Богом Отцом и животворящим Духом подобает от нас всякая слава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Симона, епископа Владимирского и Суздальского

23 (10) мая

Он описал чудеса преподобного Антония, окование раки преподобного Феодосия и сказания о святой Печерской Церкви, помещенные в первой части этого Патерика, также рассказал все жития, записанные святым Поликарпом, находящиеся во второй части, наконец, сам написал жития некоторых преподобных, с наставлением к Поликарпу, которые заключены в третьей части.

То, что написал Иисус, сын Сирахов, о Симоне, сыне Онии (Сир. 50:1, 6–7): *«Симон, сын Онии – иерей великий, который при жизни своей построил дом и во дни свои утвердил Церковь»*. И еще: *«Он, как звезда утренняя среди облаков, как луна в дни полнолуния своего, и как солнце, сияющее на церковь Вышнего»*, то же должно написать нам о носящем его имя, преподобном отце нашем Симоне, епископе Владимирском и Суздальском, втором по блаженном Несторе свидетеле и описателе житий святых Печерских. Поистине благостно построил он Дом Божий и утвердил Церковь Христову своим святым житием и учением о житиях святых, как один из

тех добрых пастырей, которых обещал Господь через Иеремию пророка, говоря: *«Дам вам пастырей по сердцу Моему, которые будут пасти вас со знанием и благоразумием»* (Иер. 3:15). И поистине все черты и наименования того Симона, сына Онии, доброго законного пастыря, свойственны и нашему преподобному Симону, пастырю Владимирскому и Суздальскому.

Блаженный Симон, видя, что принял святой иноческий образ в святом Печерском монастыре, украшенном святыми отцами, как мысленными звездами, луной и солнцем, стал читать жития прежде бывших и угодивших Богу Печерских святых, умножившихся, как звезды, и старался сам во всем исполнить их добродетели. Он с любовью вспоминал дела первого строителя, преподобного Феодосия, за которым, как за луной, следовало множество звезд и сам подражал нравам его. Он тщательно размышлял о подвигах святого первоначальника Антония, светозарного солнца, просветившего всех солнцем добрых дел своих, и на его равноангельный путь устремлялся сам. От других преподобных, умноженных как звезды, служащие луне и солнцу, научился смиренному послушанию; от Феодосия – луны, светящей со звездами и светящей ярче всех звезд, он приобрел великое подвижничество в соборной молитве большее всех других; от святого Антония, как от солнца, вращающегося одиноким, без других светил, наследовал он равноангельское угождение Господу наедине, в безмолвии. Итак, как настоящее зеркало, отражая в себе те представившиеся его взору добродетельные светила – звезды, луну и солнце – он тоже показал собой звездный, лунный и солнечный свет. Поэтому, как тот древний Симон, иерей великий, и он был по правде и звездой утренней, и луной в полнолунии, и солнцем, сияющим над церковью Вышнего, и он трудился достойно в святом Печерском небоподобном монастыре, восходя, как звезда утренняя, прекрасный как луна, избранный как солнце Пресвятой Богородицей, подражая, насколько можно, и Ей самой смиренным послушанием, усердным соборным молением и уединенным безмолвием Богомыслия.

Когда же он просиял повсюду светом добрых дел своих, престол Владимирский и Суздальский оказался без архиерейского венца. Церкви же подобает украшаться венцом звездотечным, как написал в откровении святой Иоанн. Не было на том престоле пастыря, как светлого солнца и совершенной луны, так что не могла тогда та церковь похвалиться словами псалма: *«Престол, его, как солнце предо мною»* (Пс. 88:37) и как луна в сиянии. В это время изволением Пастыреначальника Иисуса, вручившего некогда паству овец своих любящему Его Симону Петру, этот блаженный Симон, возлюбивши Пречистую Его Богоматерь, был вознесен на пастырский престол богохранимому городу Владимиру и Суздалю. И украсился венец той церкви светом звездным, престол же ее просветился, как солнце и как совершенная луна. Тогда на этой высокой степени этот добрый пастырь просиял добрыми делами еще светлее – и как утренняя звезда, и как полная луна, и как солнце – просиял, просвещая учением, согревая любовью, возрождая к жизни благодатью Божией. Он помышлял, что звезда утренняя служит концом ночи и началом дня и, изображая ее, всячески охранял своих овец от темных дел, помраченных грехом, и наставлял на дела светлые, просветленные благодатью. Он размышлял также, что солнце и луна суть два неусыпные небесные ока и, сохраняя престол свой светящимся, как солнце и как совершенная луна, и изображая из самого себя те неусыпные небесные очи, бодро пас стадо свое.

Итак, со всяким вниманием и ревностью подвизался он за паству, врученную ему Богом, и был искусен в делах своего звания. Но никак не оставлял он и трудов своих иноческих, всегда вспоминая и содержа в уме труды и подвиги преподобных отцов Печерских и радуясь душой, что сподобился сам принять святой ангельский образ и быть их сожителем; и он призывал молитвы их в помощь себе и предстательством их, благодатью же Божией, мудро содержал свой престол. Так что сбылись на нем и прочие сравнения и именованья великого иерея Симона, угодившего Богу в Ветхом Завете. Кроме вышесказанных наименований, Сирах пишет о своем Симоне,

что он был, как дуга небесная, как цвет шиповника, как крин, стебель ливанский, как огонь и ладан ливанский в кадильнице, как золотой сосуд, как маслина и как кипарис. Но все добродетели пастырские, проявленные этими таинственными образами, исполнил и этот добрый наш пастырь святой Симон, ибо он заботился о хранении среди паствы своей мира, прообраз которого – небесная радуга; учил на деле терпению, как цвет шиповника, растущий в тернии, возвращая его в мысленном саду своей паствы; наставлял учением и примером на непорочную чистоту, как бы насаждая белые цветы; и для подражания всем соблюдал молитву к Богу, умножая ее, как ладан ливанский или кадильный, благодарил Бога в скорбях и тому же поучал свою паству, подобно ливанскому фимиаму, благоухающему в огне: предлагал золотой сосуд любви и премудрости духовной, насаждал маслину милосердия к ближним и высокий кипарис всегдашнего помышления о Боге.

И так как все эти добродетели святой начертал на скрижалях своего сердца и приучился к ним от житий святых отцов, он возымел великую ревность преподавать и прочим православным на пользу через описание жизни тех святых отцов, в особенности те жития, которые не были еще записаны или с другими книгами были уничтожены во время нестроений и войн, часто случавшихся тогда на Руси.

Поэтому он тщательно разыскивал, кто был свидетелем или до кого дошли верные слухи о каком-нибудь Печерском чуде, и все это, как премудрая пчела, собирал вместе и так (возвращаясь снова к прежним сравнениям) просветил нас опять светом солнечным, лунным и звездным. Ибо он написал нам о чудесах преподобного Антония – светозарного солнца, о чудотворном оковании раки преподобного Феодосия – луны совершенной и, кроме того, сказание о святой небоподобной церкви Печерской, которой престол воистину, как солнце и как совершенная луна – все это, первоначально написанное преподобным Нестором, помещено в первой части этого Патерика. Также он рассказал для записи преподобному Поликарпу много житий древнейших святых черноризцев Печерских, светящихся, как звезды, которые помещены во

второй части этого Патерика. Потом же сам описал тому же Поликарпу с Божественным наставлением звездоносные добродетели и чудеса прочих преподобных. Известно же из писания его, что он имел великую любовь и веру к Пресвятой Богородице и к преподобным отцам Антонию и Феодосию Печерским, так что ему казалось, что он неотлучно живет в пещере; потому что только телом он жил в епархии, душой же и умом всегда обитал с преподобными. И поистине, как Симон Петр более ревностно, чем другие, любил самого Господа, – так и этот, носивший его имя, святой пастырь явился ревностно, больше других любящим Пресвятую Богородицу и обитель Ее Печерскую. И можно было при жизни его видеть великое знамение на небе Печерском, что Жена, Невеста Невестная, Пресвятая Богородица, имела под ногами Своими не только свет лунный, но и звездный, и солнечный. Ибо этот добрый пастырь, который светился добрыми делами (как мы говорили) и как звезда, и как солнце, не только как луна, являл такое смирение, что он, будучи епископом, писал в послании своем: «О, если б можно мне было быть пометаемым в Печерском святом монастыре и попираемым ногами!...» – как подробнее это видно из его послания.

Много потрудился этот добрый пастырь, насыщая овец своих не смертной какой пищей, но ведущей к жизни – предлагая им жития святых Печерских, и жизнью своей и в книгах своих. И, пробыв двенадцать лет на пастырском престоле, отошел к пастырям, сидящим на двенадцати престолах, и к Самому Начальнику пастырей Иисусу принять неувядаемый венец заслуженной им славы, как звезда, луна и солнце. Честное же его тело, по желанию, высказанному в послании к блаженному Поликарпу и по вере его и любви к преподобным, положено в пещере, где и доныне пребывает в неувядаемом нетлении, в честь, славу и хвалу Богу, Единому в Троице, Отцу и Сыну и святому Духу, ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Житие преподобного отца нашего Поликарпа, архимандрита Печерского

6 августа (24 июля)

Он написал жития святых и преподобных отцов наших Печерских, переданные блаженным епископом Симоном и помещенные во второй части этого Патерика.

Многоплоден – как показывает его имя и плодоносные его добродетели – был блаженный и достохвальный Поликарп, потому что он приобрел причину многоплодия, на которую указал небесный Делатель, говоря: *«Если пшеничное зерно, падши в землю, умрет, то принесет много плода»* (Ин. 12:24) и еще: *«Кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода»* (Ин. 15:5). Этот блаженный, вменив в прах преходящую славу этого мира и приняв святой ангельский иноческий образ в монастыре, прославившемся пещерами, стал, как в хорошо вспаханной земле, умерщвлять всячески постническими подвигами тело свое, как зерно, и духом весь был в Боге. Итак, сотворил он много прекрасных плодов покаяния и явил на себе все духовные плоды – нелицемерную любовь к Богу и братии, радость непорочной совести, мир по победе над страстями, долготерпение в напастях и скорбях,

благость и покорность ко всем, милосердие и сострадание к бедным, несомненную веру в послушании заповедям, истинную в исполнении обетов, кротость в неведении гнева, воздержание в лишении себя многих сладких блюд и питий, и всех похотей телесных. Все эти плоды возрастил Бог в этом блаженном Поликарпе, а насадил святой Симон, епископ Владимирский и Суздальский. Он, будучи ему родственником по плоти, не хотел, чтобы тот и духом удалялся от него, но, как добрый корень, старался, чтоб и отрасль от него была добрая. Поэтому, когда он сам из Печерского святого монастыря был взят на престол епископии Владимирской и Суздальской, туда же взял и блаженного Поликарпа. Там, поощряя его к подражанию добродетельному житию, говорил ему о душеполезных преданиях, которые он сам узнал из рассказов или из чтения о прежних святых блаженных черноризцев Печерских; как жестоко они потрудились и угодили Богу, так что и здесь просияли чудотворным нетлением мощей своих в знамение полученного ими на небе нетленного венца. Блаженный же Поликарп, подготовив землю сердца своего послушанием, и на ней восприняв семена отеческого поучения, сделал труды учителя во сто раз плодоносными. Но не только он сам был многоплоден в добродетели, но и во всех правочерных желал вкоренить то же плодоносие. Поэтому то, что слышал он от блаженного епископа Симона о богоугодном подвижничестве тех преподобных Печерских отцов, то старался он записать на пользу и прочим спасающимся. И, находясь при том блаженном муже, описал в послании своем к блаженному Акиндину, архимандриту Печерскому, дивные жития многих святых, которые помещены во второй части этого Патерика.

Если впоследствии блаженный Поликарп и удалился телом от отца и наставника своего Симона, когда от его кафедры возвратился снова в свой Печерский монастырь, но добродетелями он был недалеко от того святого мужа, ибо, вкоренив глубоко в сердце прежние поучения его, старался хранить и возвращать их в себе. И святой Симон опять не переставал и здесь поучать его, посещая его посланиями

своими, исполненными боговдохновенных наставлений и многих примеров добродетелей Печерских святых.

Имея эти послания всегда пред глазами своими, блаженный Поликарп вписывал на скрижалях сердца своего все слова отеческие, прочитывал их умом, исполнял же делом; и так, подвизаясь жестоко, возвысился в добродетелях.

Когда же блаженный Акиндин, архимандрит Печерский, богоугодно и мудро пасший стадо Христово, достиг глубокой старости и, по долговременных трудах, преселился к Господу на вечный покой, тогда в богоизбранном лике святых братий не было другого старейшего и искуснейшего в иноческих подвигах, как Поликарп. Потому этого святого, как достойного и способного держать кормило начальствования святой великой Лавры Богородицы и преподобных отцов наших Антония и Феодосия Печерских, единогласно и единодушно весь полк добрых воинов Христовых избрал себе предводителем и наставником, при великом князе Киевском Ростиславе Мстиславиче, при митрополите Иоанне, третьем этого имени, который был третьим после митрополита Клима, освященного главой святого Климента.

Приняв начальство во святой великой Печерской Лавре, блаженный Поликарп усердно старался сохранить все уставы монастырские, переданные преподобным Феодосием, не прибавляя ничего чужого. И явился он искусным наставником к спасению, таким именно истовым, какого требовала та чудотворная Лавра, которая им красовалась. Везде проходила слава о благочинии ее при управлении блаженного Поликарпа. И многие из благородных и державных князей, пользуясь его советами, были возбуждаемы им ко многим добродетелям, так что оставляли знаменитые престолы, чтобы сожительствовать с ним. Такой известный случай был с упомянутым выше приснопамятным князем Киевским Ростиславом Мстиславичем. Этот христолюбец, много получая духовной пользы от добродетелей этого святого, приучил себя к такой добродетели: в святой великий пост всякую субботу и воскресение он сажал у себя за обедом двенадцать Печерских черноризцев, тринадцатым же – архимандрита святого Поликарпа и, напивав

их, отпускал одаренными. Сам он еженедельно приобщался Божественных Тайн, обливая лицо свое слезами, со многими стонами и сердечными воздыханиями, так что все, видящие его в таком умилении, не могли удержаться от слез. Когда же кончался уже святой великий пост, тогда тот же христоробивый князь в Лазареву субботу созывал всех святых Печерских и святолепных старцев, просиявших постом, и, достойно угостив всех и подав милостыню, отпускал с честью. Также и ото всех монастырей сзывал он и угощал братию, но особенно заботился он о братии Печерской. Он очень любил добродетельную жизнь как их самих, так, в особенности, блаженного наставника их Поликарпа, во всем подражавшего самим первоначальным наставникам, Антонию и Феодосию Печерским. Поэтому часто просил он этого святого принять его иноком в свой монастырь; но святой Поликарп говорил ему: «Князь благочестивый, Бог повелел вам жить так: творить правду, судить праведным судом и неизменно стоять в крестном целовании». Князь же Ростислав отвечал ему: «Отче святой, княжение в этом мире не может быть без греха и уже измучило и изнурило меня своими вседневными печальями; хотел бы я хоть немного в старости моей послужить Богу и поревновать таким князьям и царям, которые, пройдя узкий и прискорбный путь, получили Царство Небесное. Слышал я о желании великого в царях Константина, уже с небес явившегося одному из старцев и сказавшего: „Если б я знал, какую великую честь получает чин иноческий, что огненными крылами они невозбранно взлетают к престолу Владыки, я снял бы с себя венец и царскую багряницу и облекся бы в иноческие одежды“». Услышав это, блаженный Поликарп сказал: «Христоробивый князь, если желаешь этого от сердца – то да будет воля Божия». Однако князь не успел выполнить своего желания; но, что воистину имел он сердечное к тому желание, побуждаемый добродетелями этого святого, доказал он так.

Когда разболелся он в Смоленске и приказал везти себя в Киев, сестра его Рогнеда, видя сильное изнеможение брата, умоляла его: «Останься здесь в Смоленске, и мы положим тебя здесь в созданной нами церкви». Он же отвечал ей: «Не

делайте этого; но если у меня и нет сил, чтоб везли меня в Киев, и если Бог возьмет меня на пути, пусть положат тело мое в церкви, воздвигнутой отцом моим, – в монастыре святого Феодора. Если же Бог избавит меня от этой болезни и подаст мне здравие, то я обещаюсь быть иноком в Печерском святом монастыре при блаженном Поликарпе». Когда болезнь развилась в нем еще сильнее, и уже он был при смерти, он сказал иерею Симеону, своему духовному отцу: «Ты воздашь ответ Богу за то, что воспрепятствовал мне постричься от святого того мужа в Печерском монастыре, ибо я истинно желал того, и да не вменит мне Господь в грех, что не исполнил я обета». И так принял он блаженную кончину.

Началом и причиной столь великих добродетелей этого приснопамятного князя был пример подвижнического жития и боговдохновенной беседы преподобного отца нашего Поликарпа, достойно начальствовавшего при княжении его в святой чудотворной лавре Печерской. Не только братию, но и мирских христоименитых людей преподобный привлекал добрыми делами к подражанию себе, наставлял на путь покаяния и спасения и так благостно вел Богом врученную ему паству.

Он пожил довольно лет и в глубокой старости преставился Господу, в год от создания мира 6690, от Рождества Христова 1182, месяца июля в 24-й день, в праздник святых страстотерпцев князей Русских Бориса и Глеба. И, спрятавши тело его, погребли с честью со святыми отцами.

По смерти его было смятение в монастыре; после этого старца не могли избрать себе игумена. Ибо, хотя из блаженных бывших тогда старцев многие были достойны такого сана, но ни один не хотел принять его из-за смирения и безмолвия, считая лучшим для себя быть в повиновении и прилежать безмолвию, чтоб то сокровище добродетелей, которое приобрели многим трудом, не расточить теми заботами и смущениями, которые обыкновенно встречают начальствующие. И была великая скорбь среди братии, туга и печаль, потому что не подобало столь великому стаду ни одного часа быть без пастыря. Во вторник ударили в било, и вся братия собралась в

церковь и стали молиться о нужде своей – к Богу, Пресвятой Богородице и преподобным отцам Антонию и Феодосию, призывая в помощь доблестного подвижника, наставника своего, новопреставленного блаженного Поликарпа, и прося его, чтоб явил, угоден ли Богу, через то, что вымолит у Него для них указание на пастыря взамен себя. И случилось дивное дело – многими устами все сказали вместе: «Пойдем к Василию, благословенному иерею на Щекавицу, пусть он будет нам игумен и правит иноческим чином Печерского монастыря». И, придя, все поклонились Василию пресвитеру и сказали: «Мы, вся братия, иночествующая в Печерском монастыре, кланяемся тебе и хотим иметь тебя отцом и игуменом себе». Иерей же Василий в великом изумлении пал и поклонился им до земли, и сказал: «Отцы святые, я держал в сердце лишь иночество; зачем же вы имели в виду мою худость для игуменства». И долго отговаривался он, пока, уступив прилежным их просьбам, не дал им обещания. Они же, взяв его, пошли с ним в монастырь.

В пятницу пришел для пострижения этого Богом избранного Василия преосвященный митрополит Киевский Никифор и боголюбивые епископы Лаврентий Туровский и Николай Полоцкий, и все честные игумены, и постриг его преосвященный митрополит Никифор своей рукой, и стал он наставник и пастырь добрый инокам Печерского монастыря после блаженного Поликарпа. С помощью молитв его и подражая житию его, он был образцом всех добродетелей, во славу и честь небесному Наставнику и Начальнику пастырей Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу. Ему со Безначальным Его Отцом и с Пресвятым, Благим и Животворящим Духом подобает от всей твари непрестанное славословие и поклонение ныне и присно, и во веки веков, аминь.

Сказание об обретении честных мощей святой Иулиании девственницы

19 (6) июля

В дни блаженной памяти архимандрита Печерской Лавры Елисея Плетенецкого в Киеве скончалась девственница некая, которую хотели похоронить в Печерском монастыре. Стали копать гроб близ Печерской церкви Успения Пресвятой Богородицы, перед приделом святого Иоанна Предтечи. И вот, копающие неожиданно нашли честные мощи святой Богоугодной княжны Иулиании, почивающие в нетлении. Умершая лежала как будто живая – уснувшая; тело ее было благообразно и бело. Почившая была одета в многоценную, украшенную шелковыми и золототкаными обложениями одежду; на шее были надеты золотые гривны со многими бисерами, на руках золотые драгоценные кольца, на голове ее девический золотой венец с бисерами; в ушах были золотые серьги, украшенные золотыми бисерами и драгоценными камнями. Лежала она при церковной стене, головой на юг и ногами на север. Над ракой ее был положен камень, на котором было начертано знамя или герб благочестивых князей Ольшанских. На самой же раке прибита серебрянная, позолоченная дощечка,

на ней изображен герб, а под ним надпись: «Иулиания, княжна Ольшанская, дочь князя Григория Ольшанского, преставившаяся девой, в лето от рождения своего 16-ое». Все ее одеяние казалось совершенно новым, словно никто не прикасался к нему. Святые эти мощи были положены в церкви Печерской. Прошло немного времени, когда митрополитом Киевским и архимандритом Печерским был преосвященный отец Петр Могила, явилась ему в чудесном видении эта святая Богоугодная княжна Иулиания, обличая за небрежение ее святых мощей и за маловерие к ним (после обретения мощи были оставлены без достойного украшения, им не воздавали почитания). Тогда тот ревностный пастырь повелел немедленно искусным и благочестивым девственницам иноческого чина приготовить для святых мощей достойные одеяния и благолепную утварь. По его повелению также была сделана новая рака, в которую и были положены благочинно святые мощи; они были торжественно перенесены в иное место. Облекшись в святительские одежды и созвав весь освященный собор, Петр Могила совершил праздничное моление и пение, с благодарением Богу и Богородице и преподобным отцам Печерским за явление честных мощей святой девственницы. С тех пор эти мощи оказывают помощь всякому, кто с благоговением и верой притекает к ним. Сохранился следующий рассказ о чуде, бывшем от святых мощей.

Однажды прибыл в монастырь некий человек. Архимандритом монастыря был в то время Елисей Плетенецкий. Кто был прибывший – не знали. Как оказалось потом, он был еретик, последователь Ария, по имени Василий. Притворившись верующим и приняв внешний вид благоговения, он явился в монастырь, будто бы с целью посетить святые места и поклониться чудотворным мощам святых Печерских угодников. Он вошел дерзновенно в великую Печерскую церковь. Скрывая свое лукавство, он обратился к диакону Ливерию, в то время эклесиарху, с просьбой открыть ему раку блаженной княжны Иулиании. Лицемерный пришелец выражал при этом желание поклониться тем мощам. Просьба его была исполнена; он начал лицемерно кланяться. Но вот эклесиарх на

время отлучился. Богомерзкий лстец тогда и решился привести в исполнение задуманное им. Приступив к честным мощам святой Иулиании и как бы усердно лобызая их, он ухитрился снять драгоценный перстень с перста правой руки святой княжны. Совершив кражу и, радуясь приобретению, похититель стал выходить из церкви. Едва только он ступил за церковную дверь, как внезапно взбесился; с ним произошел страшный припадок беснования; он упал на камень и стал кричать, как неистовый вол, и болезненно метался во все стороны. В таких мучениях святотатец вскоре и испустил дух. Эклесиарх, ужаснувшись, известил об этом архимандрита. Тотчас тот явился с братией; все дивились внезапной и страшной кончине пришельца. Желая узнать причину такового события, игумен приказал внимательно осмотреть умершего: нет ли при нем какой-либо похищенной церковной вещи. Его осмотрели и в пазухе нашли перстень. Архимандрит спросил эклесиарха: откуда мог быть этот перстень? Тот посмотрел, посчитал и нашел на всех иконах все в целости. Тогда ему пришло на мысль открыть раку святой Иулиании. Он припомнил, что умерший внезапно особенно прилежно молился и прикладывался к честным мощам девственницы. И вот, когда он открыл раку и осмотрел ее, то тотчас же убедился, что перстень снят с перста правой руки святой Иулиании. Об этом возведено было настоятелю. Когда это происходило, пришел случайно к церкви благоверный муж Варфоломей. Взглянув на бездушно лежащего, он тотчас узнал его, назвал по имени и рассказал о его роде и происхождении. Архимандрит после этого приказал похищенный перстень для большей похвалы того чуда приложить к иконе Пресвятой Богородицы между прочими священными утварями. А святотатца и грешника повелел предать погребению вне монастыря. Благодаря такому чуду, все убедились и уверились в святости и богоугождении девственницы Иулиании.

О святости княжны Иулиании свидетельствует еще и следующее обстоятельство. Однажды Феодосий Сафонович, игумен монастыря святого Архистратига Михаила, Киевского Златоверхого, нарочито пришел в обитель Печерскую.

Он обратился к епископу с просьбой: открыть ему мощи святой Иулиании. Игумен объяснял, что он никогда не удостоился поклониться им, а имел видение. После утреннего пения и выхода из церкви он немного уснул и вот, во сне явился в лучезарном свете лик многих святых дев. Одна из них, обратившись, сказала: «Я Иулиания, мощи которой лежат в святой Печерской церкви. Ты же почему вменяешь меня и мощи мои ни во что? Ради этого Господь и явил тебе знамение, дабы ты понял, что и я Господом Богом причтена к святым девам, угодившим Ему». С тех пор тот всечестной игумен, приходя в святую обитель Печерскую, никогда не забывал поклониться благочестиво, со всякими усердием, со смиренным и умиленным лобзанием нетленным мощам святой угодницы Божией Иулиании, ее святыми молитвами да и мы сподобимся быть причтены к лику угодивших Господу, хвалимому во святых Своих, аминь.

Сказание о чуде в пещере, бывшем во время Пасхи

Для удостоверения святости, общей всем святым преподобным и богоносным отцам нашим: не только тем, которых святолепные жития описаны в этой книге, но и прочим, гораздо более многочисленным, которых честные мощи нетленно почивают в тайне пещер, хорошо вспомнить нам здесь такое чудотворное знамение. В год от сотворения мира 6971, от Рождества же Христова 1463, при благочестивом князе Киевском Симеоне Александровиче Олельковиче и брате его, князе Михаиле, и блаженном архимандрите Печерском Николае, занимал должность начальника пещер один из братии, священноинок Дионисий, по прозванию Щепан. Он на Великий день вошел в пещеру преподобного Антония покадить тела усопших святых и пришел на место, называемое община или трапеза. Покадив тут, он сказал: «Святые отцы и братие, сегодня великий день: Христос воскрес!». И тут вдруг понесся ото всех мощей голос, как гром: «Воистину воскрес!»

Таким чудом те хранимые Господом смиренные кости, возрадовавшиеся и по смерти о Христе Боге живом, ясно подтвердили свою святость. И как они отвечали, что жив умерший Христос, так и голосом, который принадлежит живым, знаменовали, что они и по смерти достойны жизни. И поистине,

если их костям, находящимся во гробах, Христос воскресший дал жизнь, то это и свойственно этим людям, всячески умертвившим себя через равноангельные иноческие подвиги и погребшимся, подобно Ему, в жилищах пещерных, потому что «дарование Божие есть жизнь вечная», как говорит Апостол, истинную святыню имеем мы здесь в этих святых костях преподобных отцов наших, костях, которые сказали здесь о Христе «воистину воскресе» и сами воистину воскреснут на свет праведных, и там, вместе с праведными своими душами, созерцая всегда кость от костей своих в Том, Кто прекраснее всех сынов человеческих, воззовут: *«Господи, Господи, кто подобен Тебе?»* (Пс. 34:10), как предрек псалмопевец о костях.

Этой святыни да сподобимся и мы, исповедники ее, за молитвы преподобных отцов наших Печерских, которых мы кость от костей. И хотя здесь сходит греховная смерть, да не лишимся мы благодатной жизни и, по естественной смерти, получим с ними жизнь присносущной славы во Христе Иисусе, Господе нашем. Ему со Безначальным Его Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом подобает всякая слава, ныне и присно, и в бесконечные веки веков, аминь.

Сказание о мироточивых главах

Кроме светолепных тел, лежащих нетленно со всеми суставами в пещерах, и, кроме отдельных суставов, находятся мироточивые главы, о которых нам неизвестно, каких они людей, но что они принадлежат святым угодникам Божиим, мы должны тому верить по следующим причинам. Они, будучи сухи и не покрыты кожей, источают из себя сверхъестественным образом елей или миро, и миро непростое, но имеющее дарование исцеления недугов каждого, кто с верой приходит и помазывается тем миром. Если тот камень (Исх. 17:6), который некогда при прикосновении жезла Моисея, источил сверхъестественным образом простую воду, показав тем, что Моисей свят; и если та ослиная челюсть (Суд. 16:19), которой коснулась рука Самсона, тоже, источив простую воду, знаменовала тем благодать, бывшую в Самсоне, то сколь полнее эти главы, вопреки естества источающие непростое миро, но исцеляющее, показывают святость и благодать, действующую в тех угодниках Божиих, которых не жезл, не рука, но все тело и сама душа не случайно прикасалась к этим главам, но по естеству была соединена с ними и опять соединится. И мы без сомнения говорим, что эти чудотворные главы принадлежат святым и сами святы, как и честные мощи древнейших угодников Божиих – Николая Мирликийского, Димитрия Мироточивого и прочих – тех, что источают такое же миро, показывая, что принадлежат святым и сами святы. Елей

или миро таинственным образом есть знак любви, милосердия и мира; ибо все это Сам Бог издревле знаменовал нам – через сучек маслины, принесенный голубицей (Быт. 8:11); потому и Спаситель означил елеем пост, говоря: *«Ты же, постясь, помажь голову твою»* (Мф. 6:17). И Он, указывая на высшую мудрость, сказал: *«Мудрые девы взяли елей»*, как говорит и святой Апостол Иоанн: *«Вы имеете помазание от Святого и знаете все»* (1Ин. 2:20). И Сам Бог указывает, что всеми такими добродетелями просияли эти угодники Его, на главах которых являет нам этот святой елей. Поэтому снова скажем: Как елей помазывает на царство, дает свет светильникам, исцеляет больных, таким образом Сам Бог являет нам, что эти угодники Его, на главах которых мы видим елей, получили Царство Небесное, вошли в места светлые, почтили там, где нет болезни. И там, как истинные отрасли масличные, точащие елей, привиты к доброй маслине (Рим. 11:24), Христу Спасителю, имя Которого «разлитый елей или миро» (Песн. 1:2). И как говорит псалмопевец самому Христу: *«Возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал тебя, Боже, Бог Твой елеем радости»* (Пс. 44:8), так же и мы, собирая вместе все добродетели этих угодников Божиих, на главах коих видим елей, должны сказать каждому из них: «Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие, посему помазал тебя, угодник Божий, Бог твой елеем радости. Радости, потому что этот елей избавляет вас от болезни; радости, ибо исполняет вас на земле благодатью, на небе же славой вечной».

Но, рассказав об этих честных главах, должно нам положить венец настоящего дела, то есть окончить эту книгу житий святых преподобных отцов наших, подвизавшихся в Печерской обители Пречистой Богоматери, Которой достойно предложить венец из звезд. Сделаем это таким образом.

Некогда Бог вывел Авраама вон и сказал ему: *«Посмотри на небо и сочти звезды, если можешь счесть!»* (Быт. 15:5). Изводим и мы теперь богомудрого читателя от чтения житий этих святых, и что скажем ему? Скажем только: «Посмотри на небо и сочти звезды, если можешь счесть; посмотри, говорю, на пещеры, сочти положенных в них святых, если можешь

счесть; и не думай, что лишь столько есть житий и имен преподобных отцов наших Печерских, сколько ты найдешь в этой книге». Но, как мы говорили о святых мироточивых главах, о которых не знаем, чьи они, так же и целых нетленных тел святых, сияющих чудесами, находится в пещерах бесчисленное множество, как звезд. К ним свойственно применить слова Писания: *«Вот, вы ныне многочисленны, как звезды небесные»* (Втор. 1:10). Не только их жития, но и имена из-за различных нестроений и войн утаены от знания нашего или потому, что не были записаны, или книги расхищены. И только Сам Тот, Кто счел все множество звезд и всем им называл имена (Пс. 146:6), Он счел жития всех в книгах вечной жизни и изрек их имена. Но мы уповаем на Того, Кто сказал: *«Я есмь звезда светлая и утренняя»* (Откр. 22:16), что не до конца повелит Он быть утаенными тем нашим Печерским звездам, но *«осветит скрытое во мраке и обнаружит сердечные намерения»* (1Кор. 4:5), какими Сам знает судьбами.

Теперь же мы кое-что малое из многого, что могли извлечь от трудолюбивых наших русских «писателей», изложили. И эти уцелевшие рассказы да послужат на пользу правоверному христианскому роду, на прославление преподобным отцам нашим Печерским, на похвалу Покровительнице их и нашей Пресвятой Богородице.

Давшему же начать и помогшему довершить Началу и Концу, Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, со безначальным Его Отцом и с Пресвятым, и Благим, и Животворящим Поспешителем Духом да будет слава и хвала, и непрестанное благодарение ныне и всегда, и в бесконечные веки веков, аминь.

ОПИСАНИЯ ЖИТИЙ УГОДНИКОВ БОЖИИХ, ПОЧИВАЮЩИХ В ДАЛЬНИХ ПЕЩЕРАХ

Предисловие

Ни в одном из дошедших до нас Патериков преподобных отцов Печерских нет описания житий угодников Божиих, почивающих в Дальних пещерах; никто и не говорит, чтобы они кем-либо составлялись. Но что эти жизнеописания были, это несомненно (Словарь Исторический Российских святых. СПб., 1836 г. Предисловие). По преданию, в древние времена святые мощи в Дальних пещерах лежали не в гробах, а просто в нишах на досках. Эти ниши, где стоят и теперь гробы с мощами святых, закрывались тоже досками. На этих досках в нижней части, в лежащем положении, изображались лики преподобных Печерских, в середине вырезывались небольшие окна, чтобы чрез них поклонники могли прикладываться к святым мощам, а сверху надписывались чистым славянским наречием имена святых, коих были мощи, с кратким жизнеописанием святых. Без сомнения, эти краткие сказания о жизни и подвигах святых или взяты из полных жизнеописаний, или составлены по живому преданию. Если были жизнеописания полные, то они могли быть истреблены во время разных разорений Киева (Описание Киевской Лавры. Киев, 1847 г.). А надписи могли сохраниться вместе с мощами святых потому, что мощи с надписями скрывались в места, недоступные для неприятелей. Когда в мирное время постепенно открывались святые мощи, тогда открывались и надписи. Так в 1643 году никто не знал, есть ли в пещерах Дальних мощи священномученика Лукиана, хотя тогда и нужно было об этом знать, поскольку составлялась тогда служба преподобным отцам Дальних пещер. А когда отысканы были его святые мощи, тогда нашли при них и надпись, что святой Лукиан пострадал при нашествии Батыя и был пресвитером. В 1635 году Сильвестр Коссов, епископ Мстиславский, напечатал жизнеописания святых отец Ближних пещер. А в 1643 году прибыл в Киев иеромонах и протосингел Константинопольской Великой церкви Мелетий Сириг и составил службу преподобным отцам Дальних пещер (Описание Лавры). Надписи, бывшие над гробами, служили ему основанием при

составлении службы. Тогда же эти надписи были списаны и изложены иноками в особой рукописи славянопольским языком. Они могли несколько раз переписываться и изменяться при пояснениях или переводе слов, становившихся непонятными для современников, или просто по разумению переписчика. Но содержание этих кратких сказаний о святых отцах весьма схожи с тропарями канона им, составленного Мелетием. Совпадает также число (сорок), имена святых и их порядок: Лонгин, Игнатий, Силуан, Агафон, Зинон, Макарий, Ахила, Ипатий, Паисий, Меркурий, Лаврентий, Моисей, Иларион, Дионисий (о нем написано краткое сказание в Патерике), Арсений, Пимен, Афанасий, Сисой, Григорий, Павел, Леонтий, Геронтий, Нестор, Тит, Памво, Захария, Феодор, князь Острожский, Софроний, Панкратий, Аммон, Мардарий, Руф, Вениамин, Феофил, Мартирий диакон, Евфимий, Кассиан, Пиор, Пафнутий, Иосиф. То же должно сказать и о сходстве содержания надписей на досках и рукописных сказаний.

До начала XX столетия сохранилось только шесть досок, на которых остались изображения святых и краткое описание их подвигов: святого Лонгина вратаря, Агафона чудотворца, Арсения трудолюбивого, Вениамина, Тита воина и священномученика Лукиана. Шестая надпись, с известием о святой кончине Феофила, епископа Новгородского, имеется в вышеупомянутом описании Лавры. Но и этих надписей достаточно, чтобы увериться, что содержание их и содержание списков с них, и службы Мелетия одно и то же. Например, о преподобном воине в надписи говорится так: *«Преподобный Тит воин, бывши на брани, поражен бе во главу оружием, едва не смертне, и сего ради остави воинствование; мало нечто возмог, прииде в монастырь печерский, и прият быв от ту живущих преподобных отец, облечеса в чин иноческий, и доблестно подвизався постом и молитвами, – противу невидимых супостат вооружися; слезами же безпрестанными толику сниска благодать яко извещено бысть ему прежде смерти о отпущении грехов его. Посем преселися духом на небо к торжествующим ликом. Доброподвижное же тело его zde положенное почивает»*. В

славянопольском же сказании о нем написано: «Преподобный Тит воин, которому когда была на войне голова пробита, перестал воином быти и пришов в монастырь, и до смерти плакался грехов своих, аж было ему ознaiмено пред смертью, иже отпустит Господь Бог грехи его» (Рукописный словарь преподобных отцов Дальних пещер, в библиотеке Дальних пещер). Подобное говорится о нем и в каноне (смотри 5-й тропарь 5-й песни канона преподобным отцам Дальних пещер).

Современно надписям было, видимо, появление и другой Лаврской рукописи под названием «Тропари и кондаки святым отцам Дальних пещер». Содержание их соответствует надписям (Рукописный словарь). Большинство преподобных Дальних пещер подвизались в XI–XII столетии, когда затворничество еще более распространилось (История Русской Церкви Макария, епископа Винницкого. СПб., 1857 г.). Впрочем, в каноне и в кратких сказаниях не упоминается о святой Евфросинии, игумении Полоцкой, священномученике Лукиане, Анатолии, Мартирии затворнике и Феодоре молчаливом. Возможно, во время составления службы преподобным отцам Дальних пещер (в 1643 году) мощи этих святых, будучи скрыты, не были известны. По крайней мере, Кальнофойский в своей «Тератургиме» в 1638 году не упоминает о них. Также в 1643 году не было уже в Дальних пещерах святых мощей преподобных отцов Исидора, Евлогия и Даниила, о которых упоминает Кальнофойский. Вероятно, при нашествиях неприятельских, бывших с 1638 до 1688 года, мощи этих святых были где-нибудь скрыты, но потом не найдены (Описание Лавры). Для нас драгоценны и оставшиеся сведения о святых отцах Дальних пещер. Извлекаем и передаем здесь все, что сказано о них в поименованных нами: рукописной тетради тропарей и кондаков, издавна находившейся в библиотеке Дальних пещер, и в другом рукописном же сказании о жизни сорока святых Дальних пещер, которое мы принимаем за список с надписей надгробных досок, переданный славянопольским языком. Эти рукописи отысканы в библиотеках Ближних и Дальних пещер в 1850 году начальником Дальних пещер, иеромонахом Иннокентием, переплетены в одну книгу,

которая сохранялась в библиотеке Дальних пещер. Им же собраны и доски с надписями, еще не утраченные и лежавшие в разных местах, которые тоже сохранялись на Дальних пещерах. В «Тератургиме» Кальнофойского, в описании Киево-Печерской Лавры, в Печерском Патерике, в каноне преподобным Печерским, в «Киевском Сборнике 1840 года» собраны и сохранены также некоторые сведения о святых отцах Дальних пещер. Чтобы иметь некоторые сведения об угодниках Божиих Дальних пещер и доставить назидание другим, и были составлены эти «Краткие сказания о жизни и подвигах святых отцов Дальних пещер Киево-Печерской Лавры».

Преподобный Лонгин, вратарь Печерский

Преподобный отец наш Лонгин славился великим послушанием и святостью жизни. Усердно охраняя монастырские ворота, он всецело внимал движениям своего сердца. По его заботливости никакой враг не входил в святую обитель; тем более не входила в его сердце никакая суетная мысль или страсть. От врат земных он обращал душевное свое око к вратам небесным, к Царствию Божию, помышляя о том, как войти в него. Чтобы войти в небо, необходимо стяжать теснейшее единение с Господом, Который сказал: *«Аз есмь дверь; Мною аще кто внидет, спасется»* (Ин. 10:9). Это Божественное общение со Христом имел преподобный Лонгин. Благодать Божия, сущая в нем, обнаруживалась разными дарованиями и действиями духовными. Преподобный отец являл в себе дар прозорливости; ибо духовным своим оком видел дела и мысли входящих во святую обитель и исходящих из нее. Одобряя добродетельных в их добрых предприятиях и делах он возбуждал в них ревность к добродетельной жизни.

А обличая грешников в их грехах и угрожая им судом Божиим за неисправление, он приводил их к покаянию. В

глубокой старости он переселился ко Господу. Память его празднуется 29 (16 – ст.ст.) октября.

Преподобный Игнатий, архимандрит Печерский

Преподобный Игнатий от юности соблюдал себя в чистоте и непорочности. Принявши на себя иноческий чин, святой своей жизнью, кротостью и любовью ко всем он обратил на себя взоры всех. Братия по монашеству так любила и уважала его, что единогласно избрала его настоятелем, руководителем и пастырем иночествующих в Печерской обители. Но святой Игнатий, будучи выше других саном, не ослабевал в подвигах монашеских. Напротив, он превосходил братию и добродетелями – постом, молитвой и смирением. Его усердные молитвы и священнослужения чудотворно действовали на других. Болящие исцелялись его молитвой и даже одним вкушением просфоры, на которой он священнодействовал. Велика сила добродетельной святой жизни! Велика сила благоговейных священнодействий и веры, с которою принимаются святые просфоры! Достигши старости, преподобный Игнатий отошел ко Господу. Память его 2 января (20 декабря).

Преподобный Силуан схимник

Преподобный Силуан схимник ревностно заботился о чистоте душевной и телесной. Чтоб приобрести ее, он наблюдал великое воздержание в пище и питии. К постнической жизни он присовокуплял всегдашние ночные бдения и молитвы. Умертвив греховные движения своей плоти, он стяжал дерзновение к Богу, духовное веселие, прозорливость и дар чудотворения. Приобретение духовных дарований соответствовало его подвигам духовным. Сперва благодать Божья обильно исполняла его сердце и все существо его, а потом, подобно благовонному аромату, изливалась от него и на других. Назидательное слово его многих наставило на путь благочестия. А дар прозорливости и прозрения духовного мира показывал в нем угодника Божия. Вот пример его прозорливости. Он был хранителем монастырского сада. Однажды воры пришли ночью в сад красть овощи. Преподобный, бывший в то время в келии на молитве, провидел их приход и, чтобы довести их до сознания своего преступления, тотчас молитвой связал их на три дня, в продолжение которых они не могли двинуться со своего места. Приведши их этим в чувство раскаяния, он увещал их вести трудолюбивую жизнь и затем отпустил.

Прозрение святых мужей еще более относится к миру духовному. Есть бесплотные хищники – враги нашего спасения, старающиеся похитить духовные сокровища сердца, расстроить нашу благочестивую жизнь и сделать бесплодными все наши подвиги. Много нужно труда, чтобы приобрести прозрение всех вражиих козней и не допустить их обмануть нас. Кто очистил свою душу святой жизнью, тот получает дар Божий видеть и побеждать вражии козни. Этот дар прозрения имел и преподобный Силуан. И потому как сам избежал козней диавольских, так и других предостерегал от них. После долговременной многотрудной жизни он преставился ко Господу. Тело же его нетленное поживает в пещере. Память его празднуется 23 (10) июля.

Преподобный Агафон чудотворец

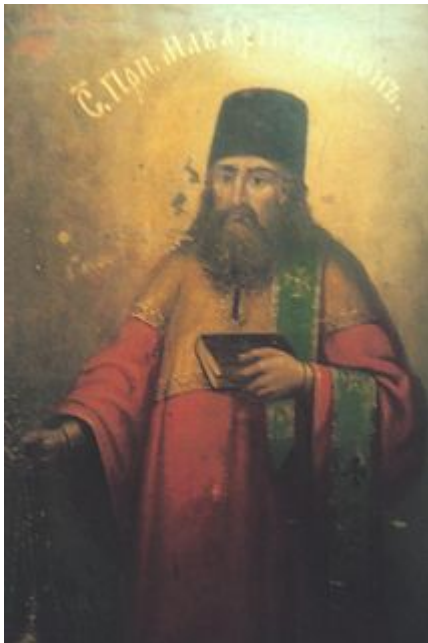
Преподобный Агафон, по имени своему (благой), имел и житие благое, исполненное многих добродетелей. Зная, что род человеческий лишился рая чрез снесь и невоздержание и что вновь входит в него постом, он отверг мирскую и суетную жизнь, и избрал жизнь постническую. Крепко подвизаясь против невидимых врагов, он победил все козни, все искушения и все их стрелы разженные: греховные вожделения плоти, нечистые желания сердца, мрачные и тревожные мысли, и приобрел спокойствие души, духовное просвещение ума и сердца, чистое созерцание духовного мира – Бога, Ангелов, будущего блаженства праведных, ясное познание истинного пути добродетелей, дар невозмутимой молитвы, целебные благодатные силы и дар пророчества. По словам древней надписи над его гробом, преподобный Агафон был совершенный угодник Божий, *яко пророк будущая возвеща; яко врач, возложением рук своих немощные исцеляя; яко свят, в небе со святыми во славе, телом же в нетлении с преподобными zde (в пещере) пребывая*. Провидев заранее кончину свою, он переселился ко Господу. Память его празднуется 5 марта (20 февраля).

Преподобный Зинов постник

Преподобный Зинов, постник и трудолюбец, многими подвигами добродетельного иноческого жития – постом, молитвами, смирением, послушанием – благоугодил Богу и преставился душою на небо, а телом в пещере нетленно почивая, всем приходящим бывает скорый помощник ко спасению. Память его местно празднуется 12 февраля (30 января).

Преподобный Макарий диакон

Преподобный отец наш Макарий диакон, небесному блаженству тезоименитый, еще от юности избран был Богом на служение Ему и призван к безмолвному иноческому житию. В юном возрасте, оставляя детские игры и шутки, он казался мужем совершенным, любил молчание и был воздержан в пище. Промысл Божий привел его в Печерский монастырь следующим образом: однажды в детстве Макарий заболел. Родители отрока, испытав, что врачи не могут исцелить его, возложив все упование на Бога, обещали принести Ему свое дитя, как чистую жертву, отдав на служение Господу и Пречистой Деве Богородице в Печерский монастырь, если он исцелится. Милосердный Господь, услышав молитвы родителей, чудесным образом дал здоровье больному Макарию. По его выздоровлении родители его исполнили свой обет и отдали его в Печерский монастырь. Преподобные отцы, видя кротость и смирение отрока Макария, возлюбили его и научили грамоте и всякой иноческой добродетели. Придя в возраст и сподобившись иноческого чина и диаконства, он возымел великое усердие ко храму Божьему, постоянно упражнялся в богомыслии, в чтении Божественных

книг и молитве, за что сподобился от Бога дара чудотворения.
Память его совершается 1 февраля (19 января).

Преподобный Ахила диакон

Преподобный отец наш Ахила диакон, возлюбив от младенчества постническую жизнь и отвергшись мира, пришел в Печерский монастырь, чтобы здесь угодить Господу. Приняв на себя ангельский образ, он проходил тесный путь иночества с великим терпением, послушанием и смирением. Воздержанием своим в пище и питии он превосходил многих подвижников. Ибо он не вкушал ни сладкой, ни вареной пищи. Зелие же употреблял он весьма редко, и то в малом количестве. Обыкновенно его пищей была одна просфора в неделю. За такую постническую жизнь Господь сподобил его вечного блаженства со святыми. Память его празднуется 17 (4) января.

Преподобный Ипатий целебник

Преподобный отец наш Ипатий целебник непрестанно весь день трудился на послушании монастырском, всю же ночь стоял на молитве, весьма редко давая себе уснуть. Вкушал он один хлеб и воду в малом количестве, и поскольку служил святым отцам в их болезнях, то и сам сподобился исцелять болезни чрез возложение рук на больных. И теперь, кто прибегает с верой в своих болезнях к его мощам, получает исцеление. Память его празднуется 13 апреля (31 марта).

Преподобные отцы Паисий и Меркурий

Преподобные отцы Паисий и Меркурий, живя между собой в неразлучной братской любви и единомыслии, просили непрестанно Бога, чтобы Он никогда их не разлучал ни в сей, ни в будущей жизни. И дал им Господь по молитве их. На земле они жили в одной келии и по смерти были положены в одном гробе, и на небе наслаждаются одной радостью вместе со

Христом. Память их совершается: Паисию 1 августа (19 июля), Меркурию 17 (4) ноября.

Преподобный Лаврентий затворник

Преподобный Лаврентий затворник, возненавидев прелесть и суету мира, восхотел жить в темной пещере, чтобы в ней постом и непрестанною молитвою прогнать тьму страстей и достигнуть общения с Богом. Чего он и достиг, переселившись душою на небо, а нетленное свое тело оставив в пещере. Память его 2 февраля (20 января).

Преподобный Моисей чудотворец

Преподобный Моисей чудотворец, желая совершенно посвятить себя Богу и предстать чистым на всеобщий суд, умерщвлял тело свое и очищал душу свою молитвой и постом. Кроме того, он сделал собственными руками из железа пояс и крест и носил их на своем теле. Псалмопение и бесчисленные коленопреклонения были любимым его подвигом. Подвизаясь таким образом, он просветился душой и на земле сподобился дара чудотворения, а на небе – блаженства вечного. Память его 10 августа (28 июля).

Преподобный Иларион схимник

Есть мнение, что святой Иларион схимник, мощи которого нетленно почивают в Дальних пещерах, есть пятый митрополит Киевский Иларион, в 1051 году произведенный в митрополиты Собором русских епископов по желанию великого князя Ярослава Владимировича и управлявший Русской Церковью, по одним сведениям до 1055 года, а по другим – 1067 года. И в каталоге Российских архиереев новгородской Софийской библиотеки говорится об Иларионе, что он *положен был в Печерском монастыре и крайней ради его добродетели был свят и чудотворец предивен*, и в некоторых других рукописях он называется святым, даже в каноне преподобным отцам Ближних пещер имя митрополита Илариона поставлено в ряду с именами Михаила и иных святителей. Другие утверждают, что преподобный Иларион схимник есть тот самый монах Иларион, *ниже по вся дни и нощи писалше книги в кельи преподобного отца нашего Феодосия, оному псалтырь поюще усты тихо, руками же прядущу волну, или ино что делающе*. Доказательством этому, по-видимому, служит и сравнение предания об Иларионе схимнике, записанного в кратком жизнеописании, с тем, что говорится о монахе Иларионе в

житии преподобного Феодосия. В кратком рукописном жизнеописании вот как говорится о нем: *Преподобный Иларион схимник такового воздержания был, иже в тыждень раз только и то мало едал, ревнуючи преподобному Феодосию, бо и сожитель его был, молитв же и молений много день и ночь с коленопреклонением и слезами творящи, угодил Господу Богу, и телом зостае в пещере, а духом в небе, и молит Господа Бога за всех, которые кланяются мощем его святым.* В житии же преподобного Феодосия повествуется еще, что упомянутый Иларион открывался преподобному Нестору, как искушали его бесы и как преподобный Феодосий часто увещевал его терпеть эти искушения и своими молитвами избавил его от них. Говорят также, что в святцах XIII и XIV веков нет имени митрополита Илариона. Но предание о сожитии Илариона схимника с преподобным Феодосием, очевидно, взято из жития преподобного Феодосия, а заимствовавшие это сказание могли не знать, что Иларион схимник был митрополитом. Они могли не знать, что митрополит Иларион погребен в Печерском древнем монастыре, или, что все равно, в Дальних пещерах, могли не знать, что он был *свят и чудотворец предивен*, а знали только мощи святого чудотворца Илариона, которые от древних времен чтились и хранились. В древних святцах имени митрополита Илариона не было потому, почему не было и других имен преподобных отцов Дальних пещер. Их имена доселе не помещены в святцах. Они чтились местно. И святые мощи преподобного Ефрема, епископа Переяславского, долгое время считались святыми мощами просто преподобного Ефрема. То же самое было и со святыми мощами Михаила, первого митрополита Киевского. Будучи перенесены из Десятинной церкви в Антониеву пещеру в 1103 году, они оставались там в неизвестности до 1730 года, когда они были перенесены в большую Лаврскую церковь. В древности все святители погребались по чину монашескому, часто они принимали на себя схиму, и потому удобно имена их могли быть смешиваемы с именами других святых иноков, не имевших епископского сана. Митрополит Иларион принял монашество от

преподобного Антония, как сказано в его житии (Житие преподобного Антония. Киев, 1825 г.), и, если он скончался в 1067 году, приняв на себя схиму, то мог быть сожителем преподобного Феодосия, который до кончины Антония, или до 1073 года был строителем ветхого Печерского монастыря, или нынешних Дальних пещер. Митрополит Иларион мог отказаться от управления паствой прежде своей кончины, чтобы остальные свои дни жизни провести в иноческих подвигах там, куда он удалялся на молитву, когда был еще священником села Берестово, и где он принял монашество – в Дальних пещерах. Потому представляется вероятным мнение, что святые мощи преподобного Илариона схимника суть действительно мощи святого митрополита Илариона. Память его 3 ноября (21 октября).

Преподобный Арсений трудолюбивый

Преподобный Арсений назван трудолюбивым потому, что днем и ночью никто никогда не видел его в праздности. Он всегда что-нибудь делал: или молился, или послушание монастырское исполнял, и до захождения солнца никогда не употреблял пищи. За эти труды он в сей жизни получил дар чудотворения от Бога, по смерти же его душа обитает на небе со святыми, а тело его почивает нетленным в пещере. Память его празднуется 21 (8) мая.

Преподобный Пимен постник

Преподобный Пимен постник подвизался в Печерском монастыре при игуменах Никоне и Иоанне. Он имел такую благодать, что один раз в седмицу вкушал пищу, и то в малом количестве, и, непрестанно исполняя монастырское послушание, никогда не ослабевал от трудов и поста. Днем он молот муку в жерновах, носил на себе дрова для братии, а ночью подвизался в молитвах. За такие труды сподобился получить вечное блаженство. Память его 20 (7) августа.

Преподобный Афанасий затворник

Преподобный Афанасий затворник, желая не видеть суеты и прелести мира сего и в безмолвии угодить Богу, затворил себя в пещере, и там непрестанно пребывал в молитве. По многих трудах и подвигах духовных он предал дух свой Богу, его нетленное тело почивает в пещере и подает исцеление всем с верой к нему приходящим. Память его 15 (2) декабря.

Преподобный Сисой схимник

Преподобный Сисой схимник проводил пещерную жизнь свою в великих постнических трудах. Его воздержанию удивлялись все знавшие его. Он победил все страсти плоти и духа и приобрел великую благодать от Бога. Проведя всю жизнь свою в подвигах иночества, он задолго до смерти предвидел свою кончину. Память его 19 (6) июля.

Преподобный Григорий чудотворец

Преподобный Григорий чудотворец прославился особенно подвигом воздержания и поста. Пищей ему во всю жизнь служило невареное зелие, а питием – вода. Ночь проводил он в молитвах. За такие подвиги он сподобился от Бога дара чудотворения. Все недужные, приходящие к нему с верой, вкушая зелие, которым он питался, получали исцеление. Память его 21 (8) января.

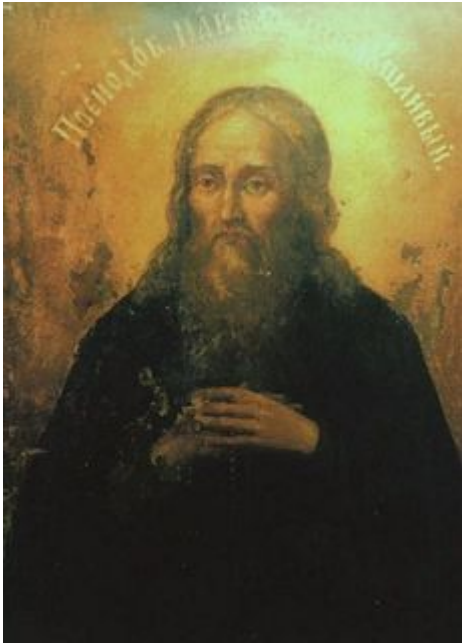
Преподобные Леонтий и Геронтий, канонархи Печерские

Преподобные Леонтий и Геронтий были канонархами в великой церкви Печерской, и еще в отрочестве приняв иноческий образ, благоугождали Господу всегдашними молитвами и воздержанием, уподобляясь совершенным святым

отцам в подвигах молитвы и послушания. Память Леонтия 1 июля (18 июня), Геронтия 14 (1) апреля.

Преподобный Павел послушливый

Преподобный Павел послушливый по принятии на себя иноческого образа в Печерском монастыре, безропотно исполнял все послушания, каких требовал от него настоятель, и никогда не был в праздности. Если оставалось у него время после исполнения монастырского послушания, то он или молился Богу, или молот в жерновах. Память его 23 (10) сентября.

Преподобный Нестор некижный

Преподобный Нестор некижный назван так для отличия от Нестора, который назван летописцем, и мощи которого почивают в Ближних пещерах. Оставивши мир и мирские заботы, Нестор некижный так усердно служил Господу, что, слушая богослужения, никогда не воздремал, а, молясь, всегда старался мыслить только о Боге и о том, что устами произносил пред Богом. Совершенствуясь в подвигах благочестия, он удостоился такого дара, что во время молитвы и богослужения видел Ангелов и Самого Господа Иисуса Христа, и предузнал день смерти своей. Память его 10 ноября (28 октября).

Преподобный Тит воин

Преподобный Тит был сперва воином и отличался мужеством в сражении с неприятелем. В одной из битв он был ранен в голову. Болезнь заставила его отказаться от воинской службы. Он принял иночество в Печерском монастыре, где всю остальную жизнь оплакивал грехи свои и пред смертью получил от Бога извещение о прощении их. Память его 12 марта (27 февраля).

Преподобный Памво, послушливый и затворник

Преподобный Памво, находясь на монастырском послушании, был пленен язычниками и в узах много от них страдал за веру, не соглашаясь отречься от Христа. Он говорил им: «Ваши боги прокляты, а я верую во Христа, истинного Бога, Который сотворил небо и землю. Он – Господь, един истинный, всемогущий, Он и меня избавит от рук ваших молитвами святых Печерских». И действительно, по его предречению, Ангел Божий, освободивши его от уз, восхитил от плена и принес здорового в келию. Память его 31 (18) июля.

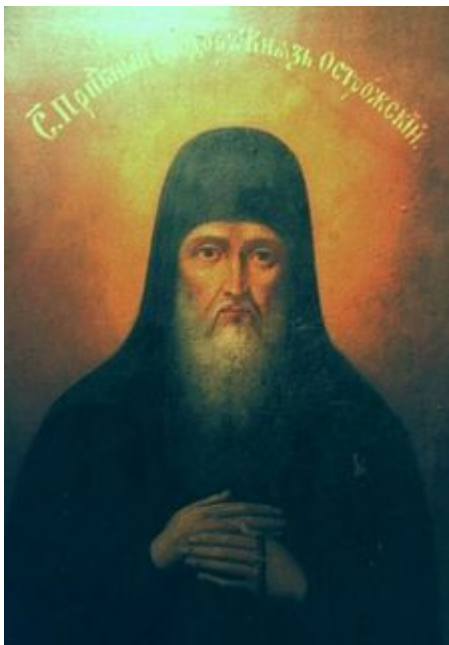
Преподобный Захария постник

В монастыре Печерском есть следующее сказание о Захарии, иноке Печерском. Во время игуменства блаженного Никона два мужа киевских, Сергей и Иоанн, однажды, молясь пред явленной чудотворной иконой Пресвятой Богородицы, увидели исходящий от нее великий свет и тотчас положили заключить между собой духовное братство. Иоанн пред смертью своей вручил Сергию сына своего Захарию и тысячу гривен серебра и сто гривен золота с тем, чтобы серебро и золото он отдал Захарии, когда тот придет в совершенный возраст. Захария, достигши пятнадцатилетнего возраста, просил у Сергея своего наследства, но тот отвечал, что его отец, Иоанн, раздал все имение свое нищим, а ему не оставил ничего. Захария просил дать хоть половину или, по крайней мере, третью часть оставленного ему отцом имущества, но Сергей с укоризною ему отказал в этом. «Если ты не взял ничего из имения моего отца, — сказал юноша, — то иди и клянись мне в церкви Печерской пред чудотворной иконой Пресвятой Богородицы, где ты заключил союз братолюбия с моим отцом». Сергей пришел в церковь и, ставши пред иконой Богородицы, с клятвой сказал, что он не брал ни тысячи гривен

серебра, ни ста гривен золота. Но Богоматерь наказала его за ложную клятву. Он не мог приблизиться к святой иконе, чтобы облобызать ее. А исходя из церковных дверей, вдруг начал взывать: «Преподобные отцы Антоние и Феодосие, не велите погубить меня сему немилостивому Ангелу, молитесь ко Пресвятой Госпоже Богородице, да отгонит от меня многих бесов, которым я предан, пусть возьмут серебро и золото, запечатанные в моем доме». И все бывшие здесь пришли в страх. Посланные же принесли запечатанный ящик и, открывши, нашли в нем две тысячи гривен серебра и двести гривен золота – вдвое против прежнего. Тогда Захария, отдав деньги бывшему в то время игуменом Иоанну, просил, чтобы он употребил их как хочет, а сам принял иноческий образ и скончался в Печерском монастыре. Рукописное же краткое жизнеописание и тропарь ему в каноне доканчивают это сказание тем, что Захария, по пострижении в монашество, положил себе за правило до смерти не есть ничего – ни печеного, ни вареного, и питался всякий день по захождении солнца малым количеством зелия. Он был так страшен для бесов, что они боялись даже его имени. Часто видел он Ангелов, с которыми по смерти сподобился жить на небе вечно. Память его 6 апреля (24 марта).

Преподобный Феодор, князь Острожский

Преподобный Феодор, отчеством Данилович, князь Острожский, один из потомков князя Даниила Галицкого, жил в первой половине XV века и отличался ревностью к защите Православия. В это время великое княжество Литовское находилось в упорной борьбе с Польшей. Витовт, двоюродный брат польского короля Владислава Ягелла, опасаясь, чтобы митрополиты всея Руси, жившие со времен Петра постоянно в Москве, своим влиянием не установили братского единодушия между Литовско–Русскими и Московскими землями, опасного для Литовского правления, поспешил установить для своих земель митрополию, отдельную от Московской. Но еще более он старался прервать всякую политическую связь Литовского княжества с короной Польской. По смерти его, Свидригайло, родной брат Ягелла, следовал его примеру. Для Православия было полезным не иметь никакой зависимости от Польши, поэтому-то и Феодор, князь Острожский, помогал Свидригайлу против Польши, и весьма прославился в этой борьбе. Усилил свои дружины наемными валохами и татарами, Феодор мужественно действовал против Жигмонта Кейстуговича, которого Польша противопоставила Свидригайлу. В 1432 году

он овладел замком Смотричем в Подолье и подчинил Свидригайловой власти Луцк, главный из городов Волынских. Вслед за тем разбил он наголову и взял в плен Бучацкого, старосту Каменецкой крепости, и опустошил окрестности Бреста Литовского. Передавши княжеский престол и славу сыну своему Василию, Феодор, по сказанию краткого рукописного жизнеописания, принял в Печерском монастыре святое иночество и, усердно подвизаясь о своем спасении и благоугождении Богу, украсил душу свою всеми добродетелями. Память его 24 (11) августа.

Преподобный Софроний затворник

Преподобный Софроний, затворивши себя в темной пещере, ежедневно прочитывал всю Псалтирь и всегда носил на себе власяницу и пояс железный. Память его 24 (11) мая.

Преподобный Панкратий иеромонах

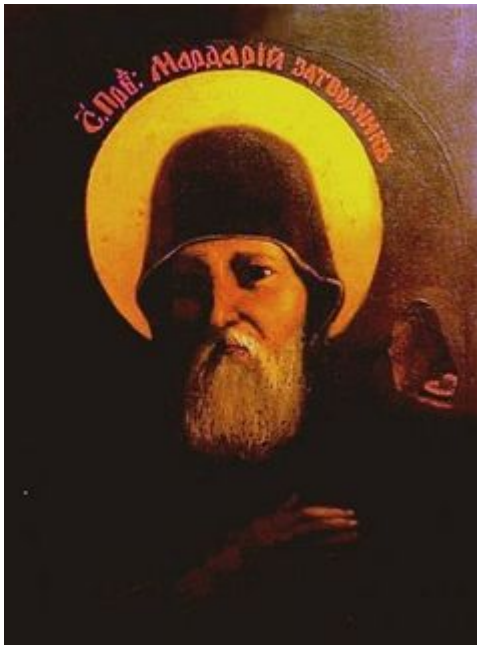
Преподобный Панкратий иеромонах, священствуя Вышнему в преподобии и правде, обогатился чудотворными дарами и от них неоскудно подавал помощь требующим; молитвой и помазанием елеем исцелял он болящих. Память его 22 (9) февраля.

Преподобный Аммон затворник

Преподобный Аммон, по благословению игумена, странствовал во Святую Афонскую Гору и во Иерусалим, ревнуя житию святых великих отцов. По возвращении своем он жил так благочестиво и свято, что даже старцы брали его себе за образец в иноческой жизни. Святой Аммон любил нищету и заботился о приобретении нетленных богатств на небе. Затворившись в пещере, своими подвигами он поправил все вражьи коварства. Преставившись душой ко Господу, обрел в Нем вечный покой, тело же его святое положено здесь в пещере. Память его 17 (4) октября.

Преподобный Мардарий затворник, нестяжатель

Преподобный Мардарий, сделавшись иноком, старался быть совершеннейшим не только в постах, молитвах, послушании и других добродетелях, но и в нестяжании и нищете. Он не имел ни одной собственной вещи, кроме одеяния, которое на себе носил. В довершение своих подвигов он затворился в тесной пещере и там до кончины своей угождал Господу. Достигнув совершенства добродетелей, он наследовал пространное жилище в Царстве Небесном. Память его 26 (13) декабря.

Преподобный Руф затворник

Преподобный Руф служил примером для постников и трудолюбцев. По обычаю иноческому, вручивши себя Христу, он всей душой старался угодить Ему постом, молитвой, послушанием, подвигом затворничества и прочими иноческими трудами, а потому день ото дня он возрастал в добродетелях и благоугождении, преходя от силы в силу. Память его 21 (8) апреля.

Преподобный Вениамин

Преподобный Вениамин в мирской своей жизни был купцом и имел много богатств. Однажды, слушая внимательно церковное богослужение, услышал он псаломское слово: *погубиши вся глаголющая лжу (Пс.5:7)*, – и в тот час, относя эти слова к себе, сказал: если Господь Бог погубит глаголющих лжу, то погубит и купцов ложных, а кто из купцов может сказать, что он никогда не говорил лжи? Потом в другой раз услышал он Евангельское слово: *неудобь богатии в Царствие Божие внидут (Лк.18:24)*. Размышляя об этом изречении Господа, он решился раздать все свое имение нищим и на благоустроение храмов Божиих. А сам присоединился к нищим в духе преподобным отцам Печерским, и, сделавшись иноком, угождал Господу Богу до конца своей жизни постом, молитвой, нищетой и послушанием. Достигши блаженной кончины, он перешел от земли на небо к подвигоположнику Христу, получив от Него венец и мзду вечной награды. Память его 26 (13) октября.

Преподобный Феофил, архиепископ Новгородский

По кончине святого Ионы в 1471 году, 5 декабря, избран был по жребию на святительское место в Новгород и Псков протодиакон и ризничий Отенской пустыни Феофил, и в 1472 году, 15 декабря, хиротонисан в Москве в сан архиепископа. Трудно было сему святителю управлять своей паствой. Посадница Марфа Борецкая и приверженцы ее вооружали народ против великого князя Иоанна, а монах Пимен, друг Борецких, сеял ненависть к архиепископу. Некоторые из мятежников хотели отдать Новгород под покровительство Литвы, изменив Государю Московскому и пытаясь поколебать веру своих праотцев. Святой Феофил остановил буйных: «Или не изменяйте Православию, – говорил он им, – или не буду пастырем отступников, но иду назад в смиренную келию, откуда извлекли вы меня на позорище мятежа». Ослепленный народ не внимал словам пастыря. Война возгорелась. Неоднократно разбитые новгородцы принуждены были просить пощады, и святитель Феофил сделался их заступником. Ему обязаны многие новгородские бояре освобождением из темниц литовских. В 1478 году он тщетно убеждал князя снять осаду, но Иоанн вошел в Новгород. В 1480 году, 19 января, говорят,

святитель Феофил был сменен будто бы за тайную связь с Литвой и прислан в Москву в Чудов монастырь. Но он мог и сам проситься туда на покой, видя много смут в Новгороде. В 1485 году он опасно заболел. В то время явился ему во сне преподобный Нифонт, епископ Новгородский, и сказал: «Ты обещал поклониться святым Печерским, но не исполнил обещания, – за то Господь сократил лета жизни твоей. Разве не знаешь, что не исполнивший обета Богу, не увидит лица Божия». Посему Феофил велел везти себя больного в Киев. Но когда приехали к Днепру, явился ему Господь и, возвестив ему кончину, обещал принять его душу к Себе, повелевая, чтобы тело его было положено в пещере. После сего святой Феофил скончался. Тело его нетленное в осмоленной колоде приплыло под Печерский монастырь и здесь положено в пещере. Память его 8 ноября (26 октября).

Преподобный Мартирий диакон

Преподобный Мартирий за свою великую чистоту и постнические подвиги сподобился дара чудотворения от Бога. За кого он молился пред Богом, стоя на амвоне, того Господь миловал, и каждый получал то, о чем преподобный просил: или здравие, или исполнение какого-либо доброго намерения. Святой Мартирий был страшен бесам. Он изгонял их из людей своею молитвой. По долгих подвигах и трудах иноческих он переселился душой к Богу, Которому служил, а мощи его почивают в пещере. Память его 7 ноября (25 октября).

Преподобный Евфимий иеросхимонах

Преподобный Евфимий жил чисто и безмолвно и подражал иноческим добродетелям преподобных. Часто с великим благоговением приносил он бескровную жертву и своими всегдашними молитвами достиг духовного общения и собеседования с Ангелами. А когда облекся в схиму, тогда, предавшись подвигу безмолвия, ни с кем ни о чем не беседовал. Одна молитва в церкви и келии была в его устах. Также никакой пищи, приготовляемой на огне, он не вкушал, а довольствовался одним зелием. И ныне пищей райской неоскудно наслаждается и с Ангелами немолчно славословит Бога и молится о нас. Память его 2 февраля (20 января).

Преподобный Кассиан затворник

Преподобный Кассиан смирял себя пред всеми, был весьма послушлив, трудолюбив и постник. Святым послушанием он заставил бесов исповедать, как много есть иноков в Печерском монастыре, которые могут изгонять бесов, и как демоны боятся святых Печерских. Затвор в пещере был завершением его подвигов. Память его 13 марта (29 (28) февраля).

Преподобный Пиор затворник

Преподобный Пиор отличался постом и трудолюбием, и в этом служил примером для постников и трудолюбцев. Не желая взирая на прелесть и суету мира сего, он затворился в темной пещере и там подвизался в беспрестанной молитве, откуда достиг света невечернего. Память его в сырную субботу.

Преподобный Пафнутий затворник

Преподобный Пафнутий затворник, принявши иночество, непрестанно плакал. Он всегда представлял в своем уме тот час, когда, при разлучении души с телом, окружают человека Ангелы и духи злобы, покажут человеку дела добрые и злые, напомнят ему о всех его делах, мыслях и желаниях, о том, что он забыл и чего не считал за грех. Страшное время для грешника, время разлучения души с телом! Об этом преподобный размышлял, плакал и вздыхал всю свою жизнь. Но *блажени плачущии, яко тии утешатся* (Мф.5:4). И преподобный Пафнутий при кончине своей увидел лики ангельские, которые, принявши его душу, вознесли ее на небо. Память его 28 (15) февраля.

Преподобный Иосиф многоболезненный

Преподобный Иосиф, много лет находясь в болезни, обещал до смерти служить в Печерском монастыре, если Господь Бог дарует ему исцеление. Господь услышал его молитву и даровал ему здравие. Посему, придя в Печерский монастырь, он принял на себя иноческий образ и до смерти усердно подвизался и угождал Богу постом, молитвой, и братии служил своим послушанием. Память его 17 (4) апреля.

Преподобный Дионисий, священник и затворник

Об этом святом отце упоминается кратко в Патерике Печерском, в сказании о чуде, бывшем в пещере на святую Пасху 1463 года, именно говорится следующее: при благочестивейшем Киевском князе, Симеоне Александровиче Олельковиче, и брате его, князе Михаиле, и при блаженном архимандрите Николае, управлял пещерой некто из братий священноинок Дионисий, называемый Щепа. Он вошел на Великий День святой Пасхи в пещеру преподобного Антония, чтобы покадить тела усопших святых. Придя на место, называемое общиной, или трапезой, и покадивши, он сказал: «Святые отцы и братие! Сегодня есть Великий День, Христос воскрес!» И тотчас отвечал ему от всех святых мощей голос, как гром: «Воистину воскрес!» После такого чуда блаженный Дионисий остальное время своей жизни провел в затворе и, угодив Богу совершенно, по смерти причтен Им к лику святых. Память его 16 (3) октября.

Преподобная Евфросиния, игумения Полоцкая

Преподобная Евфросиния до крещения называлась Предиславой и была дочерью Святослава-Георгия Всеволодовича, князя Полоцкого, правнука святого равноапостольного князя Владимира. Сия княжна, по крещении своем, с юных лет посвятила себя изучению и познанию Священного Писания и писаний отеческих. Везде распространялись вести о ее премудрости и красоте. Но, умудренная свыше, она отвергла все блага мира, отдав себя, постригшись в монашество, на служение Богу. Евфросиния жила сперва при Софийской церкви в Полоцке, списывая священные книги и разделяя полученную за это мзду с нищими. Потом переселилась она близ Полоцка на сельцо, где соорудила каменную церковь и доньне существующую, и учредила женский монастырь, куда поступила в монашество и родная сестра ее Горислава, в инокинях Евдокия, а также одна двоюродная сестра и две племянницы. Потом соорудила другую каменную церковь Пресвятой Богородицы и основала при ней мужской монастырь, в который пожертвовала присланную ей от императора Константинопольского Мануила и Патриарха икону Пресвятой Богородицы, писанную евангелистом

Лукой и находившуюся в Эфесе. Желая посетить святыя места, Евфросиния с братом своим Давидом отправилась в Палестину и, поклонившись там Гробу Господню и прочим святыням, она молила Господа, да сподобит ее скончать дни свои в Иерусалиме. Господь услышал ее молитвы. Она переселилась в вечныя обители святых 1170 года 23 мая и погребена в общежительном Иерусалимском монастыре преподобного Феодосия, в храме Пресвятой Богородицы. При завоевании Иерусалима Саладином нетленные мощи ее были перенесены в Киев и положены в пещере преподобного Феодосия. Память ее совершается 5 июня (23 мая).

Преподобный Лукиан священномученик

На одной древней доске с иконой святого написано, что «Лукиан священномученик пострадал от Батыя около 1243 года». Более о нем ничего неизвестно. Память его 28 (15) октября.

Преподобный Феодор молчаливый

Преподобный Феодор именуется молчаливым, ибо, кроме многих иных подвигов, отличался особенно молчанием. Молчание было для него путем к всегдашнему богомыслию, средством к тому, чтобы ум его не развлекался ничем земным, чтобы его язык ни в чем не согрешал. Таким житием он угодил Господу и получил от Него дар чудотворения, который и теперь являет над приходящими с верой и поклоняющимися его святым мощам. Память его совершается 2 марта (17 февраля).

Преподобный Анатолий затворник

Преподобный Анатолий, затворившись в пещере, старался, подобно прочим преподобным отцам Печерским, угождать Господу постом и молитвой. Его нетленное тело поживает в пещере и прославляется чудными исцелениями. Память его 16 (3) июля.

Преподобный Мартирий затворник

Особенности жизни и подвигов святого Мартирия неизвестны. Память его 7 ноября (25 октября).

Часть мощей св. младенца, от Ирода за Христа убиенного

Мощи эти принесены в Лавру в 1620 году Иерусалимским патриархом Феофаном. Память младенцев, за Христа убиенных Иродом, празднуется 11 января (29 декабря).

Послесловие

Сверх того в сих пещерах есть мироточивые главы неизвестных святых, коих числом тридцать одна, и одна источающая миро голень.

Всех святых открыто почивающих в Феодосиевой пещере с младенцем, от Ирода убиенным, тридцать три, находятся в затворах тринадцать. Общая память Собора всех преподобных, почивающих в Дальних пещерах, совершается 28 августа.

Таковы краткие сказания о святых отцах Дальних пещер. Они поучительны для всякого. Святые отцы своею жизнью показали пример различных добродетелей. Так, преподобный Лонгин прославился подвигом послушания при хранении врат, Игнатий – добрым пастырством и благоговейными священнодействиями, Силуан – чистотою, Агафон и Григорий – постническою жизнью, Ипатий – служением болящим, Паисий и Меркурий – взаимною братскою любовью, Лаврентий и другие затворники – великим безмолвием, молчанием и молитвою, Моисей и Сисой – умерщвлением страстей плотских, Иларион, Захария и Кассиан – победою над нечистыми духами, Памво и Лукиан – страданием за Христа, Арсений и Пимен – трудолюбием, Леонтий и Геронтий – служением в должности клириков, Павел – послушанием, Феодор, князь Острожский, – ревностью по вере, Аммон – посещением святых мест, Мардарий – великим нестяжанием, Вениамин, богатый купец, – нищелюбием, Иосиф – молитвою и упованием на Бога в болезни. Подобным образом и прочие святые отцы показали пример или смирения, или безропотного послушания, или поста, а все вместе – всегдашних молитв и благоугождения Богу. При всем таком разнообразии своих подвигов и благодатных дарований святые отцы Дальних пещер во многом сходны добродетелями с отцами Ближних пещер. Так, в тех и других есть хранители врат (Никола и Лонгин), постники (Пимен, Захария и прочие), терпеливые в болезнях (Пимен и Иосиф), послушливые (Сергий и Павел), священномученики (Кукша и Лукиан),

затворники, молчальники (Онуфрий, Феодор и Евфимий), чудотворцы (Григорий, Агафон и др.), целebники (Дамиан, Агапит, Ипатий и Панкратий), прогонители злых духов (Григорий чудотворец, Иларион и прочие), делатели плача (Афанасий и Пафнутий), победители плотских страстей (Моисей Угрин, Иоанн Многострадальный и Сисой схимник). Так и прочие святые отцы обеих пещер имеют между собою духовное единение. Ибо все они духовные чада и подражатели подвигов и жизни общих своих наставников и первоначальников, преподобных Антония и Феодосия Печерских.

Святые мощи Печерских отцов проявляют над приходящими к ним с верой многочисленные и разнообразные действия Божией благодати. В пещерах, в общении со святыми, мы получаем различные дары милости Божией, можем обрести успокоение духа нашего, возмущаемого разными искушениями, всевозможными житейскими бедствиями, страстями. Там готово для нас исцеление язв греховных, болезней многих. И кто не испытал духовной пользы при посещении святых угодников и призывания их! Кто не испытал благодатного просвещения ума, отрады сердца от прикосновения к их святым мощам?! Много есть людей, которые, получив всяческие милости от Бога чрез Его святых Печерских угодников, хранят об этом благодарственную память в своем сердце и прославляют их словом и делом в течение всей своей жизни. Благоговейное посещение святых угодников Печерских переносит нас в иной, неземной мир, делает нас лучшими, освящает душу и тело и приводит в тесное духовное единение со святыми и с Самим Богом. Любой человек, спускающийся в святые пещеры, где почивают преподобные Печерские отцы, выйдет оттуда преобразенным, иногда сам не замечая этого.

Молитвами святых угодников Твоих, Антония и Феодосия, и прочих чудотворцев Печерских, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй и спаси нас, аминь.

Примечания

- ¹ - Ныне Ближние пещеры.
- ² - Евстратий означает по-гречески «добрый воин».
- ³ - Киноник (греч.) – причастный стих.